

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

І ю л ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

Е В Р Е Й К А .

(Изъ преданій).

Въ былые дни, въ одномъ изъ городовъ
Испаніи, еврейка проживала;
Приютомъ ей служилъ убогій домъ
Почти въ концѣ пустыннаго предмѣстья.
Жила она совсѣмъ одна; ни съ кѣмъ
Не зналася; единственной отрадой,
Единственнымъ блаженствомъ было ей—
Боготворить ребенка-сына, съ бѣлыми,
Какъ снѣгъ, лицомъ, глазами, точно бархатъ,
Кудрями мягче шелка...

Жизнь свою

Вела она спокойно, посвящая
Весь день труду. Религія ея
Въ сосѣдствѣ никому не причиняла
Тревогъ и опасеній; съ дня того,
Когда она сюда переселилась.
Изъ дальнихъ странъ, тая въ душѣ своей

Безвыходное горе, твердо бѣдность
 Переноса и робко сторонясь
 Отъ всѣхъ людей—никто и не подумалъ
 Разузнавать, преслѣдовать...

Пять лѣтъ

Прошло съ тѣхъ поръ; но не закрылась рана
 Сердечная въ несчастной: не могла
 Она забыть, какъ на кострѣ свирѣпомъ
 Великой инквизици погибъ
 Любимый мужъ; и въ тотъ же день ужасный.
 Исполненная страха, что грозить
 И ей самой, и сыну та же участь,
 Свой край родной покинула она
 Для чуждаго. И здѣсь, сосредоточивъ
 Всю жизнь души, всю нѣжность, счастье все
 На маленькой головкѣ дорогаго
 Созданія, считала ужь себя,
 Спасенною...

Но вѣра охраняла

Своихъ дѣтей—и Германдадь святой
 Почуялъ вдругъ, что тутъ костромъ запахло,
 Въ томъ городѣ, гдѣ бѣдная нашла
 Себѣ пріютъ, онъ водворилъ усердныхъ
 Дѣльцовъ своихъ, и слугъ, и палачей.
 Но городъ былъ невинный и спокойный,
 И доблестнымъ религія жрецамъ

Пришлось сидѣть безъ дѣла цѣлый мѣсяць!
 Не „дѣло“ же такія, напримѣръ,
 Бездѣлицы, какъ наложенъ штрафъ
 На дюжину-другую бѣдняковъ
 За пропуски обѣдни; или ничтожный
 Арестъ за то, что добрый гражданинъ
 Почтительно не преклонилъ колѣна
 Предъ образомъ Мадонны... Это все—
 Такой пустякъ! Святому Германдаду
 Желательно и нужно что нибудь
 Серьезнѣе, цѣннѣе!.. И агенты
 Уже совсѣмъ поприуныли—вдругъ
 Одинъ изъ нихъ, талантливѣе прочихъ,
 Великое открытiе совершилъ:
 Замѣтилъ онъ, что каждую субботу
 Еврейка уводила далеко
 Свое дитя; что въ пятницу, чуть только
 Потухнетъ день, она кончаетъ всѣ
 Занятiя, спѣшитъ принарядиться
 И освѣтить лачужку... А межъ тѣмъ
 Она же чтить и день воскресный—(съ цѣлью
 Не навлекать со стороны своихъ
 Фанатиковъ-сосѣдей подозрѣнья...)
 Два праздника подъ рядъ!.. Тутъ что-то есть
 Неладное и темное!..

Почувявъ

Обильную добычу, мудрый сонмъ

Святыхъ отцевъ, не торопясь, искусно
 Опутывать еврейки дѣмивъ сталь
 Невидимую сѣтью; донытались,
 Что тамъ ѣдятъ; узнали, что она
 Постилася однажды три дня сряду,
 Въ другой-же разъ—о ужась!—прѣсный хлѣбъ
 Себѣ пекла! Да, прѣсный!.. Ересь, ересь!..
 И наконецъ извѣстно стало имъ,
 Что никогда она не покушала
 Себѣ свины!.. Чего-жъ еще? Какихъ
 Еще уликъ?..

И вотъ они схватили
 Несчастную съ ребенкомъ, и къ судѣ
 Доставили находку... Вѣдь еврейка,
 Еврейка настоящая! Какой
 Чудесный кладъ!..

Три дня въ темницѣ грязной
 Ихъ голодомъ морили. Устремивъ
 Взглядъ чудныхъ глазъ безмолвно и печально
 На мать свою, ребенокъ будто ей
 Хотѣлъ сказать: „да что-же приключилось
 Ужаснаго, что голодаю я,
 Когда *ты* здѣсь?..“ На дорогаго сына
 Страдалица смотрѣла, и въ тоскѣ,
 Въ отчаяньи ломала руки... Боже!
 Да неужли найдется существо

Столь звѣрское, чтобъ осудить на пытку
Невиннаго младенца?.. Было ей
Однакоже извѣстно, что жала
Не допускать заблудшихся коснѣть
Въ безвѣрн, судилище святое
Охотно отправляло въ небеса
Безгрѣшныя младенческія души...
И, полная невыразимыхъ мукъ,
Несчастная старалась улыбаться
И съ нѣжностью шептала: „Милый сынъ,
Не бойся! мы домой вернемся скоро!“
Но онъ смотрѣлъ съ сомнѣніемъ такимъ
Въ ея глаза, что бодрость пошатнулась
Въ ея душѣ. „Насъ слышать могутъ здѣсь,
За этими стѣнами—прошептала
Она ему;—не будемъ говорить“.
Молчаніе такое было легче
Для матери, чѣмъ лживыя слова,
Сулившія надежду...

Скоро стали

Водить ихъ въ судъ; почтеннымъ судьямъ былъ
Нелегкій трудъ—построить обвиненье,
Какъ слѣдуетъ, на фактахъ; предстоитъ—
Признаніе конечно вызвать пыткой,
А сжечь ее успѣютъ и потомъ!
Но какъ они безвѣрно изумились,
Когда она не стала ничего

Опровергать, и прямо и смиренно
 Созналась имъ. Да и въ чему бы ей
 Упорствовать? Надежды на спасенье
 Нѣтъ никакой; желаніе одно
 Въ ея душѣ: освободить отъ смерти
 Свое дитя—и умереть самой,
 Какъ умерли отецъ, и мужъ, и братья!..
 Во всѣхъ грѣхахъ она созналась. Но
 Когда судья ей предложилъ отречься
 Торжественно отъ вѣры предковъ—въ ней
 Проснулись вдругъ энергія и воля.
 „Нѣтъ, никогда!—воскликнула она;—
 У насъ въ семьѣ всё слѣдовали свято
 Еврейскому закону; въ немъ и я
 Какъ родилась, такъ и умру еврейкой!“
 Ну, если такъ, что голову ломать!
 Одинъ судья, мужъ опытный и мудрый,
 Тотчасъ рѣшилъ: „Волчицу надо съечь—
 И не одну: съ волченкомъ. А иначе
 Черезъ десять лѣтъ опять вѣдь строй костеръ
 И для него, погананаго отродья!
 Притомъ же онъ покамѣстъ разведетъ
 Здѣсь въ городѣ и самъ жидовъ проклятыхъ...
 Такъ ужъ заразъ не лучше-ль кончить намъ?
 Вѣдь чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!“

Согласились

Съ прагматическимъ рѣшеніемъ судьи всѣ

Почтенные. Еврейка замирала
 Отъ ужаса и скорби, взглядъ вперивъ
 Въ свое дитя... О, звѣри, неужли-же
 Не тронуть васъ ни эта красота
 Небесная, ни этотъ нѣжный возрастъ,
 Ни чистота нетронутой души—
 Ничто, ничто!..

И вдругъ въ умѣ несчастной
 Мелькнула мысль—она спасетъ его,
 Онъ будетъ живъ!—„Ребенокъ этотъ, суды,—
 Христіанинъ!“ воскликнула.—„Ты лжешь!
 Ты лжешь! Твой сынъ?..“ И медленно, и глухо—
 „Онъ мнѣ не сынъ!“ отвѣтила она.

Но страшное сомнѣніе терзало
 Страдалицу: „Имѣю-ль право я
 Такъ поступить? Имѣю-ль право, Боже,
 У твоего закона отымать
 Дитя того, кто былъ слугою вѣрнымъ
 Религіи и за нее погибъ,
 Какъ мученикъ?..“

Была одна минута,
 Когда она рѣшилась взять назадъ
 Свои слова... Но взоръ ея на сына
 Въ тотъ мигъ упалъ... О, Господи! Отдать
 Огню костра всю эту нѣжность, прелесть,
 Невинность!.. Нѣтъ!.. Крикъ слабости въ себѣ

Убила мать—и судьи слышать снова
Холодные слова: „ошь мнѣ не сынъ!“
„Родимая!—воскликнуть мальчишь нѣжно,—
Я твой Мигель, дитя твоё!..“ Она-жъ
Отворотясь, но холодно и строго
Показывала судьямъ: „Я его
Похитила въ Севильѣ, въ самомъ раннемъ
Младенчествѣ...“—„Съ какою-жъ цѣлью ты
Похитила ребенка?“ инвизиторъ
Ее спросилъ.—Она смутилась: „Я...
Несчастіе тогда имѣла... сына
Роднаго потерять...“ И по лицу
Уградкою одна слеза скользнула—
И смолкнула несчастная...

Суду

Святая ложь налегую работу
Доставила; исторіи такой
Мудренѣйшей повѣрить затруднялись
И самые ретивые... Въ тюрьму
Свели ихъ вновь,—и здѣсь, когда остались
Они вдвоемъ, дитя, припавъ на грудь
Родимую, рыдая, повторяло:
„Мать, я твой сынъ!“

А мученица-мать.

Терзаемая страхомъ, не посмѣла
Ему сказать: „дитя мое!“ прижать

Къ своей груди, кудрявую голову
 Осыпать поцѣлуями... „Нѣтъ, нѣтъ!—
 Съ отчаяннымъ усиленіемъ повторила
 Несчастная;—нѣтъ, я тебѣ не мать...
 Мой сынъ... родной... давно, давно ужъ умеръ...
 Ты мнѣ чужой... тебя украла я...
 Когда ты былъ еще груднымъ ребенкомъ...
 Ты сирота... мать умерла твоя...
 Но... но, Мигель... когда христіаниномъ
 Ты будешь жить... порою вспоминай
 И обо мнѣ... вѣдь я тебя любила,
 Лелѣяла...“

Ребенокъ все рыдалъ,
 И крикъ его: „я сынъ твой, сынъ! я крѣпко
 Люблю тебя!“—вонзался въ сердце къ ней
 Какъ острый ножъ. Но вынесъ злую пытку
 Геройскій духъ—и съ тайною своей
 Осталась мать...

Мучительно, жестоко

Тянулась ночь... но вотъ свѣтаетъ... вотъ
 У двери шумъ... По долгомъ размысленіи,
 Почтенный судъ, признавши, что разсказъ
 Невымысленъ, явился въ полномъ блескѣ,
 Съ хоругвями, крестами—взять дитя
 Изъ гнусныхъ рукъ. „Позвольте мнѣ проститься—
 Въ послѣдній разъ поцѣловать его“,

Просила мать.— „Прочь!—кривнулъ египтистъ;—
 Твое прикосновеніе осквернитъ
 Спасенную невинность христіанской
 Младой души, воскреснувшей для насъ!..
 Проклятая жидовка! На колѣни!
 И у него за твой великій грѣхъ
 Проси, моли прощенья!“

И еврейка

Подвижница, колѣни преклонивъ,
 Лишаясь чувствъ, глаза поднявши къ небу,
 Произнесла: „прости меня, прости!..“

И двинулись отцы святые съ пѣньемъ
 Торжественнымъ; но долго не могло
 Оно покрыть отчаянные вопліи
 Несчастнаго ребенка...

Наступилъ

Желанный день. Костеръ во славу Бога
 На площади воздвигнуть; отъ толпы
 Проходу нѣтъ—всѣ жаждутъ видѣть бару
 За страшный грѣхъ. А межъ духовныхъ лицъ,
 Весь въ бѣлое одѣтый, на почетномъ
 Сѣдалищѣ, ребенокъ помѣщенъ,
 Вновь церковью святою обрѣтенный...
 Такъ странно все, такъ дико для него!
 Съ такимъ тупымъ, безмолвнымъ изумленьемъ

Кидаеть онъ оторопѣлый взглядъ
Вокругъ себя...

Но вотъ заколыхалось
Все сборище—и мальчикъ падали
Увидѣлъ мать... Изнеможеннымъ шагомъ,
Держа въ рукѣ зажженную свѣчу,
Съ веревкою на шеѣ, низко-низко
Склонивъ главу, шла жертва... Онъ вскочилъ.
Какъ раненый, съ ужаснымъ, дивнымъ крикомъ.
Рванулся къ ней—и въ жилахъ у нея
Застыла кровь... Безчувственные звѣри,
Чудовища! Иль недовольно вамъ
Тѣлесныхъ мукъ? Вамъ хочется и сердце
Въ ней истерзать, заставивши ее
Свое дитя увидѣть *здѣсь*—увидѣть
Свидѣтелемъ ужасной казни!...

Онъ

Все рвался къ ней, отчаянно боролся
Съ преградами... И стало страшно ей.
«Его убьютъ!» мучительно мелькнуло
Въ ея умѣ—и, отвративъ лице,
Она прошла холодная, нѣмая,
Предъ дорогимъ ребенкомъ... Приговоръ
Прочитанъ вслухъ; палачъ, зажженный факель
Держа въ рукѣ, приблизился... и тутъ
Поднять глаза страдальца рѣшилась.

Предъ нею сынъ... Не вида и слѣда
 Въ ея глазахъ ни материнской скорби,
 Ни нѣжности, онъ говорилъ себѣ:
 «А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ правда—
 Ея слова, и въ самомъ дѣлѣ я
 Для ней чужой!»... И тягостнымъ сомнѣньемъ
 Подавленный, въ отчаяньи, найти
 Старался онъ въ своихъ воспоминаньяхъ
 Другую мать... А церковь между тѣмъ
 Торжественно привѣтствовала подвигъ
 Побѣдный свой!.. И изнемогъ тогда
 Геройскій духъ. Въ предсмертной страшной муцѣ
 Поднявъ глаза, еврейка позвала
 Свое дитя. И въ этомъ взглядѣ правду
 Великую прочелъ онъ... «Мать моя!»
 Раздался крикъ... А пламя разгоралось
 Сильнѣй, сильнѣй... И испустила духъ
 Подвижница—съ утѣшенной душою,
 Счастливая, забывшая...

Но сынъ

Не позабылъ... Остался онъ евреемъ.

Петръ Вейнбергъ.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ.

(Быль).

Грустная история, составляющая предмет настоящего очерка, не есть продукт творческой фантазии художника, не авторский вымысел. Это, къ сожалѣнію, правдивое сказаніе, ничего общаго не имѣющее съ беллетристическимъ произведеніемъ. Это—страничка, случайно вырванная изъ длиннаго ряда повѣствованій о мученическомъ житьѣ-бытьѣ страстотерпцевъ, созданныхъ необузданной фантазіей свирѣпаго Аракчеева и его послѣдователей. Это—быль, въ возможность которой наши ближайшіе потомки врядъ-ли повѣрятъ, но тѣмъ не менѣе тяжкая, давящая быль, рассказанная человѣкомъ, вынесшимъ ее на своихъ плечахъ. Простой, безъискусственный рассказъ бывшаго кантониста, непредназначенный для печати, мы передаемъ по возможности полно, насколько память дозволяетъ, со стенографическою точностью.

Если этотъ рассказъ произведетъ на читателя такое же впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на слушателя, то моя задача будетъ вполне достигнута.

I.

Почтовый поѣздъ только что вышелъ изъ мрачныхъ нѣдръ огромнаго столичнаго вокзала. Пассажиры отыскиваютъ свои мѣста, усаживаются, приводятъ въ порядокъ плэды, подушки, ручной багажъ, закуриваютъ папирсы, вынимаютъ газеты и книжки. Въ головѣ еще не улегся шумъ отъ вокзальной суеты, вызванной бѣготней въ массу, покупкой билета, отыскиваніемъ

подходящаго мѣста, спѣшными прощаніями, лобзаніями, рукопожатіями на ходу. Наконецъ все приведено въ порядокъ, пассажиръ озирается кругомъ, прилаживается къ новой обстановкѣ и начинаетъ внимательно разсматривать пестрый составъ вагонной публики.

На повѣрку выходитъ, что публика все чистая, элегантная, хоть куда. Демократическихъ вагоновъ 3-го класса въ почтовомъ поѣздѣ не полагается. Преобладаютъ вагоны 1-го класса; 2-й классъ обрѣтается въ меньшинствѣ. Поѣздъ заграничный, публика наполовину состоитъ изъ настоящихъ иностранцевъ, наполовину—изъ такъ-называемыхъ «коренныхъ» и полукоренныхъ. Съ приближеніемъ къ каждой новой станціи, русскій элементъ очевидно слабѣетъ, замѣняясь нерусскими путниками. Въ нашемъ вагонѣ, кажется, не было ни одного истаго россиянина. Вотъ рядомъ со мной помѣстился чахлый грекъ, родомъ съ острова Корфу. Онъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ съ разными проектами и розовыми надеждами на быстрое обогащеніе, а теперь возвращается на родину съ отощавшимъ кошелькомъ, несомнѣнными признаками злой чахотки и въ сопровожденіи ревнивой, восьмипудовой Ксантиппы. Онъ ни слова не говоритъ по русски; кромѣ своего роднаго языка, онъ недурно изъясняется по-итальянски, ругательски ругаетъ своихъ соотчичей и единовѣрцевъ — грековъ и кацаповъ — надувавшихъ его на каждомъ шагу въ негостепріимной столицѣ, по его словамъ, кипящей сплошь мазуриками.

— O, Dio mio, quanto ci sono birbanti in questo maladetto Pietroburgo!—постоянно восклицалъ этотъ злосчастный потомокъ Алкивиада.

Вотъ, по другую сторону, уѣлся самодовольный нѣмецъ съ лоснящимся лицомъ, гладко выбритымъ двойнымъ подбородкомъ и неизбѣжной зловонной сигарой. Этотъ не жалуется на Россію, какъ грекъ. Напротивъ, онъ ею очень доволенъ. Его дѣла въ отличномъ положеніи, а самъ онъ лѣзетъ въ ширь. Хотя онъ говоритъ какимъ-то смѣшаннымъ нѣмецко-русскимъ языкомъ, но русскій ругательный лексиконъ онъ изучилъ основательно, повторяетъ его отчетливо и съ видимымъ удовольствіемъ.

Самымъ молчаливымъ пассажиромъ нашего вагона оказался,

къ моему крайнему изумленію, французъ, по виду не то *comptis voyageur*, не то прогорѣвшій содержатель загороднаго кафе-шантана. Но за то шумѣли представители польскаго элемента, обладавшіе такими разнообразными голосовыми средствами, которымъ бы навѣрное позавидовалъ регентъ любого хора пѣвчихъ. Эти господа все время трещали, какъ сороки, перебивая другъ друга, наполняя вагонъ пѣвучими звуками пріятнаго варшавскаго говора.

— Тшеба пану вѣдзиць, — началъ было одинъ солидный мужчина, но его моментально обрываетъ окрикъ другаго собесѣдника:

— Якъ ци кохамъ, пане Болеславе, же не може...

— Але, дай панъ покой, коханий пане Зыгмундзе... вмѣшался третій.

— Слухай но, Стасю, чи можешь мнѣ даць... кричалъ четвертый.

— Пане Эдмундзе добродзѣю, повядамъ ци, же то остатній драбъ, надрывался тщедушный брюнетикъ, съ виду похожій на ощипанную курицу.

Странное дѣло! Чѣмъ больше я велушивался въ этотъ кагальный гомонъ, тѣмъ болѣе закрадывалось сомнѣніе въ принадлежности крикливыхъ пановъ къ потомкамъ сподвижниковъ Яна Собѣскаго. Нѣтъ, настоящіе «ляхи» говорятъ гораздо тише, медленнѣе, да и вообще ведутъ себя въ незнакомомъ обществѣ несравненно сдержаннѣе. Тутъ что-то не ладно, думалось мнѣ. И тема для разговоровъ совершенно не подходитъ къ извѣстному шаблону панской рѣчи, и развязность собесѣдниковъ какая-то исключительная, невольно бросающаяся въ глаза. Не говорятъ они ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни объ охотѣ, ни о политикѣ, ни даже о женщинахъ. Все больше препираются о хорошихъ сигарахъ, да о какихъ-то невѣдомыхъ дѣятеляхъ конторскаго міра. Зародившееся сомнѣніе въ происхожденіи моихъ шумливыхъ вагонныхъ сосѣдей отъ старо-польской бритоголовой шляхты получило особую силу, когда, въ теченіи разговора, случайно произносились фамиліи спорщиковъ. Оказалось, что фамилія достопочтеннаго «пана Эдмунда добродзѣя» была — панъ Пипернутерь. Зачѣмъ произносились не менѣе благозвучныя фамиліи, въ родѣ: Лэкехманъ, Яхенфластеръ,

Туртлаубъ, Фатермилхъ, Каценштейнъ, Ицекзонъ — словомъ, все несомнѣнные отпрыски чисто-славянскихъ прародителей. И ни одного шедринскаго Свербилло-Пржемпоржецкаго или Кшешпиццольскаго въ этой почтенной компаніи! Съ грустью пришлось мнѣ убѣдиться въ томъ, что ближайшіе предки всѣхъ этихъ «Болеславовъ» и «Зыгмунтовъ» хотя, навѣрное, и брили головы, но щеголяли не въ кунтушахъ и конфедераткахъ, а въ прозаическихъ лапсердакахъ и въ шлепанцахъ.

Лишь одна крупная фигура, сидѣвшая въ самомъ углу, обратила на себя особое вниманіе. Трудно было сказать, къ какой національности принадлежалъ этотъ высокій плечистый здоровякъ. Это былъ типъ западнаго фабриканта, крупнаго промышленника француза-рантѣе, терзаемаго лишь одной страстью — получить орденскую ленточку Почетнаго Легіона или попасть въ мэры роднаго города. Словомъ, это былъ настоящій, такъ называемый «сытый буржуа». Именно сытый. Сознаніе этой «сытости», полнѣйшей матеріальной обезпеченности, избавляющей человѣка отъ мучительныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, сказывалось во всей его внѣшности. Онъ не курилъ, а скорѣе смаковалъ хорошую сигару, не то что нѣмецъ, сосавшій свою гробовую Regalia. Все на немъ было точно съ иглочки, цилиндръ, съ которымъ онъ почти не разставался, пальто съ настоящимъ бобровымъ воротникомъ, а не крашеннымъ, массивная золотая цѣпочка часовъ, и эти перстни чуть ли не на каждомъ пальцѣ — все это, казалось, вопіяло о своей принадлежности человѣку, который, въ любую минуту, готовъ былъ засвидѣтельствовать всенародно, что онъ сытъ, по горло сытъ и ни въ комъ не нуждается. Съ перваго раза, онъ своею внѣшностью мнѣ напомнилъ извѣстнаго всему Петербургу желѣзнодорожнаго дѣятеля Саломатова, — этого крестнаго отца всѣхъ русскихихъ акціонерныхъ компаній и патентованнаго покровителя лучшихъ иноземныхъ кокотокъ. Но, взглянувъ по-пристальнѣе, я замѣтилъ большую разницу между заинтересовавшимъ меня пассажиромъ и типическимъ Саломатовымъ *. Ростъ, фигура, осанка, пожалуй, обликъ, дѣйствительно, напоминаютъ акціонер-

* См. „Дѣльцы“ П. Д. Боборыкина.

наго кумира, но для полноты сходства, моему незнакомцу недоставало самых типических особенностей, характеризующих прожорливого первосвященника Ваала, так удачно нарисованнаго русским романистомъ. Нѣтъ у него необъятнаго саломатовскаго чрева, его хищныхъ, кровью налитыхъ глазъ, какъ будто покрытыхъ волосами, нѣтъ у него, наконецъ, этой развязности, ни этого хриплаго рычанія, ни раскатистаго смѣха столичнаго кутилы-мученика, который относится ко всѣмъ явленіямъ окружающей жизни со стереотипнымъ припѣвомъ:

— Начхать!.. Наплевать!..

Публика все прибывала, въ вагонахъ стало тѣсно. Надо было подумать объ устройствѣ ночлега—не до наблюдений было. Мало-помалу, все угомонилось, каждый прикурнулъ, гдѣ могъ. Разговоры сдѣлались вялыми, собесѣдники, полагать надо, порядкомъ надоѣли другъ другу и разбрелись по разнымъ угламъ. Кое-гдѣ раздались знакомые звуки храпа, и скоро нашъ вагонъ обратился въ сонное царство.

— Кто бы, однако, могъ быть этотъ интересный незнакомецъ?—раздумывалъ я, засыпая подъ мѣрную качку поѣзда, мчавшаго почтеннѣйшую публику за границу.

II.

На другой день, проснувшись рано утромъ, я замѣтилъ, что сосѣди значительно порѣдѣли. Отъ вчерашнихъ пассажировъ осталось всего человѣка два-три, въ томъ числѣ мой незнакомецъ со своимъ фактотумомъ. Здоровьякъ успѣлъ уже принарядиться. Ни малѣйшаго слѣда помятости или утомленія не было на его лицѣ, точно онъ провелъ ночь у себя въ комфортабельной спальнѣ, а не въ спертomъ воздухѣ жарко-натопленнаго вагона. По временамъ, онъ вытаскивалъ изъ-подъ лавки корзинку съ припасами и винами, и уписывалъ за обѣ жирныя щеки куски жареной утки, такъ что со стороны пріятно было смотрѣть на этотъ завидный аппетитъ здороваго крѣпыша. Такъ умѣютъ устраиваться въ дорогѣ только французы. Я рѣшилъ, что мой незнакомецъ-французъ непременно изъ Мар-

сѣли или, вообще, изъ Южной Франціи. Судя по нѣкоторымъ словамъ, долетавшимъ до меня изъ его разговора со своимъ фактотумомъ, должно быть его прикащикомъ, съ которымъ онъ постоянно довольно сдержанно шептался, мнѣ показалось, что онъ именно изъясняется на мѣстномъ patois, не всегда понятномъ даже людямъ, хорошо знающимъ живой разговорный языкъ глубоко симпатичныхъ сыновъ этой belle France.

Помню, на какой-то большой станціи, гдѣ поѣздъ стоялъ довольно долго, я вернулся изъ буфета, не выждавъ даже перваго звонка. Проходя мимо марсельскаго великана, о чемъ-то горячо спорившаго со своимъ спутникомъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ нѣкоторыхъ услышанныхъ мною словъ марсельскаго patois съ нашимъ... совѣстно сознаться.. жаргономъ!.. Конечно, это вздоръ, мнѣ это могло съ перваго раза такъ показаться. Ну, посудите сами, куда французу, да еще изъ Марсели, знать жидовскій жаргонъ, да какой еще жаргонъ? Самый, что ни на есть, пронзительный. Очевидно, это нелѣпость. Такъ я на этомъ и порѣшилъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Опять продолжительная остановка, большой буфетъ, новыя личности, перемѣна декораций, скрещиваніе поѣздовъ и все такое, что нѣсколько разнообразитъ одуряющую тоску поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ. По возвращеніи въ свой вагонъ, моимъ глазамъ представилось слѣдующее зрѣлище. Повсюду на лавкахъ разложены жестяныя коробочки, въ родѣ солдатскихъ манерокъ, публика окружаетъ моего француза, объясняющаго ей *по-русски* устройство этихъ жестянокъ на своей фабрикѣ. Но, Боже, какимъ языкомъ онъ говорилъ! Я такъ и ахнулъ... Этотъ французъ, да еще изъ Марсели, сюсюкаетъ ужасающимъ образомъ, говорить по-русски немногимъ лучше меламеда изъ Свѣнцианъ или Россіенъ. Просто, совѣстно было слушать его разглагольствія о томъ, что онъ не простой фабрикантъ, а «уцонный маштеръ». Вотъ-те и французъ изъ Марсели! Вся иллюзія мигомъ пропала...

Когда первыя минуты неожиданнаго разочарованія, или вѣрнѣе, конфуза миновали, я съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за его толковыми объясненіями изобрѣтеннаго имъ способа изготовленія жестяныхъ коробочекъ для шоколада, мане-

рокъ для водки, за что онъ удостоился получить медаль на московской выставкѣ. Онъ, дѣйствительно, оказался мастеромъ своего дѣла, говорилъ съ увлеченіемъ о своемъ изобрѣтеніи, глаза у него горѣли, прежняго молчаливаго толстяка нельзя было узнать. Онъ былъ въ своей сферѣ, живо отвѣчалъ на всѣ вопросы, предлагавшіеся ему внимательною аудиторіей, заинтересованною бойкимъ рассказомъ о практическихъ выгодахъ его полезнаго изобрѣтенія.

И такъ, я ошибся только въ его національности, спутавъ французскій Марсель съ литовскими Свѣнцианами, но не ошибся въ его общественномъ положеніи. Онъ, дѣйствительно, былъ крупный фабрикантъ, получающій большіе заказы изъ разныхъ концовъ Россіи, имѣющій собственные дома и заводы въ обѣихъ столицахъ, прокармливающій массу рабочаго люда и самъ живущій всласть. Наружность у него вполне располагающая. Видно парень смышленный, съ головой, безъ пронырства или подхалимства, а настоящій работникъ, знающій цѣну и своему таланту и чужому труду.

Мы разговорились и довольно скоро познакомились. Я выразилъ ему свое удовольствіе познакомиться съ соплеменникомъ, занимающимся такимъ полезнымъ трудомъ, который, къ сожалѣнію, мало развитъ въ средѣ русскаго еврейства. Онъ, какъ человѣкъ бывалый, съ своей стороны, тоже не остался въ долгу. Началась безконечная канитель взаимныхъ любезностей. Не обошлось, конечно, безъ консультаціи, что всегда случается, когда знакомятся съ двумя такими житейскими специалистами, какъ медикъ или юристъ. Въ первомъ случаѣ спрашиваютъ совѣты: какое средство употребить противъ зубной боли или геморроя; во второмъ—какъ поступить, чтобы отпарировать кляузу или обрушиться на ближняго съ неожиданной тяжбой. Слово за слово, и мы проболтали эдакимъ манеромъ до сумерекъ.

— Знаете что?—обратился онъ ко мнѣ:—у меня есть къ вамъ одна просьба. Могу я обратиться къ вамъ съ этой просьбой?

— Сдѣлайте одолженіе. Въ чемъ дѣло?

— Изволите видѣть, дѣло нѣсколько щекотливое—замаялся

мой собесѣдникъ.—Это такое дѣло, о которомъ я хотѣлъ бы поговорить съ вами съ глазу на глазъ...

— Но, согласитесь, что здѣсь, въ вагонѣ, это нѣсколько затруднительно.

— Ничуть нѣтъ. Мы можемъ это устроить ночью, когда все пассажиры улягутся. Согласны?

— Съ удовольствіемъ.

Не долго пришлось мнѣ ждать наступленія этого собесѣдованія, обставленнаго такою таинственностью. Усталые путники скоро доставили мнѣ возможность узнать, въ чемъ собственно я могу быть полезенъ богатому фабриканту-домовладѣльцу. Когда послѣдній пассажиръ присоединился къ хору «храповицкихъ», огласившихъ вагонъ своими выразительными аріями, фабрикантъ, красный отъ волненія, усѣлся противъ меня и нетвердымъ голосомъ, какъ-то странно смѣшавшись, повелъ таиную загадочную рѣчь:

— Извините пожалуйста за нескромный вопросъ. Вы постоянно живете въ Петербургѣ?

— Да, постоянно.

— Вы часто бываете въ судѣ?

— Часто.

— Вотъ видите-ли, тамъ разбиралось одно дѣло... одно дѣло... которое.. ужасно интересуется меня.

— Что это за дѣло?

— Какъ бы вамъ сказать? Судили одного отставнаго солдата, изъ евреевъ, за то... за то, что онъ... было принять въ дѣтствѣ православіе, а потомъ, когда вышелъ въ отставку, опять перешелъ въ іудейство.... Присяжные его оправдали.... Вы не были при этомъ?

— Къ сожалѣнію, не былъ, но знаю объ этомъ дѣлѣ, слышалъ отъ товарищей и читалъ въ газетахъ.

— Вы не можете себѣ вообразить—оживился онъ — какъ это дѣло меня волновало. Жалко, что я слишкомъ поздно узналъ о немъ. Еслибъ я зналъ раньше, то бросилъ бы все свои дѣла и прискакалъ въ Петербургъ, чтобы быть свидѣтелемъ на судѣ. Помилуйте, это такое дѣло... такое дѣло... что какъ вспомню о немъ, у меня, просто, голова кругомъ идетъ

— Вы, значить, хорошо знали подсудимаго?

— Никогда его въ глаза не видалъ... Его-то я не знаю, но дѣло я знаю, какъ свои пять пальцевъ. Вотъ гдѣ это дѣло у меня сидитъ!.. И онъ ткнулъ кулакомъ въ свой обширный затылокъ.

— Не понимаю, какое можетъ быть у васъ отношеніе къ этому дѣлу?

— Какъ, какое у меня можетъ быть отношеніе къ этому дѣлу?—вскрикнулъ онъ, задыхаясь.—Кто же ихъ лучше знаетъ, какъ не я? Вѣдь я—бывшій кантонистъ!

— Вы—кан-то-нистъ? прошептала я, совершенно озадаченный этимъ неожиданнымъ признаціемъ.

— Да, кантонистъ... Да знаете ли вы, я такія муки принималъ, что мнѣ подчасъ кажется, будто все это было только во снѣ, а не на яву! Цѣлыя книги можно бы написать о томъ, что я претерпѣвалъ, пока былъ кантонистомъ.

— Какъ же вы спаслись изъ этого ада?

— Самъ не знаю... Богъ спасъ!.. Дѣйствительно я былъ въ аду. Вспомнить страшно.

— Расскажите, пожалуйста,—попросилъ я его, глубоко потрясенный тономъ послѣдней его фразы.

— Извольте. Очень радъ, что вы такъ интересуетесь моимъ прошлымъ. Только позвольте мнѣ говорить съ вами не по-русски, а по нашему. Мнѣ будетъ гораздо легче рассказывать, а то знаете, часто затрудняюсь, прискивая слова.

— Сдѣлайте одолженіе. Я самъ люблю жаргонъ.

И онъ началъ свою скорбную повѣсть, отъ которой меня по временамъ морозъ по кожѣ подиралъ.

III.

«Я—родомъ изъ Жмуди, недалеко отъ прусской границы. Отца я мало помню. Когда онъ умеръ, я былъ совсѣмъ ребенкомъ. Знаю, что онъ былъ сапожникомъ, и послѣ его смерти мать осталась безъ гроша. Благодаря добрымъ людямъ, она кое-какъ устроилась для прокормленія меня и своего сто-лѣтняго

свекра, т. е. моего дѣда. Надо вамъ сказать, что дѣдъ былъ настоящій праведникъ, святой старецъ, однимъ словомъ. Мать любила меня такъ, какъ обыкновенно любятъ единственнаго сына, и дѣдушка баловалъ меня. Росъ я такимъ образомъ тихо, мальчикъ я былъ смиренный, богомольный, учился хорошо, мечталъ сдѣлаться ученымъ раввиномъ, на радость матери и дѣдушкѣ. Когда мнѣ стукнуло уже 13-й годъ и я удостоился пошениа филектерій, то сталъ серьезно готовиться къ ученію; шутка ли, 13-ти-лѣтній парень, чуть-ли не женихъ!

Вдругъ надъ нами стряслась неожиданная бѣда.

Былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Нашихъ брали тогда не то, что 13-ти лѣтнихъ, а подчасъ 7—8 лѣтнихъ, чтобы не сказать грудныхъ младенцевъ. Десяткомъ негодяевъ, обыкновенно ложно присягали, что семилѣтнему младенцу 12 или 13 лѣтъ и—ему забривали лобъ, отправляя въ батальонъ кантонистовъ. Начались всѣ ужасы тогдашней рекрутчины: ловля рекрутовъ, бѣгство, прятки, торгъ людьми. Единственный сынъ, казалось, былъ застрахованъ отъ рекрутчины. Такъ думала матушка, но не такъ думали проклятые «ловцы».

Кому было заступиться за меня? Отца у меня не было, матушка—бѣдная женщина, дѣдъ—100-лѣтній старецъ, полуслѣпой. Меня взяли и сдали въ рекруты, забрали лобъ...

Никогда не забуду сцены прощанія съ дѣдушкой. Онъ рыдалъ какъ ребенокъ, благословляя меня напутственной молитвою. Глубоко врѣзались въ моей памяти послѣднія слова, оказавшіяся пророческими.

— Дорогое дитя, — говорилъ онъ всклипывая, — оставайся евреемъ. Какъ бы тебя ни мучили, оставайся евреемъ. Ты будешь много терпѣть, но ты перенесешь страданія и будешь счастливъ. Очень счастливъ... Помни это!..

Матушка не пережила этого несчастія. Она буквально выплакала свои глаза, ослѣпла и скоро умерла. За нею послѣдовала и дѣдушка. Меня одѣли въ длинную рекрутскую шинель, нахлобучили на глаза черную рекрутскую шапку, безъ козырька, и погнали пѣшкомъ, съ партіей такихъ же несчастныхъ мальчиковъ, какъ я, въ Новгородскую губернію, въ имѣніе Аракчеева, въ военныя поселенія, гдѣ былъ батальонъ кантонистовъ.

Повторяю, цѣлыя книги можно бы написать о томъ, какъ я натерпѣлся всяческаго горя въ дорогѣ, когда насъ гнали пѣшкомъ въ стужу, холодъ и непогоду, изъ Жмуди въ аракеевское имѣніе. Многие изъ моихъ товарищей по несчастію умерли въ дорогѣ. Немногіе пришли на мѣсто назначенія, въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Но то, что мы выстрадали въ дорогѣ, было въ сущности, пустяками, въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло впереди. А предстояло много лѣтъ несказанныхъ мукъ.

Напутственные слова дѣдушки не выходили у меня изъ головы, даромъ что я былъ еще совершенный ребенокъ. Когда меня били въ дорогѣ, я все вспоминалъ эти слова и приучался къ терпѣнію. Эта выносливость особенно пригодилась въ батальонѣ.

Командиръ нашей роты былъ дикій звѣрь. Насъ сразу начали драить нещадно. Пороли всячески: обыкновенными розгами, розгами, намоченными въ соленой водѣ, наконецъ, когда пучки розогъ обтрепались, то драли окомелкомъ! И всѣ эти истязанія практиковались для того, чтобы заставить насъ креститься...

— Крестись, каналья, не то запорю до смерти!... ревъѣлъ ротный, во время и послѣ экзекуціи.

Большинство не выдержало... Кто крѣпился день, кто недѣлю, кто мѣсяцъ, но, въ концѣ концовъ, почти всѣ сдавались. Розга не свой братъ, въ особенности для нагнѣженныхъ маленькыхъ сынковъ. Мало по малу всѣ массаами переходили въ православіе, получали другія имена и фамиліи своихъ крестныхъ отцовъ.

По мѣрѣ того, какъ число невольныхъ отщепенцевъ увеличивалось, наше положеніе дѣлалось просто невыносимымъ. Кромѣ ротнаго, фельдфебелей и другаго низшаго начальства, отъ которыхъ мы уже не ожидали ничего, кромѣ тиранства, мы приобрѣли себѣ новыхъ гонителей, въ лицѣ новокрещенныхъ—нашихъ вчерашнихъ братьевъ, также мало или совсѣмъ не знавшихъ по-русски, какъ мы. Насъ били, между прочимъ, за то, что по незнанію русскаго языка, мы между собою, по неволѣ, изъяснялись по своему. Я долгое время не могъ нау-

читься говорить по русски, хотя понималъ. Не смотря на жестокиѣ побои, я даже не могъ скоро привыкнутьъ къ тому, чтобы подъ розгами кричать, по заведенному порядку:

— Ваше благородіе!.. Будьте отецъ родной!.. Ай-ай! Простите, ваше благородіе!.. Не буду, ваше благородіе! Ай-ай! Не буду!..

Чѣмъ больше меня истязали, тѣмъ чаще припоминалъ я образъ дорогой матери и раздирающимъ душу голосомъ вопіялъ по своему:

— Гевалтъ, мамуню! Гевалтъ! Ай-вей!.. Гева-а-алтъ!..

Это вызывало только учащенный свистъ розогъ и грубый хохотъ моихъ мучителей, которые все науськивали:

— Жарь его, пархатаго, жарь больше! Я те задамъ, «гевалтъ», стервецъ!..

Все это были цвѣтки, ягодки предстояли впереди...

IV.

«Положеніе мое становилось съ каждымъ днемъ все ужаснѣе— продолжалъ мой собесѣдникъ, послѣ краткой паузы, очевидно, вызванной воспоминаніемъ о своей матери.— Не смотря на юный возрастъ, когда такъ хорошо спится, въ особенности утомившись отъ дневныхъ занятій, я не могъ спать по цѣлымъ ночамъ. Непрестанныя воспоминанія о напутственныхъ словахъ дѣдушки, о дорогомъ образѣ матери не выходили у меня изъ головы. Днемъ некогда было думать объ этомъ, но за то ночью я только объ нихъ и думалъ, обливаясь горячими слезами, тихо рыдая, чтобы никто не услышалъ. Когда же я засыпалъ, то меня преслѣдовали страшные сны, я просыпался съ крикомъ—и бывалъ битъ.

Къ довершенію бѣды, я сталъ хирѣть, часто приходилось лежать въ лазаретѣ, гдѣ у меня оказались новые мучители. Это были фельдшера изъ выкрестовъ. Теперь, даже по прошествіи столькихъ лѣтъ, я никакъ не могу объяснить себѣ причину этой затаенной вражды, этихъ утонченныхъ жестокостей, которые надъ нами продѣлывали вообще выкресты изъ кантонистовъ, въ особенности эти проклятые фельдшера. Была ли это досада на свою безхарактерность, что они, такіе вернилы,

не имѣли настолькоъ мужества, чтобы устоять противъ роговъ и скоро отреклись отъ своей вѣры, порвали всѣ связи съ родными и очутились въ двусмысленномъ положеніи людей, оставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому, тогда какъ такая мелюзга, какъ я, напримѣръ, стойко держались, или они дѣйствовали, по приказанію командира—не знаю. Думаю, что тутъ дѣйствовали обѣ причины. Какъ бы тамъ ни было, но мнѣ солоно приходилось отъ этихъ выкрестовъ. вмѣсто того, чтобы лечить меня, они все время уговаривали меня креститься, говоря, что я одинъ упорствую, тогда какъ всѣ мои товарищи давно поддались. Мнѣ нуженъ былъ покой, а меня били по чемъ попало, страдая невѣроятными пытками, если я буду упорствовать, суля золотыя горы, если соглашусь на ихъ предложеніе.

— Чѣмъ ты лучше другихъ, дрянь ты этакая! Что за цаца, въ самомъ дѣлѣ!

Страшный командиръ, котораго я боялся пуце огня, часто навѣдывался ко мнѣ.

— Ну, что согласенъ? — хрипѣлъ онъ, входя въ палату, гдѣ я лежалъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, — рапортовали фельдшера.

— Чортъ его знаетъ, этого паршивца, что съ нимъ такое творится. Это какой-то заколдованный! Я изъ него выбью эту дурь!—ворчалъ онъ, награждая меня, по пути, затрещиной, отъ которой искры сыпались изъ глазъ.

Такъ за мною и осталась кличка: «заколдованный!»

Долгое время я не вѣрилъ, что они, въ самомъ дѣлѣ, продѣлаютъ со мною то, чѣмъ постоянно страдали. Я полагалъ, что все это говорится только для того, чтобы запугать меня, больного мальчика, истощеннаго болѣзнью, побоями, и нажоренцѣмъ, недостаткомъ питанія. Надо вамъ сказать, что насъ отвратительно кормили. Мы жили впроголодь, питались чуть-ли не однимъ хлѣбомъ, отчасти, по собственному желанію, изъ боязни оскоромиться трѣфною пищею, которая подавалась выкрестамъ въ корытахъ, какъ поросятамъ. Но прежде чѣмъ выписаться изъ лазарета, я увидѣлъ, что угрозы моихъ мучителей не были

пустыми словами, что эти господа серьезно порѣшили доканать меня, «заколдованнаго», не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Начали съ того, что разъ, послѣ утренняго визита командира, долго шептавшася съ фельдшерами, меня раздѣли донага, растянувъ во весь мой ростъ на кровати, къ которой привязали руки и ноги. Я сначала подумалъ, что будутъ пороть, но никто меня пальцемъ не тронулъ. Меня облѣпили какимъ-то пластыремъ и только.. Сначала мнѣ было даже довольно прохладно. Впослѣдствіи я узналъ, что это была шпанская мушка. Что я перестрадалъ въ этотъ день, этого невозможно выразить. Тѣло надувалось, я былъ въ жару, оралъ во всю глотку, думалъ, что конецъ мой пришелъ, въ особенности когда стали сдирать эту проклятую мушку. Не помню, сколько времени я пролежалъ въ безпамятствѣ послѣ этой пытки. Но зато догадался, по ругательствамъ и обращенію фельдшеровъ, что это не послѣдній опытъ для того, чтобы сломить мое непонятное упорство. Опять начали приставать:

— Ну, что, согласенъ, стервецъ? Нѣтъ? Смотри, братъ, какъ бы хуже не было.

Я молчалъ. Все равно,—думалъ я,—одинъ конецъ, только бы поскорѣе. Я искренно желалъ смерти, которая избавила бы меня отъ этой проклятой, каторжной доли, которой конца не предвидѣлось. А тутъ неотвязчивыя воспоминанія о матери, о дѣдушкѣ, о близкихъ и дорогихъ людяхъ, которыхъ ужъ больше не увижу, не давали мнѣ минуты покою. Хорошо сдѣлала бѣдная матушка, что умерла, что не увидѣла, какъ мучать ея ненаглядное дитя, ея единственнаго сына, котораго она прочила въ ученые равнины.

А кругомъ раздаются злобшія хихиканія, совѣщаются о какой-то висѣлицѣ, которая, по ихъ словамъ, удивительно помогаетъ, когда приходится имѣть дѣло съ такими дураками, какъ «заколдованный», не понимающій своей выгоды, самъ подставляющій свою шею подъ ножъ, какъ скотина неразумная. Это у нихъ самое дѣйствительное средство противъ «дураковъ». Висѣлица многихъ образумить. Они часто употребляютъ это средство и всегда съ успѣхомъ. Самъ командиръ разврѣшилъ.

О какой это «висѣлицѣ» говорятъ фельдшера? Ужъ не меня

ли собираются казнить? Вздоръ, пустяки, — сказала я себѣ — это мнѣ такъ пригрзилось, отъ безсонницы. Вѣшаютъ только разбойниковъ, а кого я убилъ или ограбилъ? Я отродясь, кажется, муки не обидѣлъ. Напротивъ, меня только лѣнивый не бьетъ, не истязаетъ. За что, Господи, эти муки? Когда же я наконецъ отъ нихъ избавлюсь? Силъ моихъ больше нѣтъ, думалъ я, мало по малу тяжело засыпая, измученный и разбитый.

V.

Не долго я спалъ. Здоровый толчокъ въ бокъ мигомъ разбудилъ меня.

— Вставай, прынецъ. Будетъ тебѣ дрыхнуть, собачій сынъ. Ну, въ послѣдній разъ: согласенъ? Нѣтъ? Ну, ступай къ чертовой матери—все готово!

Дѣйствительно, все было готово. Возлѣ печки устроили импровизированную висѣлицу. Изъ полотенецъ свернули петлю и обвили ею мою шею. Не смотря на мои крики и барахтанья, меня быстро подхватили служители и передали двумъ фельдшерамъ, стоявшимъ на табуретахъ у обоихъ концовъ висѣлицы. Когда они стали возиться, продѣвая одинъ конецъ полотенца сквозь кольцо, прикрепленное къ крючку, одинъ изъ исполнителей казни выпустилъ меня изъ своихъ рукъ и я грохнулся на полъ. У меня въ глазахъ потемнѣло отъ боли; грудь, казалось, была разбита, я еле дышалъ. Но мнѣ не дали опомниться, съ бранью и побоями опять схватили въ охабку, еще минута, и я бы повисъ на воздухѣ, какъ вдругъ произошло какое-то смятеніе, меня выпустили изъ рукъ и я опять грохнулся на полъ; фельдшера мигомъ соскочили съ табуретокъ.

Оказалось, что въ то время, когда всѣ были заняты приготовлениями къ моей казни, незамѣтно вошелъ въ палату старшій ординаторъ.

— Что вы, разбойники, надѣлали?—загремѣлъ онъ, бросившись поднимать меня:—Господи, да это сущіе изверги!..

«Изверги» молчали, не находя что отвѣчать. Одною взгляда на всю омерзительную обстановку предназначенной для меня пытки было достаточно, чтобы уразумѣть ужасный смыслъ

прерваннаго зрѣлица. Но докторъ, полагать надо, вѣрить не хотѣлъ въ возможность подобной вѣтви.

— Расскажи мнѣ, дружокъ, что эти разбойники хотѣли съ тобой дѣлать,—обратился онъ ко мнѣ ласково, глядя меня рукой по коротко-остриженной головѣ:—Говори, не бойся.

Это были первыя ласковыя слова, услышанныя мною, со времени ваятія въ рекруты. Отъ волненія, вызваннаго неожиданнымъ появленіемъ моего спасителя, я не могъ проговорить ни одного слова. Слезы душили меня и я, наконецъ, разревѣлся на всю палату.

— Успокойся, мой другъ, не плачь, не бойся, — говорилъ докторъ, продолжая ласкать меня, а у самого, вижу, слезы навертываются на глазахъ.

— Гевалтъ, ваше благородіе!—ревѣлъ я въ отвѣтъ, неистово жестикулируя и рассказалъ ему все, только не по русски, на которомъ я не былъ въ состояніи изъясняться, а на жаргонѣ.

Къ счастью, докторъ понималъ по-нѣмецки и скоро узналъ, въ чемъ дѣло. Онъ былъ страшно возмущенъ.

— Розогъ!—закричалъ онъ:—Каждому изъ этихъ негодяевъ дать по пятидесяти ударовъ. А ты, мой другъ, не бойся. Я этого дѣла такъ не оставлю,—сказалъ онъ уходя.

Обстановка палаты быстро измѣнилась. Изъ всѣхъ угловъ раздались знакомые мнѣ признаки экзекуціи, свистъ розогъ, стоны наказываемыхъ. Только что выдрали моихъ мучителей, какъ вошелъ въ палату—мой страшный командиръ.

— Это что такое? заревѣлъ онъ.

Только что наказанные бросились съ жалобами, выставляя меня доносчикомъ, который, изъ ненависти къ выкрестамъ, чортъ знаетъ что такое напелъ господину ординатору на нихъ, невинныхъ исполнителей воли начальства. И вотъ, благодаря доносу этого пархатаго жиденка, наказали розгами заслуженныхъ, русскихъ людей, православныхъ христіанъ...

Боже мой, что со мною было въ этотъ злосчастный день! Повѣрите-ли, страшно вспомнить даже теперь. Не понимаю, какъ я остался живъ послѣ этой лупки. Не помню, кто первый бросился на меня, долго ли продолжалась расправа, но помню, что меня топтали ногами, рвали, колотили гдѣ и кто могъ, по

чемъ попалю. Съ мѣсяць я какъ пласть лежалъ послѣ этой лупцовки. Удивляюсь до сихъ поръ, какъ я не умеръ подъ этими ударами остервенѣлыхъ людей, какъ я остался живъ. Должно быть, у меня, дѣйствительно, какая-то желѣзная натура. Недаромъ, видно, меня прозвали: «заколдованнымъ!»

VI.

Разсказать вамъ послѣдовательно обо всемъ, что я вынесъ въ батальонѣ, не хватитъ времени. Мы бы просидѣли съ вами не одну ночь напролетъ и все-таки я бы не все припомнилъ. И слава Богу, что не все помню, а то, право, не стоило бы жить. О мелкихъ притѣсненіяхъ, въ родѣ того, что насъ кормили селедками и послѣ загоняли въ баню, не стоитъ и говорить. Повѣрите ли, что на мнѣ не было живаго мѣста, все тѣло было изъязвлено, покрыто рубцами отъ розогъ, лице въ синякахъ, глаза подбиты и вѣчно заплаканные, зубовъ и реберъ навѣрное не хватало, голова въ шишкахъ. Само собою разумѣется, что объ этомъ не стоитъ говорить. Развѣ разсказать вамъ только двѣ памятыя для меня сцены: въ верхнемъ отдѣленіи и въ банѣ.

Заступничество старшаго ординатора послужило мнѣ только во вредъ. Лазаретная прислуга пуце озлобилась на меня. Они не могли мнѣ простить, что изъ-за такого клопа, какъ я, ихъ, заслуженныхъ кровопійць, выдрали розгами. И вотъ началось систематическое преслѣдованіе, наущничаніе у командира, не разъ проговаривавшагося, что «заколдованный» надоѣлъ ему, что пора покончить съ этою жидовскою мразью. Результатомъ этихъ инсинуацій была моя прогулка по такъ называемому «верхнему отдѣленію» нашего батальона кантонистовъ.

Не разъ я слыхалъ про существованіе этого страшнаго «отдѣленія», видѣлъ, какъ многіе изъ кантонистовъ блѣднѣли при одномъ напомниманіи о немъ, но никакъ не могъ взять въ толкъ, что за звѣръ это пресловутое отдѣленіе. Скоро, къ сожалѣнію, пришлось испытать на практикѣ, что это не выдумка, а нѣчто дѣйствительное, имѣвшее вполнѣ заслуженное право на подобную репутацію.

Послѣ одной бурной сцены, когда ни побои, ни увѣщанія не оказали на меня желаннаго дѣйствія, было рѣшено отправить меня въ «верхнее отдѣленіе». Не смотря на то, что я еще былъ очень слабъ, съ трудомъ ходилъ по палатѣ, еле передвигая ноги, мнѣ велѣли одѣться въ полную больничную форму, т. е. въ халатъ и колпакъ и потащили въ страшное отдѣленіе, гдѣ жили исключительно русскіе кантонисты и выкресты. Говорю «потащили», потому что я самъ не былъ въ состояніи подняться даже по лѣстницѣ. Но мнѣ помогали пинками сзади и зуботычинами спереди. Шествіе было торжественное—вся команда присутствовала при этомъ. Какъ только я показался на послѣдней ступени, меня впахнули на верхнюю площадку, гдѣ нѣсколько сотъ кантонистовъ, выстроившись шпалерами, радостно приняли меня въ свои объятія.

Вы когда нибудь видали, какъ, въ прежнія времена, гоняли солдатъ сквозь строй? Точь въ точь то же самое происходило въ «верхнемъ отдѣленіи», только съ меньшимъ порядкомъ и большимъ ожесточеніемъ. При наказаніи шпицрутенами, солдатъ обыкновенно ударялъ палкой жертву столько разъ, сколько было приказано, но не дрался, не надругивался, не тиранствовалъ, а, напротивъ, съ крайней неохотой исполнялъ должность невольнаго палача, внутренно жалѣя истязуемаго. Для остервенившихся же кантонистовъ это было не болѣе, какъ пріятное развлеченіе.

Съ гикомъ бросилась на меня орава сорванцовъ, и давай меня мучить и всячески истязать... Мнѣ плевали въ глаза, рвали за уши, щипали, давали щелчки по носу, сжатыми кулаками прохаживались по несчастной башкѣ, показывая, какъ надо ѣхать въ Москву, а сзади били колѣнками, каблуками. Оглушенный, избитый, я упалъ, но удары сыпались и на лежащаго. Меня, впрочемъ, скоро подняли, и процессія пошла при болѣе торжественной обстановкѣ. Начальство прикрикнуло, и возстановился нѣкоторый порядокъ—надо было дать всѣмъ возможность дотронуться до меня. Конечно, я бы не выдержалъ и десятой части предстоящаго мнѣ испытанія, если бы неожиданное обстоятельство не прекратило этой забавы въ самомъ почти началѣ. Нѣкоторые изъ кантонистовъ не удоволь-

ствовали пощечинами или плевками. Они достали салные огарки и давай тыкать мнѣ ими въ лицо, въ носъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей болѣе утонченныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ, принесли блюдо съ растопленнымъ свѣчнымъ саломъ.

— Ней! заорала толпа моихъ палачей.

Понятно, что какъ только я почувствовалъ прикосновеніе въ губамъ горячей тарелки съ растопленнымъ свѣчнымъ саломъ, то по врожденному отвращенію ко всякому салу, тѣмъ болѣе свѣчному, шарахнулся въ сторону...

— А-га, не хочетъ, не вкусно. Заставьте его выпить, ребята, раздались голоса.

Мнѣ насильно открыли ротъ, раздвинули стиснутые зубы и — стали лить...

Создатель, что эта была за пытка! не желаю злѣйшему врагу испытать ее... Я не выдержалъ... Меня вырвало... Кровь хлынула горломъ, я какъ снопъ свалился на землю. Многие испугались не моей крови, а прихода доктора, который, говорить, какъ-то провѣдалъ объ этой исторіи, и меня въ безпамятствѣ, истекающаго кровью, избитаго, исполосованнаго, полумертваго унесли въ лазаретъ.

Да, страшна бываетъ мѣсть кантонистовъ, но еще ужаснѣе ихъ забавы.

VII.

Казалось, что я испыталъ уже всяческую муку, что можно было оставить меня въ покоѣ. Но это только казалось, а на самомъ дѣлѣ начальство кантонистовъ славилось своею миссіонерскою изобрѣтательностью. Меня, дѣйствительно, оставили въ покоѣ, на первыхъ порахъ по выздоровленіи. Мнѣ дали время отдышаться, немножко придти въ себя, чтобы подготовиться къ болѣе жестокимъ истязаніямъ, отъ которыхъ меня и теперь дрожь пронимаетъ.

Выписавшись изъ лазарета, послѣ памятнаго пребыванія въ «верхнемъ отдѣленіи», я сталъ тянуть обычную кантонистскую лямку, наряду со всеми моими товарищами. Не сладка была

жизнь кантонистовъ, что и говорить. Наши дѣти; пожалуй; и не повѣрятъ, какую школу мы проходили! Но я чувствовалъ себя сравнительно лучше въ новой обстановкѣ, нежели въ прежней; лазаретной. Я быстро усваивалъ все прежнее солдатскаго учения, оказался гораздо понятливѣе многихъ другихъ и еслибъ мои гонители забыли хоть на время моею, такъ называемомъ «лупорствѣ», то я, пожалуй; со свойственнымъ юности легкомысліемъ, примирился бы со своею долею — на сколько это было возможно. Видя, какъ тиранятъ всѣхъ моихъ сослуживцевъ, я пересталъ роптать на свою судьбу. Чѣмъ это я лучше другихъ? разсуждалъ я самъ съ собою. На людяхъ и смерть красна, говорить русская пословица. Слезами горю не поможешь; авось, Богъ дастъ, выдержу я эту каторгу и мнѣ удастся попасть на дѣйствительную службу, въ полкъ. Тамъ, говорили, все таки лучше нежели у насъ, у кантонистовъ.

Надо правду сказать, не сладка была и доля моихъ товарищей изъ выкрестовъ. Ихъ положеніе было едва ли не хуже моего. Принявъ новую вѣру, они, въ простотѣ души, думали, что освободятся отъ службы, что ихъ будутъ гладить по головкѣ. Но ихъ драли, какъ сидоровыхъ вѣдь; за то, что сплеховали на плацу, что не могли говорить по русски, что не свыкнулись со двоимъ новымъ положеніемъ; что не такъ скоро отставали отъ своихъ жидовскихъ привычекъ. И за каждую бездѣлицу драли; драли не на животь, а на смерть. Эти несчастные куражились только надъ такими, какъ я, а сами терпѣли отъ офицеровъ, фельдфебелей, своихъ дядекъ и, наконецъ, отъ своего же брата кантониста — русскаго товарища по несчастью. Травля начиналась съ самаго утра, во время переключки. Кантонисты, недавно окрещенные, долго не могли освоиться со своими новыми христіанскими именами и фамиліями. Тогда еще дозволялось выкресту носить новую фамилію своего крестнаго отца. Всѣ эти Хаины, Шмельки, Шахны, Авнери мигомъ превращались въ Ивановъ, Прохоровъ, Сидоровъ, Поликарповъ. Начинается переключка въ присутствіи командира.

— Иванъ Трофимовъ!

— Молчаніе!

— Да что, ты оглохъ, собачій сынъ? Иванъ Трофимовъ

здѣсь?—спрашиваетъ начальство, провѣряя ряды.—Тебя какъ зовутъ? обращается оно къ тщедушному кантонисту.

— Хаимъ Тетельбаумъ...

— Какъ? какъ? что ты сказалъ, анафема?

— Хаимъ Тет...

Баць! разъ, другой, третій. Звонкія пощечины не даютъ ему договорить свою прежнюю фамилію. Кровь струится изъ носу, а начальникъ все дупитъ; раскровянивъ все лицо:

Розогъ!—оретъ онъ во всю глотку:—розогъ поскорѣе! Сколько разъ я тебѣ толковалъ, каналья, что ты больше не Хаимъ Тетельбаумъ, а Иванъ Трофимовъ. Смерти на васъ нѣтъ, подлецы вы этакіе, жидовское отродье! Ну, теперь будете знать, какъ васъ зовутъ по-русски.

И такимъ манеромъ, путемъ неоднократной порки, Хаимъ Тетельбаумъ подъ конецъ убѣдился, что онъ отнынѣ больше не Хаимъ, а Иванъ Трофимовъ; Шмельке Глузманъ увидѣлъ, воочию, что онъ Прохоръ Пантелѣевъ, а Шахна Фуксъ и Авернеръ Крамаръ зарубили себѣ на носу, что перваго зовутъ ужъ Сидоромъ Кирилловымъ, а втораго—Поликарпомъ Кузнецовымъ.

Не разъ эти несчастные жаловались мнѣ тайкомъ, что они жалѣютъ о томъ, что оказались такими безхарактерными, что имъ во сто разъ было бы лучше страдать подобно мнѣ, но, по крайней мѣрѣ, знать за что, нежели выносить проклятіе своихъ и презрѣніе чужихъ, не быть ни павой, ни вороной...

Но большинство изъ нихъ вымещало на насъ свои обиды, окружало насъ шпионствомъ, не давало намъдохнуть спокойно. Этимъ негодяямъ я обязанъ многими тяжкими мученіями. Благодаря ихъ-то соглядатайству, я не достигъ того, чего такъ пламенно желалъ—быть забытымъ. Нѣтъ, они меня отлично помнили, точно мое существованіе кололо глаза этимъ безстыжымъ людямъ, съ которыми судьба привела долго тянуть тяжелую лямку, завивать горе веревочкой и «ѣсть начальника глазами».

Нашъ командиръ хотѣлъ въ послѣдній разъ убѣдиться, дѣйствительно ли я все тотъ же «заколдованный» или это, не болѣе, какъ жидовская блажь, отъ которой надо отучить будущаго воина побѣдоносной арміи.

VШ.

Въ батальонѣ прошелъ зловѣщій слухъ, что вышло распоряженіе покончить съ упорствующими жиденятами. Этотъ слухъ съ особеннымъ усердіемъ распускали выкредеты, которымъ вторили и остальные кантонисты. Выдавали за достовѣрное, что командиръ получилъ выговоръ отъ начальства, за то, что эта часть у него не такъ успѣшно идетъ, какъ въ другихъ батальонахъ, гдѣ жиденята повывелись. Рассказывали, что нашъ ротный выразился довольно опредѣленно, что пора положить конецъ этимъ безобразіямъ.

Что этотъ слухъ не былъ лишенъ нѣкотораго основанія, это я заключилъ отъ того факта, что за меня опять принялись съ особенною настойчивостью. Ни поведеніе, ни успѣхи во фронтальной наукѣ не спасали меня отъ карцера, колотушекъ и розогъ. Изъ меня то и дѣло «выколачивали» жидовство, какъ лѣтомъ предохраняють мѣховую шубу отъ молефдины.

Я опять сталъ частенько навѣдываться въ лазаретъ, гдѣ у меня было много пріятелей, выдранныхъ изъ-за меня, по приказанію благоволившаго ко мнѣ старшаго ординатора. Лежа на койкѣ, я явственно слышалъ, что мнѣ не долго осталось жить, что если я еще буду такъ дурачки вести себя, то мнѣ будетъ «карачунъ».

— Помилуйте, это чертъ знаетъ что такое!—говорили вокругъ меня громко, такъ чтобы я не проронилъ ни одного слова: — вся жидова перешла въ нашу вѣру, а вотъ только этотъ пархъ остался при своей дурости. Еще смѣеть фордыбачить, этакій смердящій паценокъ!.. Ну, да теперь онъ живо скапунтятся... Бросятъ его въ печь, такъ заоретъ, въ послѣдній разъ: «Гевалтъ, вай-миръ!...»

Какую ночь я провелъ послѣ этого разговора, трудно себѣ вообразить. Я ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ. Повторялъ всѣ отрывки незабытыхъ молитвъ, взывалъ къ памяти дорогой матери, прося ея заступничества, припоминалъ бесѣды съ дѣдушкой, его послѣднія слова, его слезы, и самъ заливался слезами. Должно быть, я метался цѣлую ночь, громко рыдалъ, потому что обратилъ на себя вниманіе дежурнаго солдата, до-

браго старика, который заговорил со мною довольно мягко, очевидно, желая утѣшить меня.

— Жаль мнѣ тебя, паренекъ, жаль! Да ничего не подѣлаешь. Самъ виноватъ. Ну, къ чему дурить? Откажись отъ своей дурости и—шабашъ! Охота тебѣ жариться въ пеклѣ. Ахъ, грѣхи, грѣхи! закончили онъ свою рѣчь, понюхавъ табачку.

Рано утромъ, меня въ послѣдній разъ опрашивали, согласенъ ли я на предложеніе, или остаюсь при прежнемъ упорствѣ? При этомъ заявили, что я одинъ остался въ цѣломъ батальонѣ, своимъ примѣромъ портящій остальныхъ, а потому рѣшено: паршивую овцу изъ стада вонъ!

— Маршъ къ дьяволу на закуску!.. были послѣднія напутственные слова моего кроткаго начальства.

Меня повели на казнь.

IX.

Утренній холодъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Измученный безсонницей, обезсиленный долгимъ лежаніемъ въ лазаретѣ, дрожа при мысли объ ожидаемой казни, я запнулся, не могъ двигать ногами, такъ что конвойные взяли меня подѣ руки и повели черезъ огромный дворъ. Меня пугало сознаніе, что я погибаю одинокій, не видѣ я передъ смертью ни одного роднаго или близкаго лица, посреди чужихъ и вдобавокъ мучителей, отравившихъ мои молодые годы. Я беззвучно читалъ молитвы, которымъ меня выучилъ покойный дѣдушка, и тихо плакалъ.

Вдругъ, на поворотѣ, я вскрикнулъ. Вижу, что съ разныхъ концовъ втораго двора, ведутъ подѣ конвоемъ пятерыхъ моихъ товарищей-евреевъ, по направленію къ тому же мѣсту, куда шель и я. Слава Богу, прошепталъ я съ умиленіемъ, значить, я не одинъ погибаю. Насъ шесть человекъ, готовыхъ принять мученическую смерть. Вѣрите-ли, я такъ обрадовался этому свиданію, точно мнѣ предстояло нивѣсть какое счастье. Мы скоро сошлись вмѣстѣ и заговорили другъ съ другомъ, по своему, не взирая на запретъ конвойныхъ. Чего ихъ бояться, въ самомъ дѣлѣ—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

Теперь меня сталъ занимать вотъ какой вопросъ: кого перваго изъ насъ бросать въ огонь и гдѣ мѣсто казни? Не видать ни разведеннаго костра, ни натопленной печи. Въмѣсто ожидаемаго костра, мы очутились въ предбанникѣ, гдѣ насъ скоро раздѣли и вихнули въ самую средину жарко натопленной бани. Я оглянулся, все смотрѣлъ, гдѣ эта огненная печь, куда насъ должны были бросить. Ея не оказалось. Значить, все набрехали солдатика, все это вздоръ и одно запугиваніе.

Увы, это не было вздоромъ, а оказалось одною изъ самыхъ страшныхъ мукъ, когда либо испытанныхъ мною въ моей многострадальной жизни. Насъ погнали на самый верхній полокъ и раздали приказанія:

— Поддавай на каменку, поддавай, еще, еще!.. Жарь ихъ, поросьте!..

Густой паръ повалилъ изъ каменки, застилая все передъ глазами. Потъ лилъ ручьемъ, тѣло мое горѣло, я буквально задыхался, бросился внизъ. Но этотъ случай былъ предусмотрѣнъ. У послѣдней скамьи выстроились рядовые съ пучками розогъ въ рукахъ и зорко слѣдили за нами. Чуть кто попытается сбѣжать внизъ, или просто скатывается кубаремъ, его начинаютъ сбѣчь до тѣхъ поръ, пока онъ, окровавленный, съ воплемъ бросится назадъ на верхній полокъ, избѣгая этихъ страшныхъ розогъ, рѣзавшихъ распаренное тѣло какъ бритва. Боже мой, что это была за пытка, такъ это уму не постижимо. Кругомъ паръ, крики, вопли, стоны, экзекуція, кровь льется, голыя дѣти скатываются внизъ головами, зацѣпляя другихъ своимъ паденіемъ и въ темнотѣ, а тамъ внизу сѣкутъ безъ пощады. Это былъ адъ кромѣшный. Только и слышишь охрипшіе крики:

— Поддавай, поддавай, жарь, жарь ихъ больше! Что согласны, собачьи дѣти?..

Ужъ лучше было бы, если бы сразу бросили меня въ печь, нежели эта мучительная смерть. Я уже не былъ въ состояніи кричать, духъ захватывало. Спереди усатые звѣри съ розгами, сзади горячія стѣны, не цугатуренныя, каждый кирпичъ дорить, жжетъ. Я ужъ рѣшился треснуться головой объ стѣну, чтобы разомъ покончить эту нечеловѣческую пытку. Ощуны-

вая удобное мѣсто въ стѣнѣ, гдѣ бы я могъ привасти въ исполненіе свой плачь; внезапно отъ моихъ напѣчей, и наткнулся на оконце. Боже, какъ я обрадовался. Однимъ ударомъ я вышибъ раму, высунулъ голову, свѣтаная струя воздуха хлынула въ баню. Нани крики привлекли проходящихъ; между прочимъ благодѣтеля доктора; случайно проходившаго по двору. Я былъ весь въ крови, стекло отъ разбитаго окна вѣзало мнѣ въ шею, въ лицо, въ руки. Больше ничего не помню, потому что потерялъ сознаніе... Меня свезли въ лазаретъ, какъ кладь...

X.

Я вынесъ жестокую болѣзнь. Благодаря заботамъ моего благодѣтеля доктора, я выздоровѣлъ, хотя очень медленно. Слухъ о нашей козѣдней пыткѣ достигъ до днѣ, власть имущихъ. Времена тогда наступили иные — былъ конецъ крымской кампаніи, когда на подобныя продѣлки стали довольно косо поглядывать. Жестокій командиръ былъ вскорѣ смѣненъ, и еще черезъ нѣсколько времени докторъ сообщилъ мнѣ радостную вѣсть, что я выхожу изъ батальона, съ переводомъ въ Петербургъ, въ одну изъ рабочихъ командъ. Эти двѣ радости помогли мнѣ лучше всякихъ лекарствъ.

Передъ отправленіемъ въ столицу, нѣкоторые еврей-солдаты, — которые знали всѣ подробности моего пребыванія въ батальонѣ — квартировавшіе въ сосѣднемъ городѣ, выпросили у начальства позволеніе, чтобы я провелъ драдники въ ихъ средѣ. Новое начальство безъ труда согласилось, и я отправился къ своимъ незнакомымъ друзьямъ.

Когда я вошелъ въ солдатскую моленную, я чуть не лишился чувствъ, отъ волненія. Шутка-ли, сколько лѣтъ я провѣлъ во враждебной средѣ, не встрѣчая ни одного привѣтливаго лица, ни одной вещи, которая бы мнѣ напомнила далекую родину, исчезнувшую семью и безвозвратное дѣтство. Я истерически разрыдался какъ ребенокъ, я буквально омочилъ слезами всѣ листки молитвенника, котораго такъ давно не держалъ въ рукахъ, изъ за котораго столько настрадался. Мало по малу, рыданіе сдѣлалось всеобщимъ — это плакали ста-

рые Николаевскіе солдаты, глядя на меня. Даю вамъ слово, что такого плача не услышите нигдѣ, даже въ судный день. Старослуживые многострадальные ветераны, съ шевронами и медалями, съ умилениемъ смотрѣли на меня, какъ на мученика, какъ на человѣка какого-то особеннаго, передъ страданіями котораго они, эти старики, спасовали.

Затѣмъ, мой собесѣдникъ началъ рассказывать свои дальнѣйшія похождения въ Петербургѣ, исторію своей женитьбы, необыкновенно курьезную, свои постоянные успѣхи въ сферѣ промышленности и, наконецъ, настоящее, можно сказать, блестящее положеніе этого человѣка, дѣйствительно, прошедшаго огонь и воду и мѣдныя трубы. Когда нибудь, въ другой разъ, мы подѣлимся съ читателями подробностями второй части его біографіи, ничуть не похожей на первую, полную самаго мрачнаго драматизма. Вторая, напротивъ, изобилуетъ массою курьезовъ и пикантныхъ совпаденій, вѣрно рисующихъ выдающіяся черты національнаго характера русскаго еврейства. Объ этомъ—когда нибудь, въ другой разъ.

— Ну что вы часто вспоминаете эту страшную эпоху своей жизни? обратился я къ нему, выслушавъ до конца его рассказъ, произведшій на меня необыкновенно подавляющее впечатлѣніе.

— Постоянно думаю, никогда не забываю. Да развѣ можно забыть нѣчто подобное? Я теперь живу въ роскоши, у меня большая семья, богатая обстановка, отличныя лошади, живу въ свое удовольствіе и часто рассказываю дѣтямъ эпизоды изъ моей жизни кантониста. Не только у себя въ гостиной, но на загородныхъ гуляньяхъ, развалился въ изящномъ ландо, я забываю окружающую меня роскошь и переносусь мыслью туда, гдѣ меня такъ долго мучили.

— Такъ что лихомъ поминаете кантонистовъ?

— Напротивъ. Отставной солдатъ или бывшій кантонистъ всегда находитъ во мнѣ самаго щедрого покровителя. Да что кантонисты! Посмотрѣли бы вы, какъ я обращаюсь со своими рабочими! А у меня, батенька, въ обѣихъ фабрикахъ, масса рус-

скихъ рабочихъ. Да они за меня готовы горой постоять, лучше иныхъ родственниковъ, которыхъ никогда не удовлетворишь. Знаете, кто самъ терпѣльнѣе нуждается и горе, тотъ умѣетъ цѣнить чужой трудъ и помогать чужому горю.

Я съ чувствомъ пожалъ руку этому человѣку, подкупившему меня отсутствіемъ противныхъ чертъ, характеризующихъ выскочекъ, которые постоянно стремятся утаивать свое прошлое. Нѣтъ, это не выскочка, это хорошій человѣкъ, полезный гражданинъ, достойный всякаго уваженія и симпатіи.

— Станція такая-то!—прервалъ нашу бесѣду вошедшій оберъ-кондукторъ:—поѣздъ стоитъ полчаса.

Мы разстались.

И. Левенсонъ.

С.-Петербургъ.
Декабрь 1883 г.

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ИЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ *.

(Продолженіе).

ХІ.

Любовная буря.

Елисавета, прежде чѣмъ возвратиться въ Иерусалимъ, открыла Бенъ-Адиру тайну женитьбы Симона на Эсеири и поручила ему сообщить объ этомъ своей госпожѣ, когда онъ сочтетъ то удобнымъ.

Случай къ тому не заставилъ долго ждать себя.

Уже нѣсколько времени молчаніе Симона стало беспокоить Ревекку, и въ ея сердцѣ порою даже возникали подозрѣнія; но это были лишь мимолетныя облачка, которыя скоро разсѣивались. Но на этотъ разъ подозрѣніе исчезло не столь быстро, и, такъ какъ страстная натура Ревекки была чужда всякой умѣренности, то оно не замедлило пустить глубокіе корни въ ея сердцѣ. Передъ нею рушился цѣлый, дорогой для нея міръ. Вѣра ея въ Симона не только была поколеблена, но даже разомъ рухнула; мѣсто ея заняла безусловная, глубокая увѣренность въ измѣнѣ его. Пальма пустыни не только была вырвана съ корнемъ, но и унесена вихремъ,

---

* См. „Восходъ“ кн. 6.

сломаиа, превращена въ щепы. На той почвѣ, на которой она росла, не осталось даже и обломка корня ея, чтобы засвидѣтельствовать о ея мощи.

Переворотъ этотъ совершился въ умѣ ея съ быстротою молнии; когда же она получила возможность разсуждать, она еще болѣе укрѣпилась въ этомъ убѣжденіи. Какимъ образомъ можно было объяснить такое его молчаніе иначе, какъ измѣной? Она нарочно послала къ нему Бенъ-Адира, чтобы вѣстить ему свое возвращеніе, чтобы отдать себя въ распоряженіе его; а онъ не нашелъ ничего лучшаго передать ей, кромѣ того, чтобы она не приѣзжала въ Іерусалимъ! Ни единого воспоминанія, ни единого слова надежды, ни одного намека на свои обѣщанія! Онъ нарочно посылалъ ей вѣстницу, надежную, преданную, опытную и умную женщину, а между тѣмъ сердце его оставалось нѣмо! Короткое, сухое, чистодѣловое письмо — вотъ все, чего она дождалась отъ возлюбленнаго своего сердца!

— Быть можетъ, — говорила она сама себѣ, — онъ приведетъ въ видѣ извиненія военныя заботы, тѣ сверхъ-человѣческія усилія, которыя онъ вынужденъ дѣлать каждый день, страшную отвѣтственность, лежащую на немъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Но какое же онъ послѣ этого составилъ себѣ мнѣніе обо мнѣ и о моей любви. Развѣ я требовала отъ него, чтобы онъ назначалъ день нашего брака, чтобы онъ заказывалъ свадебный вѣнецъ, чтобы онъ созвалъ своихъ друзей, чтобы онъ заказалъ семидневное свадебное пиршество, чтобы онъ приготовилъ миртовыйя и пальмовыя вѣтви, чтобы онъ пригласилъ музыкантовъ? Тутъ не до веселья, когда Іерусалимъ страдаетъ и когда непріятель окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Развѣ сердца человѣческія не могутъ сближаться въ часъ печали, подобно тому, какъ смоковница и виноградная лоза плотнѣе прижимаются другъ къ другу, чтобы лучше противостоять бурѣ? О, неужели же я

надѣялась опереться на такую слабую руку? Неужели же я бросила сѣмя въ такую бесплодную пустыню?

Ревекка, однако, не всегда витала въ этой ясной и чистой выси страстей, въ которой душа сохраняетъ еще, не смотря на свирѣпствующую бурю, нѣкоторую твердость, если не полную ясность. Увѣренность въ несчастіи своемъ заставила проснуться въ ея сердцѣ змѣю ревности, которая терзала, кусала, разрывала на части это бѣдное сердце. На нее находили минуты, въ которыя ею овладѣвала ярость, въ которыя кровь кипѣла въ ней, въ которыя чаша стыдливости, такъ сказать, выпадала изъ рукъ ея и наполнялась какою-то огненной жидкостью, въ которыя ея дѣвственное воображеніе, еще совѣмъ непорочное, видѣвшее любовь только сквозь воспоминанія изъ священныхъ книгъ, но тѣмъ не менѣе пылкое и сосредоточенное, неудержимо кидалось во всевозможныя крайности. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ, благодаря пылкости своего воображенія, она счумѣла поставить себя въ положеніе Суламии и съ какой необыкновенной правдоподобностью она сыграла роль невѣсты, ожидающей своего возлюбленнаго. Подобная же галлюцинація овладѣла ею послѣ первыхъ воплей души ея, которые мы только что слышали; но только эта галлюцинація была, такъ сказать, въ обратномъ направленіи: два дня тому назадъ она видѣла саму себя въ тѣхъ любовныхъ сценахъ, которыя представлялись ея воображенію, теперь же Суламиею была Эсфирь. Тотъ же Симонъ покрывалъ лобзаніями своими уста своей возлюбленной; но эта возлюбленная — это уже не была она! Она видѣла Суламиею, одѣтую въ брачную одежду, расхаживающую среди стадъ и разъискивающую своего возлюбленнаго супруга, и эта Суламиею была — Эсеиръ! Онъ былъ прекрасенъ, ея возлюбленный, прекрасенъ среди молодыхъ людей такъ же, какъ прекрасна яблоня среди деревьевъ, съ смоченными росю волосами; онъ перепрыгивалъ доли и рѣки съ быстротою и ловкостью молодого оленя, ищущаго лань;

онъ рвалъ по пути миртъ и кинамонъ, онъ входилъ въ залу пиршества съ сияющимъ отъ радости лицомъ. Сидя на скамейкѣ изъ дерна, онъ клалъ свою усталую голову на грудь своей возлюбленной, — и эта возлюбленная была Эсеиръ!

Затѣмъ мысли ея снова возвращались къ дѣйствительности. Она видѣла Симона, возвращающагося изъ битвы, покрытаго пылью и кровью, а возлюбленная его встрѣчала его похвалами за его храбрость, старалась утѣшить его въ его неудачахъ; они взаимно ласкали другъ друга. Эти мысли особенно приводили ее въ ярость. Она отказывалась понимать, какъ, среди обрушивающихся на священный городъ бѣдствій, душѣ человѣческой были доступны чувства и любовные помыслы, и какимъ образомъ въ ней могли находить мѣсто иныя чувства, кромѣ чувства патріотизма, состраданія, ужаса. Въ ея глазахъ было преступленіемъ, святотатствомъ, измѣной, если человѣкъ обращалъ взоры свои въ какую-либо иную сторону, кромѣ какъ къ Богу и къ священному храму. И при этомъ она сама не замѣчала, что сама же только что погружена была въ тѣ самыя мысли, которыя теперѣ возбуждали гнѣвъ ея. И всѣ эти образы носились передъ нею въ огненныхъ очертаніяхъ, и она была какъ бы окружена моремъ пламени.

Оставшись одна по удаленіи Елисаветы, она тотчасъ же, въ изнеможеніи и въ отчаяніи кинулась на софу, и провела на ней цѣлую ночь среди тѣхъ горькихъ, жгучихъ, сильныхъ ощущеній, которыя мы только что описали. По временамъ она вставала утомленная, разбитая, и выходила на террасу, чтобы подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ. Взоры ея невольно обращались къ Іерусалиму, воспоминаніе о Симонѣ представлялось ея уму; тѣ же раздражающія картины носились передъ ея взорами, и вся въ бреду, съ трудомъ переводя дыханіе, истомленная, она бросалась на горячее ложе свое обливая его слезами своими и кусая зубами подушки. Тотъ, кто могъ бы видѣть ее въ эту минуту, былъ бы и пораженъ, и въ то же время испуганъ ея красотою. Волосы ея были распущены,

шея открыта, ея большіе, черные глаза блестя яркимъ огнемъ, поднимавшимся изъ груди ея, какъ изъ нѣдръ волкана; щеки ея горѣли, губы дрожали, руки были сжаты, — словомъ, это была настоящая тигрица во всей ея страшной красотѣ, охваченная пыломъ возбужденной, но неудовлетворенной страсти.

Несчастливая Ревекка дѣйствительно находилась въ ужасномъ положеніи. Она напоминала собою дикаго звѣря, на котораго въ то время, когда онъ менѣе всего того ожидаетъ, напала кровожадная свора и который издыхаетъ отъ сотни нанесенныхъ ему ранъ, не имѣя даже того утѣшенія, что онъ можетъ крикомъ выразить свою боль и возвѣстить о ней близкому существу.

Наканунѣ, когда она плескалась еще въ прозрачныхъ волнахъ надежды, которой еще не коснулось подозрѣніе, она, въ какомъ-то странномъ приливѣ откровенности, подумывала было о томъ, чтобъ открыться Елисаветѣ и сообщить ей тайну своего сердца. Сердце ея радостно забилося, когда старуха заговорила съ нею о Симонѣ и стала восхвалять его мужество и подвиги его. Въ то время она походила на озеро, поверхность котораго, отъ притока водъ съ горъ и изъ долинъ, внезапно приходитъ въ движеніе, поднимается и, наконецъ, разливается. Но ее въ то время удержали отъ этого извѣстная стыдливость, извѣстное сознаніе своего достоинства. А теперь, къ кому ей было обращаться съ своими признаніями? Береника была не такого рода женщина, чтобы понять такую любовь и сочувствовать ей. Неужели она могла рисковать тѣмъ, что ей придется покраснѣть передъ этой честолюбивой и легкомысленной царевной, которая въ состояніи была понять любовь лишь въ смыслѣ наслажденій и удовольствованія своихъ страстей. Впрочемъ сожалѣніе о томъ, что ей не передъ кѣмъ излиться, лишь мелькнуло въ ея умѣ. Гордые и сильныя души еще могутъ пороку чувствовать потребность излиться на-

ружу; несчастіе же уходитъ само въ себя, оно внушаетъ чело-
вѣку желаніе укрыться отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ.

Какъ только разсвѣло, Ревекка, которая не могла сомкнуть
глазъ во всю эту тревожную ночь, вышла изъ павильона, какъ
будто ее что-то толкало на свѣжій воздухъ. Она задыхалась
въ той удушливой атмосферѣ, которую она сама такъ нагрѣла
огнемъ своей страсти и своихъ страданій. Не то, чтобы она
надѣялась уйти отъ послѣднихъ, найти облегченіе своему горю
или успокоеніе отъ снѣдавшей ее внутренней тревоги. Она въ
эту минуту ни о чемъ не думала. Она дошла до того состоянія
душевной апатіи, въ которомъ душа повинуется лишь тѣмъ
слѣпымъ силамъ, которыя остаются въ ней какъ бы въ видѣ
ироніи послѣ затемнѣнія разсудка. Она просто желала уйти
на другое мѣсто, какъ-бы въ надеждѣ уйти отъ своихъ мрач-
ныхъ мыслей, сама хорошенько не отдавая себѣ отчета въ
томъ, чего собственно она желаетъ. Такъ раненый въ своемъ
логовищѣ левъ выходитъ изъ него, глядя на свою рану, чтобы
втннуть нѣсколько свѣжихъ струй воздуха въ больной и воспа-
ленный организмъ свой.

Но гордые души обладаютъ той печальной привилегіей,
что, еслибы даже они и желали того, онѣ не въ состояніи,
разъ страсть овладѣла существомъ ихъ, совершенно отдѣлаться
отъ нея. Вселившійся въ нихъ демонъ привязывается къ нимъ,
какъ къ давно ожидаемой добычѣ, и онъ не даетъ имъ ни
одной минуты вдохнуть свободно. Ревекка на удачу бродила
по садамъ виллы и на каждомъ шагу наталкивалась на что
нибудь такое, что разрывало ее сердце и бредило ея рану.
Посреди этихъ чудесъ, придуманныхъ или собранныхъ вмѣстѣ
женщиною, вся жизнь которой наполнена была любовью, все
говорило о любви, все напоминало, олицетворяло ее. Тутъ не
было ни одной груины, ни одной статуи, которыя не приво-
дили бы на умъ опьяненіе или истому, радости и огорченія,
наслажденія или страданія пожиравшей ее страсти, и въ ко-
торыхъ она не видѣла бы челоуѣва, котораго она любила, или

женщину, которую она ненавидѣла. Глаза ея и всѣ ея чувства встрѣчали на каждомъ шагѣ, подъ самыми разнообразными формами, радости, на которыя она надѣялась, мечты, которыя тысячи разъ убаюкивали ее. Самыя деревья, зелень, цвѣты, птицы, распѣвавшія подъ свѣжею сѣнью, плескъ фонтановъ, дуновеніе вѣтра среди благоухающихъ куртинъ, словомъ—вся эта чудная природа, невольно пробуждавшая въ ея душѣ мысли о счастіи,—все это только растравляло ея рану: вѣдь въ этихъ самыхъ мѣстахъ она въ теченіи цѣлаго мѣсяца не переставала носиться съ своими мыслями о счастіи, съ своими надеждами! Контрастъ между прежнимъ и настоящимъ былъ слишкомъ чувствителенъ для ея израненнаго сердца! Вдругъ опять передъ нею мелькнетъ лучъ вѣры и надежды.

— Нѣтъ,—говорила она сама себѣ,—не можетъ быть, чтобы такой благородный и возвышенный человекъ, какъ Симонъ, герой борьбы за нашу независимость, былъ способенъ на такое непостоянство и на такую измѣну! На это способны только низкія души. Я слишкомъ поторопилась, осуждая его; любовь моя наклеветала на него.

И ей сдѣлалось стыдно и совѣстно за свое малодушіе и за свою недовѣрчивость. Но въ эту самую минуту взоры ея упали на статую, изображавшую покинутую Ариадну, и глазамъ ея вновь предстала ужасная дѣйствительность. Мелькнувшая было въ умѣ ея надежда была ничто иное, какъ зарница, блеснувшая среди непроглядной тьмы, и душа ея снова погрузилась въ глубокой мракъ.

Совершенно манинально она пошла по направленію къ Мертвому морю. Печальная картина, открывавшаяся съ этой стороны передъ ея взорами, болѣе гармонировала съ настроеніемъ души ея; она послужила новой пищей для глодавшего сердца ея горя. Въ ея умѣ внезапно возникло сравненіе между ея теперешнимъ положеніемъ и той обстановкой, среди которой она жила.

— Моя любовь,—сказала она сама себѣ,—скрапивавшая

все мое существованіе, наполнявшая всѣ мои помыслы, оканчивается, подобно этому саду, пропастью. Садъ этотъ начинается у прелестныхъ береговъ Генесаретскаго озера и оканчивается близъ Мертваго моря; онъ теряется въ безднѣ, поглотившей преступные города. Неужели же столь же преступна была и любовь моя, порожденная чувствомъ благоговѣнія, тѣсно связанная въ сердцѣ моемъ съ судьбами Іерусалима, выразившаяся только однажды, въ невинномъ вздохѣ, въ навивной вспышкѣ переполненнаго сердца, поручавшаго счастье свое Іеговѣ и неизвѣстности далекаго будущаго?

Образъ Іерусалима, возникшій въ умѣ ея во время ея глубокой, сердечной скорби, явился, какъ бы счастливой диверсіей и успокоилъ на время ту бурю отчаянія, которая бушевала въ сердцѣ молодой дѣвушки. Мысль о священномъ городѣ, объ угрожавшихъ ему опасностяхъ, о его страданіяхъ, о его будущемъ, воспоминаніе объ отцѣ и о матери ея, находившихся въ осажденномъ городѣ, которымъ ежеминутно угрожала опасность подпасть подъ власть неумолимаго врага, и терпящихъ всѣ муки и лишенія голода, смягчила нѣсколько ея уязвленное сердце и на сухихъ глазахъ ея выступили слезы. Даже самая мысль о ея личномъ несчастіи вышла изъ ея головы и затерялась въ темной тучѣ, надвинувшейся надъ цѣлымъ городомъ, надъ цѣлымъ народомъ. Она даже покраснѣла при мысли о своемъ эгоизмѣ и вознегодовала сама на себя. Не то, чтобъ она совсѣмъ забыла о своемъ личномъ горѣ, но только послѣднее во всемъ ея существѣ замѣнилось другимъ ощущеніемъ и она перестала устремлять свои взоры на собственную свою рану.

Подъ влияніемъ этого новаго чувства, она, бросивъ еще одинъ послѣдній взглядъ на Мертвое море, подернутое теперь, точно крепомъ, густымъ туманомъ, собралась было вернуться домой, какъ вдругъ неожиданный случай снова поднялъ улегшуюся было бурю.

То, что Елисавета сказала Бенъ-Адиру, заставило его по-

нять все, происходящее вокругъ него, и, начиная съ этой минуты, онъ не переставалъ слѣдить за Ревеккой. Онъ провелъ почти всю ночь возлѣ ея спальни, сдерживая дыханіе, внимательно прислушиваясь ко всякому шуму, ко всякому происходившему въ этой комнатѣ движенію. Онъ слышалъ сдавленные стоны ея, ея зубовный скрежетъ, словомъ, всѣ признаки гнѣва, которые она проявляла въ полной увѣренности, что она совершенно одна. Онъ слышалъ, какъ диванъ трещалъ отъ порывистыхъ движеній тѣла, тщетно искавшаго на немъ покоя. Для него не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что госпожа его чѣмъ-то сильно озабочена, и что виновникъ ея огорченія—Симонъ.

Когда наступилъ день, безпокойство и предчувствія его еще усилились. Ревекка, какъ только что разсвѣло, вышла изъ своей комнаты, и, пройдя по садамъ Береники, направилась къ Мертвому морю. Онъ слѣдилъ за нею сперва глазами, а затѣмъ рѣшился пойти вслѣдъ за нею. Угрожала-ли ей какая-нибудь опасность? Направлялась-ли она въ пустыню или въ Іерусалимъ? Онъ этого не зналъ, да даже и не хотѣлъ знать. Онъ зналъ только, что Ревекка страдаетъ, что страданія эти не даютъ ей покоя, и онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею. Онъ слѣдовалъ за нею, потому что любилъ ее, потому что не могъ оторвать свою душу отъ ея души.

Бень-Адиръ взялъ съ собою собаку свою Азель, которая рѣдко покидала его. Считая болѣе благоразумнымъ и приличнымъ держаться самому въ возможно большемъ отдаленіи отъ Ревекки, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы она замѣтила его, онъ знаками далъ понять Азелю, чтобъ онъ бѣжалъ впередъ, рассчитывая, что, когда Ревекка будетъ возвращаться, собака, подбѣжавъ къ нему раньше, чѣмъ она приблизится, дастъ ему возможность заблаговременно укрыться отъ ея взоровъ. Умный и вѣрный песъ уже давно былъ приученъ къ подобнаго рода службѣ. Хозяинъ его заставлялъ его бѣжать впереди себя на большое разстояніе, и собака, ни разу не обманывая возла-

равнившихся на нее надеждъ, утѣдомляла его о томъ, что онъ желалъ знать, особаго рода лаемъ, въ родѣ того лаю, съ которымъ онъ когда-то пригонялъ обратно къ стаду отбившущуюся отъ него овцу.

Равекка дошла до Мертваго моря и остановилась надъ нимъ въ задумчивости, свѣсивъ голову на грудь, опустивъ руки. Глаза ея блуждали по черно-синимъ волнамъ этого мрачнаго озера, которымъ первые лучи восходящаго солнца кое-гдѣ придавали сѣроватый оттѣнокъ. Замѣтивъ ее издали, Авель залаялъ; она вздрогнула и быстро обернулась. Узнавъ собаку, она подозвала ее къ себѣ: она очень любила этого вѣрнаго товарища Бенъ-Адира самого по себѣ, а, быть можетъ, также отчасти какъ бы въ награду за ту страстную, но почтительную любовь, которую питалъ къ ней хозяинъ собаки. Авель кинулся къ ней со всѣхъ ногъ, когда она подовала его. Какъ только онъ подбѣжалъ къ ней, она нагнулась къ нему, чтобы погладить его, обняла его и поцѣловала. Ей почему-то стало даже легче и веселѣе на сердцѣ. Но вдругъ, по какой-то странной ассоціаціи идей, мысль ея перенеслась отъ собаки къ хозяину ея; она миготъ вспомнила все, что Бенъ-Адиръ рассказывалъ ей о своемъ путешествіи въ Іерусалимъ; при этомъ ей пришелъ на умъ пророкъ Зеведей, а затѣмъ и его племянница. Это заставило ее, въ свою очередь, обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое прежде прошло для нея незамѣченнымъ, и въ ея сердцѣ снова забушевала буря.

— Бенъ-Адиръ видѣлъ Зеведея, — сказала она сама себѣ; — значитъ, онъ видѣлъ и его племянницу. Но почему же онъ не говорилъ мнѣ объ этомъ? Почему же онъ не позаботился узнать о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали, безъ сомнѣнія, уже тогда между нею и Бенъ-Гіорой? Онъ, значитъ, не видѣлъ того, что происходило въ душѣ моея, онъ не понималъ того, что для меня было важнѣе всего въ томъ порученіи, которое я возложила на него! Нужно его сейчасъ же раз-

спросить обо всемъ, что онъ видѣлъ, что онъ слышалъ, и о чемъ онъ забылъ тогда же передать мнѣ.

И она тотчасъ же направилась къ виллѣ, желая удовлетворить свое любопытство, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Красива-ли Эсэиръ? Дѣйствительно-ли она можетъ внушить сильную любовь?

Подъ этимъ новымъ наплывомъ страсти она совершенно забыла объ Авелѣ, который побѣждалъ впередъ и подавалъ сигналъ своему хозяину. Какъ только она вернулась въ свой павильонъ, она позвала къ себѣ Бенъ-Адира.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, — сказала она ему, какъ только онъ вошелъ, — и поговорить обстоятельно. Поднимись на Титову башню, на которой, безъ сомнѣнія, въ эту минуту никого нѣтъ.

Еслибъ даже Бенъ-Адиру ничего не было извѣстно о томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ находилась Ревекка, о ея волненіи и ея тревогѣ, то ему не трудно было понять все по выраженію ея лица, по звуку ея голосу, по тому раздраженному тону, которымъ произнесены были эти слова. Волоса ея были растрепаны, взоръ ея блуждалъ, голосъ ея былъ суровъ и отрывистъ, щеки ея горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Бенъ-Адиръ послѣдовалъ за нею молча, самъ чувствуя какую-то тревогу и волненіе. Онъ смутно предчувствовалъ, что предстоящая бесѣда ихъ къ добру не поведетъ.

Когда они вышли изъ сада, Ревекка сказала ему:

— Нѣтъ, мы не пойдѣмъ на Титову башню. Ноги мои подкашиваются и я чувствую, что не въ состояніи буду подняться такъ высоко.

И она пошла по направленію къ Мертвому морю. Тѣмъ временемъ солнце уже довольно высоко поднялось на горизонтѣ. Воздухъ становился удушливъ, такъ какъ они уже вышли изъ цвѣтущаго района долины; они шли по сухой, каменистой почвѣ. Изъ-за сѣраго тумана, разстлавшагося надъ озеромъ, нельзя было разглядѣть горизонта. Ревекка, опустивъ голову,

шла быстрымъ шагомъ, точно ее подгоняла какая-то фурія, точно въ тѣло ея вошелъ одинъ изъ тѣхъ бѣсовъ, которые, какъ тогда безусловно вѣрили, часто входятъ въ тѣло чело-вѣка. Когда они удалились уже на довольно значительное разстояніе отъ виллы и достигли совершенно безлюднаго мѣста, Ревекка остановилась и сказала, обращаясь къ своему спутнику:

— Слушай, Бенъ-Адиръ, я сердита на тебя: ты мнѣ передалъ не обо всемъ, что ты видѣлъ и о чемъ ты слышалъ въ Иерусалимѣ.

Бенъ-Адиръ, ничего не отвѣчая ей, поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на нее грустнымъ, и въ то же время пристальнымъ и почти бессмысленнымъ взглядомъ, точно упрекъ этотъ удивилъ его, точно онъ въ немъ ничего не понималъ. Онъ не хотѣлъ подать Ревеккѣ вида, что онъ проникъ въ ея тайну, которую она, какъ можно было предполагать, желаетъ скрыть отъ всѣхъ. Бѣдный рабъ этотъ обладалъ нѣжной и чуткой душою.

— Ну что же, ты не понимаешь меня?—спросила Ревекка рѣзкимъ, почти угрожающимъ голосомъ.

— Я передалъ тебѣ все, что, какъ мнѣ казалось, должно было интересовать тебя, — отвѣтилъ Бенъ-Адиръ спокойнымъ, почти равнодушнымъ голосомъ. — Я пересказалъ тебѣ почти дословно все, что говорилъ Симонъ въ моемъ присутствіи, и на моихъ глазахъ не случилось въ Иерусалимѣ ни одного, даже самаго мельчайшаго факта, котораго я не передалъ бы тебѣ во всѣхъ подробностяхъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ не рассказалъ всего, что ты видѣлъ и слышалъ въ пещерѣ Зеведея.

Эти слова произнесены были быстрымъ, прерывающимся голосомъ; затѣмъ она на мгновеніе остановилась, какъ бы колеблясь произнести послѣдующія слова, какъ будто ее удерживало чувство стыдливости или сознание своего достоинства. Бенъ-Адиръ тоже молчалъ. Наконецъ она продолжала:

— Развѣ ты не видѣлъ въ пещерѣ Зевадея племянницы его Эсеири?

— Какъ же, видѣлъ, — совершенно спокойно отвѣтилъ Бенъ-Адиръ.

— Ты, значить, видѣлъ эту назарейку, — ибо она назарейка; она принадлежитъ къ этой слабой, извѣженной и трусливой сектѣ, которая старается парализовать мужество защитниковъ Иерусалима и которая видитъ въ несчастіяхъ, обрушивающихся на Иерусалимъ, лишь осуществленіе ея пустыхъ пророчествъ. Ты видѣлъ ее, не такъ ли?

— Да, видѣлъ.

— Такъ почему же ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Потому что я не думалъ, чтобъ это могло интересовать тебя, Ревекка.

Отвѣтъ этотъ нѣсколько смутилъ-было Ревекку, такъ какъ она не приготовилась къ нему. Она прошла нѣсколько шаговъ по направленію къ Мертвому морю, храня мрачное молчаніе. Ее мучила одна мысль, которую, однако, она не рѣшалась высказать.

— Что-жъ она, красива? — спросила она наконецъ какимъ-то, точно сдавленнымъ, голосомъ.

Бенъ-Адиръ отвѣтилъ уклончиво.

— Я хочу знать всю истину, Бенъ-Адиръ! Неужели ты думаешь, что я ревную эту женщину?

Вопросъ этотъ и то выраженіе голоса, съ которымъ онъ былъ сдѣланъ, обнаруживали всю силу и всю глубину того чувства, которое наполняло сердце Ревекки. Съ этими словами пали всѣ преграды: вся застѣнчивость молодой дѣвушки, всѣ колебанія женщины исчезли подъ напоромъ вырваншейся изъ глубины сердца сильной страсти. Бенъ-Адиръ, не смотря на то, что онъ по природѣ своей въ состояніи былъ понимать страсти, даже тѣ, которыхъ онъ не испыталъ, былъ пораженъ этой вспышкой.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — племянница Зеведея красива; но она гораздо менѣе красива, чѣмъ ты.

Онъ желалъ смягчить выраженіемъ мнѣнія, которое было въ немъ совершенно искренне, то что могло быть непріятнаго въ его словахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доставлялъ самому себѣ удовольствіе высказать наконецъ то, что такъ часто готово было вылиться изъ его сердца. Но это ни къ чему не повело.

— Дѣло не во мнѣ, — произнесла Ревекка сухо и въ голосъ ея слышалось даже раздраженіе; — я спрашиваю тебя о племянницѣ Зеведея. Такъ ты говоришь, что женщина эта красива?

— Да; всѣ женщины красивы, когда ихъ любятъ.

Она молчала, продолжая идти быстрымъ шагомъ. Бенъ-Адиръ слѣдовалъ за нею.

Вдругъ она остановилась и сказала болѣе мягкимъ голосомъ Бенъ-Адиру, не спускавшему съ нея глазъ:

— Послушай! Знаешь-ли, почему Симонъ покровительствуетъ Зеведею, который ничто иное, какъ лже-пророкъ, и который, подобно черному ворону, носится по улицамъ, предвѣщая гибель Іерусалиму?

— Нѣтъ, я этого не знаю, Ревекка.

— Ты лжешь, ты знаешь это! Симонъ покровительствуетъ Зеведею, потому что любить его племянницу. И тебѣ это было извѣстно, слуга невѣрный! Почему ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ съ перваго же дня? Отъ сколькихъ пытокъ ты бы избавилъ меня этимъ!

Слезы выступили на прекрасныхъ глазахъ молодой дѣвушки; грудь ея тяжело вздымалась отъ усилій, которыя она дѣлала для того, чтобы сдержать свои рыданія. Голосъ ея дрожалъ отъ овладѣвшаго ею снова волненія. Но чувство злобы начинало смѣняться въ ней болѣе нѣжнымъ чувствомъ.

Оба они прошли, молча, еще нѣсколько шаговъ. Вдругъ Ревекка остановилась и вздрогнула. Она стала ломать себѣ руки, какъ-бы желая сдѣлать надъ собою послѣднее усиліе съ

цѣлью преодолѣть и прогнать отъ себя только что вынесенный ею припадокъ слабости и снова найти въ душѣ своей всю энергію ненависти, въ которой у нея не было недостатка.

Бенъ-Адиръ, слѣдившій за нею и угадывавшій съ какою-то удивительной проникательностью происходившую въ ея сердцѣ борьбу, пожелалъ, такъ сказать, прійти къ ней на помощь и довести дѣло до той конечной развязки, которую онъ предчувствовалъ.

— Не отправятся-ли намъ вмѣстѣ съ тобою въ Іерусалимъ? вдругъ спросилъ онъ.

И, при этихъ словахъ, глаза его загорѣлись какимъ-то страшнымъ огнемъ, который далъ Ревеккѣ возможность заглянуть въ глубину души его. Она поняла его. Однако, потому-ли, что она не хотѣла останавливаться мыслью на томъ, что она поняла, или по какой либо другой причинѣ, она спросила, опустивъ глаза:

— А зачѣмъ же намъ отправляться въ Іерусалимъ?

— Чтобъ избавить тебя отъ племянницы Зеведея и... отъ другаго.—Онъ не рѣшился назвать Симона.

— Симонъ женился на Эсеири. Я это знаю. Мнѣ вотъ тутъ что-то говорить объ этомъ,—сказала она, кладя руку на свое сердце.—Елисавета сообщила тебѣ о томъ, не такъ-ли?

— Да, совершенно спокойно отвѣтилъ Бенъ-Адиръ.

Ревекка остановилась и запаталась.

Бенъ-Адиръ поддержалъ ее, но она скоро оправилась.

— Пойдемъ домой,—сказала она довольно спокойнымъ голосомъ.—Нужно принять какое нибудь рѣшеніе. Отправляйся въ пустыню и постарайся розыскать Іоханана. Іерусалимъ въ немъ нуждается. Онъ найдетъ меня тамъ—у царя Исая. Ты возвратишься вмѣстѣ съ нимъ и проводишь его ко мнѣ. Богъ найдетъ средства, чтобы раскрыть передъ вами, равно какъ и передо мною, ворота священнаго города.

Графиня Марія Ратацци.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КО- ЛОНИИ *.

Осмотръ колоній и результаты этого осмотра.

Объ отводѣ, для желавшихъ переселиться, земель, ежегодно, какъ мы помянули выше, публиковалось въ губернскихъ вѣдомостяхъ. То же самое предполагалось сдѣлать и на 1850 г., при чемъ земель этихъ насчитывалось въ губерніяхъ: Херсонской — 30617 дес. и Екатеринославской — 27552 дес., всего 58169 дес., а на этомъ пространствѣ свободно поселились бы до 1447 семействъ. Сдѣлать это сразу представлялось невозможнымъ, потому что въ Херсонской губерніи надлежало предварительно вырыть колодцы и устроить плотины. Масса прибывавшихъ евреевъ, обязывавшихся поселиться на свой счетъ, — въ дѣйствительности оказывались нищими и имъ нельзя было не помочь, а за ними слѣдовало наблюдать, а подрядная постройка для нихъ домовъ вызвала опасеніе за ихъ доброкачественность. Колоніальное управленіе, привлечшее самихъ евреевъ къ участию въ постройкахъ и къ надзору за матеріалами, — успѣло, правда, возвести «превосходнѣйшіе дома, стоившіе несравненно дешевле, нежели екатеринославской палатѣ», а еврей, слѣдившіе за постройкою, — размѣщались въ нихъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ благонадежности и прочности, но такіе дома не могли быть возведены ни на многихъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, ни для

* См. „Восходъ“, лн. 6.

значительнаго числа поселенцевъ: въ ожиданіи домовъ, они должны были квартировать въ ближайшихъ отъ мѣстъ ихъ водворенія селеніяхъ, къ «крайнему неудовольствію жителей христіанъ, тяготившихся продовольствовать евреевъ хлѣбомъ по займу». Во избѣжаніе перечисленныхъ затрудненій, Киселевъ потребовалъ отъ Комитета объясненіе о томъ, какое именно число евреевъ могло быть, въ теченіи 1850 г., поселено въ южномъ краѣ, а до того пріостановился даже указаніемъ свободныхъ земель.

Комитетъ отозвался, что изъ свободныхъ, для водворенія евреевъ, земель онъ отдѣлилъ для поселенія въ 1850 г. при селеніяхъ Камянкѣ и Излучистой 8072 дес., а для зашедшихъ въ прежнее время, которые впослѣдствіи будутъ приведены въ извѣстность и приняты въ земледѣльцы—14127 дес., въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Херсонской—6991 дес., а Екатеринославской—7136 дес. По этому количеству земли Комитетъ считалъ возможнымъ поселить въ 1850 г. 353 семейства: въ Херсонской губерніи—175 и Екатеринославской—178 семействъ.

Введенное въ дополнительныхъ правилахъ 1847 г. соединеніе разныхъ семействъ въ одно, для составленія опредѣленнаго числа рабочихъ, тяготило какъ евреевъ, такъ и ихъ начальство. Относительно помянутыхъ выше 24 семействъ Киселевъ, какъ мы указали, дозволилъ отступить отъ правилъ. Оттого Комитетъ рѣшился добиться совершенной отмѣны этого пункта правилъ. Съ этою цѣлію онъ уже прямо возсталъ противъ соединенія нѣсколькихъ семействъ, совершенно чуждыхъ между собою, въ одно, а также противъ присоединенія къ семействамъ такъ называемыхъ приписниковъ. Для пользы самихъ евреевъ, пояснялъ Комитетъ, а равно для вѣрнѣйшаго достиженія успѣха въ упроченіи ихъ хозяйственнаго и домашняго быта, — слѣдовало допускать къ поселенію исключительно семейства, которыя сами, безъ соединенія съ другими, имѣли бы въ составѣ своемъ узаконенное число работниковъ, ибо отъ соединенія семействъ происходилъ только вредъ: безпрестанныя распри между этими семействами, *обязательно* живущими вмѣстѣ, отвлекаютъ ихъ отъ прямыхъ занятій земледѣльцевъ, порождаятъ вражду между ними и каждое семейство, отдѣльно

старансь только о своихъ выгодахъ, — вовсе не радѣеть о пользѣ общаго хозяйства». Подобное соединеніе, по словамъ Комитета, было причиною того, что «нѣкоторые семейства, по прибытіи уже на мѣсто, впоследствии отказывались отъ водворенія и возвращались на прежнее мѣсто жительства; мѣстное же начальство колоній, будучи обременяемо разборомъ безпрестанныхъ жалобъ, — не рѣдко отвлекалось отъ исправленія болѣе важныхъ обязанностей».

Оставивъ открытымъ общій вопросъ о прекращеніи соединенія семействъ, — первый департаментъ, касательно принятія, въ 1850 г., новыхъ поселенцевъ, заключилъ, что если предоставить начальникамъ губерній высылать изъ каждой по 100 семействъ, то масса переселенцевъ составила-бы 1600 семействъ, или около 25000 душъ, «лишенныхъ, болѣею частію, всякихъ средствъ къ существованію»; что для прокормленія такого числа душъ въ теченіи, по крайней мѣрѣ, цѣлаго года, пришлось бы истощить всѣ мѣстные общественные запасы, или употребить весьма значительный капиталъ; что размѣщеніе 1600 семействъ и одновременное устройство для нихъ домовъ сопряжено съ такими чрезвычайными затрудненіями, преодолѣть которыя не приняло бы на себя ни одно мѣстное начальство; что хотя въ вѣдѣніе колониальнаго начальства и передано достаточное, для надѣленія 1600 семействъ, пространство свободной земли, но она ни по качеству, ни по расположенію не могла бы быть вся одновременно назначена подъ заселеніе: одни участки находились въ такомъ отдаленіи отъ еврейскихъ поселеній и другъ отъ друга, что мѣстное начальство не имѣло-бы никакой возможности слѣдить за постройкою на нихъ домовъ и за водвореніемъ евреевъ, а другіе участки требовали предварительнаго устройства на нихъ плотинъ и колодцевъ; наконецъ, что водвореніе евреевъ шло бы успѣшнѣе только при соблюденіи возможной постепенности. По всѣмъ перечисленнымъ основаніямъ, департаментъ находилъ нужнымъ въ 1850 г. ограничить поселеніе евреевъ тѣмъ числомъ семействъ, которое указано Комитетомъ, и на тѣхъ участкахъ, которые онъ для нихъ избралъ.

Киселевъ же разрѣшилъ: а) переселить изъ каждой изъ 9

западныхъ губерній отъ 3-хъ до 40 семействъ, если губернаторы предварительно доставятъ комитету по 170 р. на каждое семейство, и б) къ самому поселенію допускать только такія семейства, въ которыхъ, безъ всякаго соединенія съ другими, будетъ заключаться число рабочихъ, предусмотрѣнныхъ 5 п. правилъ 1845 г. Объ этомъ онъ извѣстилъ циркулярно генераль-губернаторовъ и губернаторовъ.

И такъ, въ интересахъ евреевъ и искренно и энергически стремясь обратить большее число ихъ въ земледѣльцевъ,—министръ Киселевъ не стѣснился даже отнѣнить законъ собственною властію. Тѣмъ сильнѣе былъ онъ озадаченъ дошедшимъ до него «слухомъ, что евреи сами не занимаются земледѣліемъ, а отведенныя имъ земли отдаютъ другимъ въ аренду». На его запросъ—«какія противъ этого сдѣланы распоряженія?» ему доложили, что по дополнительнымъ правиламъ 1847 г. опредѣленъ размѣръ хозяйственныхъ занятій евреевъ на другой, на 4-й и въ 6-й годъ поселенія, при чемъ пояснено: что «кто не выполнитъ сего размѣра, — того брать подъ надзоръ, а кто въ 6 лѣтъ не учредитъ хозяйства по особому инвентарю, тѣ исключаются изъ земледѣльцевъ и всѣ способные въ этихъ семействахъ люди—отдаются въ солдаты; въ силу этого закона, преподаны инструкція о мѣрахъ надзора за евреями и инвентари о хозяйственныхъ принадлежностяхъ, которыя евреи должны имѣть на 6 годъ водворенія, слѣдовательно, противъ евреевъ-земледѣльцевъ, уклонявшихся отъ земледѣлія, приняты достаточныя и весьма строгія мѣры». Тогда Киселевъ приказалъ департаментамъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ мѣръ и доводить обо всемъ до его свѣдѣнія. А чтобы наблюденіе было дѣйствительнѣе, Киселевъ рѣшительно отвергъ ходатайство Комитета о предоставленіи нѣмцамъ—сельскимъ начальникамъ еврейскихъ селеній—въ награду за наибольше полезнаю дѣятельность, отъ 2-хъ до 3-хъ десятинъ общественной земли, съ тѣмъ, чтобы сѣменами этихъ начальниковъ ее обрабатывали евреи, одновременно съ обработкою ими общественной запашки. Первый департаментъ даже напомнилъ Комитету, что при назначеніи сельскихъ начальниковъ въ еврейскія селенія предусматривалось устраненіе ихъ отъ заведе-

нія собственнаго хозяйства и отъ пользованія общественною землею, дабы они «безусловно могли посвящать весь свой досугъ служебнымъ обязанностямъ, за которыя имъ присвоены огромное жалованье и другія преимущества».

Многочратно поднимавшійся вопросъ о томъ, сколько именно было казеннаго долга на всѣхъ евреяхъ, перешедшихъ въ земледѣльцы съ 1807 г., не только не выяснялся, но все дальше затягивался. На этотъ разъ по собраннымъ справкамъ оказалось, что до передачи колоній въ вѣдѣніе новороссійскаго генераль-губернатора, на колонистахъ числилось долга казнѣ 126,085 р. 58¹/₄ к., а съ 1838 до поступленія ихъ въ вѣдомство государственныхъ имуществъ—1845 г., на нихъ насчитано было херсонскимъ губернаторомъ 315,261 р. 77 к., т. е. въ сложности 441,347 р. 35¹/₄ к., тогда какъ выводили, что они должны были къ 1846 г.: Карцовъ—413,000 р., а херсонская казенная палата только—249,795 р. 99¹/₂ к. Генераль-губернаторъ настаивалъ на томъ, что взыскивать съ колонистовъ ничего не слѣдовало, ибо въ первоначальныхъ правилахъ о переселеніи евреевъ въ земледѣльцы не говорилось, чтобы опредѣленное имъ пособіе отъ казны было впоследствии съ нихъ взыскано, а, по позднѣйшему положенію, переходившимъ въ земледѣльцы пособіе выдавалось изъ коробочныхъ сборовъ также безвозвратно. Федоровъ же совѣтывалъ также сложить со счетовъ и суммы, употребленныя съ 1838 г., на помощь евреямъ, по случаю неурожая, на продовольствіе, покупку и прокормленіе скота, взаменъ павшаго, и на прекращеніе повальныхъ болѣзней. Херсонская казенная палата утверждала, что въ недоимку за евреями не записаны: отпущенные управлявшему колоніями на водвореніе и продовольствіе переселявшихся евреевъ: въ 1837 г. — 201,049 р. 13¹/₄ к., на издержки по водворенію евреевъ, прибывшихъ для поселенія на собственномъ иждивеніи, но оказавшихся безъ средствъ, въ 1841 г. — 7142 р. 85 к., на покупку сѣна для скота и на отопленіе домовъ въ 1842 г. — 8,104 р. 28 к., зачислены въ недоимку; на продовольствіе евреевъ до урожая въ 1843 г. — 43,000 р. тоже не показаны были подлежащими ко взысканію. Изъ этихъ 43,000 р. отпущено было собственно

на продовольствіе евреевъ 25,785 р. 2 $\frac{1}{2}$ к., и на покупку для нихъ домовъ 3,000 р. Казенная палата и не знала за-нести-ли въ недоимку за евреями 28,785 р. 2 $\frac{1}{2}$ к., или принять ихъ на счетъ казны. Наконецъ остатокъ отъ 44,000 р.—9,660 р. употребленъ былъ на покупку для евреевъ-земледѣльцевъ 322 паръ воловъ, также взамѣнъ павшихъ.

Общее присутствіе перваго департамента заключило, что объ издержкахъ, сдѣланныхъ казною на водвореніе евреевъ прежняго поселенія, — касаться на слѣдовало, такъ какъ онѣ уже поставлены долгомъ на тѣхъ евреевъ, со взысканіемъ съ нихъ по 1 р. 42 $\frac{6}{7}$ к., въ годъ, а относительно издержекъ на вновь поселенныхъ евреевъ (по счету казенной палаты 245,081 р. 30 к.) присутствіе согласилось съ палатою, что 8,104 р. 28 $\frac{4}{7}$ к. составляли недоимку, а изъ остальныхъ 236,977 руб. 1 $\frac{1}{2}$ к. 201,049 р. 13 $\frac{1}{4}$ к.—возврату не подлежали, ибо по Высочайше утвержденнымъ 27 октября 1836 г. правиламъ о переселеніи евреевъ въ Сибирскія губерніи—предписывалось на счетъ казны довольствовать переселенцевъ въ продолженіи пути, снабдить ихъ по прибытіи на мѣсто водворенія земледѣльческими орудіями, рабочимъ скотомъ и прочими домашними вещами; 7,142 р. 85 $\frac{5}{7}$ к.—слѣдовало взыскать, такъ какъ Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1841 г. положеніемъ комитета министровъ, новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору разрѣшалось въ еврейскія семейства, которые прибыли въ Херсонскую губернію для поселенія на собственномъ иждивеніи, но не имѣли къ тому средствъ, — водворить съ взаимобразнымъ пособіемъ отъ казны и продовольствовать ихъ до новаго урожая; наконецъ, 28,785 р. 2 $\frac{1}{2}$ к. возврату не подлежали, потому что министръ финансовъ, по удостовѣренію министра государственныхъ имуществъ, о невозможности отнести 48,000 р. на сумму, назначенную ежегодно по росписанію для пособій вообще переселенцамъ,—согласился принять эту сумму на счетъ государственнаго казначейства, а въ Высочайше утвержденномъ 19 января 1843 г. положеніи комитета министровъ объ отпускѣ этихъ 48,000 р. — о возвратѣ ихъ ничего не было сказано. Такимъ образомъ присутствіе признало, что изъ 245,081 р. 30 к. взысканію подлежали толь-

ко 15,247 р. 14¹/₂ в., а остальные 229,834 р. 15³/₄ к. составляли безвозвратный расход казны; высканіе же 15,247 р. 4¹/₂ к. полагало начать, но прежнему примѣру, только по окончаніи назначенной еврейскимъ поселенцамъ 25-ти лѣтней льготы отъ податей. Министръ финансовъ нашолъ правильными приведенные доводы, почему они и были исполнены.

Такимъ образомъ, къ благополучію евреевъ разрѣшился и споръ о ихъ долгахъ казнѣ. Въ то же время Киселевъ, желая дознаться—достойны-ли евреи оказанной имъ нсвой, весьма существенной милости, — потребовалъ объясненія Комитета о томъ, въ какомъ положеніи ихъ занятія и исправны-ли ихъ дома? Комитетъ отвѣчалъ, что въ теченіи 1850 г. въ Херсонской губерніи на двухъ участкахъ при Камянкѣ и Излучистой построено 27 домовъ (19 — о двухъ половинахъ, въ которыхъ размѣщены 20 семействъ, изъ числа зашедшихъ въ 1845 и 1846 гг., и 8 — одинокихъ, для 22 семействъ ковенскихъ и 4 семействъ одесскихъ евреевъ), а въ Екатеринославской губерніи построено домовъ: 13 — о двухъ половинахъ, для 26 семействъ ковенскихъ евреевъ; свободной земли для водворенія новыхъ поселенцевъ, начиная съ 1851 г., считалось въ губерніяхъ: Херсонской до 26.185 дес. 654 саж., и въ Екатеринославской—до 27.847 дес. удобной земли. Комитетъ при этомъ присовокунилъ, что при всемъ стараніи устроить помѣщенія для всѣхъ вообще еврейскихъ семействъ, которыхъ предстояло водворить въ 1849 и 1850 г. — онъ не могъ этого достигнуть: нельзя было приобрести въ достаточномъ количествѣ половины—необходимаго матеріала при дѣланіи кирпича, соломы и камыша, для покрытія крышъ, вслѣдствіе чрезвычайно скуднаго урожая.

Незначительный успѣхъ обращенія евреевъ въ земледѣльцы до того безнокоилъ Киселева, что, обозрѣвъ дѣло о нихъ, онъ нашелъ, что «Департаменты не исполняли въ надлежащей степени правилъ 1847 г.», а потому предписалъ имъ «обратить строгое вниманіе на ходъ этого дѣла и наблюдать, чтобъ поселеніе евреевъ было отнюдь не мнимое, но дѣйствительнымъ образомъ совершающееся», что и оставлялъ «на отвѣтственности департаментовъ». Ганъ, въ качествѣ директора одного изъ департаментовъ, въ свое оправданіе, между прочимъ, изло-

жилъ, что медленность въ водвореніи евреевъ, кромѣ трудности этого дѣла, относилась главнѣе всего къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, устраненіе которыхъ не зависѣло отъ распорядительности мѣстныхъ начальниковъ: Херсонская и въ особенности Екатеринославская губерніи третій годъ сряду (1848 — 1850 г.) испытывали неурожая, а бѣдствіе это, съ одной стороны — препятствовало приобрѣтенію матеріаловъ, необходимыхъ для устройства домовъ, а съ другой — возбуждало опасенія на счетъ обезпеченія продовольствія евреевъ, которые, съ перваго дня прибытія на мѣсто водворенія, должны были содержаться ссудами хлѣба, а этого нельзя было исполнить безъ затрудненія и излишнихъ расходовъ въ мѣстахъ, гдѣ поселенныхъ уже евреевъ нужно было кормить покупнымъ хлѣбомъ. Тѣмъ не менѣе, Киселевъ, признавъ необходимымъ произвести осмотръ еврейскихъ поселеній, дабы имѣть свѣдѣніе о ихъ положеніи *, — командировалъ на мѣсто своего секретаря, коллежскаго ассесора Иславина, которому поручилъ удостовѣриться: а) соотвѣтствуютъ ли постройки и обзаведенія потребностямъ хозяйства и суммѣ, на это израсходованной; б) въ какомъ состояніи находятся евреи, т. е. занимаются ли земледѣліемъ и имѣется ли за ними надлежащій надзоръ; в) если евреи хлѣбопашествомъ не занимаются, то сколько такихъ, почему они отъ этого уклоняются и какое дѣлаютъ употребленіе изъ отведенной имъ земли; г) возможно ли обратить ихъ къ хлѣбопашеству и какія нужны для этого мѣры?

Отправка Иславина не остановила, разумѣется, обычнаго теченія и разрѣшенія дѣла. Такъ, въ Херсонскихъ волоніяхъ Романовкѣ и Новополтавкѣ понадобилось вновь построить 113, да исправить — 68 домовъ, но денегъ на все это Комитетъ имѣлъ только 5,710 р., когда при наличности кое-какого матеріала требовалось наименьшее 8,586 р. 93¼ к. Чтобы выдти изъ затрудненія, Комитетъ рѣшилъ образовать изъ евреевъ

* По документамъ отъ 31 января, 11, 17 и 28 марта; 16 апрѣля; 10 и 27 мая; 11, 13, 17, 30 и 21 іюня; 21 и 22 іюля; 21 августа; 3 сентября; 29 октября; 8, 10 и 29 ноября и 31 декабря 1849 г.; 23 и 26 января; 8, 9, 22 и 28 февраля; 10, 14 и 28 марта; 6 и 27 апрѣля; 29 мая; 5, 16 и 27 сентября; 20 и 26 октября; 17, 28, 30 и 31 декабря 1850 г.

этихъ колоній партіи каменщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ и печниковъ, которыхъ подъ надзоромъ попечителя и руководствомъ наемныхъ мастеровъ и заставить работать, платя только наибѣднѣйшимъ изъ нихъ поденно, сообразно состоянію кассы. Киселевъ одобрилъ эту мѣру, но съ тѣмъ, чтобы евреевъ, дома которыхъ были въ удовлетворительномъ положеніи, — къ работамъ не привлекали.

По истеченіи семи мѣсяцевъ и Иславинъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, представилъ Киселеву отчетъ, къ содержанию котораго мы и переходимъ.

По донесенію г. Иславина, изъ 5,090 еврейскихъ семействъ, пресившихся въ земледѣльцы съ 1844—1851 г., получили на это разрѣшеніе лишь 205 семействъ. Причины малочисленности переселенцевъ заключались, по мнѣнію г. Иславина, въ томъ, что а) евреи помнили плохой приѣмъ, сдѣланный на мѣстахъ поселенія ихъ соплеменникамъ въ прежнее время; б) въ новороссійскомъ краѣ были въ 1848 и 1849 г. неурожаи, и в) семейства, нерасполагавшія деньгами на нутевыя издержки, до 1849 г. не отпускались на поселеніе, а потому прискивали себѣ занятія на родинѣ или обращались въ земледѣльцы въ самомъ западномъ краѣ. Переходя къ колоніямъ, г. Иславинъ нашелъ существовавшія съ 1807 г. такъ запущенныя, что устроенныя въ 1847—1852 г. находились «въ гораздо лучшемъ видѣ и представляли меньше затрудненій къ введенію въ нихъ порядка, чѣмъ-давнія, которыя, если бы оставались при прежней системѣ управленія, — чрезъ 10 лѣтъ носили бы только названіе колоній: дома всѣ бы разрушились, евреи бы всѣ разбрелись, а земля отдана бы была за ничто въ аренду или осталась бы невоздѣланною». Такимъ образомъ г. Иславинъ выводилъ, что «эпохою возрожденія колоній слѣдовало считать 1847 г., — когда онѣ поступили въ вѣдѣніе Комитета, издано было новое положеніе, а также — начертаны были новыя правила, приняты были благоразумныя и дѣятельныя мѣры для управленія колоніями».

По отчету г. Иславина было: въ 15 старыхъ Херсонскихъ поселеніяхъ семействъ 1,588, а въ нихъ душъ: ревизскихъ мужскихъ — 6,428, женскихъ 5,794; наличныхъ: муж. — 6,570,

жен. 5,837; въ 10 вновь устроенныхъ Херсонскихъ же поселеніяхъ: семействъ—136; а въ нихъ душъ: ревизскихъ: муж. 690, жен. 119; наличныхъ: муж.—690, жен.—619; въ Екатеринославскихъ колоніяхъ 346 семействъ, а въ нихъ душъ: ревизскихъ: муж.—1,907, жен.—1,573; наличныхъ: муж.—1,896, жен.—1,536; итого во всѣхъ 25 поселеніяхъ было 2,070 семействъ, а въ нихъ душъ: ревизскихъ: муж.—9,025, жен. 7,986; наличныхъ: муж.—9,156, а жен. 7,992. На льготѣ состояло семействъ по губерніямъ: Херсонской—615, Екатеринославской—346; итого 961. Вышло изъ льготы: по Херсонской—1,109 семействъ. Самовольно зашедшихъ для поступленія въ земледѣльцы, но не перечисленныхъ еще казенными палатами: по Херсонской губерніи—66 семействъ. Перешли въ христіанскую вѣру: по Екатеринославской губерніи—4 семейства. Возвратились на родину, по случаю смерти рабочихъ душъ, по преслѣдованіямъ полиціи за неперечисленіе ихъ изъ прежняго званія и по несклонности къ земледѣлію: по Херсонской губерніи—47 семействъ. Подъ поселеніе евреевъ отдѣлено было земли въ губерніяхъ: Херсонской—108,861 дес. 2,290 саж., а въ Екатеринославской 46,670 дес., всего 155,531 дес. 2,290 саж.; изъ этого числа занято было подъ поселеніями: въ Херсонской—77,593 дес. 2,237 саж. и Екатеринославской 16,345 дес. 1,200 саж., итого 93,939 дес. 1,037 саж.; изъ остальныхъ незаселенныхъ земель находилось въ оброчномъ содержаніи у разныхъ лицъ: въ Херсонской—29,619 дес. 2,333 саж. и въ Екатеринославской—26,888 дес.; итого 53,507 дес. 2,333 саж. Свободной для водворенія земли считалось: въ Херсонской губерніи—1,648 дес. 120 саж., въ Екатеринославской—6,436 дес. 1,200 саж., итого 8,084 дес. 1,320 саж.; эта земля, по окончаніи срока оброчнаго содержанія во время неурожайныхъ 1848 и 1849 годовъ, по нежизнѣ желающихъ, не была отдана въ оброкъ, а оставалась въ хозяйственномъ управленіи и приносила въ годъ среднимъ числомъ по 30 к. за десятину. Всѣ земли были хорошаго качества, но многія не имѣли проточныхъ рѣкъ и прѣсной воды. Въ колоніяхъ состояло на лицо домовъ: общественныхъ: въ Херсонскихъ—59, въ Екатеринославскихъ—2, итого 61; частныхъ: въ Херсонскихъ—1,569, въ Екатеринославскихъ—269,

итого 1,838; на каждый домъ проживавшихъ въ нихъ душъ евреевъ въ Херсонскихъ приходилось до 9, въ Екатеринославскихъ до 10; изъ числа частныхъ домовъ было: каменныхъ въ Херсонскихъ—731, въ Екатеринославскихъ—1, итого 732; чамурныхъ: въ Херсонскихъ—638; плетневыхъ: въ Херсонскихъ—134, въ Екатеринославскихъ—189, итого 323; изъ земляного кирпича на каменномъ фундаментѣ: въ Херсонскихъ—68, въ Екатеринославскихъ—79, итого 147; сараевъ и конюшенъ для скота: въ Херсонскихъ—52, въ Екатеринославскихъ—только что начинали строиться; мельницъ: въ Херсонскихъ—24.

Со времени принятія колоній въ вѣдѣніе Комитета успѣхъ построекъ оказался слѣдующій: по Херсонской губерніи принято было разрушенныхъ 59, ветхихъ 156, раскрытыхъ 213, полураскрытыхъ 194, всего 622 дома; изъ нихъ исправлено и укрыто 458; осталось неисправленныхъ 164, требовавшихъ совершенной передѣлки и исправленія 105, безъ крышъ 59; исправленные 458 домовъ могли, при поддержкѣ колонистовъ и при надзорѣ начальства, служить 5 и даже болѣе лѣтъ. Потому 164 дома, оставшіеся неисправленными, принадлежали земледѣльцамъ, находившимся въ бродяжествѣ, или людямъ, которые по бѣдности, въ особенности отъ бывшихъ неурожаевъ и болѣзней, не могли привести ихъ въ порядокъ, а общества по тѣмъ же причинамъ не были въ состояніи оказать имъ пособія. Вспомоществованіе со стороны казны, хотя по 20 р. на домъ, оказывалось необходимымъ, въ особенности для Израилевки, Камянки и Излучистой. Съ 1847 г. вновь построено: земледѣльцами на собственный счетъ 46 домовъ, а на суммы, отпущенныя казною и изъ коробочныхъ сборовъ: въ Романовкѣ и Новополтавкѣ каменныхъ домовъ 25; двойныхъ 54, одинокихъ 14. Новый способъ постройки оказался весьма выгоднымъ и прочнымъ. Кромѣ указанныхъ построекъ съ 1847 г. средствами самихъ поселенцевъ: выведены фронтоны на 95 домовъ; устроены каменные палисадники при домахъ 642, построено мельницъ 9, сараевъ и конюшенъ 52, а на счетъ общественныхъ суммъ вновь построено: домовъ для сельскихъ начальниковъ 5, молитвенныхъ 5. На сумму, отпущенную Коми-

тетомъ: домовъ для попечителя и его помощника 2, лечебница 1, сараевъ для сохраненія рабочихъ орудій и конюшенъ для лошадей и плуговой упряжи—9. Перестроено на счетъ общественныхъ суммъ: молитвенныхъ домовъ 5, домовъ для сельскихъ начальниковъ 1, для приказовъ 2, бань 2. Дома, построенные по распоряженію управляющаго палатою (189), плетневые, мазанковые, обшитые дранью, обошлись въ 100 р. каждый, но строились зимою и къ спѣху, почему построены небрежно и непрочны съ соблюденіемъ только плановаго вида. Все, что вначалѣ 1850 г. доносили Струковъ о жалкомъ состояніи этихъ домовъ, г. Иславину представлялось еще въ худшемъ видѣ. Поселенцы жили въ нихъ только лѣтомъ, ибо дома склонялись на сторону отъ сильнаго вѣтра, а при наступленіи холодовъ г. Иславинъ былъ свидѣтелемъ, какъ евреи перебирались къ сосѣдямъ, за плату въ 3 и даже 5 р. въ зиму; въ устроенные землелитные дома, или семейства по 3, по 4 стѣснялись въ тѣхъ плетневыхъ мазанкахъ, которыя были попрочнѣе другихъ, а нѣкоторые даже соглашались жить въ землянкахъ, которыя были безопаснѣе. Попечитель колоній баронъ Штемпель, при заботливости и опытности, довелъ постройки до совершенства: ничего лучшаго по отпущеннымъ средствамъ нельзя было и желать: дома, устроены были на двѣ половины, поставлены къ улицѣ широкой стороною, раздѣлены капитальной стѣной и имѣли для каждаго семейства по два выхода: на улицу и на дворъ. Это не было соблюдено въ другихъ поселеніяхъ, въ которыхъ у одного семейства окна и выходъ были на улицу, а у другого на дворъ, отчего происходили между жильцами ссоры въ кухнѣ и сѣняхъ и жалобами евреевъ безпрестанно затрудняли начальство.

Херсонскія колоніи существовали 45 лѣтъ, а потому слѣдовало, по словамъ г. Иславина, ожидать, что въ «новомъ поколѣніи евреи уже привыкли къ сельскому хозяйству, оставили прежніе свои обычаи и хотя нѣсколько обзавелись въ земледѣльческомъ быту». Но ничего этого не находилъ г. Иславинъ въ Новороссійскихъ колоніяхъ, а состояніе ихъ представилось ему «въ томъ точно видѣ, какъ и состояніе новыхъ поселеній

въ западныхъ губерніяхъ». Происходило же это, по мнѣнію г. Иславина, оттого, что «прежнее начальство нимало о евреяхъ не заботилось, а, напротивъ, какъ бы покровительствовало бродячеству, охотно выдавало каждому, разумѣется, за незаконную плату, паспорта на отлучку, а въ отсутствіе хозяина и взрослыхъ сыновей семейство не радѣло о хозяйствѣ, дома приходили въ разрушеніе, рабочій скотъ не существовалъ или продавался, земля оставалась невоздѣланною или отдавалась въ содержаніе за ничтожную плату».

Одобряя дѣйствія сельскихъ начальниковъ, г. Иславинъ усмотрѣлъ, что они располагали слишкомъ ограниченою властью надъ поселенцами. Правилами, изданными для сельскихъ начальниковъ, на нихъ возложены были всѣ обязанности, относившіяся до благосостоянія и благоустройства колоній, а между тѣмъ они имѣли право «руководить поселенцевъ одними лишь совѣтами и наставленіями; когда же требовалась власть,—они обязывались предварительно представить на разрѣшеніе попечителя. Это замедляло дѣло, вело къ излишней перепискѣ, ослабляло мѣру взысканія съ виновнаго, а главное—отнимало у сельскаго начальника вѣсъ и уваженіе между поселенцами. Еврей, случалось, упорствовалъ исполнить приказаніе сельскаго начальника во время полевыхъ работъ и легкое наказаніе на мѣстѣ проступка послужило бы примѣромъ для другихъ на будущее время и возвысило бы власть сельскаго начальника въ глазахъ евреевъ, но это подлежало обсужденію въ еврейскомъ приказѣ, гдѣ начальствующія лица изъ евреевъ всегда принимали сторону единовѣрца, или доводили до свѣдѣнія попечительства, которое, по истеченіи нѣкотораго времени, опредѣляло наказаніе, а иногда даже, убѣждаемое ложными представленіями евреевъ,—вовсе не приводило наказанія въ исполненіе». Поэтому г. Иславинъ полагалъ полезнымъ «даровать нѣсколько болѣе власти сельскимъ начальникамъ, предоставивъ имъ даже нѣкоторую мѣру наказанія, съ тѣмъ, чтобы доносили попечительству по приведеніи уже наказанія въ дѣйствіе».

Рабочая упряжь устраивалась, по словамъ г. Иславина, тамъ, гдѣ былъ сельскій начальникъ и гдѣ предвидѣлась на-

добнoсть приписать къ нимъ евреевъ, уклонявшихся отъ полевыхъ работъ по несостоятельности, или подъ предлогомъ небостоятельности; имѣвшихъ рабочій скотъ, но замѣченныхъ въ нерадѣніи—и по мѣрѣ исправленія, еврей, приписанные къ упряжи, возвращались къ своему хозяйству; были даже примѣры, что, пробывъ при ней годъ, они собственными средствами обзаводились рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями.

При включеніи евреевъ въ разряды принимались, по справкамъ г. Иславина, въ руководство слѣдующія соображенія: Въ 1-й разрядъ включались хозяева, занимавшіеся земледѣліемъ, болѣе по наставленіямъ, чѣмъ по принужденію или страху, содержали въ исправности дома и хозяйство, имѣли болѣе одной пары рабочаго скота или трехъ лошадей и всѣ земледѣльческія орудія, дѣлали посѣвъ болѣе 6 десятинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняли хорошую нравственность. Такихъ хозяевъ въ Херсонскихъ колоніяхъ г. Иславинъ насчиталъ 188, а въ Екатеринославскихъ 58, итого 246. Во 2-й разрядъ назначались сохранявшіе въ порядкѣ дома, имѣвшіе не менѣе одной пары рабочаго скота или двухъ лошадей, сѣяли отъ 4 до 6 дес. и были хорошаго поведенія. Такихъ хозяевъ было въ Херсонскихъ поселеніяхъ 411, а въ Екатеринославской 188, итого 599. Къ 3-му разряду причислялись: имѣвшіе по одной лошади и сѣявшіе отъ 3 до 4 десятинъ. Этотъ разрядъ существовалъ только въ Херсонскихъ колоніяхъ и состоялъ изъ 384 хозяевъ. Въ 4-й разрядъ по Херсонской губерніи, а въ 3-й по Екатеринославской вписывались хозяева, не только не имѣвшіе рабочаго скота, нерадивые и уклонявшіеся отъ занятій, но и дурной нравственности и лишь мѣрами строгости принуждавшіеся къ хозяйственнымъ работамъ, всего 714 хозяевъ.

Земля, находившаяся подъ поселеніями, съ 1847 г. раздѣлена была на семейные участки: въ Херсонской губерніи въ 5 колоніяхъ—17,107 дес. 2,264 дес., а въ Екатеринославской—въ 5 колоніяхъ 9,689 дес. 1,200 саж.; въ 10 колоніяхъ 26,797 дес. 1,064 саж., такъ, что оставалось еще разбить на участки

въ 13 колоніяхъ Херсонскихъ до 60,486 дес. и въ 2 колоніяхъ Екатеринославскихъ 6,656 дес., въ 15 колоніяхъ 67,142 дес. Нѣкоторые еврейскіе хозяева, слѣдуя примѣру нѣмецкихъ колонистовъ, приняли ихъ способъ обработки полей, посѣва, сѣмки и уборки хлѣба, употребляли нѣмецкіе земледѣльческія орудія, а воловъ замѣнили лошадыми, занимались огородничествомъ и начинали заводить для скота помѣщенія. Такъ, впрочемъ, поступало, по удостовѣренію г. Иславина, самое незначительное число еврейскихъ поселенцевъ; «большая же часть ихъ показывала явное отвращеніе къ земледѣлію и старалась исполнить требованія начальства для того только, чтобы получить потомъ паспортъ на отлучку, для постороннихъ заработковъ. Трудно убѣдить еврейскихъ поселенцевъ въ пользу хлѣбопашества, много земли они оставляли въ залежи, воздѣлывали землю по клочкамъ, гдѣ кому вздумается, и обыкновенно за полевныя работы предоставляли третью или четвертую часть урожая сосѣднимъ или приходившимъ изъ другихъ губерній крестьянамъ, а остальное, если могли, старались продать, сами же оставались безъ хлѣба на пропитаніе семействъ и обсѣменение полей,—имъ бы только выручить чистыя деньги». Оттого въ еврейскихъ поселеніяхъ, особенно въ Херсонскихъ, г. Иславинъ нигдѣ не видалъ достаточныхъ запасовъ хлѣба и хотя это и «приписывалось неурожаемъ; но въ 1851 г. урожай былъ весьма посредственный, а запасовъ было довольно у сосѣднихъ помѣщиковъ, въ ближнихъ военныхъ поселеніяхъ и даже у приселенныхъ къ евреямъ нѣмецкихъ колонистовъ». Въ Херсонскихъ колоніяхъ всего хлѣба было въ ссудѣ 1,428²/₃ четв., на лицо 586³/₈ четв., на каждую наличную душу: въ ссудѣ—до 7 гарнцевъ, на лицо—до 3 гарнцевъ.

Состояніе скотоводства въ колоніяхъ, въ сравненіи съ количествомъ скота, принятымъ колониальнымъ начальствомъ въ 1847 г., представляло слѣдующій результатъ:

	Въ 1847 году было.		Въ 1851 году на лицо.		Противъ прежняго прибыло.	Противъ прежняго убыло.
	Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонской.	
Рабочихъ воловъ	2580	По новости колоній свѣ- дѣній этихъ быть не мо- жетъ.	1205	—	—	1303
Лошадей	587		997	449	410	—
Коровъ и гулевого скота	3193		4062	788	869	—
Овецъ	3752		1343	—	—	2407
Итого	10040	—	7607	1245	1279	3712

Уменьшеніе рабочаго скота и овецъ произошло, впрочемъ, по удостовѣренію г. Иславина, отъ бывшихъ въ 1848 и 1849 г. падежей, неурожаевъ и малаго усердія евреевъ къ хлѣбонаше-ству; по принятіи-же въ 1851 г. болѣе строгихъ, противъ нихъ, мѣръ,—начали увеличивать скотоводство. Овецъ, со времени послѣдняго падежа, евреи неохотно разводили, а для полевыхъ работъ вмѣсто рогатаго скота, который нѣмецкими колонистами признано невыгоднымъ держать, какъ болѣе подверженнаго эпидеміямъ и не столь удобнаго и быстраго въ землѣдѣліи,—евреи въ новыхъ колоніяхъ начали замѣнять лошадьми; поэто-му и число лошадей противъ прежняго увеличилось; но въ еврейскихъ поселеніяхъ болѣе всего подвергали скотъ разнымъ болѣзнямъ дурной за ними уходъ: рѣдко у какого поселенца было помѣщеніе для скота. Вообще г. Иславинъ убѣдился, что евреи слишкомъ небрежно обходились со скотиной, и «пока они не переймутъ отъ нѣмцевъ ихъ способа обращенія,—скотовод-ство будетъ находиться въ жалкомъ положеніи». Замѣнъ рoga-таго скота для полевыхъ работъ лошадьми, или заведеніе ко-ровъ нѣмецкой породы, столь много оказавшіе пользы нѣмец-кимъ колонистамъ,—евреямъ «служили только во вредъ: они

лошадей заганивали въ ѣздѣ и мало кормили, особенно въ шабашные дни, въ которые ни до чего не дотрогивались; а нѣмецкихъ коровъ не доили каждый день въ одно время, а оставляли безъ защиты, отчего нѣмецкая корова, будучи нѣжной русской, — переставала давать молока».

О состояніи земледѣльческихъ орудій г. Иславинъ также доставилъ сравнительную таблицу, изъ которой видно:

		Въ 1849 году было.		Въ 1851 году на лицо.		Противъ прежняго пришло.	Противъ прежняго убыло.	
		Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонской.		
Плуговъ	малороссійск.	301	По новостн населеній, этихъ свѣдѣній быть не можетъ.	226	50	—	75	
	нѣмецкихъ.	—		155	130	155	—	
Боронъ	малороссійск.	530		664	—	—	—	
	нѣмецкихъ.	—		105	187	105	—	
Раль малороссійск.		282		311	—	—	29	—
Возовъ	простыхъ.	1428		1269	—	—	—	159
	нѣмецкихъ.	—	98	300	93	—	—	
Кось, желѣзныхъ лопатъ, виль и граблей		Не показано въ ведомостяхъ.	—	—	2724	—	—	

Сверхъ показанныхъ для Херсонскихъ населенцевъ изготовлено было еще 15 нѣмецкихъ плуговъ, 38 боронъ и 14 воровъ, которыми колонисты не были надѣлены. Все это составляло пропорцію земледѣльческихъ орудій къ числу ревизскихъ мужскаго пола душъ.

1 плугъ. 1 борона. 1 возъ.

По Херсонской губ. на . . . 19 душъ 9 5
 » Екатеринославск. губ. на . 11 » 10 6

Огородовъ у евреевъ г. Иславинъ нашель мало, какъ по несклонности ихъ къ земледѣлію, такъ и потому, что этою

отраслью въ большихъ размѣрахъ занимались въ военныхъ поселеніяхъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, отчего овощи обходились дешевле покупкою, чѣмъ собственнымъ производствомъ. Для распространенія между евреями огородничества и для занятія женщинъ и дѣтей, которые ничего не дѣлали «отъ религіозныхъ предразсудковъ и отъ лѣни»,—полезно было, по мнѣнію г. Иславина, отдѣлать при каждомъ поселеніи небольшой участокъ подъ общественный огородъ, гдѣ занимать и тѣхъ евреевъ, которые присуждены къ работѣ за нерадѣніе или за какой либо проступокъ, какъ это уже и дѣлалось при разведеніи лѣсныхъ плантацій, которыя, впрочемъ, большею частію худо удались отъ сильныхъ жаровъ, вѣтровъ, засухъ лѣтомъ и безснѣжья зимою; незначительная часть деревъ осталась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотя изрѣдка перепадали дожди. Евреи и «за плантаціи неохотно принимались, при чемъ въ бытность г. Иславина въ колоніи Новополтавкѣ, евреи, зная, что онъ будетъ осматривать лѣсную школу,—умышленно обрѣзали вполнину довольно высокую уже поросль, которою гордился сельскій начальникъ». При нѣкоторыхъ домахъ, особенно въ новыхъ поселеніяхъ Екатеринославской губерніи посажены деревья, а въ Херсонскихъ поселеніяхъ разведено было до 13,443 штукъ деревъ, въ Екатеринославскихъ до 5,214 фруктовыхъ деревъ и 1,886 штукъ бѣлыхъ и черныхъ тополей. Всего лучше принимались тополь, тутовое дерево, табакъ и виноградная лоза, а потому г. Иславинъ считалъ полезнымъ и выгоднымъ ввести въ колоніяхъ шелковичное и табачное производства и винодѣліе въ болѣе обширномъ размѣрѣ.

Причины неустройства еврейскихъ поселеній заключались, по мнѣнію г. Иславина, всего болѣе въ «несклонности евреевъ къ труднымъ полевымъ работамъ, въ ихъ частыхъ отлучкахъ для заработковъ, въ обычаяхъ, происходившихъ отъ религіознаго фанатизма и предразсудковъ, а отчасти и отъ упорства противъ законныхъ требованій начальства: еврей-поселенецъ, когда только могъ,—старался уйти на промыселъ, даже въ самое нужное для хозяйства время и для невѣрнаго оборота готовъ былъ покинуть всякій начатый трудъ. Самовольныя отлучки случались безпрестанно. Большая часть евреевъ, отпущенныхъ по паспортамъ, бродяжничали; поэтому Штемпель не

иначе давалъ паспорта, какъ съ обязательствомъ по возвращеніи внести въ попечительство опредѣленную сумму, а этимъ способомъ онъ на вырученныя съ 1847 г.—3,348 р. исправилъ нѣкоторые дома и улучшилъ хозяйства. Кто первый разъ не исполнялъ обѣщанія—второй не получалъ вида». Слишкомъ слабое взысканіе было, по словамъ г. Иславина, главною причиною самовольныхъ отлучекъ поселенцевъ: за каждый просроченный день выскивалось только по 1 коп., а «еврей готовъ заплатить и болѣе, лишь бы ему дозволили заниматься легкимъ трудомъ и оборотами. Онъ изъ вырученныхъ на промыслѣ денегъ отдавалъ 3 р. 65 к. за годовую отлучку, а при первомъ случаѣ—снова уходилъ бродяжничать». Это слабое наказаніе г. Иславинъ считалъ нужнымъ замѣнить болѣе строгимъ и дѣйствительнымъ: присужденіемъ къ тяжелымъ полевымъ работамъ по одному дню за каждый просроченный день на общественной плантаціи или огородѣ, добыванію камня для разныхъ хозяйственныхъ построекъ и т. п.

Въ 25 еврейскихъ колоніяхъ г. Иславинъ насчиталъ духовныхъ лицъ: въ Херсонскихъ 69, а въ Екатеринославскихъ 37, итого 106; синагогъ и молитвенныхъ домовъ: въ Херсонскихъ 21, въ Екатеринославскихъ 3—24. Раввины и рѣзники получали жалованья отъ обществъ въ годъ: въ Херсонскихъ колоніяхъ 1,380 р. 13 к., въ Екатеринославскихъ одни раввины 203 р.—1,583 р. 13 к. Въ Екатеринославскихъ колоніяхъ рѣзники получаютъ по договору отъ обществъ отъ каждой примѣрно: отъ птицъ по 2 к., отъ скота малаго 15 к. и отъ крупнаго 20—25 к. Такимъ образомъ въ колоніяхъ приходилось по одному духовному лицу на каждыя 85 душъ муж. пола. Лица эти, по удостовѣренію г. Иславина, останавливали развитіе поселеній: «поддерживали своихъ единовѣрцевъ въ мысли, что они, какъ народъ избранный,—не предназначены судьбой на тяжкій трудъ земледѣльца, ибо это горькій удѣлъ гоя (иновѣрца), и старались сохранить талмудъ во всей его полнотѣ, а съ нимъ и вкоренившіеся издревле обычай и предразсудки». Слишкомъ частое моленіе и многочисленные праздники также вредили евреямъ, которые по обыкновенію поздно вставали, употребляли часъ на утреннюю молитву и выходили на работу, когда солнце было высоко уже на небѣ; потому вечерняя мо-

литва, частыя сборища въ бѣсъ-жадрапахъ (молитвенныхъ домахъ), шабашъ съ пятницы по захожденіи солнца до утра воскресенія, — все это отнимало много времени въ ихъ хозяйствѣ; всего же болѣе вреда приносили евреямъ весенніе и осенніе слишкомъ долгіе праздникі въ самое нужное для поствъа время: въ силу талмуда, евреи въ это время не прикасались къ сохѣ, а между тѣмъ дозволяли себѣ разнаго рода плутни и обороты. Религіозный ихъ педантизмъ доходилъ до того, что если кто умиралъ въ домѣ, — все семейство садилось на погъ и цѣлую недѣлю оставалось безъ занятій!.. Въ праздничные и шабашные дни еврей слишкомъ много тратились, а употребленіе богатыхъ одѣяній и кошернаго мяса — еще болѣе увеличивали ихъ расходы. Свадьбы въ особенности справлялись роскошно, даже и тѣми, которые не обзавелись никакимъ хозяйствомъ, и если сельскій начальникъ настаивалъ, чтобы женихъ приобрѣлъ по крайней мѣрѣ пару воловъ, то еврей занималъ ихъ на время у сосѣда, а всѣ старались помочь ему обмануть сельскаго начальника. Иногда они и вѣнчались безъ позволенія и безъ раввина. Евреи вообще слишкомъ рано вѣнчались, а ихъ родители всячески старались показать дѣтей своихъ старше, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого пагубнаго обычая, издавна существовавшаго между евреями, — народъ этотъ до того обезсилѣлъ, что если не принять мѣръ противъ раннихъ браковъ и не заставлять брачащихся обзаводиться полнымъ хозяйствомъ, то еврей *никогда не будетъ земледѣльцами*. Женщины ничего не умѣли дѣлать, а дѣтей совѣмъ не приучали къ хозяйству до самаго вступленія въ бракъ, въ томъ предположеніи, что они ослабѣютъ отъ тяжкихъ работъ. Это ложное мнѣніе поддерживалось ученіемъ меламдовъ (частныхъ учителей, а число безполезнаго и даже вреднаго класса людей простиралось въ Херсонскихъ колоніяхъ до 81, а въ Екатеринославскихъ до 99 человекъ. На cadaго меламда приходилось учащихся: въ Херсонскихъ колоніяхъ 8, въ Екатеринославскихъ 10. Меламды получали содержаніе отъ родителей въ годъ: въ Херсонскихъ колоніяхъ — 3,004 р. 40 к., а въ Екатеринославскихъ до 4,905 р. за половину года. Для ослабленія фанатизма г. Иславинъ предлагалъ отъ cadaго поселенія посылать на общественный счетъ по одному мальчику въ

одесское еврейское училище съ платою по 60 р. въ годъ, для образованія учителей, взаимѣнъ меламдовъ и писарей, въ еврейскіе приказы, что казалось г. Иславину даже необходимымъ, ибо оми большую часть писарей еврейскихъ приказовъ считать ненадежными и неспособными, а замѣстить ихъ было негѣмъ.

Приговоры, какъ г. Иславинъ видѣлъ, еврейскія общества постановляли пристрастные: за бродяжество, ослушаніе, грубости начальству и т. п. присуждали ко внесенію 1 ф. свѣчей въ пользу молитвеннаго ѹдома. Дѣлопроизводство г. Иславинъ нашель тоже не въ порядкѣ. Общественное управленіе міромъ— для колоній, показалось г. Иславину, преждевременнымъ. Евреи не хотѣли слѣдовать намѣренію правительства—сдѣлаться хлѣбопашцами и не понимали выгодъ новаго своего положенія; оттого ихъ надо было вести, какъ малолѣтнихъ, поручить ближайшему руководству и надзору сельскихъ начальниковъ, усиливъ ихъ исполнительную власть по хозяйственной части.

Независимо Херсонскихъ и Екатеринославскихъ колоній, г. Иславинъ нашель такія же поселенія и въ Таврической губерніи. Именно съ 1842 г. Евпаторійскаго уѣзда при имѣніи Донулавъ 25 еврейскихъ семействъ изъ Карасу-Базара основали колонію Рогатлыкой. Евреи эти приняли татарскіе обычаи, жили въ маленькихъ, но чистыхъ каменныхъ домикахъ, вымазанныхъ изнутри, для обработки земли нанимали сосѣднихъ татаръ, держали мало скота, а сами ходили по городамъ на заработки. Точно также и Бессарабской области, Бендерскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Новыя Каушаны 129, а въ мѣст. Чимшиліи 4, итого 133 семейства, проживавшія тамъ со времени присоединенія Бессарабіи къ Россіи. Они жили вмѣстѣ съ христіанами тѣхъ мѣстечекъ и отбывали всѣ повинности наравнѣ съ государственными крестьянами.

Министерство наиболѣе интересовалось Екатеринославскими колоніями, какъ собственнымъ созданіемъ; оттого и г. Иславинъ, для лучшаго о ихъ преуспѣянніи сужденія, составилъ особую вѣдомость, характеризовавшую ихъ дѣйствительную днательность за все время ихъ существованія. Вотъ эта любопытная вѣдомость—о числѣ душъ евреевъ земледѣльцевъ, вообще, ревизскихъ, наличныхъ, рабочихъ, нерабочихъ, разрядовъ, земледѣльческихъ орудій, десятиныхъ посѣяннаго ими озимаго и яроваго хлѣбовъ и скотоводства съ 1847 по 1852 годъ:

НАИМЕНОВАНИЕ КОЛОНИЙ.	Число семействъ.	Число душъ.										Разряды.		
		Вообще.		Ревва- скихъ.		Налич- ныхъ.		Рабо- чихъ.		Не- рабо- чихъ.		1-го.	2-го.	3-го.
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.			
1. Новый Златополь.	100	610	475	586	462	570	445	345	285	225	160	20	50	30
2. Веселая	42	222	176	213	170	214	163	125	85	89	78	4	25	13
3. Красноселка	50	307	256	294	246	305	255	168	141	137	114	11	29	10
4. Межиръчъ	50	259	233	247	224	250	225	164	135	86	90	5	30	15
5. Трудюльбовка	44	240	196	238	193	240	196	138	93	102	103	7	19	18
6. Печавка	32	193	168	188	166	180	152	104	75	76	77	4	18	10
7. Колонія № 7.	28	143	105	146	112	137	100	82	56	62	55	7	17	4
Итого	346	1974	1609	1907	1573	1896	1536	1126	870	777	677	58	188	100

НАИМЕНОВАНИЕ КОЛОНИЙ.	Число семействъ.	Земледѣльческихъ орудій.							Число десятинъ постояннаго хлѣба.				
		Плуговъ.		Повозокъ.	Борошь.	Косъ.	Железныхъ лопатъ.	Вилъ.	Грабель.	Въ 1847 г.		Въ 1848 г.	
		Нѣмецкихъ.	Литовскихъ.							Озимаго.	Яроваго.	Озимаго.	Яроваго.
1. Новый Златополь	100	38	15	75	50	308	188	198	203	177 ¹ / ₂	225 ¹ / ₂	177 ¹ / ₂	427
2. Веселая	42	14	8	31	21	128	74	64	72	66 ¹ / ₂	40	71	187
3. Красноселка	50	21	5	43	25	142	92	189	182	89	115	89	264
4. Межиръчъ	50	18	10	48	25	160	86	66	69	89	120	89	227
5. Трудюльбовка	44	15	2	42	22	102	35	41	40	58 ¹ / ₂	24	58 ¹ / ₂	296
6. Печавка	32	11	5	30	16	75	21	39	42	41	37	41	128
7. Колонія № 7.	28	18	5	81	28	56	28	85	89	—	—	—	—
Итого	346	180	50	300	187	971	474	632	647	521 ¹ / ₂	561 ¹ / ₂	526	1529

НАИМЕНОВАНИЕ КОЛОНИИ.	Число семействъ.	Число десятинъ посѣяннаго хлѣба.								
		Въ 1849 г.		Въ 1850 г.		Въ 1851 г.		Озимата на 1852 г.	И Т О Г О.	
		Озимата.	Яровая.	Озимата.	Яровая.	Озимата.	Яровая.		Озимата.	Яровая.
1. Новый Златополь	100	177 ^{1/2}	365	151	275	177 ^{1/2}	259	185	1046	1551 ^{1/2}
2. Веселая	42	74 ^{1/2}	142	21	80	74 ^{1/2}	118 ^{1/2}	65 ^{1/2}	373	567 ^{1/2}
3. Красноселька	50	89	201 ^{1/2}	81 ^{1/2}	237	89	152	88	525 ^{1/2}	969 ^{1/2}
4. Межирѣчь	50	89	188 ^{1/2}	73	156 ^{1/2}	89	121 ^{1/2}	85	514	813 ^{1/2}
5. Трудюлюбка	44	53	161 ^{1/2}	37	232	53	120	72 ^{1/2}	332 ^{1/2}	883 ^{1/2}
6. Печавка	32	39	144	32	160	42 ^{1/2}	110 ^{1/2}	53	248 ^{1/2}	579 ^{1/2}
7. Колонія № 7.	28	21	101	26 ^{1/2}	128	39	81 ^{1/2}	51	137 ^{1/2}	310 ^{1/2}
Итого	346	543	1303 ^{1/2}	422	1268 ^{1/2}	564 ^{1/2}	963	600	3177	5625 ^{1/2}

НАИМЕНОВАНИЕ КОЛОНИИ.	Число семействъ.	С н о т о в о д с т в о .						
		При вступленіи въ землѣльцъ въ 1847 году.	Прибыло въ 1848 г.	Прибыло въ 1849 г.	Прибыло въ 1850 г.	Прибыло въ 1851 г.	И Т О Г О.	
							При поступленіи въ землѣльцъ въ 1847 году.	Прибытіе по инвѣ.
Новый Златополь	100	229	170	128	67	138	224	503
Веселая	42	91	73	51	9	7	91	140
Красноселька	50	117	129	70	5	49	117	253
Межирѣчь	50	114	124	67	10	16	114	217
Трудюлюбка	44	84	149	36	—	—	84	185
Печавка	32	53	57	18	22	14	53	111
Колонія № 7.	28	—	—	61	4	49	—	114
Итого	346	688	702	431	117	273	688	1523

Киселевъ прочиталъ весь докладъ г. Иславина (17 густо исписанныхъ листовъ), на поляхъ сдѣлалъ много разныхъ частныхъ отмѣтокъ, а въ концѣ отчета благодарилъ г. Иславина «за отчетливое и по многимъ предметамъ правильное донесеніе» и прибавилъ: «засимъ, по разбору предметовъ и соглашеніи съ принятыми началами,—передать, по принадлежности, въ департаменты, для дальнѣйшихъ распоряженій и исправленія недостатковъ, имѣя въ виду, что *чѣмъ дѣло труднѣе, — тѣмъ болѣе имѣть должно настойчивости и не обзохочиваться первыми неудачными приѣмами*».

В. Никитинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГИРЦЕЛЬ ЛЕВИ,

ЖЕРТВА РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ.

Изъ судебной хроники прошлаго вѣка.

Материаломъ для нижеслѣдующаго очерка послужили слѣдующіе документы:

1) Современное изложеніе этого дѣла, написанное эльзасскимъ еврейско-нѣмецкимъ жаргономъ; рукописная тетрадь въ 28 страницъ. Ему предпослано было введеніе, которое не дошло до насъ.

2) Рукопись въ полторы страницы, написанная тѣмъ же жаргономъ и озаглавленная: „*Помощь Всевѣчнаго*“. Она содержитъ въ себѣ очень краткое изложеніе фактовъ и похожа на циркуляръ, который, быть можетъ, былъ разосланъ еврейскимъ общинамъ въ Эльзасъ.

3) Печатная записка, озаглавленная: „*Записка по дѣлу о Авраамъ-Гирцель Левы и о его сестрѣ Фриль*“. Представлена Ханной, женой Гирцеля Бруншвика, еврея, за себя и по уполномочію дѣтей и зятя покойнаго Гирцеля Левы, еврея, а равно и Моисеемъ Лангомъ и Менехекомъ Левы; также евреями, живущими въ Верхнемъ Эльзасъ, которые всѣ просятъ о пересмотрѣ двухъ рѣшеній верхне-эльзасскаго уголовного суда. Печатано въ типографіи Гранже, въ Пергамонтской улицѣ, въ Парижѣ, 1755 г. 12 стр. in-folio.

4) Постановленіе Мецкаго парламента, которымъ объявляется невиннымъ покойный *Гирцель Левы*, еврей, приговоренный 23-го декабря 1754 г. къ четвертованію судьей Рибошера, каковой приговоръ былъ утвержденъ Кольмарскимъ высшимъ судомъ 30-го числа того

же мѣсяца и года, и которыя возстановляется доброе имя означеннаго Гирцеля Леви, казненнаго по приговору суда, и возвращаются всѣ ихъ гражданскія права наслѣдникамъ его; а *Моисей Лангъ* и *Менехекъ Леви* признаются невинными въ взведенномъ на нихъ обвиненіи, освобождаются отъ наказаній, къ которымъ они присуждены и получаютъ свободу, причемъ имена ихъ должны быть вычеркнуты изъ арестантскихъ списковъ и т. д. 24-го сентября 1755 г. Мецъ, у Франсуа Антуана, типографа его королевскаго величества и господъ парламента; 14 стр. in 4o. (Собраніе постановленій Мецскаго парламента, въ Парижской національной библиотекѣ) *.

5) *Сборникъ новѣйшихъ выдающихся уголовныхъ дѣлъ, Дез-Эссара*, Т. I, Парижъ, 1785 г. „Возстановленіе доброй памяти несчастнаго Гирцеля Леви, невинно казненнаго посредствомъ колесованія. Стр. 117—168.

6) „*Маленькая Судебная Газета*“, издававшаяся де-Ней-реманомъ (1-й годъ). Кольмаръ, 1859. № 8 стр. 118. № 9, стр. 129.

7) Различныя другіе документы, которые будутъ цитированы при самомъ изложеніи дѣла.

I.

31-го декабря 1754 г. на плахѣ въ Кольмарѣ (въ Эльзасѣ) испустилъ духъ еврей, уроженецъ Ведельсгейма **, по имени Гирцель Леви, невинная жертва судебной ошибки, въ которой религіозная нетерпимость играетъ не послѣднюю роль.

Недалеко отъ Кольмара находится небольшая деревушка, называющаяся Гауценъ (или, какъ выговариваютъ французы, Гуссенъ) и входящая въ составъ округа Рибошьеръ (нынѣ Рибовилье).

Въ понедѣльникъ 25-го кислева (въ ночь съ 9-го на 10-е декабря 1754-го года) было сдѣлано нападеніе на домъ вдовы бывшаго стар-

* Сообщеніемъ этого документа мы обязаны г. Аврааму Кагену.

** Нынѣ Витгольсгеймъ. Въ приговорѣ Мецскаго парламента эта мѣстность названа „Веттельсгеймъ“.

пины этого селенія, Мадлены Кафинъ (или Кафенъ) *. Вдова эта утверждала, будто между 11-ю и 12-ю часами ночи злоумышленники проникли въ ея домъ и украли у нея „12 лудировъ изъ комнаты нижняго этажа и 50 лудировъ изъ комнаты верхняго этажа, и кромѣ того испанскій дублонъ и разной серебряной монеты, всего приблизительно 3,000 ливровъ, не считая другихъ награбленныхъ ими вещей“, какъ то окороки, коптившіеся въ кухонной трубѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время въ Эльзасѣ.

Во время нападенія разбойниковъ въ домъ вдовы Кафинъ была только одна служанка, Катерина Штрурманъ **. Она подняла страшный крикъ, все селеніе проснулось, и сынъ Мадлены, исполнявшій въ то время должность старшины, разослалъ крестьянъ по всѣмъ направленіямъ, но они не нашли положительно ни малѣйшихъ слѣдовъ преступниковъ.

Христіанскимъ населеніемъ Эльзаса овладѣло сильное волненіе, когда оно узнало какъ объ этомъ преступленіи, такъ и о томъ, что въ немъ обвиняютъ евреевъ. Слѣды этого волненія можно отыскать даже въ тогдашнихъ хроникахъ ***. Извѣстіе объ этомъ преступленіи распространилось по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ и во время рождественскихъ посидѣлокъ о немъ передавались разныя, болѣе или менѣе фантастическія и неправдоподобныя подробности. Рассказывали, будто на слѣдующій день вдова старшины, на разспросы своего сына, объяснила, что злоумышленниковъ было четверо, что лица ихъ были замаскированы или вымазаны сажей, что они жестоко истязали ее и жгли ей ноги раскаленнымъ желѣзомъ или горящей головней (она хорошенько не помнитъ), чтобы заставить ее сказать, гдѣ хранились ея деньги. При этомъ вдова Кафинъ самымъ положительнымъ образомъ утверждала, что пре-

* Въ приговорѣ Мецкаго парламента она названа «Коппе, вдова Иоанна Георгія Кізлена».

** Въ приговорѣ Мецкаго парламента она названа «Штрауманъ».

*** Между прочимъ, въ одной нѣмецкой хроникѣ, обнаруженной г. Жильеномъ Зее, въ его собраніи эльзасскихъ хроникъ: «Hausbuch von Dominicus Schmutz», Кольмаръ, 1878 г., стр. 28.

ступленіе это совершено евреями. Она увѣряла (и всѣ повторяли за нею), что евреи говорили между собою на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ, употреблявшемся въ Эльзасѣ *, и что, кромѣ того, одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ одинъ изъ тѣхъ большихъ ножей, которыми, согласно еврейскому обычаю, зарѣзывается скотъ.

На слѣдующее же утро, 10-го декабря, по требованію сына, вдова Кафинъ, рибопьерскіе судья и прокуроръ прибыли въ Гауценъ, чтобы произвести слѣдствіе на мѣстѣ, причѣмъ судья жилъ и продовольствовался у сына потерпѣвшей. Съ своей стороны начальникъ земской стражи прислалъ въ тотъ же день одного коннаго стражника, чтобъ освѣдомиться о томъ, какимъ образомъ совершенъ былъ разбой. Наконецъ, опять-таки въ этотъ же день, бригадиръ земской стражи и одинъ изъ стражниковъ, совершавшіе объѣздъ, узнали случайно о грабѣжѣ и отправились въ Гауценъ, для того, чтобы разспросить вдову.

Изъ составленнаго земскимъ стражникомъ протокола видно, что Мадлена обвинила въ совершеніи преступленія трехъ нижеслѣдующихъ евреевъ: Гирцеля Леви, изъ Ведельсгейма, Менехека ** Леви, изъ Ведельсгейма же, и Моисея Ланга, изъ Рибовила. Въ протоколѣ же бригадира земской стражи значитъ, напротивъ, что потерпѣвшая объявила, что злоумышленники не были ей лично извѣстны, но что, *какъ ей кажется*, это должны были непременно быть три вышепоименованные евреи. Судя по тому же протоколу, служанка вдовы объявила, что она узнала только одного изъ разбойниковъ, а именно Гирцеля Леви, изъ Ведельсгейма, который связалъ одной веревкой ее, служанку, и вдову старшины.

Всѣ трое обвиняемыхъ, и кромѣ того еще четвертый еврей, по имени

---

* Эта подробность не лишена историческаго значенія. Теперь несомнѣнно доказано, что шайки разбойниковъ, собиравшіяся въ ту эпоху на берегахъ Рейна, ввели въ свой тарабарскій языкъ много словъ изъ еврейско-нѣмецкаго жаргона. Этотъ воровской языкъ назывался даже языкомъ „посвященническаго“.

** Имя это пишется на различныя манеры: Менехекъ, Менге (въ приговорѣ), Менке (въ нѣмецкомъ отчетѣ). Мы останавливаемся на этомъ послѣднемъ произношеніи, употребляемомъ и понинѣ въ Эльзасѣ.

Фейссъ *, почти ежедневно приходили въ Гауценъ (въ этомъ селеніи не было евреевъ), всё любили и уважали ихъ и даже дѣти ихъ знали. Игстоящія имена ихъ были: Гиршъ-бенъ-Итцигъ (Исаакъ) Леви; Менке-бенъ-Барухъ Леви; Моше (Моисей)-бенъ-Итцигъ Лангъ, и наконецъ Фейссъ-бенъ-Самсонъ, изъ Груссенгейма. Гирцель былъ, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ богатымъ и хорошо-поставленнымъ изъ всѣхъ четверыхъ, и это-то обстоятельство и доставило ему печальную привилегію спеціальнаго прослѣдованія со стороны обвиненія. Менке, по ремеслу своему, былъ еврейскій рѣзникъ, и поэтому его въ Гауценѣ такъ и звали „Менке-рѣзникъ“ **; Моисея Ланга, изъ Рибовила, называли Моисеемъ Длиннымъ (der Lange; lang—по-нѣмецки означаетъ длинный).

Все обвиненіе основывалось лишь на показаніяхъ вдовы и служанки, т. е. на показаніяхъ заинтересованной стороны. Тому могло подать поводъ слѣдующее обстоятельство: въ то время у проживающихъ въ Эльзасѣ евреевъ былъ обычай дѣлать съ осени запасы копченаго мяса на зиму. За недѣлю до совершенія преступленія Гирцель купилъ въ этихъ видахъ у вдовы старшины штуку скота и поручилъ рѣзнику Менке зарѣзать ее на дворѣ у продавщицы; Моисей Лангъ, который въ этотъ же день поручилъ тому же Менке зарѣзать принадлежащую ему штуку скота въ Гауценѣ, помогалъ Гирцелю выводить купленную послѣднимъ скотину изъ стойла. Это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ посѣтилъ домъ вдовы Кафинъ. Въ протоколѣ, составленномъ бригадиромъ земской стражи, значится, что потерпѣвшая изъявила подозрѣніе на трехъ обвиняемыхъ, потому что наканунѣ они проходили въ ней торговать корову.

II.

Этихъ показаній было достаточно для задавшихся предвзятою мыслью властей. Сдѣлао было распоряженіе объ арестованіи троихъ

* Въ приговорѣ суда онъ названъ «Фестъ», у Деа-Эссара—Фери Гресмаръ (вмѣсто Гейсмаръ).

** Въ приговорѣ суда ошибочно «Schalter» (вмѣсто «Schächter»—рѣзникъ).

обвиняемыхъ Гирцеля, Менке и Ланга, и въ тотъ же день двое послѣднихъ были задержаны и заключены въ Гауценскую тюрьму. Что касается до третьяго, Гирцеля, то когда къ нему въ тотъ же день пришли, чтобъ арестовать его, его не застали дома и потому ограничились тѣмъ, что опечатали его движимость. Фейссъ, въ свою очередь, былъ задержанъ 12-го декабря и отправленъ въ Гауценъ.

Гирцель же въ это время былъ въ Сиренцѣ, возлѣ Базеля, нисколько не подозрѣвая, что противъ него направлено такое страшное обвиненіе. Онъ отправился туда, чтобъ навѣстить жившую тамъ сестру свою и утѣшить ее по случаю смерти замужней ея дочери. Онъ выбралъ именно это время, потому что это было время празднованія Хануки (возстановленія храма Маккавеевъ); евреи празднуютъ этотъ праздникъ цѣлую недѣлю и во все это время не занимаются дѣлами. Но эта радость не замедлила превратиться въ печаль. Пріятели Гирцеля послали въ Сиренцъ нарочнаго, чтобъ извѣстить его о томъ, что творится въ Гауценѣ, хотя никто и не предполагалъ, что ему угрожаетъ серьезная опасность, до того хорошей репутаціей онъ пользовался во всемъ околотеѣ. Онъ могъ бы ѣхать въ Швейцарію (Сиренцъ былъ всего въ двухъ часахъ ходьбы отъ швейцарской границы), или за Рейнъ, находившійся всего въ получасовомъ разстояніи отъ Сиренца. Но совѣсть его была совершенно спокойна, и къ тому же сознаніе своего достоинства и отвѣтственности своей по отношенію къ другимъ обвиняемымъ и по отношенію ко всему іудайзму не позволили ему сдѣлать этого, такъ какъ его бѣгство могло бы скомпрометировать другихъ. Поэтому Гирцель не послушался настоятельныхъ просьбъ своихъ родныхъ и друзей. Въ сознаніи своей правоты, онъ отправился въ Ведельсгеймъ въ первый день нисана тебета (въ воскресенье, 15-го декабря), вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, Исаакомъ Дрейфессомъ, и въ тотъ же вечеръ онъ явился къ старшинѣ этого мѣстечка. Такъ какъ послѣдній не получилъ никакого распоряженія относительно заарестованія его, то Гирцель отправился на слѣдующій день, 2-го тебета (16-го декабря) въ Гауценъ. По дорогѣ туда онъ проходилъ черезъ Вольмаръ и навѣстилъ тамъ одного кушца, по имени Ми-

зель, у котораго онъ встрѣтилъ нѣкую госпожу Рокенбахъ. Какъ только послѣдняя увидѣла его, она вскрикнула и убѣждала его бѣжать за Рейнъ. Жена Мизеля, приходившаяся сестрой почтмейстеру, общала достать ему почтовыхъ лошадей. Но Гирцель остался непоколебимъ.

Трое остальныхъ подсудимыхъ были допрошены уже 12-го декабря. Судья Рибовилля допросилъ Гирцеля въ самый день заарестованія послѣдняго. И на этотъ разъ судья опять жилъ и продовольствовался у сына вдовы старшины, чего никогда прежде не дѣлалось. Онъ отказался занести въ составленный имъ протоколъ указаніе Гирцеля на свое „alibi“, подъ тѣмъ предлогомъ, что это „alibi“ ничѣмъ не доказано. Доводы, приводимые въ свою защиту остальными тремя подсудимыми, равнымъ образомъ были отклонены имъ и онъ даже не упомянулъ о нихъ въ протоколѣ о снятыхъ имъ показаніяхъ. Такой образъ дѣйствій судьи былъ тѣмъ болѣе преступенъ, что тѣмъ временемъ прокуроръ успѣлъ уже получить отъ одного христіанина изъ Сиренца, нѣкоего Гаммеля, съ которымъ мы еще встрѣтимся ниже, письмо, въ которомъ подтверждались слова Гирцеля и которое было доставлено этимъ должностнымъ лицомъ судѣ. Обвиняемые брались доказать, что прокуроръ прочелъ это письмо судѣ вслухъ, въ присутствіи ихъ и приведшей ихъ стражи.

17-го декабря судья приступилъ къ новому, дополнительному слѣдствію; 18-го декабря подсудимымъ были прочитаны сдѣланныя ими прежде показанія и дана имъ очная ставка со свидѣтелями; 23-го декабря Гирцель, Менке и Лангъ были допрошены подъ пыткой.

Въ тотъ же день, 23-го декабря (вторникъ, 26-го кіслевъ) судья объявилъ свой приговоръ. Онъ оказался жестокимъ. Гирцель, Менке и Лангъ были признаны изобличенными въ грабежъ и они приговорены, въ случаѣ несознанія въ своей винѣ, къ четвертованію и колесованію. „Они были присуждены“, — сказано въ постановленіи парламента, — къ четвертованію, т. е., къ отрубленію обѣихъ рукъ и ногъ, на эшафотѣ, а затѣмъ къ тому, чтобы быть привязанными къ колесу, лицомъ вверху, на которомъ они и должны покончить жизнь свою; предвари-

тельно же исполненія надъ ними казни они должны быть подвергнуты „допросу съ пристрастіемъ“, въ тѣхъ видахъ, чтобъ они назвали со-общниковъ своихъ, и кромѣ того каждый изъ нихъ въ штрафу въ 100 ливровъ, и всѣ четверо, съ круговой порукой одинъ за другаго, къ уплатѣ судебныхъ издержекъ въ разбирѣ 506 ливровъ 9 су“. Что касается Фейсса, котораго вдова старшины даже и не обвиняла, то долженъ былъ остаться еще въ теченіи четырехъ недѣль въ тюрьмѣ, и затѣмъ, если возникшее относительно него подозрѣніе не подтвердится, выпущенъ на свободу.

Трудно описать волненіе и печаль эльзасскихъ евреевъ. Процессъ этотъ принималъ тревожные размѣры. Въ глазахъ мѣстныхъ крестьянъ, обвиненіе падало на всѣхъ евреевъ; оно пробуждало всюду предразсудки и чувства религіозной нетерпимости. Евреи не рѣшались заниматься своими дѣлами, ни даже показываться въ деревняхъ.

Четверо гауценскихъ осужденныхъ, будучи вполне увѣрены въ безпристрастіи эльзасскаго высшаго суда, подали аппеляцію на рѣшеніе мѣстнаго судьи, и вслѣдствіе этого 9-го тебетъ (23-го декабря), наканунѣ Рождественскаго сочельника, были препровождены въ кольмарскую тюрьму. Высшій судъ раздѣленъ былъ на два отдѣленія: гражданское и уголовное; но во время праздничныхъ вакацій, второе отдѣленіе не засѣдало и первое разсматривало и уголовныя дѣла. Такъ какъ дѣло поступило въ судъ 23-го декабря, то его разсматривало гражданское отдѣленіе, которое и не замедлило постановить свое рѣшеніе. Уже 16-го тебетъ (30-го декабря) оно объявило слѣдующую резолюцію:

- 1) Приговоръ судьи относительно Фейсса утверждается.
- 2) Разсмотрѣніе дѣла Менке и Ланга отлагается до первыхъ чиселъ января, въ виду того, что до тѣхъ поръ главный подсудимый Гирцель, во время пытки, еще можетъ сдѣлать показанія относительно виновности.
- 3) Приговоръ судьи относительно Гирцеля утверждается.

И такъ, несчастный Гирцель безповоротно былъ осужденъ къ тому, чтобъ умереть самой ужасной смертью, комбинированной съ варварскою утонченностью. Страшная казнь, къ которой онъ былъ приговоренъ,

заклячалась въ слѣдующемъ: сначала палачъ желѣзною полосой разбивалъ ему кости рукъ и ногъ; затѣмъ переломленные ноги страдальца выгибались назадъ, до тѣхъ поръ пока ступни соприкасались съ головою; въ такомъ положеніи его привязывали къ колесу, лицомъ къ верху, и онъ долженъ былъ пробыть на колесѣ цѣлыхъ 18 часовъ; если онъ не умиралъ отъ этихъ страшныхъ истязаній раньше, то палачъ, по истеченіи 18 часовъ, наносилъ ему смертельный ударъ. Иногда, въ видѣ особой милости, судъ постановлялъ, чтобы смертельный ударъ былъ нанесенъ казнимому тотчасъ же по привязаніи его къ колесу, но на этотъ разъ этого не было сдѣлано. Кроме того, въ самый день казни, онъ долженъ былъ еще подвергнуться предварительной пыткѣ для дачи чисто-сердечныхъ признаній (Эти послѣднія подробности извлечены изъ нѣмецкаго донесенія).

III.

Несправедливость этого ужаснаго приговора еще ярче бросится въ глаза, если мы взглянемъ на то, какія средства защиты были предоставлены въ то время обвиняемому.

Во-первыхъ, остановимся на шаткости и на противорѣчій обвиненія и на неправильностяхъ судебной процедуры.

Ничто въ тѣхъ документахъ, которые мы имѣли подъ глазами, не доказываетъ, чтобы правосудіе прежде всего озабочилось удостовѣриться въ самомъ существованіи преступленія. Дѣйствительно-ли вдова Кафинъ была связана, ограблена, подверглась насилию? Доказала-ли она, что у нея въ то время дѣйствительно была значительная денежная сумма? Дѣйствительно-ли она была изувѣчена? Куда дѣлись вещи, которыя будто-бы похитили воры, и розыскивали-ли ихъ у обвиняемыхъ или въ иныхъ мѣстахъ? Повидимому, судебныя власти и не подумали останавливаться на этихъ вопросахъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ вдова формально обвинила передъ своимъ сыномъ, старшиной, трехъ подсудимыхъ: Гирцеля, Менке и Ланга; она повторила то же самое стражнику, но бригадиру земской

стражи она говоритъ уже, что не узнала грабителей въ лицо, но *молла-заетъ*, что это были трое обвиняемыхъ. Наконецъ, когда ей была дана очная ставка съ подсудимыми въ присутствіи судьи, она объявила, что такъ поражена и перепугана случившимся, что не въ состояніи узнать ни одного изъ подсудимыхъ; она въ эту минуту даже готова была бы взять назадъ свою жалобу, если бы судья, совершенно неумѣстно вмѣшавшись въ дѣло, не предупредилъ ее, что въ такомъ случаѣ ей придется заплатить всѣ судебныя издержки, а, быть можетъ, еще и удовлетворить гражданскій искъ лицъ, невинно-обвиненныхъ ею, а также и штрафы. Къ тому же, если дѣйствительно, какъ увѣряетъ вдова, грабители были замаскированы, то, спрашивается, какимъ образомъ она могла узнать ихъ. Впрочемъ, эту подробность слѣдуетъ, быть можетъ, отнести къ легендѣ преступленія.

Показаніе служанки въ одно изъ существенныхъ пунктовъ разнится съ показаніемъ госпожи ея. Последняя увѣряетъ, будто Гирцаль былъ главный виновникъ совершенныхъ надъ нею насилій, между тѣмъ какъ по словамъ первой Гирцаль все время находился возлѣ нея, держа ее за руки и заставляя ее молчать, между тѣмъ какъ сообщники его истязали вдову и совершали грабежъ. Кроме того, служанка увѣряетъ, будто ее и госпожу ея связали одной веревкой; г-жа же Кафинъ ничего объ этомъ не упоминаетъ. Наконецъ, возникаетъ и слѣдующій вопросъ: если обѣ женщины были связаны разбойниками, то кто же развязалъ ихъ и возвратилъ имъ свободу движеній. А между тѣмъ ни мѣстный судья, ни высшій судъ даже и не потрудились поставить себѣ этотъ вопросъ. „Слишкомъ часто встрѣчаются люди, — говоритъ Дез-Эссаръ, — которые, побуждаемые фанатизмомъ, противнымъ христіанской религіи, нимало не задумавшись содѣйствовать недозволенными средствами раззоренію и даже смерти еврея, подвергнутся ложному обвиненію“.

Съ помощью очень живой въ подобныхъ случаяхъ народной фантазіи подыскано было еще нѣсколько свидѣтелей въ пользу обвиненія. Такъ, какая-то женщина изъ Ведельстейма, по имени Марія Келлеръ, приговоренная когда-то савернскимъ судомъ за кражу къ наложенію

клейма и къ пятилѣтнему изгнанію, объявила, что жена Менке предлагала ей деньги съ тѣмъ, чтобъ она показала, что видѣла Менке въ Ведельсгеймѣ, въ ночь съ 25-го на 26-е килевъ (съ 9-го на 10-е декабря). Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, подобное свидѣтельское показаніе было бы исполнѣ согласно съ истиной.

Нѣкто Петръ Байеръ изъ Рибовилля, равнымъ образомъ приговоренный высшимъ судомъ 12-го сентября 1753 года къ пятилѣтнему изгнанію, показалъ, что 10-го декабря, рано утромъ, между 5-ю и 6-ю часами, онъ встрѣтилъ между Рибовиллемъ и Остгеймомъ вакаго-то челоуѣка, которому онъ пожелалъ добраго утра и который отвѣтилъ ему, и ему показалось, что это былъ голосъ Ланга. Стражъ у городскихъ воротъ Рибовилля показалъ, что онъ видѣлъ, какъ Лангъ вышелъ изъ города 9-го декабря, въ 10 часовъ утра, и что онъ не замѣтилъ, чтобъ онъ въ тотъ же день возвратился въ городъ.

Наконецъ, двое крестьянъ, посланныхъ 10-го декабря утромъ въ Кольмаръ гауценскимъ старшиною, чтобъ извѣстить о случившемся земскую стражу, показали, что между 4-мя и 5-ю часами утра они встрѣтили по дорогѣ въ Шоппенвиръ двухъ челоуѣкъ, которые при приближеніи ихъ немедленно свернули въ сторону; они утверждали, будто узнали въ этихъ двухъ лицахъ Гирцеля и Менке (не смотря на то, что въ декабрѣ въ этотъ ранній часъ бываетъ еще совершенно темно, а луны также не было, такъ какъ только два дня спустя наступило новолуніе). Третій крестьянинъ изъ Гауцена утверждалъ, что онъ 9-го декабря, въ 4 часа по-полудни, видѣлъ Гирцеля въ Гауценѣ*.

Все это, въ дѣйствительности, ничто иное, какъ вовсе не существенныя подробности, которыя совершенно исчезаютъ въ виду „alibi“, которое всѣ три подсудимыхъ брались доказать и которое не могло оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно полнѣйшей ихъ невинности.

---

* По нѣмецкому отчету, свидѣтель этотъ шелъ вѣстѣ съ обоими другими и, напротивъ, объявилъ, что никого не узналъ.

Для того, чтобы хорошенько понять все нижесказанное, нужно постоянно имѣть въ виду, что преступленіе было совершено въ ночь съ 9-го на 10-е декабря, между 11-ю и 12-ю часами.

Левъ Менке, рѣзникъ изъ Ведельсгейма, вызывался доказать, что въ эту самую ночь онъ зарѣзалъ двухъ козъ на улицѣ, въ Ведельсгеймѣ, въ 9 часовъ вечера; что при этомъ присутствовали жена Антона Гейпера и еще другая сосѣдка, христіанка, и что послѣдняя даже держала сосудъ, въ который стекала кровь зарѣзанныхъ козъ; что тутъ же были и Доминикъ Перзобургеръ и Петеръ Петерли, старшина Ведельсгейма; что затѣмъ онъ зарѣзалъ еще корову въ собственномъ своемъ домѣ; что въ 11 часовъ вечера къ нему пришли два еврея, Юдель и Р. Гассанъ (послѣдній раввинъ) и что первый просилъ его размѣнять ему талеръ; наконецъ, что на другой день, въ 6 часовъ утра, его видѣла жена совѣтника Фрейбургера и двѣ другія женщины-христіанки, когда онъ продавалъ мясо убитой имъ наканунѣ коровы. Между тѣмъ Ведельсгеймъ находится въ добрыхъ трехъ часахъ пути отъ Гауцена; значить, если Менке былъ въ Ведельсгеймѣ въ 10 и 11 часовъ вечера, то онъ никоимъ образомъ не могъ быть въ Гауценѣ въ 11 часовъ вечера, когда совершено было преступленіе; если онъ былъ въ Ведельсгеймѣ же въ 6 часовъ утра, то его никоимъ образомъ не могли встрѣтить по дорогѣ въ Хольмаръ между 4-мя и 5-ю часами утра.

Доказательства „alibi“ Моисея Ланга, изъ Рибовилля, были не менѣе вѣски. 9-го декабря онъ продалъ вино въ Рибовиллѣ одному швейцарцу, и совѣтникъ Галгвольфъ уплатилъ ему деньги за это вино въ 5 часовъ вечера. Около того же часа его видѣли въ Рибовиллѣ прокуроръ Христіанъ Ульрихъ и сынъ Христіана. Въ 6 часовъ вечера дочь вдовы Христіны Гермбахъ приходила къ нему, чтобы купить неньки, и оставалась у него до 7 часовъ. Съ 7 до 8 часовъ вечера онъ ужиналъ. Въ 8 часовъ онъ отправился въ домъ раввина Вейля, у котораго собрались нѣсколько человѣкъ по случаю праздника Хануки, и оставался тамъ до 11 часовъ. Въ числѣ лицъ, видѣвшихъ его въ этомъ домѣ, онъ называлъ Зевеле Мутцига, Зальмана Шпейера, Авраама, сына Липмана

Берхгейма и Герсона Кобленца. Послѣ 11 часовъ, возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ на улицѣ ночнаго сторожа, Дибольдта Гесса, и жену его. На другое утро въ 6 часовъ утра, его видѣли Гансъ Иергъ и нѣкая Бауманъ; въ 7 часовъ его видѣли Бальдивекъ и Мартинъ Байеръ. Если даже допустить, что показанія евреевъ, видѣвшихъ его въ Рибовиллѣ отъ 8 до 11 часовъ вечера, могутъ подлежать сомнѣнiю, и что показанія тѣхъ двухъ лицъ, которыя встрѣтили его на улицѣ послѣ 11 часовъ вечера тоже не особенно достовѣрны, потому что темнота позволила имъ узнать его только по голосу, то во всякомъ случаѣ остальныхъ доказательствъ „alibi“ Ланга нельзя не признать вполне достаточными. Дѣйствительно, въ то время Рибовилль былъ укрѣпленный городъ, ворота котораго запирались вчеромъ и отпирались только съ разсвѣтомъ; значить, въ декабрѣ, во время длинныхъ ночей, ворота оставались закрытыми съ 5-ти часовъ вечера до 7-ми часовъ утра, и никто не могъ ни выйти изъ города, ни войти въ него, не будучи замѣченъ стражей. А между тѣмъ многія лица видѣли Ланга въ городѣ 9-го числа, въ 6 и 7 часовъ вечера, а равнымъ образомъ и 10-го числа въ 6 часовъ утра, т. е., до открытiя городскихъ воротъ; никто изъ караульныхъ у воротъ не видѣлъ его ни выходящимъ изъ города, ни входящимъ въ него за этотъ промежутокъ времени. Слѣдовательно, было очевидно, что онъ провелъ всю ночь съ 9-го на 10 декабря въ Рибовилоѣ.

Наконецъ „alibi“ Гирцеля должно было быть еще болѣе очевиднымъ для судей. Трудно представить себѣ болѣе цѣльную и стройную совокупность доказательствъ. Въ теченiе всего дня 9-го числа и вечеръ этого же дня до 11 часовъ, а равно и въ слѣдующее утро, можно прослѣдить за каждымъ шагомъ Гирцеля, не теряя его изъ виду ни на одну минуту.

Мы уже говорили выше, что онъ отправился въ Сиренцъ навѣстить свою сестру и своего зятя Исаака. Онъ пустился въ путь 8-го числа утромъ, направившись прежде всего въ Кольмаръ, гдѣ его видѣли нѣсколько человекъ, между прочимъ и купецъ Эдвоферъ, которому онъ сказалъ, что отправляется въ Сиренцъ. Въ тотъ же день онъ прибылъ

въ Регисгеймъ, гдѣ онъ пообѣдалъ въ еврейской харчевнѣ и переночевалъ у Залигмана Роксгейма. На слѣдующее утро, 9-го числа, онъ отправился въ синагогу и совершилъ молитву вмѣстѣ съ еврейскими обитателями этого селенія.

Между 7-го и 8-го часами утра онъ пустился въ дальнѣйшій путь и, по дорогѣ изъ Регисгейма въ Энсегеймъ, встрѣтилъ работника майенгеймскаго старшины, отправлявшагося за дровами въ лѣсъ; онъ подѣлъ къ нему на возъ, съ котораго онъ слѣзъ только въ селеніи Баттенгеймъ, близъ Гартскаго лѣса. Въ полдень онъ пообѣдалъ въ Габсгеймѣ, у Соломона Гааса. Въ полумилѣ не доходя Сиренца онъ встрѣтилъ извозчика Якова Шаллера. Еще ближе къ Сиренцу онъ встрѣтилъ г. Вальднера, сиренцскаго дворянина, ѣхавшаго съ большимъ обществомъ въ двухъ коляскахъ; въ числѣ ѣхавшихъ онъ узналъ г. Шпеббаха (или Шпекта), офицера въ швейцарскомъ полку, г. Гаммеля, воспитателя сына г. Вальднера, и нѣсколькихъ слугъ. Всѣ они знали его лично и узнали его. Еще нѣсколько дальше онъ встрѣтилъ извозчика Шлегли; въ то время было около четырехъ часовъ по полудни.

Многіе видѣли, какъ онъ вошелъ въ Сиренцъ. По дорогѣ онъ говорилъ со многими лицами, между прочимъ съ хозяиномъ гостиницы „Звѣзда“.

Въ домѣ его зятя его видѣли слѣдующія лица:

До восьми часовъ вечера швея, по имени Катерина, работавшая по-денно у егдъ зятя. Приблизительно до десяти часовъ вечера Яковъ Суттеръ и два еврея, Нотаниэль Дрейфуссъ и Йосель Ульмо. Въ десять часовъ садовникъ г-жи Вальднеръ приходилъ покупать свѣчи и Гирцель предложилъ ему стаканъ вина. Такъ какъ г-жа Вальднеръ по возвращеніи садовника стала бранить его за то, что онъ проходилъ за покупкой цѣлнй часъ, онъ привелъ въ свое оправданіе то, что его заставили долго прождать у Исаака, такъ какъ послѣдній занимался бесѣдой съ Гирцелемъ и Суттеромъ. Въ одиннадцать часовъ еврейка, служанка его зятя, видѣла его въ то время, когда онъ собирался идти спать.

На слѣдующее утро въ 6 часовъ швея Катерина видѣла его одѣ-

вающимся. Въ 6¹/₂ часовъ Іосифъ Шлицъ и жена его приходили къ Исааку и видѣли Гирцеля. Въ 7 часовъ онъ отправился въ синагогу. Между 7 и 8 часами онъ былъ съ своимъ зятемъ у содержателя гостиницы „Корона“; тамъ его видѣли очень многіе, а жена мѣстнаго бургомистра видѣла его около того же времени проходящимъ мимо ея дома. Въ нѣмецкой „Запискѣ“ сказано, что жена бургомистра видѣла его у Исаака около 6 часовъ утра, когда онъ пилъ кофе. Когда затѣмъ онъ отправился къ г-жѣ Вальднеръ, онъ сказалъ ей: „А вы, сударыня, пьете кофе не такъ, какъ Исаакъ, ибо онъ пьетъ его съ хлѣбомъ“. Наконецъ, между 7-ю и 8-ю часами Гирцель отправился съ Исаакомъ въ замокъ г. Вальднера, гдѣ его видѣли молодой Вальднеръ и его гувернеръ. Въ ожиданіи того, пока встанетъ г. Вальднеръ-отецъ, они продали садовнику кувнѣ мѣхъ для теплой шапки.

Въ пятницу, 11-го декабря, Гирцель узналъ въ Сиренцѣ печальную вѣсть о грабежѣ и о вызванныхъ имъ арестахъ. Онъ немедленно отправился бы въ Ведельсгеймъ, если бы въ этотъ день какъ разъ не была пятница, а онъ не желалъ, вопреки еврейскому закону, путешествовать въ субботу. Но въ воскресенье утромъ онъ пустился въ путь, не смотря на настоянія и просьбы своихъ друзей.

Трудно представить себѣ лучшее „alibi“. Сиренцъ отстоитъ отъ Гауцена на 12 миль *. Въ то время, понятно, еще и помину не было о желѣзныхъ дорогахъ, а въ каретѣ, во всю лошадиную скачь, Гирцель не могъ бы перенестись изъ Сиренца въ Гауценъ въ какой-нибудь часъ, не говоря уже о томъ, что она непременно было бы замѣчена.

Но что еще важнѣе и что еще лучше характеризуетъ образъ дѣйствій судей, такъ это то, что, не смотря на отказъ ихъ дозволить Гирцелю подтвердить свои показанія, имъ все же не удалось совершенно устранить свидѣтельства въ его пользу. Апелляціонный судъ командировалъ какъ разъ около этого времени въ Базель по другому дѣлу ком-

---

* Здѣсь слѣдуетъ разумѣть 12 нѣмецкихъ миль (такъ какъ документъ—нѣмецкій, слѣдовательно 18 французскихъ).

исію, составленную изъ г. Мадамэ, члена этого суда, товарища прокурора и секретаря. Лица эти остановились 18-го декабря въ Сиренцѣ у г. Бальднера; тамъ они узнали изъ „единогласныхъ и нисало не подлежащихъ сомнѣнію“ какъ хозяевъ, такъ и всѣхъ обитателей замка, что все, сказанное Гирцелемъ относительно пребыванія его въ Сиренцѣ въ ту ночь, въ которую совершилось преступленіе, было вѣрно. Очень взволнованный этими показаніями, г. Мадамэ написалъ на слѣдующее же утро, 29-го декабря, старшему предсѣдателю суда письмо, которое тотъ получилъ 30-го числа утромъ и прочелъ судьямъ передъ самымъ произнесеніемъ приговора. Но судьи остались и нѣмы, и слѣпы.

IV.

Гирцель мужественно перенесъ обыкновенную и чрезвычайную пытку*. Для пытанія его была устроена особая машина, въ видѣ желѣзнаго кольца, которое накладывалось на его голову**. По мѣрѣ того, какъ кольцо это сѣживалось съ помощью винта, кровь выступала у него изъ глазъ и изъ ушей.

30-го декабря, вечеромъ, его полуживаго бросили въ его тюремную келью. Онъ еще ничего не зналъ объ утвержденіи произнесеннаго надъ нимъ приговора, а между тѣмъ на торговой площади уже возводился эшафотъ и слухъ о его присужденіи къ смерти распространился уже по всему городу и повергъ въ уныніе всѣхъ кольмарскихъ евреевъ. Многіе изъ нихъ отправились къ несчастной жертвѣ на слѣдующее утро, во вторникъ, 31-го декабря, — день, назначенный для приведенія въ исполненіе приговора, — чтобы приготовить его къ смерти. Гирцель спокойно выслушалъ ужасную вѣсть. Онъ сѣлъ на кровать и сталъ чи-

* Его пытали въ самый день его осужденія, 30-го декабря, съ 2-хъ до 6-ти часовъ по полудни. Авторъ нѣмецкаго описанія этого дѣла говоритъ, что если онъ не захотѣлъ сократить свои муки должными признаніями, то сдѣлалъ это ради своихъ товарищей по обвиненію, которыхъ такіа признанія погубили бы.

** О томъ, что машина эта была вновь изобрѣтена по этому случаю, говорить нѣмецкое донесеніе.

татъ показанную молитву (Виддуй), между тѣмъ какъ всѣ присутствующіе разразились плачемъ и рыданіями. Затѣмъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ единственнаго сына своего, Авраама, мальчика лѣтъ 15 или 16, далъ ему послѣднія житейскія наставленія, и между прочимъ привязалъ ему аккуратно читать молитву за умершихъ (Баддишъ). Виѣтъ съ тѣмъ онъ выражалъ твердую надежду, что невинность его современемъ обнаружится и доброе имя его будетъ восстановлено. Капуцинскіе монахи не побоялись надѣяться ему въ эту послѣднюю, страшную минуту, убѣждая его окреститься. Но онъ спокойно отклонилъ ихъ предложеніе и попросилъ ихъ только передать его семейству, чтобы оно уплатило какой-то женщинѣ изъ Кольмара 12 талеровъ, которые онъ былъ ей долженъ и которые не были занесены въ его долговую книгу.

Наконецъ, наступилъ страшный часъ. Въ 8 часа пополудни Гирцеля привели на эшафотъ. Вся площадь была покрыта народомъ, сбѣжавшимся изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, чтобы насладиться этимъ зрѣлищемъ и полюбоваться страданіями жида. Десять евреевъ (какъ разъ число, необходимое для совершенія молитвъ (миніанъ), помѣстившись въ сосѣднемъ домѣ, виѣтъ съ Авраамомъ, сыномъ Гирцеля, и все время не переставали читать молитвы и баддишъ. Гирцель мужественно взомель на эшафотъ.

Затѣмъ палачъ принялся за исполненіе своего ужаснаго дѣла. Перевѣвъ предварительно кости Гирцелю, онъ привязалъ его къ колесу. При этомъ (какъ показываютъ всѣ свидѣтельства по этому дѣлу) онъ, изъ рафинированной жестокости, нарочно велѣлъ сдѣлать колесо нѣсколько меньшихъ разиѣровъ, такъ что голова несчастнаго не могла упирается на колесо и свѣшивалась черезъ край его. Въ теченіи всего дня и части ночи онъ испускалъ душу-раздирающіе крики. Въ 9 часовъ вечера онъ умолялъ палача дать ему пить, но этотъ извергъ не захотѣлъ дать ему воды, а предложилъ ему вина, котораго несчастный не могъ пить изъ религіозныхъ соображеній. Крики его слышны были отовсюду. Изъ состраданія-ли, или же потому, что эти крики надѣдали имъ, но только обыватели упрашивали власти положить конецъ мученіямъ не-

счастливаго *. Смертельный ударъ былъ нанесенъ ему въ 10 часовъ утра, и „невинная душа его отлетѣла къ небу“. Тотчасъ же послѣ того его тѣло, вмѣстѣ съ колесомъ, въ которому оно было привязано, было повѣшено на висѣлицу, на большой дорогѣ въ Гауценъ **, — какъ блестящее свидѣтельство справедливости и безпристрастія суда ***.

Эльзасскіе евреи были повержены въ ужасъ. Фанатизмъ крестьянъ былъ возбужденъ до послѣдней степени; они ликовали по поводу осуж-

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ (между прочимъ суда по „Малой Судебной Газетѣ“) Гирцель оставался привязаннымъ къ колесу въ теченіи 18 часовъ, испускалъ ужасные крики, которые слышны были въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ города. Г. Нейреманъ засталъ еще въ живыхъ одного старика, который помнилъ, что слышалъ эти воли въ значительномъ разстояніи отъ мѣста казни. Часы мы обозначили по нѣмецкому донесенію.

** Близъ Розенкранца, въ вершинѣ треугольника, гдѣ стоитъ нынѣ Меглинскій крестъ („Мал. Суд. Газ.“).

*** Значительная доля отвѣтственности за эту судебную ошибку падаетъ, безъ сомнѣнія, на старшаго предсѣдателя высшаго суда, который обыкновенно предсѣдательствовалъ въ первомъ отдѣленіи его. Должность старшаго предсѣдателя занималъ въ то время Кристофъ фонъ-Клинглинъ, человекъ не глухой и съ сильнымъ характеромъ, но дѣйствовавшій всегда подъ вліяніемъ страстей, склонный къ крайностямъ, не симпатичный товарищамъ своимъ (Ср. Пило и Нейреманъ, „Исторія высшаго суда въ Эльзасѣ“, Парижъ, 1860, стр. 382 и 548). Предсѣдателемъ другаго отдѣленія былъ въ то время Этьенъ Саломонъ, который, однако, не считалъ для себя возможнымъ приняться за пересмотръ дѣла послѣ праздничныхъ вакацій. Старшій предсѣдатель былъ другомъ іезуитовъ и онъ имѣлъ мужество, къ великому неудовольствію суда, протестовать противъ изгнанія ихъ. Отецъ его былъ градоначальникомъ въ Страсбургѣ, и тоже, подобно сыну своему, отличался неприятнымъ характеромъ, надѣлалъ себѣ множество враговъ, навлекъ на себя обвиненіе въ разныхъ злоупотребленіяхъ, и въ 1752 году, въ силу произведеннаго слѣдствія, былъ заключенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей. Въ числѣ обвинителей его явились и два страсбургскіе еврея, Рафаилъ Леви и сынъ его Михаилъ Леви, давшіе ему значительныя суммы денегъ для полученія разныхъ льготъ. Весьма возможно, что этотъ процессъ Клинглина-отца оставилъ въ сердцѣ его сына известную злобу, жертвой которой и сдѣлался Гирцель. Мы извлекаемъ эти подробности о Клинглинѣ-отцѣ изъ „Записки“, напечатанной въ Греноблѣ въ 1753 году и составленной тѣмъ его сыномъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ замѣшанъ въ процессѣ. Значительная часть этой „Записки“ посвящена опроверженію обвиненій, введенныхъ на Клинглина-отца означенными двумя страсбургскими евреями. Администраторъ Ваанъ, который фигурируетъ въ нашемъ разсказѣ, названъ въ ней (стр. 240) Моисей Блэнъ, „еврей очень почтенный и очень уважаемый своими единовѣрцами“.

денія Гирцеля, какъ будто оно распространялось на все еврейство. Евреи не смѣли болѣе показываться на улицахъ: ихъ преслѣдовали оскорбленіями, имъ напѣвали на уши жалобную пѣснь, сложенную ими по случаю смерти Гирцеля. Они жили въ постоянной тревогѣ, дрожа за жизнь остальныхъ двухъ обвиненныхъ и за свою собственную, а знафоть оставался воздвигнутымъ на Кольмарской торговой площади въ видѣ постоянной угрозы.

Но ихъ не покидала вѣра во Всемогущаго Бога и они находили утѣшеніе въ религіи. По утрамъ и по вечерамъ въ синагогахъ читались особо сочиненныя по этому случаю молитвы, псалмы, „селихотъ“, „баканотъ“, „пѣтуитъ“. Раввинатъ установилъ шесть новыхъ дней поста (въ томъ числѣ два „scheni vahamischi scheni“); старцы свыше 70-лѣтняго, дѣти, моложе 12-лѣтняго возраста, а также хворые и больные, вмѣсто соблюденія поста, должны были вклатъ по 18 су въ кружку для бѣдныхъ, и эта милостыня раздавалась въ самый день поста. И Богъ услышалъ ихъ молитвы и сотворилъ въ пользу ихъ чудо.

Въ высшемъ судѣ практиковалось довольно странное правило относительно уголовныхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ, въ видѣ исключенія, въ вакаціонное время, гражданскимъ отдѣленіемъ суда, а именно дѣла, разъ начатыя этимъ отдѣленіемъ, должны были быть окончены во время вакаціоннаго времени тѣмъ же составомъ суда. Между тѣмъ случилось, что одному изъ членовъ суда, осудившаго Гирцеля, понадобилось уѣхать изъ Кольмара, такъ что оказалось невозможнымъ разсмотрѣть до истеченія вакаціоннаго времени дѣла остальныхъ двухъ подсудимыхъ, Менке и Ланга по окончаніи вакаціоннаго времени, предсѣдатель гражданскаго отдѣленія суда, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ему судебными уставами, отказался отъ участія въ дальнѣйшемъ разсмотрѣннн этого дѣла, и поэтому, на основаніи тѣхъ же уставовъ, дальнѣйшій ходъ этого дѣла надлежало пріостановить до ближайшаго вакаціоннаго времени, съ тѣмъ, чтобъ оно въ то время было разсмотрѣно при томъ же составѣ суда. А такъ какъ ближайшее вакаціонное время должно

было наступить по случаю праздниковъ Пасхи, то евреи нѣмѣли передъ собою цѣлыхъ три мѣсяца отсрочки.

Это обстоятельство явилось для нихъ какъ-бы небеснымъ знаменіемъ и они нашли нужнымъ принять рѣшительныя мѣры. Старѣйшины евреевъ и раввины со всего Эльзаса собрались и рѣшили отправить въ Парижъ депутацію, для того, чтобы хлопотать о кассациіи приговора. Это было довольно смѣлое рѣшеніе. Авторъ написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ отчета объ этомъ дѣлѣ говоритъ, что до сихъ поръ во Франціи не бывало еще ни одного случая кассациіи приговора по уголовному дѣлу. Но оставалось еще впереди три мѣсяца времени и евреи, не смотря на всѣ вынесенныя ими страданія, знали по опыту, что никогда ни въ чемъ не слѣдуетъ отчаяваться.

Въ находящемся въ нашихъ рукахъ нѣмецкомъ документѣ сохранились имена тѣхъ самоотверженныхъ людей, которые, съ немалымъ ущербомъ для своихъ личныхъ интересовъ, бросили свои семьи и отправились въ Парижъ. Это были: Ааронъ Мутцигъ, Лейне Росгеймъ, Мендель Гальфанъ (онъ же Гальфенъ)—всѣ трое изъ Нанси, и Моисей Блэнъ, изъ Страсбурга; — всѣ четверо — старѣйшины и „парнассимъ“; вѣроятно также „парнассъ“ Гекель Вейль, изъ Обернэ, и другіе*. Всѣ они отправились въ путь 12-го января 1755 года, за исключеніемъ Блэна, который уѣхалъ раньше. Вместе съ ними поѣхалъ зять Леви Гирцеля, вышеупомянутый Исаакъ, изъ Сиренца.

Итъ сразу же удалось добиться отъ тогдашняго перваго министра распоряженія, которое можно было принять за хорошее предзнаменованіе: 3-го или 4-го января** въ Кольмаръ прибылъ королевскій курьеръ съ приказаніемъ—немедленно выслать въ Парижъ всѣ документы по этому дѣлу въ оригиналѣ. Это распоряженіе произвело извѣстное впечатлѣніе, и первымъ результатомъ его было то, что старшій председа-

* Въ нѣмѣющемъ у насъ подъ руками экземплярѣ въ этомъ списокѣ встрѣчаются пробѣлы, обозначенные точками.

** Въ „Запискѣ“ сказано „понедѣльникъ“, 23-го шебатъ; но 23-й шебатъ въ томъ году приходился на вторникъ.

таль суда вагѣль немедленно убрать плаху, стоявшую съ 31-го декабря на городской площади. Эльзасскіе евреи съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣли почтенное это ужаснаго сооруженія.

Семейство Ливи Гирцеля (сынъ его Авраамъ и дочери его—Ханна, жена Гирцеля Брушника *, и Фейла, незамужняя), а также двое подсудимыхъ, содержавшихся еще въ тюрьмѣ, Ливи Менке и Моисей Лангъ, составили записку по этому дѣлу. Въ нанихъ рукахъ находится экземпляръ этой записки, подъ которой находится слѣдующая помѣтка (печатными буквами): „Кассационный судъ, адвокатъ Реньяръ“. Она, несомнѣнно, была подана только послѣ апрѣля мѣсяца, ибо въ ней упоминается о приговорѣ 2-го апрѣля 1775 года, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

По разсмотрѣніи представленныхъ ему документовъ, королевскій судъ потребовалъ отъ кольмарскаго суда скорѣйшаго разсмотрѣнія дѣла Менке и Ланга, въ тѣхъ видахъ, чтобъ оно могло быть пересмотрѣно вмѣстѣ съ дѣломъ Гирцеля, но въ то же время предписывая приостановиться приведеніемъ въ исполненіе приговора, который будетъ поставленъ.

Для разсмотрѣнія дѣла, какъ объяснено было выше, пришлось дожидаться пасхальныхъ ваканцій. 2-го апрѣля 1755 года оба подсудимые приговорены были первымъ отдѣленіемъ суда, въ виду недостаточности уликъ, къ „допросу съ пристрастіемъ“, т. е. къ пыткѣ.

Еще цѣлыхъ 2¹/₂ мѣсяца еврейскимъ уполномоченнымъ пришлось въ величайшей тревогѣ ожидать рѣшенія королевскаго суда. Но за то оно оказалось вполне благоприятнымъ: постановленіемъ 16-го іюня королевскій судъ отиѣнилъ приговоръ кольмарскаго суда, какъ по отношенію къ Гирцелю, такъ и по отношенію къ Менке и Лангу. Приводимъ текстъ этой резолюціи **::

---

* Яя мужъ, уполномочившій ее на подачу кассационной жалобы, по всей вѣроятности, умеръ вскорѣ послѣ того, ибо, суда по нѣмецкому отчету, она была вдова.

** Национальный архивъ, V в, 984.

„Королевскій судъ, рассмотрѣвъ 5-го мая 1755 года кассационную жалобу, подданную Авраамомъ-Леви-Гирцелемъ и сестрой его Фейлой, Ханной, женой Гирцеля Брунливива, еврея, по надлежащему его уполномочию, — т. е. дѣтми и зятемъ еврея Леви Гирцеля, а равно и евреями Моисеемъ Лангомъ и Менехекомъ Леви, изъ Верхняго Эльзаса, причемъ означенные просители просятъ въ своей жалобѣ, дабы его величеству благоугодно было поручить Мецскому парламенту, или иному судебному учрежденію, по усмотрѣнію его величества, пересмотрѣвъ уголовное дѣло, рѣшенное высшимъ судомъ Эльзаса 30-го декабря 1754 года и 2-го апрѣля 1755 года по отношенію къ вышеозначеннымъ Леви Гирцелю, Менехеку Леви и Моисею Лангу и постановить новое рѣшеніе, и въ этихъ видахъ дать возможность Мецскому парламенту или тому суду, которому его величество пожелаетъ передать дѣло, ознакомиться со всѣми относящимися къ этому дѣлу документами, для чего и препроводить ему все слѣдственное и судебное производство по этому дѣлу, а равнымъ образомъ перевести Менехека Леви и Моисея Ланга изъ кольмарской тюрьмы въ мецкую или въ тюрьму того города, который благоугодно будетъ назначить его величеству для пересмотра дѣла. По представленіи вышеозначенной резолюціи отъ 5-го мая на благоусмотрѣніе его королевскаго величества, его величество, соизволивъ утвердить ее, повелѣлъ, чтобы дѣла 30-го декабря 1754-го и 2-го апрѣля 1755 года, были доставлены не позже, какъ въ двухъ-мѣсячный срокъ, подъ личной отвѣтственности секретарей означенныхъ судовъ, въ тотъ судъ, которому поручено будетъ пересмотрѣть дѣло. Видѣть съ тѣмъ его величеству благоугодно было повелѣть, чтобы приведеніе въ исполненіе приговоровъ кольмарскаго высшаго суда отъ 30-го декабря 1754 и 2-го апрѣля 1755 гг. было приостановлено впредъ до дальнѣйшаго распоряженія его величества.

„Затѣмъ, по доставленіи всѣхъ документовъ по этому дѣлу въ комисію прошеній, предсѣдатель означенной комисіи, г. Фонтань, препроводилъ ихъ, по занесеніи въ реестръ, 30-го того же мая въ королевскій судъ, а 12-го іюня представилъ свое заключеніе по этому дѣлу.

„Выслушавъ заключеніе вышеназваннаго г. Фонтанье, кавалера и королевскаго совѣтника, и рассмотрѣвъ всѣ документы по этому дѣлу,

„Королевскій судъ, именемъ его величества короля, постановилъ:

„Согласно заключенію г. предсѣдателя комисіи прошеній передать резолюціи кольмарскаго высшаго суда по вышеупомянутымъ уголовнымъ дѣламъ, состоявшимся 30-го декабря 1754 и 2-го апрѣля 1755 гг. въ мецскій парламентъ, для постановленія, въ случаѣ, если то окажется необходимымъ, новаго приговора, и въ этикъ видахъ передать ему же всѣ относящіяся къ этимъ дѣламъ документы слѣдственнаго и судебного производства, подъ страхомъ личной отвѣтственности секретарей означенныхъ судовъ“. (Подписано): *Де-Ла-Муаньонъ, Машио, Фонтанье*.—Версаль, іюня шестнадцатаго дня, 1755 года.

Эта резолюція возбудила живѣйшую радость среди эльзасскихъ евреевъ и преисполнила ихъ надежды.

VI.

Мецскій парламентъ не тратилъ по-напрасну времени: уже 6-го аба (14-го іюля) отправленный имъ въ Кольмаръ приставъ прибылъ туда для того, чтобы перевести арестантовъ въ Мецъ. При этомъ оказалось нѣчто невѣроятное: тотъ самый обвиняемый Фейссъ, изъ Груссентейма, противъ котораго не было никакихъ уликъ и котораго, даже по столь жестокому относительно другихъ подсудимыхъ приговору отъ 30-го декабря, надлежало освободить по прошествіи четырехъ недѣль, если до тѣхъ поръ не явится никакихъ новыхъ уликъ соучастія его въ дѣлѣ, — этотъ самый Фейссъ оказался еще содержащимся въ тюрьмѣ. Приставъ хотѣлъ было захватить и его съ собою, но такъ какъ объ немъ ничего не упоминалось въ привезенныхъ имъ съ собою инструкціяхъ, то бѣдникъ пришлось еще остаться въ кольмарской тюрьмѣ.

Весь городъ собрался смотрѣть, какъ увозили Ланга и Менке, и обнаруживалъ величайшее относительно нихъ любопытство. Приставу не безъ труда удалось продолжить себѣ и обойти арестантамъ дорогу сквозь

толпу любопытныхъ. Изъ Кольмара они выѣхали въ толггъ, но къ нѣсколькимъ милямъ отъ города приставъ нанялъ почтовую карету и они прибыли въ Мецъ 8-го аба (15-го іюля), за нѣсколько секундъ до закрытія городскихыхъ воротъ.

Въ понедѣльникъ, 21-го іюля, адвокатъ семейства Гирцеля, Менке и Ланга подалъ парламенту прошеніе, заключавшее въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) чтобы допущено было представленіе доказательствъ „alibi“ Гирцеля и двухъ остальныхъ подсудимыхъ; 2) если эти доказательства будутъ признаны заслуживающими уваженія, возстановить доброе имя Гирцеля, возвратить его тѣло семейству его и предоставить послѣднему право предъявить, къ кому слѣдуетъ, гражданскій искъ; 3) освободить отъ тюремнаго заключенія Менке и Ланга.

Постановленіемъ своимъ отъ 26-го іюля, парламентъ разрѣшилъ подсудимымъ представлять доказательства своего „alibi“, а во вторникъ, 29-го іюля, онъ назначилъ особую комисію, состоявшую изъ одного члена парламента, товарища прокурора, секретаря, переводчика и пристава, которой поручено было отправиться въ Эльзасъ и снять показанія со свидѣтелей. Зatia Гирцеля, Исаака, прибывшаго въ Мецъ для того, чтобы слѣдить за ходомъ процесса, парламентъ назначилъ представителемъ интересовъ покойнаго и его семейства.

Комисіія эта, выѣхавъ изъ Меца 30-го іюля, прибыла въ Сиренцъ 9-го августа, въ Ведельсгеймъ—21-го августа, и въ Рибовиль—29 августа, и выслушала показанія всѣхъ свидѣтелей, на которыхъ указывали ей Исаакъ, Менке и Лангъ. 11-го сентября она, совершивъ перѣздъ изъ Рибовиля въ Мецъ въ три дня, возвратилась въ этотъ послѣдній городъ, а 24-го сентября мецскій парламентъ объявилъ свою резолюцію, заключавшую въ себѣ блистательное оправданіе евреевъ.

Приговоръ кольмарскаго суда отмѣнился, равно какъ и самое постановленіе о преданіи обвиняемыхъ суду; Менке и Лангъ были объявлены по суду оправданными и освобождены изъ тюрьмы; доброе имя Гирцеля было возстановлено, а тѣло его велѣно было отдать его семейству; имена Менехека и Ланга исключались изъ списка арестантовъ,

сданныхъ въ кольмарскую тюрьму; равнымъ образомъ изъ списка дѣлъ, рѣшенныхъ рибовильскимъ судьей, вычеркивалось настоящее дѣло, съ тѣмъ, чтобы на поляхъ было занесено настоящее постановленіе парламента. Наконецъ, семейству Гирцеля предоставлялось право предъявлять гражданскій искъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ оно считаетъ виновными въ смерти невинно-осужденнаго главы своего.

Далѣе въ резолюціи заключается ссылка на постановленіе государственнаго совѣта отъ 16-го іюня 1755 года, на грамоту мецскаго парламента отъ 29-го іюня 1755 года, на постановленіе того же парламента отъ 10-го іюля того же года о занесеніи этой грамоты въ реестръ, на другое постановленіе, отъ 11-го іюля, уголовного отдѣленія мецскаго парламента о подсудности себѣ этого дѣла, на дознаніе рибовильскаго судьи отъ 11-го декабря 1754 года и на постановленіе его о заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу, на протоколъ перваго допроса Менке и Ланге 12-го декабря и перваго же допроса Гирцеля 16-го декабря, на дополнительный допросъ 17-го декабря, на постановленіе 18-го декабря относительно свидѣтелей со стороны обвиняемыхъ, на допросъ 23-го декабря трехъ обвиняемыхъ—Гирцеля, Ланга и Менке и на постановленный въ тотъ же день судьей приговоръ; на протоколъ спроса Гирцеля подъ пристрастіемъ 30-го декабря и на состоявшійся относительно его въ тотъ же день приговоръ; подписанные членомъ-докладчикомъ кольмарскаго высшаго суда Жаномъ-Андре Гольбери *; на жалобу, поданную парламенту Авраамомъ Гирцелемъ и семействомъ его, а также двумя обвиняемыми, Менке и Лангомъ; на постановленіе парламента отъ 26-го іюля; на протоколъ о спросѣ свидѣтелей указанныхъ защитой; на разслѣдованіе, произведенное парламентскою комиссіей и сообщенное генераль-прокурору парламента постановленіемъ отъ 20-го августа 1755 года; на протоколъ, составленный въ тотъ же день, по поводу отсутствія одного изъ свидѣтелей, вызванныхъ Исаакомъ Дрей-

* При новомъ распредѣленіи членовъ высшаго суда по отдѣленіямъ, состоявшемся 5-го марта 1755 года, Гольбери вошелъ въ составъ втораго отдѣленія равно какъ и Мадамъ, товарищъ предсѣдателя суда.

фусомъ, попечителемъ памяти Леви Гирцеля, и наконецъ на заключеніе прокурора. Затѣмъ въ резолюціи сказано:

„И по выслушаніи и допросѣ парламентомъ попечителя Исаака Дрейфюса въ качествѣ повѣреннаго семейства Гирцеля, а Моисея Ланга и Менехека Леви, по прозванію Рѣзникъ, въ качествѣ подсудимыхъ, при участіи г. Рюзе, переводчика при судѣ съ нѣмецкаго языка, по приведеніи ихъ къ присягѣ, по еврейскому обычаю, Исаакомъ Заемъ, уроженцемъ Кобленца, однимъ изъ раввиновъ города Меца *, и принявъ все это въ соображеніе:

„Судъ, разсмотрѣвъ кассационную жалобу, пришелъ къ заключенію, что настоящее дѣло было неправильно рѣшено рибовильскимъ судьей 23-го декабря, что существуютъ достаточные поводы къ кассации, исправляя вышеозначенное рѣшеніе — *постановляетъ*: считать означенныхъ Менехека Леви, по прозванію Рѣзникъ, и Моисея Ланга, оправданными отъ введеного противъ нихъ обвиненія, отмѣняетъ состоявшіеся относительно нихъ приговоры и предписываетъ освободить ихъ изъ тюремнаго заключенія; что же касается покойнаго Леви Гирцеля, то судъ объявляетъ доброе имя его возстановленнымъ, предписываетъ считать его умершимъ безъ предварительнаго лишенія правъ состоянія и постановляетъ, что въ силу того наслѣдники его имѣютъ право пользоваться всею его имуществомъ; предписываетъ возвратитъ тѣло его, его семейству для преданія землѣ по еврейскимъ обрядамъ, а имена вышеназванныхъ обвиняемыхъ вычеркнуть изъ арестантскихъ списковъ тѣхъ тюремъ, въ которыхъ они содержались, съ погѣткой о томъ на поляхъ какъ этихъ списковъ, такъ и приговора рибовильскаго судьи; предоставляетъ вышеназваннымъ Менехеку Леви и Моисею Лангу, а равно и Аврааму Гирцелю отыскивать установленнымъ порядкомъ протори и убытки съ тѣхъ лицъ, которыя причинили имъ ущербъ, и

---

* О мецскихъ раввинахъ смотри «Judaelitische Annalen», 1839 г., стр. 380 и 389; 1840 г., стр. 61 и слѣд. О вѣкомъ Бернардѣ Заѣ, авторѣ гимна въ честь Наполеона I, упоминается въ «Revue Orientale», II, стр. 30.

кромя того дозволяетъ имъ печатать и аффинировать этотъ приговоръ всюду, гдѣ они сочтутъ то нужнымъ.

„Предписываемъ старшему приставу нашего суда привести этотъ нашъ приговоръ въ надлежащее исполненіе.

„Сіе постановлено уголовнымъ отдѣленіемъ мецкаго парламента 24-го сентября 1755 года, въ царствованіе же наше сорокъ первое.
Подписано: Лакруа. Съ подлиннымъ вѣрно: *Маркъ.* Скрѣплено: *Кюни.* За членовъ суда: *Галлуа, Амилъонъ-де-Жуи.* Приложеніе большой печати суда засвидѣтельствовано тѣмъ же членомъ его *Галлуа.*

Тотчасъ по произнесеніи этого приговора, Авраамъ, сынъ Гирцеля, все это время находившійся въ Мецѣ, отправился обратно въ Эльзасъ, чтобы сообщить своимъ согражданамъ-единовѣрцамъ радостную вѣсть. На слѣдующій же день, 25-го сентября, онъ прибылъ въ Рибовиль. Былъ какъ разъ канунъ Гошанны-Раббы, и евреи собрались, по обыкновенію, въ синагогѣ для богослуженія. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ была принята ими радостная вѣсть.

На слѣдующій день, въ пятницу, въ седьмой день Суккота, долженъ былъ прибыть приставъ суда съ официальной резолюціей парламента. Но, не дожидаясь его прибытія, евреи пожелали было немедленно же торжественно похоронить тѣло Гирцеля, въ виду наступавшихъ двухъ праздничныхъ дней (суббота и воскресенье, послѣдніе дни Суккота). Съ ранняго утра пятницы всѣ мѣстные евреи собрались вокругъ колеса, въ которому все еще было привязано тѣло несчастнаго Гирцеля, въ надеждѣ, что имъ позволено будетъ снять и похоронить его. Тутъ же собралось и немало христіанъ, смотрѣвшихъ на все это частью благосклонными частью неблагосклонными взорами. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали прибытія пристава, но онъ не являлся. Опечаленные этимъ разочарованіемъ, они возвратились домой, такъ какъ наступало предвечеріе праздника. Впрочемъ, по ихъ просьбѣ, къ тѣлу былъ приставленъ караулъ изъ солдатъ изъ земскихъ стражниковъ, что было далеко нелиш-

низмъ, ибо безъ этой предосторожности тѣло, безъ сомнѣнія, исчезло бы.

Наконецъ прѣѣхалъ и приставъ. Онъ промѣшкалъ вълѣдствіе того, что пожелалъ привезти съ собою печатные экземпляры резолюціи парламента. Онъ прибылъ въ Рибовиль въ субботу. Слѣдующій день, день Сикхатъ-Торы, былъ двойнымъ праздникомъ для евреевъ. Приставъ въ тотъ же день отправился въ Кольмаръ для исполненія необходимыхъ формальностей и рѣшено было, что погребеніе тѣла Гирцеля послѣдуетъ утромъ въ понедѣльникъ, 29-го сентября.

Въ этотъ день евреи снова собрались въ значительномъ числѣ на большой дорогѣ, гдѣ было выставлено тѣло; и на этотъ разъ тутъ же было немало и христіанъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пристава. Наконецъ онъ явился, развернулъ бумагу, громко прочелъ ее по-французски, и затѣмъ велѣлъ перевести его на нѣмецкій языкъ. Едва успѣлъ переводчикъ произнести послѣднія слова, какъ евреи, сгорая нетерпѣніемъ, въ одну секунду взобрались по лѣстницамъ на плаху, отвязали отъ колеса тѣло и спустили его внизъ на бѣлой простынѣ. Картина была въ высшей степени трогательна. Увѣряютъ, будто тѣло, не смотря на то, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ пробыло на колесѣ, отлично сохранилось и будто даже птицы его не тронули. Только волосы на головѣ и въ бородѣ Гирцеля, бывшіе черными при его жизни, какъ будто отросли и совершенно побѣлѣли. Лицо трудно было узнать.

Смертные останки Гирцеля были завернуты въ саванъ и положены въ гробъ; на тѣло было положена обычная покойницкая одежда и затѣмъ гробъ поставленъ былъ на повозку. Затѣмъ колесо и позорный столбъ разломаны были на мелкіе куски, которые положены были на другую телегу. Погребальное шествіе направилось къ Юнгхольцу, близъ Сульца, гдѣ въ то время было общее кладбище для всѣхъ евреевъ Верхняго Эльзаса. Надъ могилой приставъ еще разъ прочелъ резолюцію парламента, а затѣмъ могильщики приступили къ своему дѣлу, между тѣмъ

какъ всѣ присутствующіе евреи молились *, и земля, наконецъ, приняла въ свои нѣдра для вѣчнаго успокоенія это бѣдное тѣло, столь долгое время выставленное на позораніе хищнымъ птицамъ, на оскорбленіе прохожимъ и на переѣмчивость погоды.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой печальной церемоніи, мецкскій приставъ велѣлъ прибыть ко всѣмъ воротамъ Сиренца, Ведальсгейма, Гауцена и Рибовиля, а командующій войсками въ Эльзасѣ велѣлъ помѣстить въ приказѣ по войскамъ—запрещеніе христіанамъ, по всей вѣроятности, находившимся еще въ очень возбужденномъ состояніи,—оскорблять евреевъ, по поводу-ли дѣла Гирцеля, или по какому-либо другому поводу, а въ особенности распѣвать шутовскую пѣснь, сочиненную кѣмъ-то по случаю смерти Гирцеля. Въ то же время герцогъ Рибовильскій (Рибоньеръ) отрѣшилъ отъ должности рибовильскаго судью Фукса, произнесшаго первый приговоръ относительно Гирцеля и его товарищей по обвиненію, и который съ самаго начала игралъ въ этомъ дѣлѣ какую-то двусмысленную роль. Благодаря всѣмъ этимъ разумнымъ и справедливымъ мѣрамъ, спокойствіе въ провинціи мало по малу возстановилось **.

Менке и Лангъ давно уже были выпущены на свободу, и наконецъ кольмарскій судъ, такъ долго и такъ несправедливо державшій въ заключеніи Фейсса, изъ Груссенгейма, рѣшилъ выпустить и его на свободу. Но среди эльзасскихъ евреевъ, на зимнихъ посидѣлкахъ, еще долгое время передавалась изъ устъ въ уста исторія несчастнаго Кадоша †. Она сдѣлалась предметомъ популярныхъ разсказовъ на еврейско-нѣ-

---

* Куски разломанныхъ колеса и позорнаго столба тоже были, по всей вѣроятности, брошены въ могилу.

** Какому-то христіанину изъ Герлихейма, близъ Кольмара, вскорѣ послѣ вышеописаннаго событія, пришла на умъ странная фантазія: въ пятницу вечеромъ, 4-го октября, онъ повѣсилъ на воротахъ одного еврея, Моцсея-бенъ-Годероса, телѣжное колесо, къ которому была привязана дохлая собака. Это неприличное глумленіе не осталось, однако же, безъ должнаго возмездія.

† Человѣка, умершаго насильственной смертью.

нецкомъ жаргонѣ, одинъ экземпляръ которыхъ мы имѣли въ рукахъ при писаніи этой статьи; по деревнямъ ходили по рукамъ рукописныя копии этихъ рассказовъ, которые читались вслухъ и вызывали у слушателей обильныя слезы. А на Юнгхольцскомъ кладбищѣ памятникъ, на которомъ было высѣчено имя Гирцеля, давно уже обвалился и засыпанъ землею, и не осталось никакихъ вещественныхъ слѣдовъ, напоминающихъ память этого несчастнаго мученика.

Исидоръ Лебъ.

П Ъ С Н И Д Н Я .

1.

Суета суеть.

„Слышалъ, дѣдушка? Мы снова
Ждемъ съ тревогой старыхъ бѣдъ“...
И насупившись сурово:
„Пусть ихъ“,—миѣ отвѣтилъ дѣдъ.

„Боже мой! опять газеты
Поднимаютъ вой и лай...
Что-то будетъ?“... Нѣтъ отвѣта.
„Слышишь?“— „Ну ихъ всѣхъ. Пускай“...

„А! Прочи—я здѣсь отмѣтилъ—
Возвращенье въ край святой...“
Дѣдъ, пожавъ плечомъ, отвѣтилъ:
„Полно. Пусть ихъ, дорогой!“...

Такъ, въ „ученье“ погруженный
День и ночь, мой старый дѣдъ
Миѣ на гнѣвъ, и смѣхъ, и стоны
Все одинъ дастъ отвѣтъ.

Разъ съ печальною улыбкой
 Посмотрѣлъ онъ на меня:
 „Хочешь знать, гдѣ въ жизни зыбкой
 Я нашель устой, дитя?“

Подперевъ щеку рукою,
 Фоліантъ раскрылъ мой дѣдъ,
 Тихо, медленно, съ тоскою
 Началь: „Суета суетъ.

„Гдѣ подъ солнцемъ миръ находить
 Средь волненій человѣкъ?
 Родъ приходитъ, родъ проходитъ,
 А земля все та-жъ во вѣкъ;

„Каждый день на путь лазури
 Возвращаются лучи,
 И кружатъ, и мчатся бури,
 И текутъ въ морямъ ключи...

„И словамъ внимаетъ ухо—
 Все же скажетъ кто изъ насъ?—
 Не наполнить звукомъ слуха,
 Не насытить зрѣньемъ глазъ“...

Раздавалось старца слово
 Все внятнѣе, все грознѣй:
 „И что было—будетъ снова:
 Нѣтъ подъ солнцемъ новостей“.

Положивъ на книгу руки,
Продолжалъ онъ: „Вотъ гдѣ свѣтъ.
Что враги, гоненья, муки?—
Пусть ихъ: суета суетъ.

„И пусть насъ враги не любятъ,
Пусть шипятъ, какъ стая змѣй,—
Знай: вѣка еврея губятъ,
Все же не погибъ еврей.

„Не погибнемъ мы, доколѣ
Живъ на небѣ Адойшэмъ;
Страждемъ мы—страдали болѣ
И еще страдать намъ всѣмъ;

„Но настанетъ часъ блаженный“,
Дѣдъ въ восторгѣ восклицалъ:
„Часъ разбиться ковамъ плѣна,
Какъ Господь намъ обѣщалъ.

„И придетъ Мессія славный,
И вернетъ намъ мощь и честь,
Онъ придетъ, владыкамъ равный,
Чтобъ насъ въ край отцовъ отвестъ“.

Смолкъ старикъ. Но взглядъ, пылая,
Долго вдаль еще взиралъ,
Точно въ вѣчность проникая,
Онъ Іегову созерцалъ...

И тогда вздохнулъ невольно
 Я, завидуя ему:
 Сердцу было трудно, больно
 И не вѣрилось уму...

„Ну, а *ваша* Гудея“,
 Онъ сказалъ, очнувшись, вдругъ:
 „Лишь грѣховная затѣя,
 Такъ я думаю, мой другъ.“

„Предвосхитить Божье чудо...
 Нѣтъ“, шепталъ, вздыхая, дѣдъ:
 „Худо будетъ... будетъ худо.
 Впрочемъ: суета суетъ...“

М. Абрамовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова.

Источники: A m b r o s. Geschichte der Musik. Die Hebräer. F o r k e l. Allgemeine Geschichte der Musik. D e l a M o l e t t e. Traité sur la poésie et la musique des Hébreux. S c h i l l i n g. Encyclopedie der gesammten musikalischen Wissenschaften oder Uniwersallexikon der Tonkunst. Hebräische Musik. F e t i s. Historie universelle de la musique et biographies des musiciens.

Введеніе.

Исторія музыки занимается изученіемъ хода развитія этого искусства отъ самаго отдаленнаго времени до ближайшей эпохи. Всѣ измѣненія, которымъ постоянно подвергается музыка, зависятъ, кромѣ теченія времени, также и отъ народностей. Люди, живущіе при различныхъ географическихъ условіяхъ, естественно разнятся между собою въ формѣ культуры; эти различія, въ видѣ отдѣльныхъ характеристическихъ чертъ каждаго народа, неизбѣжно кладутъ свой отпечатокъ на музыку, какъ на искусство, происходящее отъ постоянного стремленія людей звуками выражать свои чувства.

Происхожденіе музыки лежитъ въ самомъ человѣкѣ. Ребенокъ издаетъ только отрывочные музыкальные звуки, которыми онъ старается выразить свои ощущенія; крики эти съ возрастомъ переходятъ въ едва понятный лепетъ, который, становясь постепенно яснѣе и понятнѣе, доводитъ ребенка до полнаго умѣнья владѣть измѣняющеюся, членораздѣльной рѣчью. Первобытные люди, такъ-же какъ и дѣти, прибѣгаютъ къ мускульнымъ напряженіямъ для выраженія своихъ чувствъ; ихъ разговоръ изобилуетъ восклицаніями, вскрикиваніями и жестами. По мѣрѣ развитія внутренняго міра человѣка, его чувства и впечатлѣнія формируются рѣчею и опре-

8*

дѣленіе и принимаютъ болѣе сложный характеръ; соразмѣрно съ увеличеніемъ потребности, увеличиваются и средства къ выраженію этихъ ощущеній. Такимъ образомъ, развиваясь послѣдовательно, отрывочныя слова переходятъ въ гармоническую плавную рѣчь, восклицанія—въ музыкальныя фразы и мелодіи, движенія и жесты—въ пляску и мимику.

Музыкальные инструменты изобрѣтаются очень легко. Всего раньше появляются разныя трещотки и колотушки, такъ какъ шумъ и стукъ легче извлекаются изъ внѣшнихъ предметовъ, чѣмъ музыкальный тонъ; далѣе, идя постепенно впередъ, первобытный человѣкъ доходитъ до изобрѣтенія духовыхъ инструментовъ, а затѣмъ и струнныхъ. Раковина, найденная имъ и нечаянно приложенная къ уху, свистъ воздуха, проходящаго черезъ щель или какое нибудь отверстіе, обращаютъ его вниманіе и даютъ направление его изобрѣтательности, въ результатъ дѣятельности которой являются дудки, свистульки, трубы и рога. Такимъ же способомъ, путемъ опыта и изслѣдованія, человѣкъ доходитъ до изготовленія какого-нибудь примитивнаго струннаго инструмента. Есть предположеніе, что тетива лука, издававшая звуки различной высоты при большемъ или меньшемъ натягиваніи, навела на мысль воспользоваться струною для полученія тоновъ. Человѣкъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи какіе нибудь инструменты, можетъ разнообразить извлекаемые изъ нихъ звуки соотвѣтственно своему вкусу и желанію. Его ритмическое чувство указываетъ, что можно постоянно варьировать чередованіе звуковъ, пользуясь различною продолжительностью тоновъ и промежутками между ними, т. е. паузами. Сообразно съ наклонностями и обстоятельствами каждаго народа, музыка его получаетъ его индивидуальныя черты, которыя навсегда дѣлаютъ ее отличною отъ музыки другихъ націй.

Съ самаго древняго времени замѣчается близкая связь между музыкой и религиознымъ чувствомъ народа; религія пользуется музыкой для усиленія впечатлѣнія, для большей грандіозности богослуженія и для особенной торжественности обстановки празднествъ всякаго рода. Съ своей стороны, музыка, кромѣ смягчающаго и облагораживающаго дѣйствія на нравы, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общихъ массъ, усиливаетъ набожность и даетъ способъ красивыми созвучіями выражать движенія души.

Древніе евреи были именно такимъ народомъ, у котораго богослуженіе никогда не обходилось безъ музыки, а музыка очень долгое время фигурировала исключительно только въ храмѣ.

Изъ всѣхъ семитическихъ народовъ, выдающееся мѣсто занимаютъ евреи, какъ народъ чрезвычайно даровитый и способный, но въ развитіи пластическихъ искусствъ они не создали ничего самостоятельнаго и выдающагося. Соломонъ, желая построить свой храмъ, долженъ былъ пригласить иностраннаго архитектора Гирама Абифа. За то еврейская поэзія оставила намъ сокровища, цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ смыслѣ религіозности, воодушевленія, глубины созерцанія, высоты и величія — еврейская поэзія не имѣетъ себѣ равной и превосходить греческую, хотя въ ясности и пластичности уступаетъ послѣдней. Но эти обѣ поэзіи, принадлежащія древнему классическому міру — еврейская и греческая, на столько разнятся между собою по характеру, направленію и способу выраженія, что сравнивать ихъ нѣтъ никакой возможности.

Въ то же время у евреевъ тѣсно, даже можно сказать, неразлучно, съ поэзіей была связана музыка. Она, такъ-же какъ и поэзія, вся была направлена къ общей священной цѣли — къ болѣе достойному прославленію Промысла Божія. Не смотря на то однако, что евреи славились какъ хорошіе пѣвцы и музыканты между своими современниками, и что Библія восторженно относится къ ея пышному примѣненію при богослуженіи, мы теперь, спустя нѣсколько тысячелѣтій, находимся въ полнѣйшей невозможности составить себѣ ясное понятіе о ней. Музыка, какъ и языкъ, есть живое отраженіе жизни народа въ извѣстный моментъ. Со смертію народа умираютъ его языкъ и музыка, ничто не можетъ задержать ихъ; даже видные знаки, которыми люди всячески стараются ихъ оставить для себя и для потомства, исполняютъ свое назначеніе только на столько, на сколько этотъ живой духъ умаршаго народа существуетъ въ данное время. Если же духъ времени измѣнился въ корень, то письменный знакъ есть только тѣнь того, что онъ долженъ означать. Со знаками языковъ мы все-таки гораздо счастливѣе, чѣмъ со знаками музыки; если настоящее произношеніе и истинный звукъ словъ теряется съ теченіемъ времени, (что мы видимъ на древнихъ языкахъ, такъ какъ мы не знаемъ, какъ слова выговаривались и звучали), то все-таки письменные знаки удерживаютъ внутренній смыслъ языка, и такимъ образомъ мы уже можемъ, хотя далеко не въ совершенствѣ, составить себѣ понятіе о его особенностяхъ и качествахъ. Но музыка имѣетъ своимъ матерьяломъ только звукъ; звукъ проввучалъ, исчезъ — съ нимъ исчезла и музыка. Слѣдственно, если даже и существуютъ какія нибудь, сохранившіяся до сихъ поръ правила и музыкальные знаки, при посредствѣ которыхъ мы бы могли воспроизвести теперь

древне-еврейскую музыку, то судить о ея впечатлѣннн мы все-таки не могли бы, такъ какъ съ теченіемъ времени и развитіемъ цивилизаціи, вкуса, знаній и т. д. неизбежно измѣнилась точка зрѣнія на все безъ исключенія; а исходя изъ различныхъ вкусовъ, мы бы навѣрно нашли нелѣпыми, уродливыми и некрасивыми то, что древніе люди находили безподобными.

Мы уже сказали, что въ высшей степени трудно себѣ представить что либо о древней музыкѣ народа, который оставилъ письменные знаки; можно судить поэтому, на сколько еще труднѣе этого достигнуть тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, ни указаній, и гдѣ приходится довольствоваться только предположеніями и догадками.

Къ несчастью, мы находимся именно въ такомъ положеніи относительно столь восхваляемой музыки древнихъ евреевъ. У насъ нѣтъ ни нотъ, ни пьесъ, ничего ровно, изъ чего бы мы могли заключить о ея дѣйствительномъ достоинствѣ. Библия, историческое писаніе, старѣйшее изъ всѣхъ, относящихся къ этому предмету, служащее основаніемъ для позднѣйшихъ сочиненій этого рода, есть самый важный источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ свѣдѣнія о интересующей насъ древне-еврейской музыкѣ. Но какъ Библия, такъ и всѣ древніе писатели ограничиваются только восторженными похвалами и не говорятъ ничего, кромѣ того, что эта музыка была, великолѣпна, выразительна и превосходна. Если мы, строго придерживаясь Библии, не оставимъ безъ вниманія вѣчно справедливой аксіомы, что сущность музыки тождественна съ идеей или сущностью разговора, то найдемъ, что все-таки есть возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о еврейской музыкѣ и ея качествахъ, но крайней мѣрѣ узнать, какъ, когда, гдѣ, какими образомъ и при какихъ условіяхъ она употреблялась.

Мало мальски доказаннаго исторически начала всей музыки у евреевъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе, ни въ какомъ случаѣ нельзя предполагать, что весь періодъ времени отъ сотворенія міра до Ноя былъ совершенно лишенъ всякой музыки. На самомъ дѣлѣ, онъ безъ музыки не могъ бы существовать, какъ и безъ рѣчи. Несомнѣнно, что люди того времени имѣли свою музыку, хотя такую же мало развитую и безыскусственную, какъ и они сами. Можно смѣло утверждать, что съ сотвореніемъ перваго человѣка сотворилась и музыка, потому что побудительная причина къ этому, иначе сказать, естественное влеченіе къ ней, лежало какъ въ немъ, такъ и внѣ его. Въ немъ—это былъ напоръ желаній и чувствъ, который безсознательно выражался въ движеніяхъ, звукахъ и знакахъ. Внѣ его—это было

существованіе нѣкоторой музыки вездѣ, во всей окружающей его природѣ. Перенесясь мысленно въ дѣтскій возрастъ, мы ясно увидимъ начало возникновенія музыки. Способность ребенка издавать звуки, соответствующіе его ощущеніямъ, развивается у взрослога въ способность владѣть рѣчью. Кстати нельзя не замѣтить, что этотъ же фактъ служитъ доказательствомъ того, что вокальная музыка по происхожденію древнѣе инструментальной. Если вмѣстѣ съ рѣчью одновременно образовалась музыка, то нужно полагать, что и въ дальнѣйшемъ развитіи народа они шли рука объ руку; слѣдовательно, тѣ причины, которыя мы принимаемъ за главныхъ факторовъ развитія рѣчи, мы точно также можемъ принять за главныхъ факторовъ развитія музыки, именно — расширеніе, разнообразіе и укрѣпленіе чувствъ и представленій людей, изъ котораго необходимо должно было произойти стремленіе выражать эти чувства какими-нибудь пріятнымъ для уха образомъ.

Въ I книгѣ Моисея, глава IV, ст. 21, Іуваль, изъ рода Каина (600 лѣтъ послѣ сотворенія міра), называется «отцомъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли»; такое названіе дало поводъ думать, что Іуваль былъ изобрѣтателемъ инструментальной музыки. Но возможно-ли, чтобы люди могли прожить 600 лѣтъ, безъ того, чтобы имъ пришла мысль свистульками изъ камыша подражать голосамъ животныхъ, свистанью и пѣнью птицъ? Допустить подобную недогадливость положительно невозможно, и навѣрно евреи суждѣли воспользоваться такимъ продолжительнымъ промежуткомъ времени, чтобы сдѣлать немало попытокъ и опытовъ, которые привели ихъ къ обладавію самыми примитивными музыкальными инструментами. Что же касается Іувала и приписываемаго ему изобрѣтенія, то эта замѣтка, по всей вѣроятности, попала въ книгу Бытія просто изъ желанія видѣть въ одномъ изъ своихъ предковъ основателя искусства, которое впоследствии времени сдѣлалось уважаемымъ и священнымъ. — Charadin въ своемъ путешествіи по Аравіи (ч. V, стр. 69) говоритъ, что и теперь еще тамъ музыкантовъ зовутъ «Каинэ» (Кауде), т. е. происходящими отъ Каина; но даже и это обстоятельство не говоритъ ничего въ пользу Іувала; изобрѣтателемъ музыкальныхъ инструментовъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть потомокъ Каина, вслѣдствіе того, что Авель остался безъ потомства; но вѣдь до Іувала жили еще Енохъ, Ирахъ, Метхиаель, Маусайль и Ламехъ.

Все, что говорится о древне-еврейскихъ инструментахъ, ихъ объемѣ и употребленіи, представляетъ собою нѣчто, изъ чего можно извлечь нѣ-

сколько вѣроятныхъ свѣдѣній, которыя много помогутъ намъ въ дѣлѣ приблизительнаго понятія о характерѣ и качествахъ музыки древнихъ евреевъ. При тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми окружено изученіе еврейской музыки, не остается ничего другаго, какъ только собрать известія, находящіяся частью въ немногихъ свѣтскихъ древнихъ историческихъ книгахъ и произведеніяхъ, частью у авторовъ нашихъ священныхъ книгъ, и изъ набраннаго такимъ образомъ матеріала, вывести свои сужденія и заключенія на счетъ всего, близко касающагося изучаемой музыки. Дальше такихъ сужденій и заключеній никто въ этомъ дѣлѣ не пошелъ, да и не пойдетъ, за отсутствіемъ всякихъ данныхъ. Историки музыки должны придерживаться оставленныхъ имъ очень немногихъ и крайне неточныхъ свѣдѣній, они должны имѣть дѣло съ мертвыми буквами, послѣ того какъ время изгладило и унесло съ собою живую сущность, духъ музыки. Все, что въ этомъ дѣлѣ одинъ можетъ сдѣлать лучше другаго—это то немногое, что онъ такъ распредѣлитъ и сопоставитъ существующія известія, такъ ихъ изслѣдуетъ и рассмотритъ по характеру вещей, людей, время и нравовъ, что легчайшимъ способомъ получить вытекающія изъ нихъ заключенія, которыя будутъ, если не абсолютно вѣрны, то во всякомъ случаѣ весьма вѣроятны.

Наши познанія и искусства зависятъ почти совершенно отъ свойства нашего положенія и образа жизни на земномъ шарѣ; они на столько носятъ на себѣ отпечатокъ обычаевъ и нравовъ, происшедшихъ отъ этого положенія и образа жизни, что мы никогда не узнаемъ настоящаго качества какого-нибудь искусства, не обративъ сначала должнаго вниманія на исторію его развитія.—Народъ еврейскій представляется намъ въ исторіи въ весьма различныхъ видахъ. Сначала, въ продолженіи половины тысячелѣтія, именно отъ Авраама до Моисея, мы находимъ евреевъ номадами, кочующими по Палестинѣ, Египту и Аравіи. Въ продолженіи тоже почти половины тысячелѣтія, отъ Моисея до Саула, они управлялись демократически. Дальше, въ слѣдующемъ пятисотлѣтіи, мы видимъ у нихъ правленіе монархическое; ихъ цари, отъ Саула и до Седекіи, правятъ всѣми 12-ю колѣнами, сначала соединенными въ одинъ народъ, а потомъ раздѣленными на два царства—Израиль и Іуду. Затѣмъ, еврей, потерявъ независимость, сталъ платить подати ассирійцамъ и египтянамъ, послѣ чего были плѣнены халдеями, отведены въ Вавилонъ и принуждены долгое время считать свое царство провинціей другихъ державъ, пока наконецъ, какъ изгнанникамъ, имъ не пришлось разсѣяться по земному шару.—Изъ всѣхъ

видовъ правленія, какіе пришлось пережить евреямъ, періодъ монархическій былъ, безъ сомнѣнія, самымъ благопріятнымъ для культуры музыки; это такъ и было, и мы видимъ, что музыка, какую употребляли въ то время при богослуженіи и въ частныхъ случаяхъ другіе, болѣе или менѣе просвѣщенные народы, была далеко оставлена за собой еврейскою музыкой, въ особенности за время царствованія Давида и Соломона.

Знакомство съ древне-еврейскими музыкальными инструментами, а также знаніе различныхъ выраженій, встрѣчающихся особенно часто въ псалмахъ Давида, чрезвычайно важно и необходимо; вслѣдствіе этого мы стараемся воспользоваться всякимъ малѣйшимъ извѣстіемъ, бросающимъ свѣтъ на этотъ почти совсѣмъ незнакомый предметъ.

I.

Объ инструментахъ.

Евреи, какъ вообще всѣ народы востока, имѣли очень много музыкальных инструментовъ; свѣдѣнія о нихъ и названія ихъ мы можемъ почерпнуть отчасти изъ книгъ Ветхаго Заветъа, отчасти изъ различныхъ раввинскихъ рукописей. Ученые XVII и XVIII столѣтій посвятали много трудовъ и силъ для научныхъ изслѣдованій всего, касающагося древнихъ инструментовъ. Своею запутанностью этотъ предметъ представлялъ обширное поле для глубокихъ научныхъ изысканій, не говоря уже о томъ, что вообще данныхъ мало и они разбросаны безъ всякой системы кое-гдѣ въ рукописяхъ и древнихъ книгахъ; особенное затрудненіе представляли рѣзкія противорѣчія между замѣтками разныхъ авторовъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Эти противорѣчія и разногласія всего болѣе происходили оттого, что древніе писатели, говоря о какомънибудь инструментѣ, писали не въ смыслѣ науки, а только при случаѣ вскользь упоминали о его существованіи, причемъ совершенно не старались выражаться вполне ясно и точно. Въ книгѣ Шильте-Гаггиборимъ (соч. раввина Авраама бенъ-Давида-Ариэля, изданная въ Мантуѣ въ 1612 году) число музыкальных инструментовъ, извѣстныхъ во времена царствованія Давида и Соломона, доходитъ до тридцати шести, но въ Библии мы насчитываемъ всего шестнадцать; весьма можетъ быть, что Библия говоритъ исключительно только о тѣхъ инструментахъ, которые были употребляемы для богослужебной музыки.—Въ пятикнижии Моисея упоминается семь различныхъ инструментовъ, въ книгахъ Судей, Царствъ, Паралипоменонъ и Пророковъ упоми-

наются еще четыре, а въ книгѣ пророка Даниила еще пять. Въ псалмахъ Давида называются почти всѣ шестнадцать инструментовъ. — Одинаково какъ въ наше, такъ и въ то отдаленное время, инструменты дѣлились на три группы, различая ихъ по способу добыванія звуковъ, на струнные, духовые и ударные. Первая группа, къ которой принадлежатъ всѣ струнные инструменты, состояла изъ: 1) Кинноръ, также Китара или Цитара, 2) Небель или Псалтырь, 3) Азоръ или Квитросъ, 4) Миннимъ, 5) Махоль и 6) Шалишимъ. — Ко второй группѣ, т. е. къ духовымъ инструментамъ относятся: 1) Угабъ, 2) Керень, 3) Халиль, 4) Некабгимъ, 5) Хатцодеротъ, 6) Шофаръ или Такоа, 7) Сумфоней, 8) Машрокита и 9) Магрефа. Къ группѣ ударныхъ инструментовъ причисляются: 1) Адуфа или Топъ, 2) Маанимъ, 3) Тельтселимъ и 4) Метсилотъ. — Всѣ струнные инструменты назывались однимъ общимъ именемъ «Негнотъ», и по своему вѣшнему виду раздѣлялись на три отдѣла: а) Кинноръ, б) Небель и Азоръ и с) Миннимъ, Махоль и Шалишимъ. — Духовые инструменты, также по виду и свойствамъ, имѣли пять подраздѣленій: а) Халиль и Некабгимъ — флейты, б) Шофаръ или Такоа и Керень — рога, с) Хатцодеротъ — труба съ различными видоизмѣненіями, d) Сумфоней и е) Машрокита и Магрефа. — Ударные инструменты были двоякаго рода: а) Адуфа или Топъ и Маанимъ съ ихъ различными видоизмѣненіями, б) Тельтселимъ — бубенчатые кимвалы и Метсилотъ — колокольчатые кимвалы.

Честь изобрѣтенія музыкальныхъ инструментовъ евреевъ не принадлежитъ. Еще задолго до Авраама, въ Египтѣ уже были въ употребленіи свои роды арфъ, были дудки, флейты и другіе инструменты.

Еврейское названіе арфы «кинноръ» финикійскаго происхожденія; изъ Финикіи кинноръ перешелъ въ Египетъ, а оттуда уже былъ заимствованъ евреями. Въ книгѣ Бытія «кинноръ» упоминается какъ изобрѣтеніе Іувала, но, къ сожалѣнію, приводится тамъ безъ описанія; тамъ онъ названъ какъ представитель струнныхъ инструментовъ вообще, что ясно можно видѣть изъ сопоставленія «кинноръ и угабъ», т. е. арфы и дудки. — Давидъ игралъ передъ Сауломъ на «киннорѣ» (1 кн. Царствъ, гл. 16); въ псалмѣ Давида 136-мъ «кинноры» были повѣшены скорбящими евреями на ложахъ Вавилона. «Кинноръ» или вѣрнѣе «киннооръ», въ Септуагинтѣ: «киннура», можетъ справедливо назваться самымъ древнимъ инструментомъ евреевъ; онъ соответствуетъ нашей арфѣ; форма его обыкновенно трехъ-угольная, иногда четырехъугольная. У левитовъ трехъугольный кинноръ былъ наиболѣе распространеннымъ. — Св. Іеронимъ, въ одномъ своемъ

письмѣ къ Дардану, говорить, что у евреевъ употреблялась особеннаго рода арфа, формою похожая на греческую букву дельта (Δ), съ 24-мя натянутыми струнами, но св. Іеронимъ называетъ ее «китарою». Іосифъ Флавій называетъ этотъ инструментъ *Кинора* (кинйра) и утверждаетъ, что на немъ играли плектромъ * (*Antiq. Jud.* VII, 10), судя же потому, что, перейдя изъ Финикіи въ Грецію, этотъ инструментъ получилъ тамъ названіе «Тригононъ», т. е. трехъугольникъ, можно положительно думать, что онъ былъ въ большинствѣ случаевъ трехъугольной формы. Что же касается «цитары» или «китары», то предполагается, что она была чрезвычайно схожа или даже совершенно тождественна съ кинноромъ, такъ какъ. по описанію признаковъ, числа струнъ и качество звука, она не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только древнееврейской арфой. Были предположенія, что цитара и небель одно и то же, но въ псалмѣ 91, ст. 4, и въ книгѣ Маккавеевъ (I Массаб. XIII, 51), упоминаются оба инструмента, какъ совсѣмъ различные между собой. Кирхеръ въ своей «Музургии», изданной въ Римѣ въ 1650 г., даетъ весьма подробное описаніе киннора, сдѣланное по древнему рисунку; тамъ говорится, что струны натягивались поперегъ инструмента, слѣдовательно параллельно землѣ, но за достовѣрность извѣстій Кирхера не всегда можно ручаться. Въ Септуагинтѣ, по всей вѣроятности, инструментъ этотъ не назывался бы китарой, если бы въ самомъ дѣлѣ кинноръ не былъ совершенно похожъ на обыкновенную въ Греціи китару. Съ теченіемъ времени эта греческая китара измѣнила отчасти свой наружный видъ, сдѣлавшись похожею на лиру съ черепахообразнымъ резонансовымъ тѣломъ; о ней говорить св. Августинъ въ его объясненіи къ 149 псалму.—Флавій Іосифъ утверждаетъ, что число струнъ бываетъ различно, чаще 24, но бываетъ и 10, а Шильте-Гаггиборнимъ придерживается того мнѣнія, что ихъ бываетъ даже до 32.—На киннорѣ играли плектромъ, но держали его при этомъ стоймя, такъ какъ инструментъ не имѣлъ грифа; есть, однако, извѣстія, что и на киннорѣ играли пальцами безъ посредства плектра. Къ струнамъ прикасались ближе къ нижнему окончанію инструмента, чѣмъ посреди его, потому что резонансовый ящикъ находился внизу. Рама киннора, на которую натягивали струны, дѣлалась обыкновенно изъ чернаго дерева или изъ ливанской ели и роскошно отдѣлывалась различными украшеніями. Въ храмѣ при

* Плектръ (Плектрумъ, также Плектронъ)—тонкая палочка, сдѣланная изъ дерева или слововой кости, посредствомъ которой древніе играли на струнныхъ инструментахъ.

богослуженіи допускалось не менѣе девяти кинноровъ, но болѣе этого числа—сколько угодно. Кинноры были очень легкіе, удобопереносимые инструменты, это легко можно замѣтить изъ того, что плѣнные евреи при рѣкахъ Вавилонскихъ вѣшали свои инструменты на вербы и лозы.—Шильте-Гаггборинъ говоритъ, что Давидъ имѣлъ привычку вѣшать свой кинноръ около кровати, и ночью сквозной вѣтеръ, дотрогиваясь до струнъ, заставлялъ ихъ звучать; отсюда, по всей вѣроятности, взяли свое начало современные золоты арфы.

«Небель» или «Набель», по-еврейски тоже «Невель», по-гречески Набли или «Науля», по-латынѣ «Наблиумъ» или «Налумъ», древній струнный инструментъ, который греки унаслѣдовали отъ сирійцевъ и финиціанъ, а евреи подучили отъ Давида, который ввелъ этотъ инструментъ въ составъ оркестра храма, для аккомпанированія пѣнія левитовъ. О качествахъ и устройствѣ этого инструмента, упоминаемаго почти единственно въ Библии и у Флавія Юсифа, древніе историографы не согласны между собою. Въ переводѣ семидесяти, инструментъ этотъ названъ просто «музыкальнымъ инструментомъ», гдѣ же требуется для него болѣе опредѣленное выраженіе, тамъ онъ называется «Псалтыремъ». Гиляріусъ тоже того мнѣнія, что псалтырь и небель одно и то же.—По описаніямъ Шильте-Гаггборина, небель представляется въ видѣ дудки съ кожанымъ мѣхомъ, круглымъ по формѣ и съ тонкой шейкой, между тѣмъ въ извѣстіяхъ церковныхъ отцовъ, небель упоминается какъ струнный инструментъ, въ подтвержденіе чего можно указать на LXX псалмъ, ст. 20, и нѣкоторые другіе, гдѣ ясно говорится, что это былъ струнный инструментъ. «И я буду славить Тебя на псалтыри, Твою истину, Богъ мой; буду воспѣвать Тебя на гусляхъ, Святый Израилевъ».—Струнные инструменты считались благородными и наиболѣе годными для прославленія Бога.—Св. Августинъ находитъ, что псалтырь и китара имѣютъ много общаго въ своемъ наружномъ видѣ, но полагаетъ разницу между первымъ и вторюю въ томъ, что у китары резонансовое тѣло находится внизу, а у псалтыря помѣщается сверху. То же самое подтверждаетъ и св. Иеронимъ, говоря, что отличіе псалтыря отъ китары, т. е. киннора, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что на первомъ играютъ на верхней части инструмента, а на второмъ, наоборотъ, на нижней. Дальше св. Иеронимъ замѣчаетъ, что псалтырь былъ четырехугольной формы: онъ даже усматриваетъ тутъ аллегорію; четыре угла инструмента соответствуютъ числу евангелистовъ, а десять струнъ—десяти заповѣдямъ (Epist. ad Dardanum). Название «Polyphthōgon», много-

звучный, указываетъ на сравнительно богатые средства инструмента. Еще въ другихъ источникахъ, напр., у Варроонъ, небель называется «orthorallium», т. е. инструментомъ, на которомъ играютъ поставивши его перпендикулярно; въ Пизѣ, въ Santo Ompo есть одна картина Орканья, которая изображаетъ играющую даму, держащую инструментъ выпесказаннымъ образомъ. Св. Иеронимъ даетъ описаніе небеля или псалтыря; онъ говоритъ, что небель состоитъ изъ четырехъ досечекъ рамкою, на которую натянуто 10 струнъ, безъ резонанснаго ящика; трудно предположить, чтобы это было вполнѣ вѣрное описаніе, скорѣе можно подумывать, что св. Иеронимъ говоритъ здѣсь о какомъ-нибудь другомъ инструментѣ, о греческомъ «Магадись» и «Эпигоніонъ», которые скорѣе подходятъ подъ это описаніе.—Судя по названію псалтыря—многозвучный, можно думать, что кромѣ обширности регистра онъ отличался также и силою звука; эта догадка наводила ученыхъ на мысль, что рама, которую описывалъ св. Иеронимъ, была не рама, а ящикъ, нарисованный не перспективно, а только съ одной стороны; ящикъ этотъ и служилъ для отраженія звуковъ, такъ какъ безъ него звукъ однихъ струнъ былъ бы сухъ, слабъ и тонокъ. Въ III вв. Царствъ, гл. X, ст. 12, показано изъ какого дерева приготовлялись псалтыри: «И сдѣлалъ царь изъ сего краснаго дерева гусли и псалтыри для пѣвцовъ».—Если мы сравнимъ между собой все то, что про этотъ инструментъ писали древніе историки, то почти нельзя сомнѣваться, что онъ былъ двухъ видовъ, большой и малый. Малый, по всей вѣроятности, имѣлъ только три струны, на которыхъ, однако же, посредствомъ нажиманія можно было произвести 12 (цѣлыхъ) тоновъ, именно, на каждой струнѣ по четыре/струны же между собой строились по квинтамъ. Большой небель, имѣвшій 10 струнъ, только видомъ отличался отъ древней арфы-киннора и азора. Иосифъ Флавій говоритъ, что на немъ играли плектромъ, но достоверно извѣстно, что обыкновенно принято было приводить струны въ колебаніе, прикасаясь къ нимъ пальцами. Овидій называетъ этотъ инструментъ «возбуждающимъ веселье». Въ I книгѣ Паралипоменонъ (гл. XV, ст. 19, 20 и 21) говорится, что часто играли вмѣстѣ на небеляхъ обоихъ видовъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ былъ господствующимъ, а другой служилъ для гармоническаго аккомпанимента первому. Въ средніе вѣка псалтырь, нѣсколько измѣненный, былъ очень обыкновеннымъ инструментомъ на западѣ Европы; почти до половины XV-го вѣка онъ употреблялся въ оркестрахъ, гдѣ на немъ играли колотя пеструнамъ палочками вмѣсто пальцевъ. Въ настоящее время онъ, подѣ

именемъ «Сантуръ», принадлежитъ арабской музыкѣ, а подъ именемъ «Гуслей», «Кливаль» и «Цымбалъ» употребляется у музыкальныхъ горцевъ, венгерскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ.

«Азоръ», върѣе Азооръ, также Газуръ, Небель-Нассоръ, по гречески Квиторъ,—можно разсматривать, какъ видоизмѣненіе небеля. Это струнный инструментъ древнихъ евреевъ, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, который очень часто употреблялся левитами для аккомпанированія ихъ храмоваго пѣнія. Въ Септуагинтѣ этотъ инструментъ называется просто «десятиструнный». Въ псалмѣ СХLIII, ст. 9, упоминается азоръ такимъ же образомъ: «Боже, новую пѣснь воспю Тебѣ, на десятиструнной и псалтыри воспю Тебѣ». Въ псалмѣ ХСI, ст. 4, тоже упоминается десятиструнный азоръ: «На десятиструнномъ и псалтыри, съ пѣсню на гусляхъ». Утверждаютъ также, что азоръ имѣлъ 6 струнъ только, но наврядъ-ли это справедливо, такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ нигдѣ не упоминается о шестиструнномъ азорѣ. I кн. Царствѣ, гл. X, ст. 5, и I кн. Паралипоменонъ даютъ понять, что азоръ былъ очень удобный инструментъ, такъ какъ на немъ можно было играть на ходу или стоя, между тѣмъ какъ арфы и псалтыри требуютъ непрежѣнно сидячаго положенія. Существуетъ предположеніе, что азоръ собственно есть видоизмѣненная лютня, что десять струнъ ея, это пять паръ струнъ лютни, натянутыхъ въ унисонъ для возможно большаго усиленія звука. Что касается силы звука этого инструмента, то по извѣстіямъ пророковъ Ездры и Амоса, азоръ употреблялся также въ шумныхъ празднествахъ и при громкихъ пѣснопѣніяхъ. Играли-ли на немъ пальцами или плектромъ, трудно рѣшить, не имѣя данныхъ, на которыя можно бы было опереться; нѣкоторые даже думаютъ, что на немъ играли перышкомъ, задѣвая струны (Blanchinus, De trib. instr. generibus, p. 35), но Шиллингъ находитъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ, на немъ играли просто пальцами. Юсифъ Флавій замѣчаетъ что при игрѣ на азорѣ обыкновенно старались извлекать звуки, прикасаясь къ струнамъ ближе къ нижнему концу инструмента. Соломонъ дѣлалъ азоръ, также кинноръ и небель, для употребленія въ храмѣ, изъ благовоннаго сандальнаго дерева, которое привозилось изъ страны Оеиръ. Въ книгѣ Юсифа Флавія говорится, что эти инструменты дѣлались изъ электрона (Antiq. VIII., 2) и что подъ электрономъ древніе разумѣли или янтарь, или-же извѣстный сплавъ изъ серебра и золота, но Шиллингъ утверждаетъ, что о первомъ не можетъ быть и рѣчи, второе же болѣе чѣмъ сомнительно.

«Миннимъ», древне-еврейскій струнный инструментъ; о формѣ и способѣ употребленія его нигдѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ, что-же касается до предположеній и догадокъ на этотъ счетъ, то онѣ до такой степени сбивчивы и противоположны однѣ другимъ, что положительно нѣтъ возможности выйти изъ области гипотезъ. По мнѣнію Арухина, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя считать за достовѣрное, миннимъ долженъ былъ быть малюю скрипкой, на которой играли смычкомъ; но не смотря на самыя точныя и тщательныя изысканія, никакія древнія рукописи не даютъ возможности предполагать существованія смычка въ то время. Кирхеръ, въ своей *Musurgia*, томъ I., стр. 48, изображаетъ миннимъ шестиструнной лютней. По Шильте-Гаггиборимъ, это былъ узкій и длинный ящикъ, съ натянутыми на немъ стальными струнами, которыя накручивались на желѣзные колышки; играли на немъ посредствомъ клавишей, имѣвшихъ непосредственное сношеніе со струнами; Шильте-Гаггиборимъ говоритъ здѣсь безъ основанія, и это описаніе миннима можно считать тоже невѣрнымъ. Названіе «Миннимъ» встрѣчается только въ псалмѣ СЛ, ст. 4: «Хвалите Господа бубнами и хорами, хвалите его миннимомъ и дудками»; какъ видно, миннимъ упоминается здѣсь какъ представитель группы струнныхъ инструментовъ.

«Махоль» или Махоль, тоже Махоль, инструментъ со струнами; но какой именно онъ былъ, ровно ничего опредѣленнаго не извѣстно. Кирхеръ, въ *Musurgia* * изображаетъ ее, безъ всякихъ разсужденій и доказательствъ чѣмъ-то въ родѣ скрипки или гитары. Другой историкъ, Бартолоччи (*De mus. hebr.* XXXII p. 32) объясняетъ, что махоль совсѣмъ даже не инструментъ, а хоръ людскихъ голосовъ. Шильте-Гаггиборимъ тоже совершенно произвольно и бездоказательно описываетъ махоль какъ металлическій, иногда серебрянный, иногда золотой обручъ, шириною въ три пальца, на внутренней сторонѣ котораго были прикрѣплены маленькіе колокольчики.

«Шалишимъ». Мнѣнія, касающіяся этого инструмента, тоже чрезвычайно разнообразны. Шильте-Гаггиборимъ осторожно замѣчаетъ, что, можетъ быть, это былъ инструментъ, на которомъ играли смычкомъ. Бар-

* *Cheli maiori, quam vulgo viola gamba vocant haud absimice*—т. е. большою лютней, которая была похожа на обыкновенно называемую «*Viola di gamba*» (колына скрипка, т. е. такая, которую при игрѣ придерживали колынами. Последнимъ виртуозомъ на гамбѣ былъ Абель, 1726—1787, жившій въ Германіи; со смертію его, гамба совершенно исчезла.

толочки увѣряетъ (De mus. instr. Hebr. in Ugolini Thesaurus., vol. XXXII., pag. 470), что шалишимъ не инструментъ, а общее названіе, присущее всей серіи трехструнныхъ инструментовъ евреевъ. Еще есть мнѣніе, что это былъ деревянный инструментъ съ тремя кишечными струнами. Положительнаго о шалишимъ сказать ничего не возможно, тѣмъ болѣе, что въ библии оъ совсѣмъ не упоминается. Во всякомъ случаѣ, это былъ инструментъ, употреблявшійся только въ народѣ, но не въ храмѣ.

«Угабъ» или Гуггабъ, самый древній изъ еврейскихъ духовыхъ инструментовъ, изобрѣтеніе котораго приписывается Іувалу (кн. Бытія, гл. IV, ст. 21). Описаній угаба привести нельзя, такъ какъ кромѣ того, что это былъ флейтообразный инструментъ, о немъ ничего не говорится. Нѣкоторые историографы предполагаютъ, что „угабъ“—это было названіе, обозначававшее цѣлый классъ флейтообразныхъ инструментовъ; нѣкоторые берутъ это слово въ еще болѣе общемъ смыслѣ, и понимаютъ подъ нимъ совокупность всѣхъ духовыхъ инструментовъ.

«Керень», древній духовой инструментъ, который легко можно себѣ представить, такъ какъ это былъ рогъ. Онъ имѣлъ форму нашего охотничьяго рожка, но дѣлался не изъ дерева и не изъ металла, а изъ бараньяго рога. Такъ какъ керень издавалъ одинъ, или самое большее два тона, то онъ преимущественно употреблялся для сигналовъ, возвѣщая начало богослуженія.

«Халиль» и «Некабгимъ»—флейты; халиль — малая, накабгимъ — такого же устройства, но больше размѣромъ. Въ Септуагинтѣ названіе халиль переведено αυλος, агилось. Изъ пѣсней Деборры видно, что въ древнія времена Судей, флейты были въ употребленіи у пастуховъ. Деборра восклицаетъ, обращаясь къ племени Рувима: «что остались вы при вашихъ стадахъ, чтобы слушать флейты пастуховъ?» Оба эти инструмента дѣлались изъ тростника и имѣли нѣжный и пріятный звукъ. Самые лучшіе халили и некабгимы готовились въ мѣстности Орхоменонъ, потому что именно здѣсь произросталъ видъ тростника, самый лучший для этого дѣла. Вуксдорфъ предполагаетъ, что халиль и свирѣль совершенно одно и то же; это очень возможно, такъ какъ оба инструмента дѣлались изъ одного и того же матерьяла, и некабгимъ имѣетъ даже такую же форму какъ и свирѣль. При храмовой службѣ инструменты эти употреблялись только два раза въ годъ, именно, въ первый день Пасхи и цѣлымъ восемь дней на праздникъ кущей. На халиль и некабгимѣ исполнялась

пѣсь „Гамель“ (аллилуя), притомъ не допускалось менше двухъ и больше 12-ти инструментовъ.

«Хатцотцеротъ», собственно Хатцотцдеротъ, пишется также Асофа или Хасофа, духовой инструментъ въ видѣ прямой трубы. По мнѣнію Иосифа Флавія это была труба, сдѣланная изъ серебра, длиною въ $\frac{3}{4}$ аршина. Труба эта была конусообразная, съ узкимъ концомъ вверху, къ которому придѣлывался полукруглый мундштукъ, а широкій нижній конецъ заканчивался воронкообразнымъ раструбомъ, который назывался „ведонъ“ (κωδων) или колоколь. На триумфальныхъ воротахъ Веспасіана есть изображение хатцотцдерота, которое во всемъ согласуется съ описаніемъ. Въ Александрийскомъ переводѣ Библии, труба эта называется «Сальпинксъ» (σαλπιγγας), а Поллуксъ (кн. IV, гл. 9) утверждаетъ, что она дѣлалась изъ мѣди и желѣза, но противъ этого мнѣнія говорить не только всѣ къ этому относящіеся мѣста Ветхаго Завета, но Плиній (кн. XVI, гл. 36) а также и Моисей (кн. IV, гл. 10), который говоритъ, что серебро для этой пѣли не валося, слѣдовательно хатцотцдеротъ выковывался изъ дѣланнаго куска серебра. При богослуженіи число трубъ отъ двухъ простирается до ста двадцати. Трубачи, игравшіе на хатцотцдеротѣ должны были быть священниками изъ рода Аарона; въ храмѣ они занимали мѣсто на ступеняхъ алтаря, а не на пѣвческой эстрадѣ, гдѣ могли стоять только левиты. Инструменты эти хранились не въ храмѣ, а въ одномъ изъ дворовъ его, потому что хатцотцдеротъ употреблялся не исключительно при богослуженіи, но и при свѣтскихъ собраніяхъ. При выходѣ Израиля изъ пустыни арабійской, хатцотцдеротъ, какъ рассказываетъ Шаллитъ, употреблялся слѣдующимъ образомъ: одинъ протяжный звукъ служилъ сигналомъ для сбора начальниковъ отдѣльныхъ племенъ; два протяжныхъ звука собирали весь народъ; одинъ короткий звукъ обозначалъ продолженіе шествія послѣ отдыха; два короткихъ звука служили знакомъ для приготовления къ нападенію на непріятеля. По прибытіи въ землю Хаанаанскую сигналы эти болѣе не были нужны, и хатцотцдеротъ сталъ употребляться только на войнѣ, при провозглашеніи кого-либо царемъ, и также при какомъ нибудь особенно торжественномъ событіи. Главное же употребленіе этой трубы было при отправленіи богослуженія. Въ обыкновенные дни при богослуженіи на хатцотцдеротѣ трубили 7 разъ: 1 разъ утромъ при открытіи воротъ двора храма, 3 раза во время утренняго богослуженія, въ паузахъ между пѣніемъ, и 3 раза при вечернемъ богослуженіи, тоже такимъ же образомъ. Въ день субботній и въ великіе

праздники трубили гораздо чаще. Если трубили послѣ окончанія какой-нибудь цѣлой пѣсни, то это было знакомъ, что молитва, заключающаяся въ этой пѣснѣ, благосклонно выслушана Господомъ Богомъ.

„Шофаръ“ или „Такоа“, въ переводѣ „кривой рогъ“, былъ духовой инструментъ въ видѣ сильно загнутаго рога; употреблялся въ храмѣ и въ его при большихъ празднествахъ. (Кн. Исуса Навина, гл. VI, ст. 3, 4: „Когда затрубить юбилейный рогъ, когда услышите звуки трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія, и весь народъ пойдетъ въ городъ, устремившись со всѣхъ сторонъ“.—Ст. 5: „И призвалъ Исусъ, сынъ Навинъ, священниковъ израилевыхъ и сказалъ имъ: несите козлего звѣта, а семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ предъ воцеломъ Господнимъ“.—III кн. Царствъ, гл. I, ст. 34. „И да помажетъ его тамъ священникъ Садокъ и Наанъ пророкъ въ царя надъ Израилемъ и затрубите трубою и возгласите: да живетъ царь Соломонъ“.—II кн. Царствъ, гл. XV, ст. 10: „И разослалъ Авессаломъ лазутчиковъ во всѣ колѣна Израилевы, сказавъ: Когда вы услышите звукъ трубы, то говорите: Авессаломъ воцарился въ Хевронѣ“.—Псалмъ XLVI, ст. 6: „Восшелъ Богъ при восклицаніяхъ, Господь при звукѣ трубномъ“.

Древніе евреи предполагали, что даже самъ Господь Богъ говорилъ слова заповѣдей на горѣ Синаѣ подъ звуки Шофара (II кн. Моисея, гл. XIX ст. 13: „Рука да не прикоснется къ нему, а пусть поцѣлуютъ его камнями или застрѣлятъ стрѣлою; скотъ ли это или человѣкъ, да не останется въ живыхъ. Во время протяжнаго трубнаго звука, когда облако отойдетъ отъ горы, могутъ они взойти на гору. Про употребленіе Шофара въ храмѣ много упоминается въ книгахъ Ветлаго Завѣта. Наприм. III кн. Моисея, гл. XXV, ст. 9: «И воструби трубою въ седмый мѣсяцъ: въ десятый день мѣсяца, въ день очищенія вострубите трубою по всей землѣ вашей“. Псаломъ LXXX, ст. 4: „Трубите въ новомѣсячіе трубою, въ определенное время, въ дань праздника нашего“. Псаломъ XCVII, ст. 6: При звукѣ трубъ и рога торжествуйте предъ царемъ Господомъ“. II кн. Паралипоменомъ, гл. XV, ст. 14: „И клялись Господу громогласно, и съ восклицаніемъ, и при звукѣ трубъ и роговъ“, и т. д.

„Сумфонеа“—родъ духоваго инструмента въ видѣ дудки съ мѣломъ, какъ наша волынка. Шильте-Гагнборингъ называетъ его „Самсонія“, и говоритъ, что это былъ флейтообразный, состоящій изъ двухъ трубочекъ, инструментъ. Обѣ эти трубочки вставлялись въ кожаный мѣшокъ, такимъ

образомъ, какъ будто бы одна была продолженіемъ другой. Если дуть въ верхнюю трубку, то мѣшокъ сильно раздувается отъ вгоняемаго воздуха, если же его надавить, то сжатый воздухъ старается скорѣе выйти черезъ нижнюю трубку, производя музыкальный тонъ. Изъ этого инструмента издавали нѣсколько звуковъ, перебирая пальцами по дыркамъ, находящимся на нижней трубкѣ. Въ томъ же трактатѣ говорится, что звукъ симфоней былъ рѣзкій и кричащій, въ родѣ нашихъ волынокъ, съ тою разницею, что тоны симфоней были такъ сильны и пронзительно остры, что уши слушателей теряли способность различать одновременно звуки другихъ инструментовъ.

«Матрокита» — флейтообразный инструментъ, упоминаемый у пророка Даниила. Предполагаютъ, что это была двойная флейта ассирійско-вавилонскаго происхожденія. Въ Египтѣ она тоже употреблялась, отсюда перешла къ евреямъ. Книга Шильте-Гаггиборинъ называетъ этотъ инструментъ «Матракита» и сравниваетъ ее съ флейтою Пана или съ гребнемъ, потому что дудочки были прикрѣплены стоймя къ длинному ящину, обтанутому кожей.

«Магрефа» — настоящее чудо, которое представляется фантазія тамудистовъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Если вѣрить книгѣ Арухина, то это былъ органъ, который издавалъ 100 звуковъ, хотя имѣлъ всего только 10 трубъ; каждое углубленіе или труба издавала 10 звуковъ. Его слышно было на протяженіи 10 миль, и когда на немъ играли, идущіе по улицамъ Іерусалима не могли понимать и слышать другъ друга; не смотря на все это однако, магрефа, это чудо міра, была такъ мала и легка, что силъ одного левита было совершенно достаточно, чтобы принести ее и поставить между алтаремъ и дворомъ: вся длина этого органа, по мнѣнію Арухина, не превосходила $\frac{3}{4}$ аршина. Св. Іеронимъ пишетъ о магрефѣ, что звукъ ея былъ слышенъ на Масляной горѣ. — Однако существуютъ сильныя сомнѣнія, не подразумевается ли подъ вышеизложенными описаніями большая угольная лопата, которая тоже называлась магрефой; такая лопата имѣла какъ разъ $\frac{3}{4}$ аршина въ длину и, послѣ употребленія въ храмѣ, бросалась на землю между алтаремъ и дворомъ, причѣмъ издавала сильный, слышимый до Іерусалиму, металлическій звонъ; также ничего удивительнаго не будетъ, если допустить, что звонъ ея былъ слышенъ на Масляной горѣ, такъ какъ послѣдняя отдѣлена отъ Іерусалима только узкой долиною Кидрона. — Пфейфферъ, въ своей книгѣ о еврейскихъ инструментахъ, изданной въ 1779 году, увѣряетъ, что ма-

грефа совсѣмъ не органъ и не угольная лопата, а просто большой барабанъ, съ очень громкимъ звукомъ.

«Адуфа» или «Тонъ», ударный инструментъ; это ручные бубны, которые употреблялись женскимъ хоромъ. Въ Египтѣ тоже существовали эти бубны и были весьма распространены, такъ какъ осталось много изображеній ихъ.

«Машиниъ», въ рендантъ къ нагрэфъ, про которую въ концѣ концовъ все-таки неизвестно, что это такое—органъ, лопата или барабанъ, названіе тоже на столько загадочнѣе, что невозможно рѣшить, какой именно былъ онъ инструментъ. Нѣкоторые говорятъ, что это прототипъ нашей скрипки, слѣдовательно струнный инструментъ; другіе того мнѣнія, что это духовой инструментъ, именно труба небольшихъ размѣровъ; третьи же причисляютъ машиниъ къ ударной группѣ и считаютъ его за инструментъ съ колокольчиками. Какое изъ предположеній вѣрно, сказать рѣшительно нельзя, такъ какъ о немъ негдѣ нечеркнуть достовѣрныхъ свѣдѣній.

«Тельтсалимъ» состоялъ изъ серебрянаго или мѣднаго обруча, къ которому было прикрѣплено множество бубенчиковъ; приводились они въ сотрясеніе ударами молотка. Бубенчикъ—это металлическое, пустое внутри, шарообразное тѣло, въ которомъ погнѣщается маленькій кусочекъ какого нибудь металла или просто маленькій камушекъ; при сотрясеніи бубенчика, кусочекъ этотъ или камушекъ ударялся о стѣнки шарика и такимъ образомъ издавалъ звѣнящій тонъ.—«Метсимотъ» былъ видоизмѣненіемъ тельтсалима и отличался отъ него только тѣмъ, что, вмѣсто бубенчиковъ, къ обручу были прикрѣплены небольшіе колокольчики.

По свѣдѣніямъ «Мишны» полный храмовой оркестръ составлялся изъ 12-ти инструментовъ, при этомъ должны были пѣть 12 пѣвцовъ. Самое малое число инструментовъ, допускавшееся для состава оркестра, было девять, больше же, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, можно сколько угодно, доходя до невѣроятно большихъ цифръ.

М. Т. Лабунская.

(Продолженіе будетъ).

ПОВЪЗКА ВЪ ОБЪТОВАННУЮ ЗЕМЛЮ.

Въ небольшой комнатѣ за круглымъ столомъ, на которомъ шипѣль, потухая, самоваръ, сидѣло человѣкъ десять молодыхъ людей. Густой табачный дымъ наполнялъ почти всю комнату, такъ что углы ея почти совсѣмъ терялись во мракѣ, не смотря на то, что единственное окно комнаты было открыто. Молодые люди бесѣдовали, переходя съ предмета на предметъ, и въ концѣ концовъ свернули на давнымъ-давно всѣмъ надоѣвшій еврейскій вопросъ. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. И не хотѣлось бы говорить, и радъ былъ бы, еслибъ можно было забыть, что онъ существуетъ, но не проходитъ мѣсяца, чтобы какой-нибудь городъ Россійской имперіи не вспомнилъ, что онъ еще не рѣшалъ, или началъ рѣшать, но не рѣшилъ этого вопроса.

Сколько умовъ, столько и мнѣній. Изъ десятка спорившихъ почти не было двухъ согласныхъ мнѣній: одни стояли за эмиграцію, другіе противъ; были тутъ палестинцы, американцы и т. д., и т. д. Большинство однако соглашалось, что есть надежда на улучшение нашего положенія въ Россіи. Много-ли нужно еврею для возбужденія въ немъ радужныхъ надеждъ? Нѣсколько теплыхъ статей въ «Русскомъ Курьерѣ», записка члена комисіи, князя Самъ-Донато—и довольно. Едва-ли какой народъ такъ легко, такъ скоро и такъ неосновательно надѣется на лучшее будущее, какъ евреи. Я помню, многіе высоко подняли головы, когда гр. Игнатьевъ принялъ бразды «внутренней политики». На что вы удиваете? спрашивалъ я. «Какъ на что?» отвѣчали мнѣ: «Игнатьевъ—пхэ! У него земли арендуютъ евреи, значить онъ имѣетъ сношенія съ евреями, а

разъ евреи имѣютъ къ нему доступъ, то... понимаете? Я ничего не понималъ и смѣялся. Но евреи были увѣрены, что именно при гр. Игнатъевѣ они получаютъ если не равноправіе, то по крайней мѣрѣ значительныя облегченія, а погромы ни въ какомъ случаѣ не повторяются. Балта и законъ 3-го мая, кажется, могли бы охладить всякаго, а вотъ, подите-же, опять надѣются. Помилуйте, такое-то высокочеставленное лицо сказало то-то, такая-то газета написала то-то! Нѣтъ, столько вытерпѣть, продолжать терпѣть, и все-таки не терять надежды—на это способенъ только еврей. И этимъ-то, по моему, объясняется живучесть нашего народа.

— Гриша, ты чего же не присоединишься къ намъ? Сѣлъ себѣ въ сторонѣ и молчить,—обратился хозяинъ куда-то въ уголь.

Собесѣдники обернулись и тутъ только замѣтили въ углу, у комода, черноволосаго молодаго человѣка, лѣтъ двадцати шести, вставшаго на приглашеніе хозяина, причемъ онъ обнаружилъ свой высокій ростъ. Онъ неуклюже подошелъ къ столу, придвинулъ стулъ, неловко сѣлъ, причемъ наступилъ сосѣду на ногу, извинился, покраснѣлъ, растерялся и началъ крутить напиреску вспотѣвшими руками.

— Господа, рекомендую. Мой землякъ и школьный товарищъ. Въ городѣ X, гдѣ я родился, мы учились въ одномъ хедерѣ. Я его случайно встрѣтилъ на улицѣ и узналъ, что онъ былъ въ Палестинѣ.

— Да? Это интересно. Вамъ по праву принадлежитъ первое слово въ нашей бесѣдѣ.

— Вы вотъ что: расскажите намъ свои впечатлѣнія, и это лучше будетъ, чѣмъ всѣ споры. Одинъ рассказъ лучше десяти трактатовъ, говорить кто-то, гдѣ-то.

— Тургеневъ, повѣсть «Необыкновенный человѣкъ», томъ второй, замѣтилъ блѣднолицый юноша, въ очкахъ, ходячая справочная книга.

Гриша успѣлъ оправиться, собраться съ духомъ.

— Господа, я право не умѣю разсказывать; мнѣ не приходило бывать въ такомъ большомъ обществѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не стѣсняйтесь, вы не должны лишиться

насть удовольствій. Вѣдь мы ничего не слышали вѣрнаго о Палестинѣ—все слухи, да слухи. Мы ужь васъ не отпустимъ.

— Если такъ настаиваете, извольте: васнето, тогда пеняйте на себя,—сказалъ Гринна, потянулъ два раза папиросу, ближе придвинулъ къ столу свой стулъ, утеръ платкомъ вспотѣвшее лицо и началъ свою эпопею.

— Господа! Я отставной солдатъ. Еврейскіе безпорядки за-стали меня на службѣ. Я и одинъ сослуживецъ мой, человекъ состоятельный, рѣшилисъ уѣхать изъ Россіи. Разъ я на это рѣшился, мнѣ нужно было научиться какому-нибудь ремеслу. Я познакомился съ фельдфебелемъ полковой мастерской, устроилъ его нѣскольکو разъ, и онъ разрѣшилъ мнѣ заниматься. Въ свободное отъ строевыхъ занятій время я ходилъ въ мастерскую, научился столярному ремеслу, узналъ кое-что и по кузнечно-слесарному. Въ ноябрѣ я вышелъ изъ службы, а въ апрѣлѣ 1882 г. я, въ компаніи еще съ тремя молодыми людьми изъ нашего же города, выѣхалъ въ Одессу, чтобы оттуда отправиться въ Палестину.

— Зачѣмъ же непременно въ Палестину?—спросилъ блѣднотлицый юноша, ярый противникъ палестинцевъ.

— Видите-ли, первоначально я хотѣлъ-было уѣхать въ Америку, тѣмъ болѣе, что мой сослуживецъ приглашалъ меня письмомъ туда. Онъ раньше моего выѣхалъ, еще находясь на службѣ. Но у него было много денегъ, а мой капиталъ наличный и имѣвшійся въ виду не превышалъ 36 рублей. Могъ-ли я на эти деньги обратиться въ Америку? Но это причина второстепенная. Земляки мои, съ которыми я потомъ выѣхалъ, непременно хотѣли въ Палестину. Ихъ подбилъ туда ѣхать какой-то писарь Давидка, не то еврей, не то выкрестъ, но несомнѣнно изъ польскихъ евреевъ. Этотъ Давидка сулилъ намъ въ Палестинѣ горы золотыя: и комитетъ образцовый есть для эмигрантовъ, и колонія образуется, а если комитетъ въ Яфѣ не поможетъ, то тутъ же недалеко какой-то баронъ, благодѣтель рода человѣческаго, живетъ, а у барона главно-управляющимъ служить его, Давидки, другъ, нѣкій Моридъ Галь, къ которому онъ намъ далъ письмо. Но что болѣе всего насъ прельщало, такъ это Неттеровское земледѣльческое училище,

которое будто-бы съ удовольствіемъ насъ приметъ. Объ Америкѣ же мы никакикъ свѣдѣній не имѣли, потому что изъ нашего уѣзда мы были первые эмигранты: Богъ кажимъ-то чудомъ пронесъ мимо насъ собравшюся-было грозу. Въ Америку ѣхать значило-бы ѣхать на-авось, а безъ денегъ это положительно невозможно. Да, такъ на чемъ-же я остановился? Господа, вы пожалуйста не перебивайте меня, а то я запутаюсь...

— Вы пріѣхали въ Одессу.

— Вотъ! Въ Одессѣ, пока готовили наши документы, мы прожили три дня. О насъ узнали, и мѣстный богатъ В. Р. пригласилъ насъ къ себѣ, выразилъ намъ свое сочувствіе, далъ намъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Мы хотѣли-было намекнуть ему, что лучше было бы вмѣсто писемъ немного денегъ намъ дать, но неловко стало: нужно умѣть просить. Изъ Одессы къ намъ присоединился еще одинъ молодой человекъ. Мы стояли на палубѣ, вглядываясь въ удалявшійся отъ насъ берегъ, быть можетъ, навсегда. Вдругъ, откуда ни возьмись, баркасъ съ молодыми людьми, студентами, должно быть, и гимназистами. Они махали шапками, кричали «ура!» Это русское «ура» еврейскимъ эмигрантамъ раскѣшило насъ, и мы развеселились, а то, признаться, гдѣ-то далеко-далеко въ глубинѣ души что-то защемило-было, когда пароходъ тронулся. Пріѣхали въ Константинополь, за 1/2 франка освободились отъ таможеннаго осмотра, хотя одинъ изъ насъ все-таки лишился басенъ Крылова, которыхъ оставили для цензуры. Остановились въ гостинницѣ, съ платой по франку въ день съ чело-вѣка, со столомъ конечно. Бросились къ антаку доктора Шварца, — мы къ нему имѣли рекомендательное писмо. Его не оказалось тамъ, мы оставили свой адресъ, и онъ былъ настолько любезенъ, что самъ пришелъ къ намъ. Конечно, расспросилъ насъ, откуда, съ какою цѣлью и т. д. Мы его спросили о Неттеровскомъ училищѣ, но онъ свѣдѣній никакикъ дать не могъ, а обѣщалъ дать писмо къ какому-то александрійскому доктору: тотъ всё подробности знаетъ. Эти письма мнѣ надоѣли уже.

— Докторъ, — сказала я ему, — у насъ почти денегъ нѣтъ. Поддержите, мы слыхали, что здѣсь есть комитетъ, и вы...

— Комитеты еще не вполне сформированы, и денегъ еще нѣтъ. Да еслибъ и были деньги, то едва-ли комитетъ могъ бы вамъ помочь: у него другія цѣли. А вы вотъ что: подождите прѣезда сэра Олифанта, онъ вамъ навѣрное поможетъ.

— А скоро онъ прѣдетъ?

— Этого я ужъ не знаю.

Мы ждали два дня. Наши франки все уменьшались въ количествѣ.

— Господа, — сказала я своимъ товарищамъ, — этакъ мы и выѣхать не сможемъ. Поѣдемъ дальше. Что будетъ, то будетъ. На нихъ положиться нельзя.

Въ тотъ же вечеръ мы были на пароходѣ, не имѣя даже разрѣшенія на выѣздъ изъ Константинополя — оно стоило бы дорого, а мы нашли фактора-еврея, который за два франка все устроилъ: чиновнику онъ далъ нѣсколько серебряныхъ мелкихъ монетъ, и тотъ даже не посмотрѣлъ на насъ — взяточничество въ большомъ ходу въ Турціи. Присоединившійся-было къ намъ изъ Одессы мелодичекъ остался въ Константинополѣ, какъ мы узнали потомъ, для того, чтобы протереть тамъ глаза отцовскими деньгами, которыхъ у него было болѣе, чѣмъ достаточно. Наша компанія однако значительно увеличилась. Къ намъ присоединилось нѣсколько семействъ, такъ что всѣхъ переселенцевъ насъ было человекъ тридцать. Капитанъ парохода, русскій — мы ѣхали на пароходѣ «Одесса» — былъ на столько любезанъ, что отвелъ намъ отдѣльное помѣщеніе въ трюмѣ, гдѣ мы забаррикадировались нашими вещами. Палубу занимала рота турецкихъ солдатъ, подъ предводительствомъ офицера, должно быть, изъ жѣнцевъ: ужъ очень чисто изъяснялся онъ по-нѣмецки. Не успѣли мы тронуться съ берега, какъ пошелъ дождь, и офицеръ перебрался въ трюмъ, поввалъ дежника, приказавъ ему вынести полъ. Дежничекъ бросилъ соръ къ намъ, мы возвратили ему его подарокъ съ процентами, вышло недоразумѣніе, пришлось обратиться къ капитану, который принявъ нашу сторону, попросилъ офицера удалиться къ солдатамъ на палубу. Разъяренный офицеръ, уходя, угрожалъ намъ:

— Стойте вы, жиды! Вамъ это даромъ не пройдетъ. Мало,

что ихъ принимаютъ подъ свою защиту въ чужое государство, они еще дерзости дѣлаютъ! Погодите-же...

Рѣчи своей онъ не закончилъ: въсpecially дожили жюледцовъ изъ нашей компаніи уже приближались въ нему съ угрожающими минами, и онъ нашель болѣе удобнымъ отретироваться. Эта маленькая стычка опечалила насъ. Наша мечта о томъ, что наконецъ-то насъ признають людьми, не будутъ съ нами безцеремонно обращаться, такъ и осталась неосуществимой мечтой. Неутѣнительныя вѣсти о Палестинѣ и въ особенности о Неттеровскомъ училищѣ, которыя мы получили отъ доктора въ Александріи, а затѣмъ, когда въ Портъ-Саидѣ у наиболѣе экономнаго изъ насъ всего оказалось въ карманѣ 10 франковъ, а у остальныхъ по пяти-шести, — все это не могло поднять упавшее расположеніе духа нашего, и мы далеко не радостные стали на рейдѣ у Яффы. Нужно добавить, что отъ Александріи до Яффы мы питались однимъ хлѣбомъ.

На пароходѣ насъ встрѣтили два содержателя гостинницъ — Розенталь и Беккеръ, нѣкій Шульманъ и г. Лавонтинъ, который отрекомендовался президентомъ комитета для колонизаціи Палестины; остальные, какъ мы узнали потомъ, были члены-сотрудники этого комитета. Они предложили намъ своихъ лодочниковъ для переправы на берегъ: комитетъ имѣлъ собственную артель, которая брала по франку съ человѣка за переправу, въ то время, какъ остальные лодочники требовали по пяти, а иногда и по десяти франковъ съ человѣка: постоянная зыбъ дѣлаетъ переправу чрезвычайно затруднительной. Заѣхали мы къ Розенталю, къ которому мы имѣли рекомендательныя письма. Свободныхъ комнатъ въ гостинницѣ не оказалось, и мы сами соорили себѣ шалапъ; двѣ и поселились. На другой день зашли въ комитетъ разузнать о томъ, что насъ можетъ ожидать впередъ. Первый вопросъ нашъ былъ о колонизаціи; намъ отвѣтили, что земля хотя еще не куплена, но въ виду имѣется хорошая, что если мы хотимъ вступить въ число колонистовъ, то должны предварительно заплатить по 10 франковъ, и насъ запишутъ. Мы сказали, что у насъ у всѣхъ едва-ли наберется десять франковъ.

— Мы рассчитывали именно на васъ, на вашу поддержку, пока мы такъ или иначе не устроимся.

— Никакъ невозможно, никакъ невозможно,—быстро забарабанилъ рыжий господинъ, какъ потомъ узнали — румынскій еврей, Вреннеръ, второй президентъ;—въ касѣ у насъ совсѣмъ денегъ нѣтъ, а расходы между тѣмъ громадныя: переписка, развѣзды, содержаніе драгомана, секретаря — все это денегъ стоитъ.

— Что-же намъ дѣлать? Пока вѣдь ѣсть нужно, жить гдѣнибудь...

Вреннеръ задумался.

— Съ какой цѣлью вы пріѣхали?

— Намъ говорили, что здѣсь есть земледѣльческая школа, къ директору ея мы имѣемъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

— Ну вотъ, и отлично. Хотя такихъ взрослыхъ училище не принимаетъ, но... мы будемъ ходатайствовать.

Мы отправились къ г. Неттеру. Онъ внимательно прочелъ наши письма, но отъ приема насъ въ число учениковъ наотрѣвъ отказался: старше 14 лѣтъ онъ не имѣетъ права принимать. Мы однако не теряли надежды поступить въ училище, помня обѣщаніе Вреннера ходатайствовать. Пока же мы старались собрать возможно больше свѣдѣній объ училищѣ отъ учениковъ, рабочихъ постороннихъ людей. Устроило его «Alliance»; имѣетъ оно обширное пахатное поле, громадный садъ, дающіе столько доходовъ, что одни они были бы достаточны на содержаніе образцовой земледѣльческой школы. Земля обрабатывается учениками и рабочими, по преимуществу арабами. Кромѣ доходовъ отъ земли, школа получаетъ ежегодно до 50,000 франковъ. Не смотря на такое блестящее матеріальное положеніе этого училища, преподаваніе ниже всякой критики, а содержаніе учениковъ — около 60 мальчиковъ — возмутительное. Учатъ одному французскому языку — больше ничему; земледѣліе проходитъ только практически, т. е. ученики помогаютъ арабамъ-рабочимъ и, какъ они, послѣ работы спать подъ открытымъ небомъ; мясная пища дается только по субботамъ; въ будни на завтракъ — огурцы, на обѣдъ — кабачки и карто-

фаль; закупленная для учениковъ въ Одессѣ одежда лежитъ безъ употребленія, а ученики носятъ отряпья. Рабочимъ евреямъ директоръ не симпатизируетъ, боится, навѣрное, жалобъ, и всѣми средствами старается замѣнять ихъ арабами.

На третій день по прїѣздѣ комитетъ обязательно сообщилъ намъ, что онъ выхлопоталъ намъ право поступить въ число рабочихъ Неттеровскаго училища. Послѣ всего того, что мы узнали объ этомъ училищѣ, намъ ничего другаго не оставалось, какъ отказаться отъ этого благодѣянія, но за то намъ отказали и отъ нами же устроенной квартиры, за которую все-таки потребовали плату: мы отдали послѣднее, что имѣли. У меня осталась одна монета въ 3½ копѣйки.

Мы очутились подъ открытымъ небомъ, безъ денегъ, безъ знакомыхъ, не зная даже, что придумать. Тутъ-то мы вспомнили Давидку, его рассказы о благодѣтельномъ баронѣ. Мы расспросили о немъ и узнали, что въ двухъ верстахъ отъ города устроена ремесленная колонія барона. Одинъ изъ насъ, расспросивъ дорогу, немедленно отправился туда и скоро вернулся, съ радостью объявилъ намъ, что нашелъ Морица Галья, вручилъ ему письмо отъ Давидки, и что Морицъ Галь проситъ насъ къ себѣ. Мы взвалили свои вещи на плечи и пошли въ колонію. Была уже ночь, когда мы вошли въ приготовленную для насъ комнату, гдѣ насъ уже ждали четыре постели, а арабъ слуга сейчасъ принесъ намъ чай, двѣ коробки сардинокъ, хлѣбъ. Давно ужъ мы такъ роскошно не пили и не ѣли. Приятная истома разлилась по нашему тѣлу, когда мы разлеглись на постеляхъ и закурили папироски. Вошелъ хозяинъ; мы хотѣли было подняться, но онъ просилъ насъ продолжать лежать, подошелъ къ каждому изъ насъ, отдалъ «полемъ» и сѣлъ у стола. Мы разговорились. Зашла рѣчь о комитетѣ.

— Комитетъ, гмъ! Кто тамъ у нихъ? Левонтина, Розенталя? Да, порядочные молодые люди, искренно желающіе устроить колонію. А остальные? Мошенникъ на мошенникѣ. Обираютъ только Левонтина и Розенталя и вертять ими, какъ гѣшками. Этотъ комитетъ только вредитъ дѣлу. Земля, напримѣръ, прежде куда дешевле была, а теперь и приступить къ ней нельзя. Почему? Потому что всѣмъ орудуетъ фанторъ

Горвицъ—онъ у нихъ членъ и драгоманъ. Они думаютъ вѣтъ такъ и устроить колонію. Да будь они даже всѣ честные, порядочные люди, все-таки колоніи не устроятъ. Не такъ задѣло взялись. Вотъ нѣмецкая колонія — та благоденствуетъ. Потому, что капиталы у нихъ большіе были, и всѣ сразу цѣлой массой переѣхали, еще дома организовали планъ компаніи, прежде изучили все. А эти? Ни денегъ, ни людей, ни знанія, а тутъ еще и честности нѣтъ...

— Вы приводите насъ въ отчаяніе. Безъ колоніи что мы здѣсь дѣлать можемъ?

— Да, ваше положеніе очень и очень затруднительное. И сколько еще молодыхъ, честныхъ, пылкихъ и рѣшительныхъ юношей они привлекутъ сюда на голодную смерть! Вы первые, но вы не послѣдніе.

— Странно! Вашъ другъ Давидъ говорилъ совсѣмъ другое. Онъ уговаривалъ насъ ѣхать...

— Ко мнѣ?

— Да, и къ вамъ, между прочимъ. На васъ онъ указывалъ, какъ на крайнее средство, когда ни комитетъ, ни училище намъ не помогутъ.

— Тогда я вамъ помогу, господа,—сказала Галь, вставая:— по христіанскому долгу своему помогу. А теперь спокойной ночи, вы устали, вамъ нужно отдохнуть.

Морицъ Галь вышелъ, и мы скоро заснули: мы дѣйствительно ужъ очень устали. Станнымъ мнѣ показался этотъ Галь: типъ чисто еврейскій, говорить то по-нѣмецки, то на чистомъ жаргонѣ. Вспомнилось мнѣ, что на столѣ я замѣтилъ приготовленные очевидно для насъ библію, пророковъ, истерію, на древне-еврейскомъ языкѣ, лондонскаго изданія. Мнѣ вспомнились обыкновенныя уловки миссіонеровъ, съ которыми я былъ нѣсколько знакомъ: Галья я причислилъ къ нимъ.

Утромъ, за завтракомъ, когда мы спросили хозяина, что онъ намъ посоветуетъ, Галь отвѣтилъ намъ:

— Вы, господа, люди молодые, вамъ еще учиться не мѣшаетъ. Въ Іерусалимѣ есть такая школа — правда, христіанская, но туда принимаютъ безъ различія исповѣданія. Вы туда поступите, вамъ дадутъ полное содержаніе. А если кто

захочетъ придерживаться каширной кухни, ему на обѣдъ деньги будутъ выдавать на руки.

— Ну, а дальше?

— А дальше училище васъ не оставитъ.

Сомнѣнія нѣтъ, онъ миссіонеръ.

— Господинъ Галь,—обратился я къ нему, когда онъ по окончаніи завтрака выходилъ изъ комнаты, — скажите пожалуйста, гдѣ вы научились такъ ловко говорить на жаргонѣ?

— Я жилъ въ Варшавѣ.

— Вы тогда были евреемъ?

— Да.

— А!

Галь нѣкоторое время пристально смотрѣлъ на меня и вышелъ.

— Господа, знаете ли вы, къ кому мы попали? обратился я къ товарищамъ.

— Къ кому?

— Къ миссіонеру.

— Ну, такъ что же?

— Какъ такъ что же? Развѣ вы не понимаете, чего онъ потребуетъ за свои благодѣянія?

— Мало-ли чего онъ потребуетъ! Какое намъ дѣло? Пока мы имѣемъ гдѣ голову преклонить, а дальше, что Богъ дастъ.

— Положимъ, такъ. Боюсь я, вотъ что.

— Э, пустяки.

Мы отправились осматривать окрестности и были восхищены тѣмъ, что увидѣли: въ первый разъ передъ нами такая роскошная растительность; деревья гнутся подъ тяжестью плодовъ; на камнѣ мы нашли масличное дерево и такое громадное, густое, что подъ его тѣнью легко могли бы укрыться десять человѣкъ; на поляхъ колосья насъ поразили своею полнотою, а стебли вышиной: у насъ только арзаутка достигаетъ такой вышины. За то и работы, видно, не мало требуется: искусственное орошеніе доведено до *pes plus ultra*, вездѣ искусственное удобреніе почвы, многопольная система. Да, правъ Галь: большихъ трудовъ, большихъ капиталовъ нужно затратить прежде, чѣмъ вырвать у земли тотъ медъ и то млеко, о кото-

рыкъ вездѣ кричать, что въ Палестинѣ они сами собою текутъ. Нѣтъ, не сами собою. Энергія, массовый трудъ, знаніе, капиталъ — вотъ что нужно. Пожалуй, энергія у насъ есть, желаніе трудиться также, но гдѣ взять капиталъ и знаніе? Если специально для того устроенные комитетъ и училище намъ не дали ничего, то гдѣ же мы возьмемъ знаніе и капиталъ?

Съ этими грустными мыслями вернулись мы къ нашему гостепріимному хозяину и столкнулись у него съ уходившимъ Левонтиномъ. На столѣ стояла недопитая бутылка вина. Левонтинъ удивленно на насъ посмотрѣлъ.

— Вы, конечно, еще будете въ комитетѣ?

Я его понялъ. «Испугался, братъ», подумалъ я.

— Буду, завтра же буду, отвѣтилъ я.

У Галя мы застали еще одного молодого человѣка, земляка, — Хаимкой его все звали. Его присутствіе насъ покорибило: онъ пользовался дурной репутаціей шулера и пьяницы. Его также прислалъ Давида, съ рекомендательнымъ письмомъ. Потомъ уже мы узнали, что онъ уѣхалъ изъ Х. специально затѣмъ, чтобы поступить въ миссіонерскую школу, но все-таки успѣлъ по дорогѣ выманывать у разныхъ членовъ различныхъ комитетовъ пособія, которыя онъ сейчасъ же и прокучивалъ. Такимъ-то пособія всегда даются: они умѣютъ просить, а гдѣ нужно — нахально требовать.

— Завтра вы ѣдете въ Іерусалимъ, заявилъ Галь Хаимкѣ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтилъ Хаимка.

— А вы, господа? обратился Галь къ намъ.

— Что же? И мы поѣдемъ. Намъ все равно, здѣсь-ли жить, тамъ-ли, отвѣтили мои три товарища.

— Ну, а вы? обратился Галь ко мнѣ, такъ какъ я молчалъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше здѣсь останусь.

— Почему же вамъ не поѣхать?

— Послушайте, г. Галь, вы вѣдь умный человѣкъ, а не хотите понять, что еслибъ я хотѣлъ выгодно креститься, я бы могъ это сдѣлать и въ Россіи. Я вамъ могу сообщить по секрету, что въ Москвѣ я знаю нѣкоего пастора Фельтина, ко-

торый не отказался бы меня окрестить и прилично вознаградил бы меня за принятіе «новой вѣры». Подобнаго-же господина я знаю въ Одессѣ—нѣкій докторъ Бенъ-Цюнъ,—все ваши друзья, не правда-ли? Вѣдь у васъ обыкновеніе такъ выражаться: «мой другъ такой-то» — это значитъ миссіонеръ такой-то. Видите, мнѣ вовсе не было надобности ѣхать такъ далеко, столько вытерпѣть, столько лишеній перенести, чтобы имѣть честь быть окрещеннымъ именно вами.

— Чего вы влитесь, чего вы горчитесь, молодой человекъ? Не бойтесь, насильно васъ не окрестить.

— Этого я и не боюсь. Да я мучить васъ не хочу, не хочу, чтобы у васъ была даже маленькая надежда на меня.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ.

— Говорить не о чемъ.

Когда онъ ушелъ, я принялся ругать своихъ товарищей.

— Смѣшной ты, право, не креститься же ѣдемъ, а жить какъ нибудь.

— Кто же вамъ мѣшалъ здѣсь жить? Если ужъ на то пошло, вы бы хоть не такъ скоро подались, а заставили бы его нѣсколько недѣль уговаривать васъ.

— То же самое мы можемъ тамъ сдѣлать.

— Не думаю. Не такіе они дураки. Слушайте, братья, не дай вамъ Богъ переменить религію. Вы опозорите себя, а родныхъ убьете. Не ставьте себя въ комичное положеніе страдальца за вѣру, которой измѣняешь.

— Экій ты словоохотливый! Еще ничего нѣтъ, а онъ уже проповѣди читаетъ. Даемъ тебѣ честное слово, что мы останемся въ Иерусалимѣ только до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что отъ насъ требуютъ какихъ нибудь религіозныхъ уступокъ.

На другой день мои товарищи и Халима уѣхали, а я, проводивъ ихъ, вернулся въ комнату; хотѣлъ-было взять вещи, чтобы тоже уйти куда нибудь: оставаться долѣе у Галя становилось невозможнымъ. Чья-то рука опустилась на мое плечо, я обернулся: предо мною стоялъ Галь.

— Молодой человекъ,—сказалъ онъ мнѣ,—у меня правило: голоднымъ никого не выпускать изъ своего дома. Побѣдите со мною.

Я не отказался. Сытный обѣдъ и стаканъ вина были очень кстати. Завтра Богъ вѣсть, будетъ ли у меня что вѣсть: я уходилъ, имѣя въ карманѣ монету въ 3¹/₂ копѣйки, о которой я выше говорилъ.

Слуга принесъ двѣ чашки кофе, Галь предложилъ мнѣ сигару, и мы предались послѣ-обѣденному кейфу. Говорили о разныхъ предметахъ. Между прочимъ, Галь сказалъ мнѣ:

— Послушайте, вы мнѣ очень нравитесь, у васъ, я вижу, есть убѣжденія, стойкость. Жаль, чтобы такіе люди пропадали.

— Я не прочь, чтобы вы мнѣ помогли, но какъ человѣкъ, а не какъ миссіонеръ.

— Странно, вы атеистъ, а обращаете вниманіе на такіе мелочи.

— Во первыхъ, я не атеистъ; если я не придерживаюсь нѣкоторыхъ обрядовъ, это еще не доказательство. Но допустимъ даже, что я атеистъ, и тогда переменна религіи не мелочь

— Для атеиста-то?

— Да, для атеиста, для фетишиста, для кого хотите.

— Не понимаю.

— Извольте, я разъясню. Я атеистъ, положимъ, по рожденію еврей. Правда, ложное положеніе, но я въ этомъ не виновать: при рожденіи меня не сплывали. А теперь я, сознательно-мыслящій человѣкъ, открыто принимаю исповѣданіе, котораго въ душѣ не исповѣдую. Это публичная ложь съ корыстной цѣлью. Поворотъ этого, по моему, нѣтъ. Да и практически не выгодно, для меня по крайней мѣрѣ. Я не могъ бы вынести презрѣніе своихъ; а выкреста презираютъ даже тѣ, чью религію онъ принялъ, — я это видалъ не разъ. И еслибъ еще было не такое трудное для евреевъ время, — ну, еще куда ни шло. Но отречься отъ еврейства именно теперь, когда они болѣе чѣмъ когда-либо угнетены, уйти къ сильнымъ для собственной выгоды, уменьшить ряды униженныхъ и оскорбленныхъ, — нѣтъ, это ужъ было бы такъ подло... такъ подло...

Гриша остановился и залпомъ выпилъ стаканъ холоднаго чая. Закуривъ папирску, онъ снова началъ:

— Буду продолжать. Съ Галемъ я расстался дружелюбно: все же онъ намъ не отказалъ въ помощи. На комитетъ я былъ золь. По моему, они были виноваты въ томъ, что товарищи мои попали въ руки къ миссіонерамъ. Взваливъ сундучекъ на плечи, я прямо направился въ комитетъ, во первыхъ, для того, чтобы исполнить данное мною Левонтину слово видѣться съ нимъ, а во вторыхъ, чтобы и поругаться немножко, для облегченія сердца. Въ комитетѣ я никого не нашель. Куда пойти? Пойду на площадь, можетъ быть, встрѣчу когонибудь. Дѣйствительно, приближаясь къ площади, я увидѣлъ не только одного кого-нибудь, а почти все мѣстное еврейское населеніе, комитетъ in cogro и вновь прибывшихъ эмигрантовъ.

Всѣ о чемъ-то горячо спорили, махали руками, точно крылья вѣтряной мельницы въ сильный вѣтеръ. Завидя меня, всѣ бросились на встрѣчу, — я понялъ, что имъ уже все извѣстно и что именно я и мои товарищи были предметомъ спора.

— Слава Богу, хоть одинъ остался! кричали одни.

— Четыре человѣка, первые эмигранты, и къ миссіонерамъ! кричали другіе.

Бреннеръ выдѣлился изъ толпы и набросился на меня:

— Развѣ вы не знали, что Галь миссіонеръ? Отчего вы къ нему пошли? Вы опозорили еврейство, опозорили все движеніе, всю эмиграцію.

Я далъ ему наговориться вдоволь, поставилъ свой сундучекъ на землю; сѣлъ и хладнокровно отвѣтилъ ему:

— Не горячитесь и не кричите: я этого не люблю. Могу васъ увѣрить, что мы не знали, что Галь миссіонеръ. Да еслибъ и знали — какое вамъ дѣло? Какое право имѣете вы упрекать насъ? Къ вамъ первымъ мы обратились, а не къ нему. Чтоже? Накормили вы насъ, приютили? Вы потребовали отъ насъ по 10 франковъ за право считаться членомъ вашего комитета, вы предложили намъ поступить въ рабочіе въ невозможную школу Неттера. А Галь насъ накормилъ, далъ намъ приютъ. У насъ другаго исхода не было: либо умереть голодной смертью подъ открытымъ небомъ, либо отправиться въ

Иерусалимъ, къ миссіонерамъ; мои товарищи и поѣхали къ нимъ, а я... Снявши голову, по волосамъ не плачуть.

— Въ моей гостинницѣ есть для васъ комната, заявилъ мнѣ Розенталь.

— А, вотъ какъ вы заговорили! Но этого мало: вы дадите мнѣ въ кредитъ денегъ на пріобрѣтеніе столярныхъ инструментовъ и доставите мнѣ заказчиковъ. Не бойтесь, я не воспользуюсь вашими деньгами, возвращу ихъ.

Мнѣ все обѣщали. Спасибо Галю за обѣдъ: первый день я былъ сытъ. На другой день я купилъ на послѣднія деньги хлѣба и питался имъ два дня. Бреннеръ все откладывалъ заемъ съ утра до вечера, съ вечера до завтра. На второй день меня голодь не на шутку началъ мучить, я вышелъ пошляться по улицамъ (Вы замѣтили, господа, что когда очень ѣсть хочется, дома не сидится). Случайно столкнулся съ пароходнымъ знакомымъ, человѣкомъ состоятельнымъ. Пошли разспросы, что, какъ. Я ему все рассказалъ, онъ мнѣ одолжилъ лиру, и я нанялъ себѣ комнату, купилъ необходимѣйшіе инструменты и въ первый же день получить заказъ — колыбель для пріѣзжаго семейства. Я заработалъ цѣлый меджидіе. Господа, вы не можете себѣ представить, какъ этотъ меджидіе, первый заработанный мною на новой землѣ, мнѣ былъ дорогъ, сколько радужныхъ надеждъ онъ во мнѣ возбудилъ: я уже рисовалъ себѣ еврейскую колонію, я имѣю въ ней столярную мастерскую, потомъ слесарную; въ моемъ воображеніи уже рисовалось ремесленное училище, устроенное по моей инициативѣ. И все это благодаря меджидію, который... Ну, да это пустяки. Первый мѣсяцъ мои дѣла шли не дурно. Заказы были именно такіе, какіе я могъ выполнить своими инструментами: простые столы, табуреты, скамьи и т. п. Я выплатилъ долгъ своему знакомому. У Галя я часто бывалъ, потому что онъ завѣдывалъ лѣснымъ дворомъ барона, и онъ былъ такъ добръ, что кредитовалъ мнѣ лѣсъ. Каждую субботу я гостилъ у него; не скрою причину: курить хотѣлось, а въ городѣ неловко было. Галь не оставлялъ своего: онъ все увѣщевалъ меня поѣхать въ Иерусалимъ, натравилъ на меня какую-то англичанку, начальницу женской школы въ колоніи барона,

филантрожку-старуху, безъ ридикюля съ медикаментами не выходящую изъ дому. Впрочемъ, со мною она говорила всего два раза; она меня оставила въ покоѣ, благодаря оплошности Галы. Какъ-то разъ, во время второй бесѣды, Галь шутя замѣтилъ, что я атеистъ, и моя барыня до того испугалась общества атеиста, что опрометью выбѣжала изъ комнаты, забывъ даже взять съ собою свои медикаменты. На подмогу Галю явился изъ Іерусалима самъ Розенфельдъ, завѣдующій миссіонерскими учрежденіями въ Іерусалимѣ. Господи, думалъ я не разъ, чего они такъ усердствуютъ? Неужели это искренне? Что-то не ладитъ искренность съ тѣми средствами, которыя у нихъ въ ходу.

Розенфельдъ предложилъ мнѣ перебраться въ Іерусалимъ, гдѣ обѣщаль устроить мнѣ образцовую мастерскую. Я поблагодарилъ и отказался. Я зналъ, что въ Іерусалимѣ мои издѣлія не могутъ быть въ ходу: тамъ мебель употребляется только для украшенія, т. е. точеная, а это не по моей части. Кромѣ того, я все ждалъ организаціи колоніи: мнѣ страстно хотѣлось открыть мастерскую именно въ колоніи. Кромѣ того, меня удерживало отъ поѣздки въ Іерусалимъ еще одно обстоятельство: я получилъ письмо отъ одного изъ товарищей, въ которомъ онъ жаловался, что миссіонеры все гуще и гуще ткутъ свою паутину, что съ каждымъ днемъ они становятся требовательнѣе, что онъ каждый день бываетъ свидѣтелемъ возмутительныхъ сценъ завлеченія миссіонерами евреевъ, такъ что онъ рѣшился совсѣмъ уѣхать домой, написалъ уже, чтобы ему выслали денегъ на дорогу на мой адресъ и просилъ увѣдомить меня, когда деньги придутъ. Отъ него же я узналъ, что миссіонеры завлекаютъ рабочихъ-евреевъ, нанимая ихъ будто на работу, аккуратно расплачиваются, но работы не даютъ, развивая такимъ образомъ въ нихъ лѣнь и ставя ихъ въ зависимость отъ себя положеніе. Я боялся понасть въ такое же положеніе, перебравшись въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ дѣла мои шли все хуже и хуже. Новыхъ заказовъ было мало, и я опять зачастую голодалъ. За то времени у меня оставалось очень много, и я могъ слѣдить за комитетомъ. Въ это время я познакомился съ однимъ господи-

номъ, гѣкіемъ Р., депутатомъ изъ Кишинева. Энергичный, дѣльный человекъ, онъ сразу понялъ, что комитетъ ни къ чему не годится, и догадливому Бреннеру стоило не мало труда завербовать его въ число членовъ; Бреннеръ его боялся. Въ это время уже съѣхалось нѣсколько болѣе эмигрантовъ и депутатовъ отъ разныхъ городовъ. Р. агитировалъ, чтобы встали комитетъ указать наконецъ и купить землю, такъ какъ комитетъ до тѣхъ поръ все откладывалъ со дня на день покупку земли, указывая то здѣсь, то тамъ проектируемые участки. Наконецъ, было рѣшено купить участокъ земли между Гаазой и Яффою. Комитетъ потребовалъ отъ эмигрантовъ и депутатовъ, чтобы они сложились для задатка. Когда задатокъ, по увѣренію Бреннера, былъ уже внесенъ, Р. настоялъ на томъ, чтобы составилась коммисія изъ членовъ комитета, эмигрантовъ и депутатовъ для болѣе подробнаго осмотра земли и заключенія документовъ. Вотъ тутъ-то и обнаружилось все. Когда пріѣхали въ Іерусалимъ для составленія документовъ, членъ консульства, еврей, указавъ, что земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть куплена для колоніи, потому что на то еще не имѣется разрѣшенія турецкаго правительства, что земля куплена крайне невыгодно, благодаря посредничеству *фактора-драгомана-члена-сотрудника комитета для колонизаціи евреевъ въ Палестинѣ* Горвица (какой длинный титулъ!). Депутаты и эмигранты начали подозрѣвать комитетъ и настойчиво потребовали отчета во всемъ,—куда дѣлись 10 франковые членскіе взносы, задатки. Оказалось, что часть ушла на содержаніе Бреннера, того самаго Бреннера, который выдавалъ себя вначалѣ богачемъ, ликвидировавшимъ свои дѣла въ Румыніи и предназначившимъ весь свой капиталъ для организаціи колоніи. Остальная часть денегъ проѣдена Шульманомъ и Горвицемъ. Тогда эмигранты и депутаты потребовали обратно свои задатки, и Бреннеръ съ позоромъ долженъ былъ бѣжать изъ Яффы, комитетъ разстроился, а Левонтинъ и Розенталь платились почти всею своимъ достояніемъ.

Мнѣ нечего было болѣе дѣлать въ Палестинѣ. Я рассчитывалъ на работу именно въ колоніи, а колонія-то оказалась мыльнымъ пузыремъ. И вотъ что, господа, странно: какъ

только въ моей головѣ сложилось твердое убѣжденіе, что колоніи не будутъ, я такъ затосковалъ по родиנѣ, что чуть съ ума не сходилъ. Хотя денегъ у меня не было, но я ни на что не смотрѣлъ—домой, домой, во что бы то ни стало. Отъ продажи инструментовъ я выручилъ ровно столько, что мнѣ хватило на проѣздъ до Александріи. Въ Александріи я заработалъ 5 франковъ починкой оконныхъ рамъ. Но 5 франками домой не доѣдешь. Отправился къ консулу, началъ просить у него работы, поддержки. Онъ, чтобы освободиться отъ меня, предложилъ мнѣ даровой билетъ до Константинополя. Больше мнѣ ничего и не нужно было. Въ Константинополѣ я нашелъ знакомыхъ, занялъ у нихъ нѣсколько рублей, — и вотъ я подѣзжаю къ Одессѣ. Есть ли возможность выразить въ словѣ все то, что я ощущалъ тогда? Въ первыя минуты мнѣ стыдно было, но только въ первыя минуты, и болѣе изъ самолюбія, какъ стыдится всякій, не доведшій до конца начатаго дѣла. Но другое чувство, другое ощущеніе, болѣе сильное, подавило мелкій и ложный стыдъ мой: по біенію сердца своего, по тому, какъ глаза мои наполнялись влагой, такъ что даже гавань мнѣ не была отчетливо видна и все казалось покрытымъ легкой дымкой, — по всему этому я понималъ, что у меня есть родина, что я возвращаюсь на родину, и что эта родина — Россія! И если я прежде кричалъ: «Палестина—вотъ моя родина» — это было не внутреннее чувство, а навѣянная чужая мысль. Поймите меня, господа. Тамъ я головой разсуждалъ, а тутъ я нутромъ ощутилъ. Не могу вамъ это передать яснѣе. Ну, вотъ, вамъ вѣроятно случалось иногда ссориться съ родными. Въ первую минуту думаешь, что навѣки, безповоротно; но пройдетъ первый пылъ, успокоитесь, и родные вамъ снова дороги. Въ первую минуту я подумалъ — нѣтъ, это не родина моя; моя родина тамъ, за моремъ—и я поѣхалъ въ Палестину. Но потомъ я ощутилъ, что есть невидимыя нити, связывающія меня съ Россіей,—назовите эти нити какъ хотите,—привычкой что-ли, но фактъ остается фактомъ. Да, господа, поѣздка моя была неудачная, но я доволенъ: благодаря именно этой неудачѣ, я нашелъ отечество.

Въ комнатѣ «тихій ангелъ пролетѣлъ». Слушатели какъ

будто еще вслушивались въ послѣднія слова разсказчика. Съ улицы доносилось дребезжаніе дрожжекъ возвращавшагося домой ночнаго извозчика, который спалъ на козлахъ, и шуршаніе метель дворниковъ, подметавшихъ мостовую. Блѣдный свѣтъ наступающаго дня смѣшался съ потускнѣвшимъ свѣтомъ лампы; въ комнатѣ какъ будто темнѣе стало. Первый очнулся блѣднолицый юноша.

— Смотрите, уже день,—сказалъ онъ, подходя къ окну.

Всѣ встали, подошли къ окну; хозяинъ потушилъ лампу.

— И какой славный день!

По улицѣ уже началось движеніе. Вотъ идетъ партія лопатниковъ-евреевъ, неся подъ мышкой свои скрипочки — такъ лопатники называютъ лопату. Вотъ идетъ другая партія, русскихъ рабочихъ, каменьщиковъ, съ котомками за спиной. Живой товаръ, рабочая сила, спѣшить на рынокъ для совершенія великаго таинства—запродажи человѣческаго тѣла,—таинства, учрежденнаго въ честь современнаго универсальнаго бога—Мамоны.

— И какой славный день,—повторилъ хозяинъ.—Знаете что, господа? Мнѣ спать вовсе не хочется. Я бы теперь погулялъ.

— Дѣло. Идетъ. Куда-же?

— Да куда нибудь. Хоть въ ботаническій садъ.

— Валяй.

Собесѣдники гурьбой вышли.

— Чтоже стало съ вашими земляками, что въ Иерусалимъ уѣхали? Съ другими?

— Этого я ужъ въ точности не знаю, а только по слухамъ. Изъ моихъ земляковъ двое уже давно вернулись домой, а одинъ—кромя Хаимки, того я не считаю — одинъ и по сію пору живетъ у миссіонеровъ. Принялъ ли онъ крещеніе—этого я не знаю. Слыхалъ я, что комитетъ снова образовался и колонію наконецъ-таки устроили. Изъ моихъ знакомыхъ эмигрантовъ и депутатовъ я многихъ встрѣчалъ. Ни одинъ не возвратилъ своего задатка...

Аркадьевъ.

Одесса.

ПОСЛѢ ПОГРОМА.

На днѣ безпокойнаго моря,
Подъ грозной пучиной валовъ,
Гдѣ сонмище дивныхъ чудовищъ
Толпится средь мягкихъ песковъ,—

На днѣ безпокойнаго моря,
Межъ темными грудями скалъ,
Сребрится таинственно жемчугъ,
И блещетъ пурпурный коралль.

* * *

Поэтъ! Если звучныя струны
Души благородной твоей
Готовы ужъ грянуть проклятемъ,
Надъ жертвой пороковъ, страстей—

Знай, въ сердцахъ, гдѣ буря влопочеть,
И зло и пороки царятъ,
Найдутся и Божіи искры,
Что ярко, какъ жемчугъ, блестятъ.

С. Варгаѳигъ.

С.-Петербургъ.
1884 г.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ-ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе *).

IV.

Царствованіе Императора Александра II, въ отношеніи улучшенія юридическаго положенія евреевъ-иностранцевъ, представляетъ значительный шагъ впередъ. Политика предшествовавшаго царствованія была направлена къ возможному уменьшенію числа евреевъ. Вслѣдствіе этого принимались мѣры не только къ недопущенію ихъ наплыва извнѣ, но и къ освобожденію отъ собственныхъ подданныхъ евреевъ. Выше мы видѣли уже, что положеніемъ комитета министровъ 15 марта 1824 г. начальству пограничной стражи было вмѣнено въ обязанность отказывать въ пропускѣ изъ-за границы не только иностранныхъ подданныхъ, являющихся для водворенія, но евреевъ русско-подданныхъ, возвращающихся оттуда изъ самовольныхъ отлучекъ. Это распоряженіе было подтверждено и положеніемъ о евреяхъ 1835 г., по которому еврей, отлучившійся изъ-за границы безъ узаконеннаго дозволенія, исключаются изъ подданства Россіи и къ возврату въ оную не допускаются **. Конечно, поддерживать такое драконовское правило было невозможно потому, что и сосѣднія государства то же не были особенны рады новоприбывшимъ изъ Россіи пришельцамъ и, съ своей стороны, высылали ихъ туда обратно. Ссориться изъ за евреевъ съ правительствами сосѣднихъ державъ

---

* См. „Восходъ“ кн. 6.

** Ст. 11; В. П. С. З., т. X, № 8054.

было, конечно, неудобно. Вотъ почему и было внослѣдствіи сдѣлано нѣкоторое отступленіе отъ этого правила. Въ 1844 г. государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ касательно примѣненія, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, къ евреямъ, отлучающимся за границу безъ узаконеннаго дозволенія, силы 281 уст. о пасп. и бѣгл. (соотвѣтствующей приведенной ст. 11 положенія о евреяхъ), мнѣніемъ положилъ: остави эту статью въ силѣ, какъ законъ общій, постановитъ въ видѣ изъятія для евреевъ, высылаемыхъ изъ - за границы сосѣдственными государствами, на основаніи особыхъ условій, слѣдующее правило:

«Евреи, отлучившіеся за границу безъ узаконеннаго дозволенія и установленныхъ видовъ, или съ видами и паспортами просроченными, въ случаѣ высылки ихъ изъ за-границы обратно, по предварительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной принадлежности къ россійскому подданству, принимаются безпрепятственно нашими пограничными начальствами. По приѣмъ сіи евреи препровождаются въ мѣстныя губернскія правленія для поступленія съ ними, по существующимъ узаконеніямъ, какъ съ бродягами, *хотя бы прежнее мѣсто ихъ жительства и общество, къ коему они принадлежатъ, и были извѣстны.* На семь основаній означенные евреи обращаются въ военную службу безъ зачета за рекруты; а по негодности къ оной, препровождаются въ арестантскія роты безъ права возвращенія въ свои общества, по требованію сихъ послѣднихъ; неспособные же къ работамъ, равно и женщины, высылаются въ Сибирь на поселеніе».

Установивъ такую гуманную мѣру, государственный совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ вице-канцлеру, если овъ признаетъ возможнымъ и удобнымъ, вступать съ австрійскимъ правительствомъ и правительствами другихъ государствъ, съ которыми заключены конвенціи о выдачѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, въ сношенія касательно назначенія срока, послѣ котораго евреи, отлучившіеся безъ узаконеннаго вида и дозволенія за границу, не должны быть высылаемы обратно за границу*. Декларація по этому предмету была заключена съ Австріей 3 октября 1849 г.,

* Мл. Гос. Сов. 24 янв. 1844; В. П. С. З., т. 19, № 17557.

съ установленіемъ пятилѣтняго давностнаго срока для высылки обратно евреевъ въ Россію*.

Такое неестественное отношеніе правительства въ отлучившимся за границу евреямъ не могло не обратить на себя вниманія Императора Александра II, который въ 1860 г. распространилъ на возвратившихся изъ-за границы евреевъ, кои отлучились туда безъ узаконеннаго дозволенія, статью 33 всемілостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, т. е. даровалъ имъ прощеніе.**.

Равнымъ образомъ, въ благопріятномъ смыслѣ былъ разрѣшенъ вопросъ *объ овдовѣвшихъ и разведенныхъ еврейкахъ русекимъ подданнымъ, бывшихъ въ супружествѣ съ иностранными подданными, и объ ихъ дѣтяхъ.*

По общему правилу—женны слѣдуютъ состоянію своихъ мужей; слѣдовательно еврейки русско-подданныя, выпедившія замужъ за иностранцевъ, тѣмъ самымъ становились иностранками, и, какъ таковыя, онѣ, въ силу дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи постановленій о евреяхъ иностранцахъ, не могли уже водворяться въ Россіи, ниже вступить въ русское подданство. Между тѣмъ прав. сенатъ, по разсмотрѣніи одного частнаго дѣла, представилъ министру внутр. дѣлъ внести въ комитетъ объ устройствѣ евреевъ вопросъ о томъ, могутъ-ли оставаться въ подданствѣ Россіи тѣ изъ евреекъ, которыя, бывъ русекими подданными, вступили въ супружество съ иностранными евреями и потомъ овдовѣли или развелись съ ними. Этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ еврейскимъ комитетомъ, въ 1856 г., въ слѣдующемъ смыслѣ: еврейки русскія подданныя, вступившія въ супружество съ иностранными евреями и вообще съ иностранными подданными, если онѣ, *не оставая отечества*, овдовѣютъ или разведутся съ мужьями, имѣютъ право, по представленіи доказательствъ о смерти мужей или разводѣ съ ними, возвратиться въ русское подданство. Дѣти отъ этихъ браковъ, оставшіяся при матеряхъ, могутъ находиться при нихъ во все время малолѣтства, а по достиженіи

* В. П. С. З., т. 25, № 23845.

** Мн. Гос. Сов. 18 апр. 1860; В. П. С. З., т. 35, № 35709.

совершеннолѣтія, имъ предоставляется объявить, желаютъ-ли они принять подданство Россіи или выѣхать за границу *.

О судьбѣ русскихъ евреевъ пришлось разсуждать комитету объ устройствѣ евреевъ и по другому случаю. Именно, на практикѣ возникъ вопросъ, какъ поступать съ такими еврейками, русскими подданными, вышедшими въ замужество за австрійскихъ евреевъ, которыя ни овдовѣли, ни развелись съ мужьями, но австрійское правительство не признаетъ браковъ мужей ихъ, совершенныхъ безъ дозволенія австрійскаго начальства, и потому не дозволяетъ ни женамъ, ни дѣтямъ подобныхъ евреевъ, переселяться въ Австрію. По Высочайше утвержденному 28 марта 1859 г. положенію еврейскаго комитета вопросъ этотъ разрѣшенъ такъ: 1) еврейкамъ, вступившимъ въ бракъ съ австрійскими подданными, но къ переселенію въ Австрію тамошнимъ начальствомъ недopusкаемымъ, предоставить оставаться на мѣстахъ ихъ жительства на правахъ иностранокъ, и, въ случаѣ прекращенія брака смертью мужа или разводомъ, возвращаться въ русское подданство; 2) малолѣтнимъ дѣтямъ, родившимся отъ такихъ браковъ евреекъ русскихъ подданныхъ съ австрійскими евреями, дозволить оставаться при матеряхъ до совершеннолѣтія, съ тѣмъ, чтобы потомъ въ теченіи одного года, они или приняли подданство Россіи или выѣхали за границу; и 3) разрѣшить матерямъ, а въ случаѣ ихъ смерти, ближайшимъ родственникамъ, причислить таковыхъ родившихся въ Россіи дѣтей и прежде совершеннолѣтія въ составъ семействъ, къ которымъ ихъ матери по происхожденію своему принадлежатъ **.

Другое облегченіе коснулось евреевъ Царства Польскаго. Хотя переселеніе евреевъ изъ Царства Польскаго было запрещено, какъ мы видѣли выше, еще въ 1828 году, тѣмъ не менѣе, въ силу необходимости, евреи, по мѣрѣ фактической возможности, все-таки переселялись. Если съ этимъ фактомъ могла не считаться администрація прежняго времени, то этого нельзя сказать о новомъ направленіи. По представленію министра внутр. дѣлъ о дозволеніи евреямъ Царства Польскаго переселяться въ Имперію,

* Сен. ук., по Выс. пов., 25 авг. 1856; В. П. С. З., т. 81, № 30876.

** В. П. С. З., т. 84, № 34293.

по положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, 13 мая 1857 г., Высочайше повелѣно:

1. Тѣмъ изъ евреевъ Царства Польскаго, кои проживаютъ въ Имперіи по торговымъ и семейнымъ дѣламъ съ давняго времени (не менѣ десяти лѣтъ) дозволить перечисляться къ обществамъ въ чертѣ общей осѣдности евреевъ, если эти общества изъявятъ согласіе на принятіе ихъ.

2. Разрѣшить перечисляться изъ Царства въ тѣ мѣста Имперіи, гдѣ дозволено постоянное водвореніе евреевъ: а) выписываемымъ, по усмотрѣнію правительства, изъ Царства раввинамъ, учителямъ, имѣющимъ на се званіе свидѣтельства учебнаго начальства и медикамъ; б) гильдейскимъ купцамъ, занимающимся торговыми оборотами въ Имперіи; в) тѣмъ изъ евреевъ, кто устроитъ фабрику или заводъ (кромѣ винокуренныхъ), или значительное ремесленное заведеніе; г) выписываемымъ фабрикантами изъ евреевъ мастерамъ для производства мануфактурныхъ работъ, если послѣ пятилѣтняго пребыванія ихъ на фабрикахъ представятъ отъ хозяевъ и мѣстныхъ начальствъ удостовѣреніе о своемъ искусствѣ и безпорочномъ поведеніи.

3. Такое разрѣшеніе давать установленнымъ въ приложеніи къ ст. 191 т. 9 Св. Зак. о сост. порядкомъ для переселенія обывателей Царства въ Имперію, съ тѣмъ, чтобы дозволительныя на се свидѣтельства выдаваемы были Правительственною Коммисіей Внутреннихъ Дѣлъ Царства Польскаго, не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ *.

Правительство на этомъ не остановилось. Какъ извѣстно, 16 Марта 1859 г. послѣдовало Высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта о дозволеніи евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и евреямъ иностраннымъ подданнымъ права жительства и торговли въ Россіи, *въ чертѣ постоянной осѣдности евреевъ* **. По представленію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ это же дозволеніе распространено было въ 1860 г. и на евреевъ купцовъ 1-й гильдіи Царства Польскаго, съ тѣмъ однако же, чтобы пе-

* Св. ук. 18 мая 1857 г.; В. П. С. З. т. 32, № 81830.

** Тамъ же, т. 34, № 84248.

реседеіе ихъ на этомъ основаніи было разрѣшаемо не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи Правительственной Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ Царства съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Имперіи *.

Польская смута шестидесятихъ годовъ повлекла за собой коренное измѣненіе административныхъ порядковъ Царства Польскаго и отношеній его къ Имперіи. Царство обратилось въ провинцію Россійской имперіи, раздѣленную на губерніи, со введеніемъ въ нихъ общаго административнаго строя. Это измѣненіе повлекло за собою и измѣненіе въ порядкѣ перечисленія жителей Имперіи въ губерніи Царства Польскаго, равно какъ жителей этихъ губерній въ прочія части Имперіи, причемъ не были забыты и евреи. Именно въ Именномъ указѣ, данномъ прав. сенату 26 іюня 1868 г. содержится такого рода примѣчаніе 2: «Евреи изъ вышепоименованныхъ 10 губерній могутъ перечисляться во всѣ мѣста Имперіи, лежація въ общей чертѣ ихъ осѣдности; въ другія же части Имперіи могутъ перечисляться только тѣ изъ нихъ, коимъ право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи даровано особыми распоряженіями правительства **.

Такимъ образомъ, съ 1868 г. окончательно упразднены всѣ существовавшія прежде ограниченія относительно переселенія евреевъ Царства Польскаго въ Россію, въ губерніи общей черты еврейской осѣдности.

Что касается *иностранныхъ евреевъ въ собственномъ смыслѣ*, то въ этомъ отношеніи необходимо сдѣлать различіе между среднеазіатскими евреями и европейскими, разумѣя подъ ними евреевъ другихъ странъ. Что касается *среднеазіатскихъ* евреевъ, то, какъ мы видѣли выше, въ 1842 г. разрѣшено было евреямъ изъ Средней Азіи пріѣзжать вообще на Оренбургскую линію для дѣлъ торговыхъ и производить тамъ таковыя наравнѣ съ хивинцами и бухарцами. Но вступать въ русское подданство они не могли за силою общаго запрещенія принимать евреевъ въ русское подданство. Но наступило другое время. Вслѣдствіе ходатайства Оренбургскаго генераль-губернатора о дозволении евреямъ бухарскимъ,

* Вис. утв. 4 янв. 1860 г. Мн. Госуд. Сов.; В. П. С. З., т. 35, № 35317.

** В. П. С. З. т. 43, № 46038.

хивинскимъ и другихъ средне-азиатскихъ владѣній, вступать въ русское подданство и представленія объ этомъ министра внутр. дѣлъ, комитетъ министровъ полагалъ: не отмѣняя установленнаго ст. 1516 т. IX Св. Зак., изд. 1857 г., воспрещенія о принятіи евреевъ въ русское подданство, предоставить, въ видѣ исключенія, Оренбургскому генералъ-губернатору право, по надлежщемъ удостовѣреніи въ благонадежности, разрѣшать вступленіе въ наше подданство евреямъ бухарскимъ и хивинскимъ и другихъ средне-азиатскихъ владѣній, съ припискою этихъ лицъ къ пограничнымъ городамъ Оренбургскаго края, подъ условіемъ поступленія въ купеческія гильдіи и съ предоставленіемъ имъ правъ, для евреевъ русскихъ подданныхъ установленныхъ *.

Относительно же *европейскихъ* евреевъ сдѣлано слѣдующее:

1. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ открыты внутреннія губерніи. Именно пріѣзжающимъ въ Россію изъ за-границы евреямъ-иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по общественному своему положенію и обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволено, по усмотрѣнію и особому каждый разъ разрѣшенію министровъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банкирскія конторы на основаніи общихъ узаконеній о правахъ иностранныхъ гостей, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по 1-й гильдіи **. Права этихъ собственно евреевъ расширены въ 1860 г. дозволеніемъ имъ также устройства фабрикъ, пріобрѣтенія и найма недвижимыхъ ненаселенныхъ имуществъ ***. И наконецъ, по представленію намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше повелѣно-было распространить законъ 16 марта 1859 г. и на Закавказскій край, съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе евреямъ иностраннымъ подданнымъ производить за Кавказомъ торговлю и учреждать банкирскія конторы зависѣло отъ намѣстника кавказскаго, по сношенію въ потребныхъ случаяхъ, съ министрами иностранныхъ дѣлъ и финансовъ ****.

* Законъ 29 апрѣля 1866 г.; В. П. С. З., т. 41, № 43247.

** Законъ 16 марта 1859 г.; В. П. С. З. т. 34, № 34248.

*** Имен. ук. 7 іюня 1860 г.; В. П. С. З., т. 35, № 35880.

**** Сен. ук. 26 іюля 1860 г.; В. П. С. З., т. 35, № 36043.

Независимо отъ этого, по закону 26 декабря 1877 г. евреямъ-иностранцамъ подданнымъ, известнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, кои *прѣзжаютъ въ предѣлы Имперіи временно, для закупки и вывоза за-границу русскихъ произведеній*, могутъ быть выдаваемы торговыя свидѣтельства первой гильдіи, по взаимному каждый разъ соглашевію означенныхъ трехъ министерствъ (Уст. Торг. ст. 128, прим. 3, п. 6, по прод. 1879 г.).

Недостатокъ этихъ узаконеній заключается въ томъ, что дозволеніе или недозволеніе упомянутымъ въ нихъ евреямъ-иностранцамъ производить въ Россіи торговлю и проч. предоставлено усмотрѣнію трехъ министровъ. Такое усмотрѣніе при известныхъ вѣяніяхъ въ административныхъ сферахъ можетъ сдѣлать фиктивнымъ самое право для тѣхъ, которые пожелали бы воспользоваться имъ. Но понятно, разъ дозволеніе дано, оно уже не можетъ быть взято назадъ по усмотрѣнію.

2. Сохранено изданное въ 1839 г. правило о томъ, что иностраннымъ евреямъ, особенно комиссіонерамъ значительныхъ заграничныхъ купеческихъ домовъ, дозволяется посѣщать известныя въ Россіи мануфактурныя и торговыя мѣста и оставаться тамъ известное, по усмотрѣнію, время. Облегченіе сдѣлано въ томъ отношеніи, что, вмѣсто требуемаго закономъ 1839 года разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предоставлено одному министру внутреннихъ дѣлъ право окончательно разрѣшать прошенія этихъ евреевъ. Но при этомъ оговорено, что банкирамъ и главамъ известныхъ значительныхъ торговыхъ домовъ — посольства и консульства могутъ, и безъ предварительнаго разрѣшенія министерства вн. дѣлъ, выдавать и свидѣтельствовать паспорта на пріѣздъ въ Россію, на общемъ основаніи объ иностранцахъ, отирающихся въ Россію, съ тѣмъ, чтобы о каждой выдачѣ и засвидѣтельствованіи паспортовъ такимъ евреямъ доводимо было до свѣдѣнія министерства вн. дѣлъ и III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи *.

Изложенныя правила касаются торговли и пріѣзда евреевъ-

* Зак. 29 іюля 1869 г.; В. П. С. З., т. 35, № 36051.

иностранцевъ въ Россію, безъ различія губерній, назначенныхъ для жительства евреевъ, отъ губерній, лежащихъ внѣ этой черты. Поэтому лицо, получившее указанное разрѣшеніе, можетъ пользоваться имъ на пространствѣ всей Имперіи, т. е. и въ чертѣ и внѣ черты осѣдлости. Что же касается положенія обыкновенныхъ, такъ сказать, евреевъ-иностранцевъ въ чертѣ осѣдлости, куда они всегда могли пріѣзжать на извѣстный срокъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ и торговать, то въ этомъ отношеніи нельзя не указать на слѣдующее:

Городъ Одесса, какъ бойкое торговое мѣсто, всегда привлекалъ массу евреевъ. Можетъ быть имъ-то онъ, главнымъ образомъ и обязанъ своимъ развитіемъ *. Хотя по дѣйствовавшимъ законамъ еврей-иностранцы не въ правѣ были тамъ водвориться на продолжительное время, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, законъ, идущій въ разрѣзъ съ потребностями дѣйствительной жизни, не всегда приводится въ исполненіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Люди пріобрѣтали осѣдлость, имѣли постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности. Какъ не считаться съ такимъ фактомъ? Наступилъ благопріятный моментъ и этотъ фактъ былъ признанъ нашимъ правительствомъ. По положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, Государь Императоръ, 4 іюня 1861 г., Высочайше повелѣлъ: дозволить дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ евреевъ, которые, проживая въ этомъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ немъ осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить доказательства своей благонадежности, разрѣшивъ этимъ лицамъ и заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность мѣстному начальству имѣть постоянное наблюденіе, какъ за непремѣнной уплатой помянутыми евреями установленныхъ ст. 528 Уст. о пасп. и бѣгл. повинностей, такъ и о примѣненіи ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу иностраннымъ евреямъ во всей строгости изъясненныхъ въ той статьѣ правилъ **.

* „Восходъ“, 1884 г., кн. 4, статья Блюменфельда: „Торгово-промышленная дѣятельность евреевъ въ Одессѣ“.

** В. П. С. З., т. 36, № 37079.—Упомянутая здѣсь ст. 528 уст. о пасп. гласитъ: „евреи, пріѣзжающіе въ Россію по дѣламъ торговли могутъ имѣть пре-

Изъ всего изложеннаго видно, такимъ образомъ, что въ царствованіе Императора Александра II юридическое положеніе евреевъ - иностранцевъ измѣнилось къ лучшему въ слѣдующемъ отношеніи:

а) Еврейки русскія подданныя, вступившія въ супружество съ иностранными подданными и потомъ овдовѣвшія или разведшіяся съ мужьями, но не оставившія Россіи, получили право возвратиться въ русское подданство. Тоже и относительно евреевъ, вступившихъ въ бракъ съ австрійско-подданными.

б) Дѣти отъ такихъ браковъ, оставшіяся при матеряхъ, равнымъ образомъ, получили право, по достиженіи совершеннолѣтія, принять русское подданство.

в) Евреи Царства Польскаго перестали считаться наравнѣ съ иностранно-подданными, получивъ право перечисляться въ губерніи, входящія въ черту общей осѣдности евреевъ.

г) Евреямъ среднеазиатскихъ владѣній предоставлено, съ надлежащаго разрѣшенія, вступать въ русское подданство, съ припискою этихъ лицъ къ пограничнымъ городамъ Оренбургскаго края.

д) Прочимъ евреямъ-иностранцамъ предоставлено, съ разрѣшенія трехъ министерствъ, производить торговлю, учреждать банкирскія конторы, устраивать фабрики, приобрѣтать и арендовать недвижимости во всей Имперіи и Закавказскомъ краѣ.

е) Банкирамъ и главамъ извѣстныхъ значительныхъ торговыхъ домовъ разрѣшено пріѣзжать въ Россію, на общемъ основаніи объ иностранцахъ, по паспортамъ, выдаваемымъ русскими миссіями и посольствами.

ж) Иностраннымъ евреямъ, продолжительное время проживающимъ въ Одессѣ, предоставлено, при извѣстныхъ условіяхъ, дальнѣйшее тамъ пребываніе не только для торговли, но и для занятія мастерствами съ запискою въ цехъ.

бываніе въ мѣстахъ общей осѣдности евреевъ въ теченіи одного года на правѣ временно заѣзжихъ иностранныхъ купцовъ, въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ при биржѣ или въ чертѣ таможенной; причемъ въ послѣднюю половину года ихъ пребыванія, взимаются съ нихъ установленныя повинности по свидѣтельству купцовъ второй гильдіи, также повинности городскія и земскія».

V.

Указанный историческій ходъ развитія законодательства о евреяхъ-иностранцахъ даетъ достаточное понятіе о юридическомъ положеніи этихъ лицъ въ Россіи. Но для большей еще полноты считаемъ нелишнимъ изложить догматически дѣйствующіе теперь, по слову законовъ, законоположенія по этому предмету.

Эти законоположенія содержатся въ IX, XI и XIV томахъ. По ст. 991 тома IX (изд. 1876 г.), иностранцы всѣхъ вообще націй, не исключая караймовъ, имѣютъ право свободнаго пріѣзда и пребыванія въ Россіи, а равно и выѣзда изъ оной на основаніи правилъ, постановленныхъ въ уставѣ о паспортахъ. Относительно же евреевъ постановлено: иностранцы изъ евреевъ не допускаются къ переселенію въ Россію или вступленію въ русское подданство. (Ст. 992 IX т. изд. 1876 г.).

Эта статья (992) выражаетъ собою двойное начало: принципъ недопущенія евреевъ къ переселенію въ Россію и принципъ недопущенія ихъ ко вступленію въ русское подданство. Но тому и другому началу нанесены уже чувствительные удары. Не говоря уже о евреяхъ Царства Польскаго, получившихъ право свободнаго переселенія въ Россію, въ губерніи общей черты осѣдлости евреевъ, нельзя не указать и на постановленіе ст. 530 т. 14 уст. о пасп., по которой изъ числа иностранныхъ евреевъ допускаются къ постоянному водворенію въ чертѣ осѣдлости всѣ тѣ лица, о которыхъ говорится въ цитированной выше ст. 121 положенія о евреяхъ 1835 г., и которые при извѣстныхъ условіяхъ могутъ даже быть приняты въ русское подданство, а именно раввины и медики, выписываемые правительствомъ изъ заграницы, лица пріѣзжающіе съ намѣреніемъ учредить фабрики и заводы, и мастера, выписанные фабрикантами изъ евреевъ, для производства мануфактурныхъ работъ. Далѣе, къ лицамъ, переселеніе которыхъ въ Россію дозволено, слѣдуетъ отнести и тѣхъ евреевъ, которые получили разрѣшеніе трехъ министерствъ на производство торговли и проч. (ст. 128 прим. 3 Уст. Торг. по пр. 1876). Равнымъ образомъ и дозволеніе дальнѣйшаго, безъ ограниченія какимъ-либо срокомъ, пребыванія въ Одессѣ иностранныхъ евреевъ, о кото-

рыхъ говорено было выше *, тоже нарушаетъ, конечно, цѣлостность принципа о недозволениі переселенія евреевъ въ Россію.

Что же касается начала недопущенія евреевъ-иностранцевъ ко вступленію въ русское подданство, то и это начало существенно нарушено допущеніемъ къ принятію въ подданство среднеазиатскихъ евреевъ **, евреекъ, ставшихъ иностранками вслѣдствіе брака съ иностранными евреями, и прижитыхъ отъ этихъ браковъ дѣтей ***, лицъ, пріѣзжающихъ для устройства фабрикъ, и выписываемыхъ изъ заграницы мастеровъ ****.

Такимъ образомъ начало, выраженное въ 992 статьѣ т. IX св. зак., далеко не безусловно. Но разъ допущены исключенія, то нѣтъ основанія и въ другихъ уважительныхъ случаяхъ не допускать и дальнѣйшихъ исключеній. Почему, напримѣръ, иностранцамъ, пріобрѣвшимъ осѣдность въ Одессѣ, дозволить безсрочное тамъ пребываніе и отказывать въ томъ же евреямъ иностранцамъ, пріобрѣвшимъ осѣдность и продолжительное время живущимъ, положимъ, въ г. Ковнѣ или другихъ мѣстахъ черты еврейской осѣдности? Время—это такой факторъ, который могутъ существенно вліять на факты и правоотношенія: нерѣдко оно простой фактъ превращаетъ въ право, а съ другой стороны оно и самое право уничтожаетъ вслѣдствіе непользованія имъ. Если же принять въ соображеніе, что продолжительное пребываніе евреевъ-иностранцевъ въ извѣстной мѣстности и пріобрѣтеніе ими тамъ осѣдности не можетъ совершиться безъ вѣдома властей, то окажется, что и справедливость требуетъ допущенія въ уважительныхъ случаяхъ дальнѣйшихъ изъ ст. 992 IX т. исключеній, если, но непонятнымъ впрочемъ для простыхъ смертныхъ соображеніямъ, еще не настало время совсѣмъ отмѣнить правило, выраженное въ этой статьѣ.

Что касается правъ иностранцевъ *по торговлѣ*, то въ этомъ отношеніи, въ ст. 1001 IX т., изд. 1876 г. выражено общее правило, что иностранцамъ дозволяется брать какъ купеческія или

* Ст. 530, примѣч., т. XIV, Уст. о пасп., по прод. 1876 г.

** Т. IX, ст. 992 примѣч., изд. 1876 г.

*** Тамъ же ст. 993 и примѣч.

**** Ст. 530, пп. 3 и 4, т. 14, уст. о пасп. изд. 1857 г.

гильдейскія, такъ и промысловыя свидѣтельства, и пользоваться всѣми соединенными со взятіемъ такихъ свидѣтельствъ правами, наравнѣ съ природными подданными Имперіи. Въ отношеніи же евреевъ прибавлено къ этой статьѣ примѣчаніе, что права по торговлѣ, предоставляемыя какъ пріѣзжающимъ изъ заграницы евреямъ, иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, такъ равно и азіатцамъ, излагаются въ уставѣ торговомъ. Обращаясь же къ послѣднему, оказывается, что въ п. 5 примѣч. 3 ст. 128 по прод. 1876 г. выражено, что «пріѣзжающимъ изъ заграницы евреямъ иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволяется, на основаніи особаго, по усмотрѣнію министровъ финансовъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, каждый разъ на сіе разрѣшенія, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банкирскія конторы, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по первой гильдіи. Сямъ собственно евреямъ дозволяется также устройство фабрикъ, пріобрѣтеніе и наемъ недвижимыхъ не населенныхъ имѣній, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ законахъ о состояніяхъ».

И такъ, по смыслу этой статьи выходитъ, что право на торговлю въ Россіи имѣютъ только тѣ евреи, которые получили на это разрѣшеніе отъ трехъ министровъ. А такъ какъ такое разрѣшеніе можетъ быть, въ силу самаго закона, дано лишь лицамъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, то, слѣдовательно, всѣ другія, не подходящія подъ эти условія, лица не пользуются правомъ торговли.

Но такое заключеніе не будетъ вполнѣ вѣрно. Дѣло въ томъ, что приведенная выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, ст. 528 уст. о насп., изд., 1857 г. не можетъ считаться отмѣненной съ изданіемъ 16 марта 1859 г. и 7 іюня 1860 г. узаконенія, изложеннаго въ прописанномъ 5 п. примѣчанія 3 къ ст. 128 уст. торг., другими словами: въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ, при биржѣ или въ чертѣ таможенной еврей-иностранцы вообще пользуются и теперь правомъ торга въ теченіи одного года, не нуждаясь въ разрѣшеніи какихъ-либо министерствъ. Что статья эта не отмѣнена, видно изъ изложеннаго выше закона относительно евреевъ-

иностранцевъ въ г. Одессѣ. Законъ этотъ послѣдовалъ 4 іюня 1861 г., т. е. послѣ изданія законовъ 16 марта 1859 г. и 7 іюня 1860 г., а между тѣмъ въ немъ именно предписывается приѣзжать ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу евреямъ-иностранцамъ во всей строгости изъясненныхъ въ ст. 528 уст. о пасп. правилъ, какъ объ уплатѣ ими установленныхъ торговыхъ, городскихъ и земскихъ повинностей, такъ и о производствѣ торговли лишь въ теченіи одного года въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Если же и въ 1861 году предписывалось 528 статью примѣнять, значить она не была отмѣнена означенными узаконеніями и продолжаетъ дѣйствовать и теперь. Впрочемъ, статья эта значитъ, по прод. 1876 г. къ уставу о паспортахъ, замѣненной правилами, приложенными къ ст. 486 (примѣч.) этого устава, въ которыхъ, впрочемъ, говорится не о торговлѣ евреевъ-иностранцевъ, а о порядкѣ выдачи имъ паспортовъ.

И такъ, правомъ торговли въ Россіи пользуются какъ лица, получившія установленное разрѣшеніе трехъ министерствъ—повсемѣстно, такъ и еврей-иностранцы вообще, въ теченіи одного года, въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ, при биржѣ или въ чертѣ таможенной, но, конечно, въ предѣлахъ черты еврейской осѣлости.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что когда правительство находило нужнымъ развить въ Россіи какую нибудь отрасль торговли, то оно не брезгало и евреями для достиженія этой цѣли. Такъ, Высочайше утв. 30 апрѣля 1840 г. положеніемъ комитета министерствъ дозволено было, въ видѣ опыта, на три года, какъ российскимъ подданнымъ всѣхъ состояній, такъ и иностранцамъ, *со включеніемъ иностранныхъ евреевъ*, производить по всему теченію Днѣстра совершенно свободную торговлю иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, не только оптомъ, но и въ розницу*. Такое же постановленіе послѣдовало въ 1841 г. относительно торговли лѣснымъ товаромъ по теченію рѣки Прута**. Тоже допущено и въ послѣдующее время въ 1847, 1861, 1867, 1871, 1872 гг.***.

Относительно *записки иностранцевъ въ цехи* имѣется общее

* В. П. С. З., т. 15, № 13483.

** Полож. ком. мн. 15 апр. 1841; тамъ же, т. 16, № 14457.

*** В. П. С. З., т. 36, № 37089; т. 42, № 44996; Соб. уз. 1871 г., № 586; за 1872 г., № 275.

правило, что иностранцамъ, не принявшимъ присяги на подданство и имѣющимъ узаконенные виды для свободнаго жительства, дозволяется вступленіе въ цехи по всѣмъ вообще городамъ Имперіи. Но при этомъ сдѣлана маленькая прибавка: «кроме евреевъ», съ оговоркой, впрочемъ, относительно иностранныхъ евреевъ, прожившихъ продолжительное время въ Одессѣ, приобрѣвшихъ тамъ осѣдность, имѣющихъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могущихъ представить доказательства своей благонадежности. Этимъ только лицамъ и разрѣшается заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ въ г. Одессѣ*.

Для предотвращенія же возможности вступленія евреевъ въ цехъ подъ видомъ христіанъ, предписывается отъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію, для поступленія въ цехи, требовать предварительно предъявленія свидѣтельства заграничной консисторіи или другаго высшаго духовнаго начальства, что они и пріѣхавшія съ ними семейства ихъ суть христіане**.

Впрочемъ, мастера, выписываемые фабрикантами изъ евреевъ для производства мануфактурныхъ работъ, допускаются въ Россію къ этимъ работамъ***; но для производства этихъ работъ не требуется записки въ цехъ (т. XI, уст. о промышл. фаб., ст. 51, изд. 1879 г.).

И такъ и по производству ремеслъ съ запискою въ цехъ еврейно-иностранцы почти лишены всякихъ правъ.

Что касается, засимъ, права *приобрѣтенія имущества* въ Россіи, то въ отношеніи иностранцевъ вообще дѣйствуетъ правило, по которому иностранцы могутъ приобретать какъ чрезъ куплю, такъ и по наслѣдству, завѣщаніямъ, дарственными записямъ, отводамъ отъ казны и т. п. всякаго рода движимыя и недвижимыя имущества, по правиламъ, въ законахъ гражданскихъ постановленнымъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ имуществъ, коими, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, могутъ владѣть только принадлежащіе къ россійскому потомственному дворянству и иностранцы, получившіе право на оное.

* Ст. 97 и примѣч. Уст. ремесл. изд. 1879 г.

** Тамъ же, ст. 98.

*** Т. 14, Уст. о пасп., ст. 530, п. 4, изд. 1857 г.; т. XI Уст. о пром. фабр. и завод., ст. 72, п. 2, изд. 1879 г.

Мы видѣли уже выше, что право приобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ въ Россіи положительно предоставлено евреямъ, получившимъ разрѣшеніе отъ трехъ министерствъ на право производства торговли въ Россіи. Возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли такое право и другіе иностранцы-евреи въ чертѣ общей осѣдлости евреевъ. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, повидимому, долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ въ отношеніи владѣнія недвижимостью. По закону (ст. 959 IX т. по прод. 1876 г.), евреи (подданные) въ чертѣ общей ихъ осѣдлости, равно какъ и вездѣ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе, могутъ приобрѣтать недвижимую собственность всякаго рода, кромѣ имѣній населенныхъ. Наоборотъ, имѣніе недвижимое не населенное, доставшееся евреямъ по наслѣдству внѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ владѣніе таковымъ дозволяется, они обязаны продать въ теченіи шести мѣсяцевъ. Правило, постановленное въ этой статьѣ, распространяется на иностранныхъ евреевъ, получившихъ въ Россіи недвижимыя имѣнія по наслѣдству (тамъ же, ст. 960).

И такъ, имущество, доставшееся иностранцамъ-евреямъ въ Россіи вообще (а не только внѣ черты еврейской осѣдлости), даже по наслѣдству, они обязаны продать, на томъ, конечно, основаніи, что они, не имѣя права постоянного пребыванія въ Россіи, не имѣютъ права и владѣть недвижимостью. Отсюда можно, повидимому, придти къ заключенію, что хотя путемъ законныхъ способовъ приобрѣтенія недвижимое имущество и можетъ дойти до еврея-иностранца, но самое владѣніе таковымъ еврею-иностранцу запрещено въ Россіи.

Относительно *управленія* недвижимыми поземельными имѣніями и найма таковыхъ тоже содержится исключеніе во вредъ евреямъ. По ст. 1004 IX т. Св. Зак. изд. 1876 г. иностранцы, кромѣ евреевъ, могутъ, по довѣренности владѣльцевъ населенныхъ имѣній, управлять такими имѣніями на правѣ приказчиковъ. Они могутъ также нанимать и содержать въ арендѣ, поссессіи и, вообще, на основаніи всякаго рода не воспрещаемыхъ законами обязательствъ, недвижимыя населенныя и ненаселенныя имущества, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ условій и ограниченій, какія установлены для природныхъ подданныхъ Имперіи.

Исключеніе изъ этого правила, какъ мы видѣли уже выше,

установлено въ пользу евреевъ-иностранцевъ, получившихъ установленное разрѣшеніе: они могутъ пріобрѣтать и занимать недвижимыя населенныя имѣнія.

Далѣе, иностранцамъ, взявшимъ купеческое или гильдейское свидѣтельство, дозволяется, на правахъ предоставленныхъ вообще купцамъ обѣихъ гильдій, устраивать фабрики и заводы, безъ вступленія въ подданство (ст. 1005 IX т. изд. 1876 г.). Въ отношеніи же евреевъ существуетъ то ограниченіе, что устраивать фабрики и заводы въ чертѣ еврейской осѣдлости могутъ, на основаніи п. 3 ст. 530 Уст. о пасп., изд. 1857 г., лишь тѣ евреи, кои пріѣзжать будутъ съ намѣреніемъ учредить фабрики и заводы, кромѣ винокуреникъ, и для сего предъявлять капитала не менѣе 15.000 р. Евреи эти, при самомъ пріѣздѣ въ Россію, даютъ подписку въ томъ, что учредить помянутыя заведенія непремѣнно въ теченіи трехлѣтняго срока. При неисполненіи сего они высылаются за границу. По исполненіи же могутъ быть приняты въ подданство и должны избрать узаконенное состояніе. Этотъ 3 пунктъ ст. 530 значителен, по прод. 1876 г., измѣненнымъ ссылкою на примѣчаніе 3 къ ст. 128 уст. торг. о пріѣзжающихъ въ Россію для торговли иностраннымъ евреямъ, получившихъ установленное разрѣшеніе трехъ министерствъ. А изъ этого, повидимому, слѣдуетъ заключить, что право устраивать въ Россіи фабрики имѣютъ въ настоящее время одни эти еврей-иностранцы, но, конечно, не въ одной чертѣ, а повсемѣстно въ Россіи.

Что касается, наконецъ, права евреевъ-иностранцевъ, за исключеніемъ лицъ, получившихъ установленное разрѣшеніе, на пріѣздъ и пребываніе въ Россіи, то: 1) пріѣздъ и пребываніе такимъ лицамъ дозволяется лишь въ чертѣ еврейской осѣдлости, причемъ въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ должно быть означено, что они имѣютъ дѣйствіе единственно въ мѣстѣ, для постоянного жительства евреевъ опредѣленных*. Паспорты выдаются иностранцамъ отъ губернаторовъ на годъ, по прошествіи котораго иностранецъ долженъ испросить новый паспортъ у начальника той губерніи, въ предѣлахъ которой онъ будетъ находиться при исте-

* Уст. о пасп., прил. къ ст. 486 (прим.), ст. 8, прим. 2, по прод. 1873 г.

ченіи сего срока *. А такъ какъ для евреевъ никакого исключенія въ этомъ отношеніи не сдѣлано, то слѣдуетъ думать, что и евреи могутъ испрашивать себѣ новыя паспорта; 2) баширамы и главамъ извѣстныхъ торговыхъ домовъ посольства и консульства могутъ выдавать и свидѣтельствовать паспорта на прїѣздъ въ Россію, на общемъ основаніи объ иностранцахъ. Равнымъ образомъ и комиссіонеры значительныхъ заграничныхъ купеческихъ домовъ могутъ, съ надлежащаго разрѣшенія, посѣщать извѣстныя въ Россіи торговыя и мануфактурныя мѣста, оставаясь тамъ извѣстное время по своему усмотрѣнію **. На тѣхъ и другихъ не распространяется ограниченіе пребыванія лишь въ чертѣ осѣлости; 3) мѣстныя начальства строго наблюдаютъ, чтобы иностранные евреи отнюдь не проживали въ недозволенныхъ для пребыванія ихъ мѣстахъ подъ именемъ христіанъ. Если же таковыя откроются, то дѣйствительные иностранцы, а также выѣхавшіе изъ Финляндіи, немедленно высылаются изъ Россіи***; 4) впускъ въ предѣлы Имперіи румынскихъ евреевъ, неимѣющихъ средствъ къ существованію въ Россіи, воспрещается на основаніи закона 23 марта 1879 г. ****.

Вотъ собственно всѣ существенныя узаконенія, коими опредѣляется по дѣйствующему законодательству положеніе евреевъ-иностранцевъ въ Россіи. О томъ же, насколько положеніе это измѣняется вслѣдствіе заключенныхъ Россіей съ иностранными державами трактатовъ, мы поговоримъ въ другой разъ.

Изъ изложеннаго видно, что юридическое положеніе евреевъ-иностранцевъ въ Россіи хотя и улучшилось нѣсколько въ царствованіе Императора Александра II, но до сихъ поръ представляется крайне ненормальнымъ, какъ ненормально вообще положеніе евреевъ въ Россіи.

Эти ненормальности, въ особенности же высылка иностранныхъ евреевъ изъ Россіи только потому, что они евреи, послужила даже поводомъ къ взаимнымъ пререканіямъ между нашимъ правитель-

---

* Тамъ же, ст. 8.

** Тамъ же, ст. 2.

*** Уст. о пасп. ст. 531, по прод. 1876 г.

**** Тамъ же, ст. 487, по прод. 1881 г.

ствомъ и другими. Тадаъ, на примѣръ, по дѣлу о высылкѣ въ 1881 г. изъ Петербурга англійскаго подданнаго, еврея Левинсона, лондонскій кабинетъ называлъ эту мѣру несогласной ни съ трактатами, заключенными между Россіей и Англіей, ни съ началами международнаго права, ни съ условіями правильныхъ международныхъ сношеній, которыя должны существовать между образованными государствами. Профессоръ с.-петербургскаго университета, Ф. Мартенсъ возражаетъ противъ этого тѣмъ, что каждое государство свободно принимать въ отношеніи иностранцевъ всѣ мѣры, какія оно найдетъ цѣлесообразными, лишь бы онѣ не нарушали заключенныхъ имъ трактатовъ и не исключали безусловно международныхъ съ нимъ сношеній*.

При всемъ уваженіи къ глубокой эрудиціи автора, наврядъ ли можно согласиться съ его возраженіемъ. Государство, конечно, можетъ принимать противъ иностранцевъ всѣ мѣры, какія оно находитъ цѣлесообразными, но лишь по столько, по сколько онѣ не нарушаютъ международнаго общенія. Основной принципъ международнаго общенія — это взаимность и равноправность. Какая же взаимность и равноправность могутъ быть тамъ, гдѣ подданные одного государства (Россіи) пользуются въ другомъ (Англии) всѣми правами безъ всякихъ стѣсненій, въ то время, когда первое изъ нихъ высылаетъ изъ своихъ предѣловъ подданныхъ втораго государства только потому, что они исповѣдываютъ еврейскую религію?

М. Мышь.

С.-Петербургъ, Май 1884 г.

* Ф. Мартенсъ, Современное международное право, т. 1, стр. 388.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕВРЕЙСКИЙ ИВКРАСОВЪ.

«Kol Schire Jehuda L. Gordon». Полное собраніе стихотвореній Л. О. Гордона, въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1884.

Литературная репутація г. Гордона давно уже прочно установилась. Почти тридцатилѣтняя дѣятельность на поприщѣ еврейской поэзіи и литературы стяжала ему славу лучшаго національнаго поэта настоящаго времени,—славу, какаѣ весьма рѣдко выпадала на долю предшественниковъ г. Гордона. Дѣйствительно будучи въ историческомъ порядкѣ, однимъ изъ станъ славной литературы орловъ недавняго прошлаго, способствовавшихъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ возрожденію древне-еврейскаго языка и литературы,—г. Гордонъ въ послѣдующей своей дѣятельности значительно переросъ своихъ предшественниковъ и сверстниковъ въ отношеніи сознательности, жизненности и содержательности своей поэзіи. Въ настоящее время, когда на пивѣ еврейской литературы водится по большой части мелкая птица,—литературный образъ г. Гордона выдается еще ярче, рельефнѣе, подобно полосѣ свѣта на темномъ, гладкомъ фонѣ.

Еврейская читающая публика, всегда отличавшаяся какимъ-то сентиментальнымъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ практическимъ равнодушіемъ къ писателямъ и въ особенности къ поэтамъ, выказала по отношенію къ г. Гордону особое вниманіе. Не далѣе какъ три года тому назадъ, осенью 1881 года, кружокъ еврейскихъ литераторовъ и учащейся молодежи торжественно праздновалъ въ Петербургѣ день 25-тилѣтняго юбилея литературной дѣятельности почтеннаго поэта; торжество это нашло себѣ сочувственный откликъ и въ средѣ провинціальной интеллигенціи.

Лежащее предъ нами, только что вышедшее полное собраніе стихотвореній г. Гордона издано также, какъ значится на заглавномъ листѣ и въ предисловіи, „Кружкомъ любителей древне-еврейскаго языка въ С.-Петербургѣ“. Такимъ образомъ, наиболѣе интеллигентная часть еврейскаго общества по достоинству оцѣнила литературное значеніе г. Гордона. Что же, послѣ этого, остается сказать критикѣ о популярномъ поэтѣ?

Критикѣ многое остается сказать, почти все. Вниманіе и сочувствіе, выказанныя поэту значительной частью читающей публики, какъ бы велики они ни были, еще не могутъ служить полнымъ и единственнымъ критеріемъ его произведеній. Судя по фактамъ, мы склонны думать, что общественное мнѣніе чествовало въ г. Гордонѣ не столько поэта, затрогивающаго животрепещущіе жизненные интересы, сколько образцоваго писателя на *древне-еврейскомъ* языкѣ; выражалось большее сочувствіе къ тому, что онъ пишетъ на священномъ языкѣ, чѣмъ къ тому, что онъ пишетъ на этомъ языкѣ. Въ этомъ смыслѣ г. Гордона признали *національнымъ* поэтомъ: именно въ смыслѣ поэта, употребляющаго національный языкъ, а не поэта, рисующаго національныя черты, черты далеко не всегда положительныя и часто жестоко караемыя поэтомъ... Но если общественное мнѣніе, чаще всего одностороннее и подверженное случайнымъ вліяніямъ, исполнило свою обязанность по отношенію къ поэту, видя въ немъ главнымъ образомъ воскресителя древне-еврейской рѣчи, то на обязанности критики лежатъ выяснить литературное и общественное значеніе поэзіи г. Гордона со стороны ея содержанія. Критика, конечно, не должна игнорировать тотъ существенный атрибутъ, что эти поэтическія творенія писаны чуднымъ, величественнымъ языкомъ псалмопѣвца и древнихъ пророковъ, и видѣть въ этомъ обстоятельстве особую, немаловажную заслугу автора, содѣйствующаго возрожденію древне-еврейской рѣчи,—но критика вмѣстѣ съ тѣмъ не должна проглядѣть содержимое изъ-за сосуда.

Дѣйствительно, все значеніе и отличительный характеръ поэзіи г. Гордона заключаются въ томъ, что онъ первый изъ ново-еврейскихъ поэтовъ внесъ въ поэзію серьезное, жизненное содержаніе. Его предшественники слишкомъ много заботились о формѣ, о языкѣ, и слишкомъ мало о содержаніи своихъ произведеній.

Даже крупнѣйшіе изъ этихъ предшественниковъ, какъ, напримѣръ, отецъ и сынъ Лебенсоны, эти столпы вновь возрожденной еврейской поэзіи, не были свободны отъ этихъ недостатковъ. Раскройте „Пѣсни священнаго языка“ Лебенсона-старшаго, эту классическую книгу новоеврейской поэзіи: добрыхъ три четверти этой книги заняты пространными, тянущимися иногда на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, одами къ государямъ и высокооставленнымъ лицамъ, массою стихотвореній и посланій поадривительныхъ, нежрологическихъ и, вообще, написанныхъ къ разнымъ частнымъ лицамъ по различнымъ обиденнымъ случаямъ,—словомъ, это — собраніе стихотвореній, носящихъ у англійскихъ поэтовъ названіе „occasional pieces“—стихотвореній по случаю—и написанныхъ высокопарнымъ библейскимъ языкомъ, что еще болѣе отгѣняетъ скудость и подчасъ наивности ихъ содержанія. Остальная четверть книги посвящена стихотвореніямъ, воспѣвающимъ, обыкновенно очень пространно, весну, дѣянія Творца, или разсуждающимъ (именно—разсуждающимъ) о метафизическихъ матеріяхъ, въ родѣ „Познанія и Смерти“, и т. п. Очень мало найдется между этими стихотвореніями истинно лирическихъ вещей, продиктованныхъ пламеннымъ чувствомъ, согрѣтыхъ искренностью; вѣтъ и выдающихся эпическихъ твореній съ серьезнымъ, историческимъ или современнымъ, содержаніемъ. Одинъ только языкъ этихъ стихотвореній поражаетъ своей звучностью, силою и чисто-библейскимъ складомъ. Нѣсколько ниже, можетъ быть, по языку, но гораздо выше по содержанію поэтическія произведенія Лебенсона-сына, этого Шелли еврейской поэзіи, котораго смерть похитила на 24 году отъ роду. Въ двухъ маленькихъ сборникахъ его стихотвореній, въ „Пѣсняхъ Сіона“ и „Арфѣ Сіона“, встрѣчаются нѣсколько прекрасныхъ эпическихъ стихотвореній на библейскія темы, а также нѣсколько превосходныхъ, полныхъ страсти и энтузіазма лирическихъ стихотвореній. Но этотъ много-обѣщающій юноша-поэтъ былъ похищенъ смертью въ моментъ, когда его талантъ только началъ проявляться, прежде чѣмъ онъ успѣлъ создать что нибудь цѣльное, и немногія его произведенія остаются теперь только прелестнымъ, но печальнымъ фундаментомъ, на которомъ должно было воздвигнуться великолѣпное зданіе, неоконченное за смертью строителя.—Мы уже не говоримъ о второсте-

пенныхъ поэтахъ въ родѣ Леттериса, Лудцато, Эйкенбаума, представлявшихся то переводами Гесснеровыхъ идиллій и Ламартиновскихъ lamentaцій, то оригинальнымъ сочинительствомъ прескучныхъ «философскихъ» одъ, эпитогаъ и эпиграммъ.

Въ началѣ своей поэтической карьеры, и г. Гордонъ, повидающему, улекся общимъ теченіемъ и господствовавшимъ, тогда жанромъ сентиментально-правоучительной поэзіи; но по мѣрѣ созрѣванія его таланта, онъ бросилъ этотъ жанръ и выступилъ на путь оригинальнаго, жизненнаго творчества. Мы это увидимъ, когда прослѣдимъ хронологически проаведенія г. Гордона. Впрочемъ, самъ поэтъ указываетъ на это постепенное развитіе своего таланта. «По своему характеру и содержанію—говоритъ онъ въ предисловіи—собранныя здѣсь стихотворенія раздѣляются на двѣ серіи, относящіяся къ различнымъ періодамъ моей жизни: когда я былъ мечтательнымъ юношей, я, подобно всѣмъ моимъ сверстникамъ-поэтамъ, воспѣвалъ вещи болѣе или менѣе безразличныя; но когда я нѣсколько пожилъ и сталъ замѣчать всѣ темныя стороны въ жизни еврейскаго народа, я попытался проникнуть въ эту тьму, целеною облегающую насъ, — и тогда другой вѣтеръ подулъ въ струны моей лиры, вѣтеръ заунывный, печальный: результатомъ этого новаго настроенія были стихотворенія втораго изъ упомянутыхъ періодовъ» (Стихотворенія Гордона, т. I, стр. XIV).

Первый томъ лежащаго передъ нами новаго изданія произведеній г. Гордона занятъ «лирическими стихотвореніями». Въ этомъ томѣ, какъ и въ слѣдующихъ, заключающихъ «басни» и «эпическія стихотворенія», матеріалъ расположенъ преимущественно въ хронологическомъ порядкѣ. Это дѣлаетъ весьма удобнымъ слѣдить за развитіемъ таланта поэта и за его постепеннымъ переходомъ изъ области мечты въ область жизни. На первыхъ страницахъ перваго тома мы читаемъ раннія произведенія поэта, одни заглавія которыхъ выдають ихъ содержаніе: «Весенній холмъ», «Аннѣ», «Праздникъ Божій», «Вечеръ», «Кладбище» и т. п. Эти стихотворенія по большей части не отличаются особенной оригинальностью, но и въ нихъ порою встрѣчается сильная, блестящая образность, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ: «Аннѣ» и «Праздникъ Божій». Главный ихъ недостатокъ заключается, какъ намъ кажется, въ излишнемъ и неумѣстномъ піэтизмѣ, которымъ они проникнуты,

въ слишкомъ частыхъ упоминаніяхъ и прославленіяхъ Творца, придающихъ нѣкоторымъ изъ этихъ стихотвореній характеръ псалмовъ или старинныхъ набожныхъ одъ во вкусъ Жана-Баттиста Руссо и Ломоносова *. Намъ кажется, что глубокое пониманіе и изображеніе природы вовсе не нуждается въ этихъ приемахъ, отвергнутыхъ новѣйшей классической поэзіей. Природа именно и плѣняетъ насъ своей таинственностью, загадочнымъ обаяніемъ, производимымъ ею на душу мыслящаго человѣка,—и именно постольку, поскольку природа есть загадка, поскольку она необъяснима ни наукой, ни разумной теологіей, она входитъ въ область поэзіи; и часто для поэтическихъ натуръ, отвергающихъ теологическое міросозерцаніе, сама природа становится предметомъ восторженнаго культа... Когда же поэтъ вводитъ въ изображеніе природы личность всепроникающаго, всесозидающаго Бога, онъ тѣмъ самымъ даетъ уже объясненіе (безсомнѣнно, произвольное) явленіямъ природы и крайне умаляетъ ихъ обаяніе; мы уже тогда видимъ въ природѣ не чудную гармонію таинственныхъ, какъ-бы самозарождающихся силъ, а огромную мастерскую великаго, вѣчно-строющаго Техника, котораго мы всегда надѣлимъ болѣе или менѣе человѣческими атрибутами, какъ бы мы ни напрягали свою абстрактную способность. Такая поэзія можетъ вызвать извѣстный религиозный *Andacht*, но не любовь къ природѣ, ибо послѣдняя въ подобныхъ изображеніяхъ вполне скрывается за личностью Творца; но въ такомъ случаѣ поэтъ уже вторгается въ область теологіи, ничего общаго съ поэзіей не имѣющей. Мы бы привели

* Критикъ, очевидно, упустилъ слѣдующее: У древнихъ евреевъ не существовало понятія о природѣ. Все сосредоточилось въ лицѣ Бога. Это и есть отличительная черта между иудаизмомъ и эллинизмомъ. Боготвореніе природы и повело къ политеизму; монотеизмъ все приписываетъ единому Творцу. Въ св. писаніи нѣтъ даже названія для *природы*. Но это не мѣшаетъ современному мыслителю подъ еврейскимъ «Богомъ» разумѣть «Природу». Пророки и псалмопѣвецъ подъ дѣяніями Творца воспѣвали именно чудеса природы. Гумбольдтъ въ *Космосѣ* и Гердеръ въ „Geist d. hebr. Poesie“ въ этомъ смыслѣ и цитируетъ псаломъ 106 и другіе, весьма естественною образностію которыхъ они восхищаются. Позднѣйшіе лишь евр. философы изобрѣли для понятія «природы» выраженіе *רצון* и, для согласованія вышеназложенныхъ двухъ различныхъ воззрѣній выдумали апокалиптическое исчисленіе *רצון בנין* (86 численная сумма буквъ *רצון* (Богъ) равна численности буквъ *רצון* (природы).

Ред.

нѣсколько выдержекъ изъ трагическихъ стихотвореній въ подверженіе нашихъ соображеній, но это завело бы насъ слишкомъ далеко по предмету малосущественному въ занимающемся насъ теперь обзорѣ, а потому отсылаемъ, для проверки высказанныхъ мѣтвнй, къ самой книгѣ.

Есть между этими стихотвореніями и глубоко прочувствованныя, не обличающія ничего подражательнаго. Таково стихотвореніе—«Владбище», гдѣ поэтъ съ глубокою грустью размышляетъ о тѣхъ «проклятыхъ вопросахъ», которые вѣчно будутъ волновать мыслящее человѣчество; онъ потрисонъ, стоя среди могилъ и представляя себѣ замогильную нирванну; только вѣра въ безсмертіе души заставляеть его очнуться отъ этихъ печальныхъ, сердце леденящихъ мыслей.—Гораздо выше этого—стихотвореніе «Ночь на Лунѣ» (стр. 49—67), написанное гораздо позже. Здѣсь мы уже замѣчаемъ переходъ мысли поэта отъ неопредѣленной, туманной «міровой скорби» къ скорби болѣе реальной, той честной, правдивой скорби о судьбахъ еврейства, которая составляетъ обаятельную черту творчества г. Гордона. Содержаніе этого стихотворенія слѣдующее. Поэтъ въ одну прекрасную ночь возносится на колесницѣ заходящаго Феба въ небесное пространство и попадаетъ на луну. Здѣсь встрѣчаетъ онъ единственнаго обитателя этой планеты, ангела Загзеіеля. Обуреваемый вопросами о тайнахъ бытія, поэтъ предлагаетъ нѣсколько таинхъ вопросовъ ангелу; послѣдній ему разъясняетъ, что кругъ луны, обходящей ночью земное пространство, служитъ для Творца камерой-обскурой, гдѣ фотографически изображаются всѣ человѣческіе типы и дѣянія смертныхъ въ ихъ настоящемъ, необманчивомъ видѣ; но когда поэтъ проситъ показать ему кой-какія изъ этихъ изображеній—негативовъ, ангелъ ему даетъ благой совѣтъ—для собственнаго спокойствія, оставить свое безумное желаніе, и спускаеть его съ луны на крыльяхъ восходящаго Феба. Поэтъ, очутившись на землѣ, однако, не успокоивается, его все преслѣдуетъ неотступное желаніе попасть еще разъ на луну и хотъ глазкомъ посмотрѣть на тѣ завѣтныя изображенія, въ которыхъ можно видѣть правдивую, абсолютно-истинную картину земнаго человѣчества. Много онъ трудится, изобрѣтаетъ различные способы попасть на луну—никакъ не удается; онъ обращается за помощію и къ хасидскому

падку, коему дастъ установленный гонораръ, но на бѣду поэта одновременно съ нимъ въ вѣременной цадика находилась бездѣтная женщина, приходившая просить о превращеніи безплодія,—и вотъ падить, углубленный въ созерцаніе принесеннаго гонорара, перемѣшивается по разсѣянности талисманы, приготовленные для поэта и для бездѣтной женщины, и вручаетъ каждому изъ нихъ талисманъ, приготовленный для другаго, такъ что поэтъ сдѣлался отцомъ многочисленной семьи, а баба отправилась на небо. Но въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ мытарствъ, цѣль поэта достигается: онъ опять возносится на луну и посредствомъ подкупа склоняетъ ангела показать ему негативы челоуѣчества. И вотъ что онъ увидѣлъ:

Я увѣлъ на картинѣ роскошный дворецъ,
 Въ немъ—многое множество брешей,
 Штукатурка совсѣмъ обвалилась, и крыша паденьемъ грозитъ;
 Въ пыли тамъ гадины ползутъ,
 И старцы тамъ спать преспокойно,
 Не боясь разрушенья дворца;
 Но юноши вонъ изъ рудныя бѣгутъ,
 Черезъ окна спасаясь толпой.
 Что это? спросилъ я—и слышу отвѣтъ:
 „То домъ Израиля, то храмъ его въры!..“ (стр. 64).

Далѣе поэтъ увидѣлъ огромную, переполненную грязью яму, поперекъ которой сверху лежали длинные брусья; на брусьяхъ висѣли, головами внизъ, тысячи зарѣзанныхъ, кровью истекающихъ птицъ. «Не домъ-ли это рѣзника наканунѣ дня всепрощенія?»—спросилъ онъ своего крылатаго чичероне. «Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—это—хедеръ мелаидовъ, рѣзниковъ юности»... За тѣмъ поэтъ увидѣлъ обширное море, куда живьемъ бросаются и тонутъ еврейскія дѣти; онъ узнаетъ, что это—«море талмудейское». Много, много разрушенныхъ жизней, исковерканныхъ существованій, растоптанныхъ идеаловъ увидѣлъ поэтъ въ этомъ калейдоскопѣ современной еврейской жизни—и, пораженный всѣмъ видѣннымъ, терлетъ равновѣсіе и спиномъ падаетъ на землю. Не смотря на фантастическую и подчасъ юмористическую подкладку, стихотвореніе дышетъ глубокимъ, скорбнымъ чувствомъ и отличается необыкновенною силою и оригинальностью.

Послѣдующія лирическія стихотворенія, позднѣйшія и по вре-

мени ихъ написанія, еще рѣзче выискиваютъ новое направленіе творческой мысли поэта. Стихотворенія «Проснись, мой народъ!», «Путь моего народа», «Для кого я работаю?», «Пойдемъ, старъ и младъ!», «Моя сестра Рухама», «Божье стадо» — написаны подъ вѣяніями суровой дѣйствительности; въкоторыя въ нихъ продиктованы печальными событіями послѣднихъ лѣтъ. Стихотвореніе «Проснись, мой народъ» написано подъ вліяніемъ прогрессивныхъ, ассимиляціонныхъ вѣяній начала 60-хъ годовъ; это прелестная, гармоническая и полная энтузіазма пѣсня, написанная такимъ плавнымъ, популярнымъ слогомъ, что смѣло могла бы войти въ репертуаръ распространенныхъ народныхъ пѣсень *. Стихотвореніе начинается и оканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ, необыкновенно сильнымъ и выразительнымъ въ оригиналѣ, но, конечно, весьма блѣднымъ въ нашемъ прозаическомъ переводѣ:

Проснись мой народъ, доколь будешь спать?
Вѣдь ночь прошла и солнце засіяло.
Проснись, оглянись вокругъ себя
И узнай свое мѣсто и время!

Глубокою горечью дышетъ другое стихотвореніе: «Для кого я работаю?» Поэтъ подавленъ сознаніемъ, что его дѣятельность почти бесполезна, что онъ пишетъ на языкѣ недоступномъ для толпы; онъ обращается къ старому поколѣнію — оно его гонитъ, какъ вреднаго вольнодумца; молодое поколѣніе, обладающее общимъ образованіемъ, не хочетъ знать языка поэта, отворачиваясь отъ всего національнаго; «лдери Сиона» подавно не могутъ понимать поэта, такъ какъ онѣ по традиціи получаютъ невѣжественное воспитаніе и о библейскомъ языкѣ не имѣютъ и понятія; «дѣтя» же, подроставшее поколѣніе, вѣроятно, пойдутъ еще дальше, чѣмъ вышнее поколѣніе, и поэтъ даже не можетъ провидѣть границу, гдѣ остановится оно въ своемъ натискѣ впередъ... Остается только удручающее сознаніе, что всѣ свои силы посвящаешь тѣмъ немногимъ «уединеннымъ колосьямъ», которые теперь еще тамъ и сямъ виднѣются на еврейской нивѣ; тѣмъ немногимъ,

* Если не ошибаемся, популярная, всадѣ распѣваемая среди евреевъ пѣсенька, начинающаяся словами „Steh' auf mein Volk“ составляетъ прямой жаргонный переводъ этого именно стихотворенія г. Гордона.

Кому еще мила Сіона слова,
Кому еще мила Сіона навѣны.

«Вамъ-то!—вослицаетъ поэтъ въ пылу удрученнаго чувства,—

Вамъ въ жертву я сердце несу, возліюшемъ
Пусть будутъ вамъ слезы мои. Я рыдаюшемъ
На вашей груди облегчусь отъ тревогъ.
При мысли въ груди не могу сдержать стога,
Что, можетъ, послѣдній пѣвецъ я Сіона,
Послѣдніе вы, кто-бы читалъ меня могъ*.

Есть много горькой правды въ этихъ сѣтованіяхъ поэта; но сѣтованія эти гораздо болѣе справедливы относительно близкаго, можетъ быть, будущаго, чѣмъ относительно настоящаго. Правда, недавно возрожденная новоеврейская литература клонится все болѣе къ упадку; но писатель или поэтъ съ дѣйствительно крупнымъ талантомъ не можетъ еще нынѣ остаться совершенно непонятымъ. Сама популярность г. Гордона могла бы служить тому лучшимъ доказательствомъ**.

Стихотворенія «Старъ и Младъ», «Сестра Рухама» и «Божье Стадо» навѣяны, очевидно, послѣдними печальными событіями. Въ первыхъ двухъ поэтъ утѣшаетъ еврейскій народъ въ его горѣ, напоминаетъ ему о трагическомъ прошломъ и высказываетъ убѣжденіе, что если вамъ суждено взяться опять за страннической посохъ, мы оვაжемся вполне достойными своихъ мучениковъ-предковъ. Эмиграціонныя стремленія послѣдняго времени отражаются и въ призывахъ поэта «пойти въ страну, гдѣ свѣтъ свободы оваряетъ каждое существо, гдѣ любить всѣхъ созданныхъ по подобію Божию, гдѣ никому не приходится стыдиться своего происхожденія и вѣры»... Третье изъ этихъ стихотвореній посвящается автору извѣстной книги «Autoemancipation» и составляетъ какъ бы поэтическое возраженіе на доводы этой книги. «Вы спрашиваете—говоритъ поэтъ,—что мы такое составляемъ: націю или религиозную корпорацію? Вотъ вамъ отвѣтъ: мы—ни то, ни другое; мы—Божье стадо, стадо священныхъ овецъ, предназначенныхъ для жертвенника; пастухи наши стригутъ насъ немилосердно, го-

* По русскому переводу Я. Штейнберга.

** Поэтъ самъ говоритъ это себѣ въ утѣшеніи въ своемъ «Посвященіи» къ издателямъ, помѣщенномъ въ началѣ изданія.

нять насъ на пустынныхъ пастбища и волчески насъ истощаютъ; волки насъ повсюду ѣдятъ; цѣлые вѣла тинемъ мы эту тяжелую лямку и все-таки не возьмемъ за умъ, не сплотимся для общаго дѣла, и вѣчно будемъ ходить въ разбродъ, сохраняя всѣ свои стадныя свойства».

На обзорѣ втораго изъ лежащихъ передъ нами томовъ мы не будемъ долго останавливаться. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ весьма популярную «книгу басенъ», заимствованныхъ авторомъ преимущественно у Лафонтена и Крылова и изложенныхъ имъ необыкновенно яснымъ и легкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцовымъ библейскимъ языкомъ. Авторъ не держится рабски своихъ подлинниковъ, но перерабатываетъ и часто видоизмѣняетъ ихъ сообразно духу и понятіямъ еврейства. Нравоучительныя заключенія при басняхъ часто весьма обстоятельны и оригинальны. Образцовый слогъ, легкость и ясность формы, наконецъ, само содержаніе дѣлаютъ эту книгу чрезвычайно пригодною въ педагогическомъ отношеніи; книга могла бы имѣть (а можетъ быть въ нѣкоторой степени уже имѣетъ) для еврейскаго юношества такое же классически-воспитательное значеніе, какъ басни Лафонтена—для французскаго, или басни Крылова—для русскаго юношества*.

Третій и четвертый томы стихотвореній г. Гордона содержатъ въ себѣ всѣ эпическія произведенія поэта, причѣмъ третій томъ заключаетъ въ себѣ историческія, а четвертый — современные эпопеи. Разсмотримъ каждый изъ нихъ отдѣльно.

«Любовь Давида и Михалъ» — такъ называется первая историческая эпопея и вмѣстѣ съ тѣмъ первое произведеніе поэмы г. Гордона. Это — обширная поэма, дѣлящаяся, по образцу древне-классическихъ эпопей, на двѣнадцать пѣсень. Поэма имѣетъ своимъ сюжетомъ библейскій разсказъ о любви Михалъ, дочери царя Саула, къ Давиду, впоследствии замѣстившему Саула на тронѣ Іудеи. Одинъ этотъ сюжетъ самъ по себѣ еще не могъ-бы служить кан-

* На сколько намъ извѣстно, книга эта въ первомъ изданіи была приобретена нашимъ Мин. Нар. Пр. для библиотекъ еврейскихъ училищъ. Караннами она введена какъ учебникъ въ ихъ школы, а знаменитый ориенталистъ д-ръ Штейншнейдеръ въ Берлинѣ, по чорученію изв. Давида Сассона, составилъ изъ нея хрестоматію, для употребленія въ евр. училищахъ, содержимыхъ имъ, Сассономъ въ Вестандіи.

вою для обширной поэмы, тѣмъ болѣе, что въ библии сохранились лишь самыя неопредѣленныя свѣдѣнія объ исторіи любви Давида и Михалъ; но только въ связи съ полной драматичею исторіей царя Саула и Давида и ихъ временныхъ отношеній—такой сюжетъ, дѣйствительно, представляется весьма благодарнымъ (не сважемъ: *новымъ*, такъ какъ исторія Саула и Давида издавна уже служила излюбленною темой многихъ поэтовъ, еврейскихъ и нееврейскихъ). Пастухъ Давидъ, убивающій великана Голиафа, успокоивающій чудными звуками своей арфы бѣшенныя припадки Саула; страданія Давида, преслѣдуемаго завистливымъ и безумнымъ царемъ, его бѣгство и долги печальныя скитанія, кончившіяся только съ трагическою смертію Саула—вотъ вамъ образъ героя, являющагося одновременно и неустрашимымъ, побѣдоноснымъ воиномъ, и мечтательнымъ поэтомъ, воспѣвающимъ свое прежнее пастушеское житье, и мученикомъ-скитальцемъ. Такого человѣка не могла не полюбить прекрасная и благородная Михалъ; Давидъ ее тоже страстно полюбилъ; между влюбленными стоитъ жестокой отецъ—Саулъ;—вотъ и словная драматическая коллизія готова. Поэтъ ею воспользовался, прибавивъ къ ней, въ видѣ развязки, эпизодъ о послѣдовавшемъ охлажденіи царя Давида къ Михалъ, эпизодъ, воспроизведенный поэтомъ на основаніи нѣсколькихъ намековъ въ библии и разныхъ легендъ въ ивдрашѣ..

Поэма «Любовь Давида и Михалъ» имѣетъ, въ общемъ, крупныя художественныя достоинства: превосходная поэтическая форма, глубокая драматичность сюжета etc. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не свободна и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Тамъ, описательная часть страдаетъ чрезмѣрною растянутостью и несоразмѣрна съ частью повѣствовательною; описанія природы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, равно какъ частыя лирическія отступленія, гдѣ поэтъ возвышеннымъ слогомъ старинныхъ одъ прославляетъ неисповѣдимыя пути Господни, или разсуждаетъ о роковой силѣ чувствъ любви, зависти и о переизмѣчивости судебъ человѣческихъ,—все это слишкомъ длинно и нарушаетъ гармонію цѣлаго. Эти недостатки въ произведеніи, въ общемъ столь талантливымъ, слѣдуетъ безсомнѣнно приписать тому обстоятельству, что поэма «Любовь Давида и Михалъ» есть юношеское произведеніе г. Гордона, впервые имъ дебютировавшаго въ литературѣ лѣтъ тридцать тому назадъ. Какъ

первый дебютъ, это произведеніе, обладающее, повторяемъ, многими художественными достоинствами; могло уже тогда обвинить въ своемъ авторѣ недоужинное дарованіе и предречь ему самую завидную будущность.

Остальные историческія эпохеи, помѣщенныя въ третьемъ томѣ, имѣютъ большей частью своимъ сюжетомъ, подобно предыдущей, библейскіе рассказы. Поема «Аенатъ, дочь Пентефрѣи» имѣетъ сюжетомъ любовь Іосифа Прекраснаго и дочери его господина, Пентефрѣи; между влюбленной молодой парой стоитъ страстная Зулейка, жена Пентефрѣи, безумно влюбленная въ Іосифа, но не встрѣчающая взаимности съ его стороны; долго вздыхаютъ и томятся молодые люди, но, наконецъ, съ освобожденіемъ Іосифа изъ тюрьмы и приближеніемъ его къ вершину власти въ Египтѣ, любовь ихъ увѣнчивается бракомъ. Въ поэмѣ есть много отдѣльных сценъ, чрезвычайно художественныхъ и превосходящихъ отдѣльных; но ансамбль ея производитъ далеко не сильное впечатлѣніе. Это объясняется тѣмъ, что характеры главныхъ героевъ, Іосифа и Аенатъ, очерчены чрезчуръ блѣдно, въ особенности характеръ героини; Аенатъ является въ ходѣ разсказа какимъ-то вялымъ лимфатическимъ существомъ, любящимъ цѣломудренно, но не страстно; про себя она горюетъ, но крѣпко боится * напеченьи и маменьки. Такимъ же пассивнымъ характеромъ отличается и Іосифъ; онъ самъ ** ничего не дѣлаетъ для торжества своей любви; за него все дѣлаютъ вѣшнія, неожиданныя обстоятельства. Разумѣется, что такіе герои не могутъ придать поэмѣ надлежащей силы и драматичности. Поэтъ, повидимому, жертвовалъ здѣсь драматичностью ради исторической точности; но такой ригоризмъ въ поэзіи едва-ли лужень и полезень.—Вѣдностью сюжета отличается и слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное «Давидъ и Варзалай» ***; имѣющее основаніемъ разсказъ, приведенный во второй книгѣ Самуила, гл. ХІХ, стихи 32—40. Но сюда вложена по крайней мѣрѣ добрая тенденція: престарѣлый и честный настухъ

* Здѣсь критикъ, очевидно, упустилъ изъ виду духъ описываемаго времени и нравовъ страны. *Ред.*

** Это не совсѣмъ вѣрно: Аенатъ обращаетъ вниманіе царевны на Іосифа, а Іосифъ прямо проситъ Аенатъ у Фараона въ награду за свои услуги. *Ред.*

*** Эта идиллія писана на раньше еще „Давидъ и Махаль“. *Ред.*

никакъ не соглашается идти во дворецъ къ Давиду, предпочитая легкой и суетливой придворной жизни спокойную трудовую жизнь на лѣнѣ приrody.

Болѣе существенными достоинствами отличается поэма „Седекія въ темницѣ“, сюжетъ которой относится къ эпохѣ разрушенія перваго храма. Несчастный король, у котораго Навухадносоръ отнял зрѣніе, предварительно зарѣзавъ на его глазахъ дѣтей, сидитъ въ ужасной темницѣ; мысли его носятъ вокругъ развалинъ только-что разрушеннаго Іерусалима, вокругъ окровавленныхъ труповъ его дорогихъ дѣтей... Страстныя жалобы на судьбу вырываются изъ груди несчастнаго короля и отца. Зачѣмъ ему вмекно выпала такая жестокая доля? Развѣ онъ не правилъ добросовѣстно, не жертвовалъ собою для спасенія народа? Нѣтъ, онъ свято исполнилъ свой долгъ; но онъ наказанъ за то «что не послушался Іеремія» (такъ вѣщалъ ему пророкъ). «Не послушался Іеремія», этого измѣнника, увѣщавшаго передать городъ врагамъ, подчиниться безъ борьбы вавилонскому деспоту; этого лицемеря, кричавшаго въ разгарѣ войны за народную свободу о предосудительности носить въ субботніе тяжести дни, увѣщавшаго народъ положить оружіе и взяться за молитву и за тору!.. И это неповиновеніе правдному проповѣднику ставится ему, Седекіи, въ вину, которую онъ теперь такъ страшно искупаетъ! Несчастному узнику припоминается, какъ всегда въ исторіи еврейскаго народа кровавою чертою проходитъ эта борьба между свѣтской и духовной властью, между королями и жрецами-пророками. Короли всегда стремились къ охраненію политической независимости народа, къ охраненію Израиля отъ порабощенія; пророки же всегда подрывали эти стремленія, становясь на сторону деспотовъ-покорителей; всегда кричали они о необходимости покаянія, боговслушанія и безпрекословнаго соблюденія всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Набожность и условная обрядность ставилась ими выше народной свободы, народнаго благоденствія; спасеніе души по сомнительнымъ рецептамъ предпочиталось ими матеріальному благоденствію народа, царствіе небесное—царству земному! Неужели Іегова, во имя коего они вѣщаютъ, можетъ имъ внушать такіа извращенныя понятія о религіозности и нравственности?... Слѣпецъ духовными очами прозрѣваетъ будущее; онъ видитъ какъ

въ дали вѣковъ *Свобода* Іудей рушится, а на ея мѣстѣ воздвигается всеохватывающій *Законъ*; онъ видитъ народъ поголовно книжный, поголовно набожный, но приниженный, рабѣльщный и презираемый... Въ патетическихъ жалобахъ, влагаемыхъ въ уста Седекии, поэтъ возвышается до того страстнаго лиризма, который всегда охватываетъ его, когда онъ касается историческихъ судебъ многострадальнаго еврейскаго народа. Примѣры этому мы видѣли выше въ его лирикѣ; еще болѣе блестящіе примѣры мы увидимъ ниже, при обзорѣ его современныхъ эпопей.

Подобная же тенденція проглядываетъ и въ поэмѣ «Въ пасти льва», сюжетъ которой основанъ на талмудическомъ сказаніи, относящемся къ эпохѣ разрушенія втораго храма. И здѣсь духовные вожди народа съ преступнымъ равнодушіемъ относились къ покоренію Іудей Римомъ и даже содѣйствовали передачѣ Іерусалима въ руки римлянъ, между тѣмъ какъ свѣтскіе вожди—золоты героически сражались за независимость Іудей до послѣдней капли крови. Въ числѣ этихъ героическихъ борцовъ за народную свободу былъ и герой поэмы, Симеонъ, который послѣ взятія города былъ привезенъ въ Римъ въ качествѣ плѣнника; туда же была продана въ качествѣ рабыни и прѣжняя возлюбленная героя, Марта. Случилось, что въ одинъ праздникъ сатурналій Симеонъ, осужденный на страшную гладиаторскую смерть въ борьбѣ съ разъяреннымъ львомъ, увидѣлъ въ числѣ зрителей свою возлюбленную Марту, сопровождавшую въ циркъ свою госпожу. Марта въ свою очередь замѣтила своего возлюбленнаго... Долго длилась потрясающая борьба между юношей героемъ и страшнымъ звѣремъ, и когда послѣдній мигъ насталъ и Симеонъ палъ растерзаннымъ, упала замертво и одна изъ зрительницъ: это была Марта... Поэма написана превосходно и производитъ сильное впечатлѣніе.

Двѣ другія поэмы: «Женщина и ея дѣти» и «Въ пучинахъ моря» также имѣютъ своими сюжетами сказанія, взятія изъ еврейской мартирологіи. Первая основана на известномъ разсказѣ (въ апокрифической книгѣ «Маккавей») о матери и ея семи сыновьяхъ, понесшихъ мученическую смерть за нежеланіе покориться безбожнымъ приказаніямъ македонскаго деспота Антиоха. Вторая поэма беретъ свой сюжетъ изъ средневѣковой мартирологіи евре-

евъ, а именно изъ исторіи изгнанія евреевъ изъ Испаніи. Объ обѣихъ этихъ эпопеяхъ можно сказать то же самое, что о предидущихъ: превосходная форма и сильная образность.

Перейдемъ теперь къ той части поэзіи г. Гордона, которая, по нашему мнѣнію, наилучше характеризуетъ его талантъ и яснѣе всего опредѣляетъ его высокое литературное значеніе, — къ *современнымъ эпопеямъ*. Мы убѣждены, что еслибъ г. Гордонъ ничего не написалъ кромѣ этихъ эпопей, онъ бы и тогда былъ вполне достоинъ той обширной славы, которую онъ нынѣ пользуется. Въ этихъ превосходныхъ, изъ жизни выхваченныхъ поэмахъ, написанныхъ преимущественно въ послѣднее десятилѣтіе, талантъ поэта достигъ своего апогея, своей полной зрѣлости. Чѣмъ больше мы вдумываемся въ эти произведенія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что въ нихъ-то поэтъ нашелъ свою настоящую дорогу, что въ нихъ онъ чувствуетъ себя болѣе всего *chez soi*. Именно эти поэмы писаны кровью сердца поэта, писаны съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ боли и страданія, съ тѣмъ горячимъ паэосомъ, часто скрытымъ, но всегда присутствующимъ, который овладѣваетъ проповѣдникомъ, говорящимъ предъ испорченной толпой, пророкомъ, бичующимъ дурные нравы; въ нихъ-то намъ слышится голосъ,

Той музы плачущей, скорбящей и болящей,

которая досталась въ удѣлъ и великому русскому поэту, и лучшему еврейскому поэту, — и послѣднему, можетъ быть, не съ меньшею справедливостью чѣмъ первому. Много грустнаго, трагическаго есть въ современной жизни русскихъ евреевъ. Мученичество евреевъ далеко не окончилось съ средними вѣками. Средніе вѣка оставили евреямъ въ наслѣдіе нѣчто такое, что до сихъ поръ служитъ для нихъ источникомъ безчисленныхъ страданій и неурядицъ: они оставили имъ отчужденіе, замкнутость, чудовищную искаженную религиозную обрядность и ужасный мистическій сумбуръ въ головахъ. Это жалкое, ветхое наслѣдіе болѣе всего лелѣютъ, имъ болѣе всего дорожатъ русскіе евреи. И эти средневѣковныя наросты болѣе всего безобразятъ бытъ русскихъ евреевъ, служатъ тормазомъ всякому прогрессу и порождаютъ безчисленныя аномаліи въ ихъ внутренней и внѣшней жизни... Чуткій и искренній поэтъ, обла-

дающій не только поэтическимъ талантомъ, но и глубокимъ знаніемъ исторіи и современной жизни евреевъ, не могъ не видѣть этихъ безотраднѣхъ явленій еврейской жизни, не могъ смотрѣть на нихъ, безучастно и пройти ихъ равнодушнымъ молчаніемъ. Онъ понималъ, что еврейскій поэтъ менѣе всего рожденъ «для звуковъ сладкихъ и молитвъ»; что мыслящему поэту необходимо присоединить къ мягкой гармоніи своей лиры суровый и гнѣвный укоръ пророка, казнящаго своимъ словомъ зло и порокъ... И результатомъ этого сознанія явились его «современныя эпопеи».

Въ прелестномъ стихотвореніи, служащимъ какъ-бы предисловіемъ къ «современнымъ эпопеямъ», поэтъ высказываетъ свое новое поэтическое *credo*. Съ молодости былъ онъ любимцемъ нѣжной музыки; она ему пѣвала про любовь, про красу природы, про надежду и лучшее будущее. Но вдругъ произошла въ немъ быстрая переměна: прежнія сладкія мечты улетучились—и ужасныя видѣнія начали его тревожить. «Это видѣнія—говоритъ поэтъ—показали мнѣ мой народъ въ его крайней приниженности, они мнѣ показали его безчисленныя язвы развѣдающее его зло и источникъ его бѣдъ: они мнѣ показали его блуждающихъ предводителей и лжеучителей—и сердце мое сокрушилось, жолчь во мнѣ разлилась, лира моя ударилась въ плачь и жалобой сдѣлась пѣснь моя.—Съ тѣхъ поръ я не пою ни радости, ни нѣги; не жду ни свѣта, ни свободы; но пою злобу дня, пою вѣчное рабство, вѣчное униженіе, и перлы, красующіеся на шеѣ моей музыки—ничто иное, какъ капли слезъ, пролитыхъ мною о гибели народа моего.

Съ тѣхъ поръ моя муза, какъ воронъ, черна,
Полна и проклятій и жалобъ,
И плачетъ, какъ эхо въ пустынѣ Хорива,
О пастыряхъ злыхъ и покорной толпѣ...

«Я уже не могу больше пѣть — продолжаетъ поэтъ—я могу только плакать и жаловаться... Изъ любви къ моему народу, я укажу пастырямъ его ихъ грѣхи и учителямъ его—ихъ преступленія. Я выберу изъ всѣхъ уголковъ нашего ученія всякую нелѣпность, я розыщу всякаго ядовитаго змѣеныша, гдѣ-бы онъ ни находился, и выставлю ихъ на шесть предъ свѣтомъ: пусть смо-

трать на нихъ укушенные: * можетъ бить, исцѣлятся они, если только еще есть для нихъ лекарство, если еще остались въ нихъ привнави жизни»...

Вотъ поэма «Кюцо шелъ іодъ» (одна іота, или изъ-за пустаковъ), изображающая трагическую судьбу еврейской женщины. Поэмѣ предпослано лирическое введеніе, напоминающее Некрасовское:

Три тяжкія доли имѣла судьба:

И первая доля—съ работою повѣчаться, etc.

Здѣсь поэтъ блестяще изображаетъ главные моменты въ жизни еврейской женщины; получается потрясающая картина. Тяжка доля русской крестьянки, но не менѣе, если не болѣе, тяжка участь средней еврейской женщины. Она не только «жена раба» и «мать сына раба», но она сама рабыня—не мужа, а существующаго порядка вещей, существующихъ у евреевъ отношеній къ женщинѣ. «Кто знаетъ жизнь твою, еврейская женщина?—воскликаетъ поэтъ. Безвѣстно твое начало, безвѣстенъ и конецъ твой. Твое горе и твои радости, твои ожиданія и желанія рождаются и умираютъ въ тебѣ самой. Всѣ земныя блага и удовольствія созданы для дочерей другихъ народовъ, а не для тебя. Твоя жизнь—вѣчное рабство, вѣчное безвыходное пребываніе въ лавкѣ. Рожашь, кормишь грудью, воспитывашь, печешь и варишь—и безвременно вянешь. Что за польза, если Богъ тебя одарилъ красотою, чувствительнымъ сердцемъ и способностями? Вѣдь ученіе для тебя считаютъ глупостью, красоту—позоромъ, способности—недостаткомъ и знаніе—вредомъ; вѣдь слушать голосъ твой признается постыднымъ, смотрѣть на твои волосы—преступленіемъ, да и всю тебя считаютъ сосудомъ, полнымъ нечистотъ **... Тебя гонять изъ школы, гонять изъ синагоги... Хорошо, что ты не понимаешь языка своихъ предковъ, что тебя не пускаютъ въ синагогу: такъ ты хоть не слышишь, какъ твои поносители ежедневно благословляютъ Бога за то, «что Онъ ихъ не создалъ женщинами», одновременно благословляя Его за то, «что Онъ не

* Намекъ на числа XXI,9.

** Все это—аттестация о женщинахъ талмуда. Въ практической жизни эти понятія сказываются въ цѣлой массѣ оскорбительныхъ ограниченій и обрядовъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ.

сотворилъ ихъ ламиниками и рабами»... На тебя смотреть, какъ на курицу, предназначенную для рожанія цыплятъ, какъ на работающую или дойную корову. Стоитъ-ли, послѣ этого, тебя учить? Зачѣмъ даромъ трудиться надъ твоимъ воспитаніемъ, когда слѣдующій твоему совѣту попадаетъ въ адъ (изреченіе талмуда)?... Выходишь ты замужь — знаешь-ли человѣка, за котораго выходишь? Любила-ли ты его, видѣла-ли хоть въ лицо? Любишь-ли ты?—Несчастливая, развѣ не знаешь, что любви въ сердцѣ дщери израилевой не полагается? Сорокъ дней до твоего рожденія мужъ тебѣ уже приготовленъ на небесахъ (изреченіе талмуда), и что пользы, если ты будешь выбирать? Что тебѣ въ любви? Не знали ея и наши матери. Нѣчто мы блудницей сдѣлаемъ сестру свою?.. Глубже, глубже прячь свое лицо подъ свадебную вуалью; бритвѣ предай свои косы. Зачѣмъ тебѣ смотрѣть на того, кто рядомъ съ тобой стоитъ: горбатый-ли онъ или чахоточный, старъ-ли онъ или молодъ? Вѣдь тебѣ все равно: не ты-же выбираешь, родители сдѣлали этотъ выборъ, они надъ тобой властвуютъ, они передаютъ тебя изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Нечто не евреи они, что спросятъ дѣвки? Мужъ твой — и онъ не воспитанъ какъ должно, и онъ не приготовленъ къ роли хозяина. Вотъ кончатся годы его жизни за столомъ тестя, потеряетъ онъ приданое, поокруглится число ребятъ—онъ и голову потеряетъ; мечется туда-сюда и, не видя предъ собою дороги, не видя исхода, ударитъ куда глаза глядятъ и оставитъ тебя вѣчной вдовой.. Такова исторія еврейской женщины!» *...

Такова была и исторія героини поэмы, красавицы Бать-Шуа... Къ сожалѣнію мы не можемъ не растягивая чрезчуръ нашего обзора, передать здѣсь подробное содержаніе этой превосходной поэмы; но чтобы представить хоть какіе нибудь *pièces justificatives* для нашихъ сужденій, мы передадимъ ея содержаніе хоть въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Бать-Шуа была единственная дочь раби Хейфера, содержателя почтовой станціи и гостинницы въ одномъ изъ богоспасае-

---

* Мы здѣсь дали простой прозаическій переводъ нѣкоторыхъ строфъ поэмы. Имяне, полагаемъ, замѣтить, какъ много эти чудныя почти непереводаемыя строфы теряютъ въ такомъ переводѣ, можемъ передать только содержаніе, но не форму.

мыхъ градовъ «черти». Семнадцать лѣтъ ее выдали замужъ—конечно, не справляясь съ ея желаніемъ — за большаго «илуа» — талмудиста, не понимавшаго ни аза «виѣ четырехъ локтей галахи» и составлявшаго гордость своего отца—кабатчика и вождѣніе всѣхъ еврейскихъ родителей, имѣвшихъ дочерей-невиѣсты. Этотъ-то перлъ былъ выуженъ изъ навозной кучи раба Хейферомъ и соединенъ узамъ брака съ Бать-Шуой, которой всѣ самки еврейскаго муравейника, конечно, очень завидовали. Злые языки говорили, будто сама красавица-невиѣста плакала по ночамъ въ ожиданіи этой свадьбы, но поэтъ рѣшительно отказывается этому вѣрить. «Плакала! Съ чего ей вдругъ плакать? Доселѣ она была ничѣмъ, вступаномъ, теперь же ея славный женихъ сдѣлаетъ изъ нея что нибудь порядочное. А если онъ (женихъ) и не смыслитъ въ мірскихъ дѣлахъ, за то онъ «горами ворочаетъ» въ спорахъ Абая и Равы; если онъ и не знаетъ ремеслъ и языковъ, то знаетъ же онъ что «женщина обручается тройкимъ путемъ»; если онъ и не видалъ отъ роду «цурать матбеа» (формы монеты, т. е. не изъ міра сего), зато вѣдь онъ имѣетъ чистоганомъ тысячу листовъ гемары, приправленныхъ «Маршо» и «Пне-іегошуа». Развѣ и этого тебѣ недостаточно, любезная Бать-Шуа... Сыграли свадьбу, конечно, торжественно, при звукахъ музыки. «Но что это за раздрающій сердце вздохъ раздается и гложетъ въ шумѣ музыки?—спрашиваетъ поэтъ. Это — не вздохъ, — иронически отвѣчаетъ онъ,—это трескъ отъ глинянаго горшка, разбиваемаго въ память разрушенія Іерусалима... «Да! восклицаетъ поэтъ,—мы цѣлныя тысячелѣтія помнимъ и твердимъ про разрушеніе одного города, а на разрушеніе *нации* мы смотримъ равнодушно; въ трескъ разбиваемыхъ при вѣнчаніи горшковъ мы не слышимъ мучительныхъ стонновъ загубленныхъ нашихъ дѣтей!»..

Прошли три года жизни на счетъ тестя; мужъ занимался молитвами и талмудомъ, жена рожала и кормила дѣтей. Настало время своимъ домикомъ устроиться. Вьются не за что: длиннополая и пейсатая тварь, именуемая Гилелемъ (онъ же мужъ Бать-Шуи) ни къ чему неспособенъ; капиталовъ вспомогательныхъ также нѣтъ, ибо почтосодержатель Хейферъ съ приведеніемъ желѣзной дороги обѣднѣлъ. Гилель туда-сюда—нигдѣ не оказывается способнымъ; а между тѣмъ семья растетъ и вмѣстѣ съ нею нужда.

И вотъ въ одно прекрасное утро, Гилель оставляетъ жену и дѣтей и пускается по міру «искать счастья». Бать-Шуа нитается между тѣмъ съ семействомъ изъ доходовъ устроенной ею жалкой лавчонки, гдѣ она съ утра до вечера сидитъ... Проходить два-три года—о Гилелѣ ни слуху, ни духу, словно въ воду канулъ. Бать-Шуа уже приобрѣла новое имя въ городѣ: «агуне» (вѣчная вдова)—вотъ какъ ее теперь прозвали.

На одно мгновеніе счастье было улыбнулось Бать-Шуѣ. Въ нее влюбился одинъ просвѣщенный еврей-инженеръ, Фаби, видѣвшій ее частенько въ ея лавчонкѣ; красавица сначала дичилась его, но потомъ привязалась къ этому доброму, любящему ее человѣку. Фаби удалось напасть на слѣдъ Гилеля, ведшаго бродяжническую жизнь въ Ливерпулѣ; влюбленная чета рѣшила, по вытребованіи отъ него разводнаго акта, сочетаться бракомъ. Разводный актъ былъ дѣйствительно присланъ Гилелемъ женѣ, по уплатѣ ему послѣдней потребованной имъ контрибуціи... казалось бы всего одинъ шагъ къ счастью. Но не то судилъ рокъ. Когда разводный актъ получился и Бать-Шуа его представила мѣстному раввину для утвержденія, велемудрый раввинъ призналъ актъ этотъ неимѣющимъ никакой силы на томъ основаніи, что въ имени мужа (Гилель) была пропущена буква *i*, что, согласно ученію позднѣйшихъ раввиновъ лишаетъ развода всей силы. Правда, ореографія гласитъ, что въ словѣ Гилель буквы *i* не полагается; но вѣдь «Шухонъ Орухъ», стоящій выше всякой ореографіи и даже всякой логики, утверждаетъ противное,—и раввинъ рѣшить иначе не могъ. Гилель же между тѣмъ уѣхалъ на кораблѣ въ Америку и гдѣ-то пропалъ безъ вѣсти. И вотъ Бать-Шуа опять остается «агуной» на этотъ разъ уже навсегда... Такъ разрушилось счастье двухъ людей, двухъ любящихъ существъ...

Теперь въ городѣ N. у вокзала желѣзной дороги ежедневно встрѣчаютъ нестарую еще, красивую женщину, одѣтую въ лохмотья, изнуренную и согбенную; рядомъ съ нею, съ обѣихъ сторонъ, волочатся двое дѣтей, оборванныхъ и босыхъ; женщина эта несетъ воровъ съ съѣстными припасами и предлагаетъ проходящимъ покушать что-нибудь у нея... «Кто ты, несчастная?—спрашиваете вы ее. Твое лицо свидѣтельствуетъ, что не для такой жизни ты создана. Богъ ли тебя наказалъ, люди ли обидѣли,

что ты дошла до такого состоянія?»—«Нѣтъ, добрые люди, получаете въ отвѣтъ, Богъ несправедливости не творитъ. Правда, и мнѣ нѣкогда улыбалось счастье, я была всего на одинъ шагъ отъ счастливой жизни,.... но одна іота убила все мое счастье, разбила всю мою жизнь»...

Таково общее содержаніе поэмы «Коцо шелъ іодъ». Но конечно не въ одной фабулѣ дѣло: все обаяніе поэмы заключается въ тѣхъ поэтическихъ и глубоко-жизненныхъ картинахъ, въ тѣхъ неподражаемыхъ описаніяхъ быденной жизни, которыми пересыпана поэма. Чтобы вполне ее понять, нужно ее прочесть въ оригиналѣ. Она заставляетъ глубоко задумываться. Бать-Шуа гибнетъ изъ-за одной буквы; но раввѣ не весь еврейскій народъ страдаетъ изъ-за *буквы*? Развѣ не мертвая буква убила въ немъ духъ, лишила его здоровой жизнедѣятельности, извратила его религію, его понятія, его возрѣвія? Развѣ не въ *букву* заключается тысячелѣтняя еврейская трагедія, первый актъ которой сыграли талмудисты, и послѣдній происходитъ понинѣ еще на нашихъ глазахъ?... Развѣ современный, раввинскій іудаизмъ не есть возмутительный культъ мертвой буквы, культъ жалкихъ «боговъ», плодившихъ отъ нечего-дѣлать законы и религиозные кодексы, извращая смыслъ Писанія?... «Коцо шелъ іодъ» не есть только трагедія личности: это—трагическая эпопея цѣлой націи....

Глубокимъ сочувствіемъ къ злосчастной женской долѣ проникнута и другая поэма, носящая заглавіе «Шомеретъ Іафамъ» (жадущая девера). На одрѣ болѣзни лежитъ молодой человекъ, Іона, чахоточное существо, которое уже давно стоитъ одной ногой въ могилѣ. Около него суетятся жена и родители. Всѣмъ извѣстно, что смерть больнаго неотвратима. Ужасъ и отчаяніе написаны на лицѣ жены больнаго, молодой женщины, почти дѣвочки. Не менѣе сокрушаются родители послѣдней. Дѣло въ томъ что Іона умираетъ бездѣтнымъ, а между тѣмъ у матери больнаго въ это время родился сынъ; согласно закону, вдова Іоны должна будетъ ждать совершеннолѣтія этого новорожденнаго, для полученія отъ него «халицы», если онъ ее согласится дать; до тѣхъ же поръ она не можетъ выходить замужъ и обречена на вдовство въ самые лучшіе годы своей жизни, а можетъ, и навсегда. Рѣшили просить Іону дать передъ смертью разводъ женѣ, дабы она

была свободна отъ «халицы»; но какъ это сообщить больному о его неизбежной кончинѣ?... Бое-какъ однако это устроили; Иона согласился дать разводъ. Но тутъ явилась загвоздка: жѣсткій, на этотъ разъ уже *каземый*, раввинъ, въ которому обратились за разрѣшеніемъ развода, зная, чѣмъ здѣсь пахнетъ, запросилъ непожѣрно большую сумму денегъ за свой трудъ; бѣдные люди никакъ не могли ему дать такой суммы, а раввинъ былъ неумолимъ... Пока здѣсь судили и рядили, больной приказалъ долго жить—я жена его осталась навѣки несчастною *...

Какая простая, но жизненная фабула! Сколько несчастныхъ женщинъ находятся теперь въ положеніи жены Ионы, или Бать-Шуи! Сколько живней разбилъ одинъ нелѣпный обрядъ халицы!... Всѣмъ, знающимъ еврейскую жизнь, нѣтъ надобности разсказывать, сколько сложныхъ и ужасныхъ аномалій порождаетъ на практикѣ этотъ чудовищный обрядъ. Но религиозная косность, тупое раболѣпіе передъ буквою такъ велики, что мысль объ упраздненіи подобнаго рода анахронизмовъ никому и въ голову не приходитъ.

Мы бы не скоро кончили, еслибы продолжали нашъ обзоръ «современныхъ эпопей». Ограничимся только указаніемъ на обширную и замѣчательную поэму «Два Іосифъ-Бень-Симона», гдѣ язвы общиннаго, кагальнаго быта евреевъ изображены съ ир-костью и поразительной силой, имѣющими себѣ мало подобнаго. Это положительно лучшее изъ произведеній г. Гордона. Вотъ онъ «весь, какъ намалеванъ» раби Шамгаръ, кагальный заправиле, въ сравненіи съ которымъ Яго Шекспира не болѣе какъ невинный игнеюкъ. Этотъ отвратительный типъ, это живое олицетвореніе бессердечія, алчности и корыстолюбія въ связи съ богобоязненностью и религиознымъ рвеніемъ, нарисованъ поэтомъ неподобно. Въ ироническомъ двенрабѣ, пропѣтомъ поэтомъ р. Шамгару, слышатся подавленные слезы... Вспоминаешь, сколько Шамгаровъ водится и понинѣ въ каждой еврейской общинѣ... Вотъ и идеальный юноша, купившій знаніе цѣною самоотверженія и

---

* На сколько намъ извѣстно это фактъ случившейся нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ здѣсь въ П-бгѣ. Мы могли бы даже назвать имена дѣйствующихъ лицъ.

долгихъ скитаній. мечтающій о реформѣ іудаизма и весь горящій жаждою великаго дѣла; онъ гибнетъ безславно, понавъ въ сѣти, разставленныя ему кагалными Яго,—сѣти чисто-кагалной конструкціи, сплетенныя изъ ложныхъ паспортовъ, фальшивыхъ метрикъ, укрывательства и тому подобныхъ матеріаловъ... Не станемъ передавать подробностей поэмы, не будемъ останавливаться на другихъ типахъ, въ ней изображенныхъ: это и неудобно и требовало бы много мѣста, но совѣтуемъ каждому понимающему древне-еврейскій языкъ прочесть эту поэму, эту потрясающую эпопею современной общинной жизни русскихъ евреевъ...

Намъ слѣдовало-бы еще кое-что сказать о другомъ отдѣлѣ «современныхъ эпопей»—о «Маленькихъ басняхъ для большихъ дѣтей»: занимающихъ вторую половину четвертаго тома стихотвореній г. Гордона,—но обзоръ нашъ и безъ того растянулся, и мы вынуждены ограничиться только голословной рекомендаціей (если произведенія г. Гордона въ какой либо рекомендаціи нуждаются) этихъ прекрасныхъ и поучительныхъ «басенъ». Кромѣ формы, «басни» эти имѣютъ весьма мало общаго съ езоповскими; но за то онѣ очень много общаго имѣютъ съ современной дѣйствительностью, съ обыденными событіями общественной жизни русскихъ евреевъ. «Взрослымъ дѣтямъ» не мѣшало бы заучить эти басни наизусть...

Языкъ поэта въ «современныхъ эпопеяхъ» нѣсколько отличается отъ языка, употребляемаго имъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Въ послѣднихъ языкъ—чисто-библейскій, выполированный, строго размѣренный; въ современныхъ же поэмахъ, написанныхъ преимущественно въ юмористическомъ тонѣ и касающихся жизненныхъ явленій, древне-еврейскій языкъ пересыпанъ талмудическими оборотами, что придаетъ ему популярный, современный характеръ, такъ какъ и разговорная еврейская рѣчь изобилуетъ талмудическими выраженіями. Творцомъ этого прелестнаго, игриваго языка въ поэзіи слѣдуетъ считать г. Гордона; до него никто, кажется, не оцѣнилъ значенія этого діалекта въ поэзіи, такъ какъ и самаго рода поэзіи, именуемаго нашимъ поэтомъ «современными эпопеями», раньше не существовало въ еврейской литературѣ. Какимъ-бы діалектомъ ни писалъ г. Гордонъ, языкъ его всегда сильный, оригинально-образный и не обличаетъ ничего подражатель-

наго; въ немъ никогда не замѣтите стремленія пригонять мысли и образы къ какой нибудь готовой библейской формѣ, къ готовому стиху,—стремленія столь свойственнаго всѣмъ другимъ еврейскимъ поэтамъ. Подъ перомъ г. Гордона древне-еврейскій языкъ становится языкомъ живымъ, гибкимъ и ясно выражающимъ всякую мысль, всякій образъ,—не теряя при этомъ нисколько въ своей чистотѣ.

Мы не имѣли претензій въ настоящей статьѣ дать полную критику произведеній г. Гордона; мы ограничились только бѣглымъ ихъ обзоромъ, предоставляя критикѣ болѣе обстоятельную оцѣнку поэзіи и литературнаго значенія безпорно лучшаго изъ нашихъ современныхъ поэтовъ. Но изъ нашего бѣглаго очерка, надѣмся, читатель получитъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о литературномъ значеніи поэзіи г. Гордона: эта поэзія имѣла и, безсомнѣнно, еще будетъ имѣть огромное вліяніе въ еврейскомъ мірѣ, именно благодаря ея жизненному характеру, благодаря гуманнымъ, прогрессивнымъ стремленіямъ, которыми она проникнута. Она будетъ имѣть для русскихъ евреевъ то же значеніе, которое имѣла поэзія Некрасова для всего русскаго народа. Она сѣяла «разумное, доброе, вѣчное»—и значеніе ея уже не можетъ быть только временнымъ, скоропреходящимъ.

С. Д.

ЗАМѢТКА.

Въ майской книжкѣ «Восхода», въ отдѣлѣ литературной лѣтописи, г. Критикусъ даетъ отзывъ, между прочимъ, и о книгѣ «Шеверь-Гаонъ» (т. е. «Изложеніе Гаона»), составленной соимѣстествомъ М. Гордономъ и И. Вейсбергомъ и содержащей критическій анализъ одной казуистической книги. Книга «Шеверь-Гаонъ» какъ-то сразу не приглянулась г. Критикусу. Онъ съ самаго начала обзываетъ ее, проницески, конечно, «настоящимъ перломъ», и не знавоя читателя съ ея содержаніемъ, безъ дальнѣйшаго относить ее къ роду литературныхъ *памфлетовъ* и *насквилей*. Поводомъ къ такому строгому приговору служило г. Критикусу то обстоятельство, что, какъ онъ *предполагаетъ*, авторы «Шеверь-Гаонъ» называютъ разбираемую ими книгу вымышленнымъ именемъ «Хадъ-Вехалакъ» и вовсе не упоминаютъ имени ея автора, между тѣмъ какъ свои собственныя имена они выставляютъ en toutes lettres. Это даетъ г. Критикусу поводъ пускаться въ длинную проповѣдь относительно нашихъ литературомановъ и развитія среди еврейскихъ «юнцовъ» писательскаго тщеславія и страсти къ выставленію своего имени въ печати и т. д.

Прочитавъ этотъ отзывъ г. Критикуса, я, признаться, пришелъ въ изумленіе: что это? критика такая, или просто издѣвательство? Начиная съ того, что, относительно заглавія разбираемой гг. Гордономъ и Вейсбергомъ книги, г. Критикусъ попалъ прямо пальцемъ въ небо, такъ какъ «Хадъ-Вехалакъ» (во-стро и гладко) не есть вымышленное, а настоящее имя казуистической книги, о которой идетъ рѣчь, чѣмъ, естественно, сразу рушился главный устой псевдокритики г. Критикуса, я, вообще, удивляюсь подобнымъ приемамъ и манерамъ въ литературной

статьѣ, претендующей, повидимому, на серьезность. Допустимъ, что г. Критикусъ, причисляющій авторовъ книги «Шеваръ-Гаонъ» къ «юнцамъ», могъ не знать ихъ въ лицо и не подозрѣвать, что самъ онъ, г. Критикусъ, годится г. М. Гордону во внуки; но непростительно со стороны человѣка, ведущаго литературную дѣлопись въ журналѣ, не знать литературнаго облика писателей и принимать ветерановъ литературы за «юнцовъ» и «дилетантовъ». Г. М. Гордонъ, человѣкъ стоящій на рубежѣ шестаго десятиа лѣтъ, давно извѣстенъ въ еврейской литературѣ нѣсколькими самостоятельными трудами и принадлежитъ къ числу лучшихъ новоеврейскихъ писателей. Въ разсматриваемой книгѣ, въ которой М. Гордону принадлежитъ самая серьезная, научная часть, онъ обнаруживаетъ такое глубокое и солидное знаніе раввинской письменности, какое рѣдко встрѣчается у писателей неравинскаго лагеря. Это глубокое знаніе, вмѣстѣ съ трезвою прямолинейною логичностію, придающею аргументаціи г. Гордона неотразимую силу убѣдительности, и даютъ ему возможность разбить въ пухъ схоластическое столпотвореніе двухъ братьевъ раввиновъ кривотоловъ, рѣшившихся изъ одного тщеславія и невниманныхъ расчетовъ прибавить одинъ лишній фоліантъ къ грудѣ казуистическихъ книгъ, тяготящей надъ бѣдными еврейскими мозгами. Въ многочисленныхъ мѣстахъ г. Гордонъ доказываетъ воочію этимъ кандидатамъ въ «Гаоны», что они просто-на-просто не понимаютъ смысла цитруемыхъ ими мѣстъ изъ талмуда. Одно это не должно ли было считаться заслугой въ глазахъ добросовѣстнаго раціональнаго критика?

Авторъ 2-ой части книги, г. Вейсбергъ, одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ стилистовъ среди молодаго поколѣнія, неоднократно ознаменовавшій себя дѣльными, прекрасными летучими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, выставляетъ на показъ, такъ сказать, закулисную сторону затѣи двухъ братьевъ-казуистовъ, при чемъ обнаруживаетъ такой живой юморъ и такъ удачно подражаетъ обычному между хасидами древнееврейскому жаргону, что сильно напоминаетъ извѣстную въ этомъ родѣ сатиру «*Мезале-Тмиримъ*». Я не намѣренъ писать здѣсь новую рецензію о книгѣ гг. Гордона и Вейсберга и передавать въ болѣе подробномъ видѣ ея содержаніе, поэтому считаю сказанное достаточ-

нимъ, чтобы показать, на сколько опрометчиво и неосновательно сужденіе о ней г. Критикуса.

Правда, что авторы книги «Шеверь-Гаонъ» не выставляютъ имени авторовъ книги «Хадъ-Векалавъ», а называютъ ихъ мѣткими ключами, взятыми изъ «Агади». Сдѣлалъ они это, очевидно, изъ цензурныхъ опасеній, такъ какъ критика ихъ не совсѣмъ нѣжно, хоть и заслуженно, касается личности и частной жизни авторовъ «Хадъ-Векалавъ». Но къ дѣлу это не относится. Разъ книга названа полнымъ заглавіемъ, читатели уже знаютъ о комъ идетъ рѣчь, и выставленіе именъ автора не безусловно необходимо для критиковъ, желающихъ имѣть дѣло главнымъ образомъ съ предметомъ, а не съ личностію. Во всякомъ случаѣ, гораздо приличнѣе и мужественнѣе со стороны критика выставлять свое имя, не называя имени противника, чѣмъ набрасываться и поносить своего противника, къ тому—голословно и неосновательно, самъ тщательно скрываясь подъ разными псевдонимами.

Если бы г. Критикусъ принадлежалъ къ сектѣ хасидимъ, то такое отстаиваніе своихъ единомышленниковъ и отраженіе своихъ противниковъ—эпикурейцевъ было бы по меньшей мѣрѣ естественно и понятно. Но, на сколько мнѣ извѣстно, г. Критикусъ никогда яримъ хасидомъ не бывалъ, такъ изъ-за чего же было ему такъ горячиться и стулья ломать? Единственное оправданіе для г. Критикуса то, что онъ книги «Хадъ-Векалавъ» въ глаза не видалъ, да и предлежавшій ему трудъ гг. Гордона и Вейсберга, повидимому, пробѣжалъ только мелькомъ. Но можно-ли это назвать критикою и это-ли цѣль и назначеніе литературной лѣтописи? Добросовѣстный критикъ не долженъ требовать, чтобы ему вѣрили на слово а обязанъ свое рѣшеніе мотивировать и подтвердить фактическими доказательствами. Онъ не въ правѣ также претендовать на непогрѣшимость и считать свой приговоръ безапелляционнымъ. Судя другихъ, онъ самъ не изъять изъ суда и контроля. Надъ нимъ судья—читатель. Для этого въ приговорѣ должна быть изложена вся сущность дѣла и полная мотивировка рѣшенія. Бываютъ, конечно, дѣла, которыя не всякому заурядному судѣ по плечу, но тогда законъ и совѣсть обязуютъ его отвести самого себя, признавъ себя въ этомъ дѣлѣ не компетентнымъ.

Левъ Гордонъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ЕВРЕЙКА. (Изъ преданій). Стихотвореніе. Петра Вейбберга.	3
II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ Быль. П. Я. Левенсона	15
III. ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА. Эпизодъ изъ осады Іерусалима. Историческій романъ. (Продолженіе). Графини Маріи Ратацци.	42
IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Осмотръ колоній и результаты этого осмотра. В. Н. Никитина.	57
V. ГИРЦЕЛЬ ЛЕВИ. ЖЕРТВА РЕЛИГІОЗНОЙ НЕПРИЛИКОСТИ. Изъ судебной хроники прошлаго вѣка. Исидора Леба.	81
VI. ПѢСНИ ДНЯ. I. Суета суетъ. Стихотвореніе. М. Абрамовича.	111
VII. ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА. А. Музыка евреевъ древнихъ вѣмешъ до Рождества Христова. М. Т. Лабунской	115
VIII. ПОѢЗДКА ВЪ ОБЪТОВАННУЮ ЗЕМЛЮ. Аркадьева	133
IX. ПОСЛѢ ПОГРОМА. Стихотвореніе. С. Варгафига	152

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ - ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ. (Окончаніе). М. И. Мыша.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Еврейскій Некраговъ. „ <i>Kol Schire Jehuda L. Gordon</i> “. Полное собраніе стихотвореній Л. О. Гордона, въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1884. С. Д.	20.
XII. ЗАМѢТКА. Л. О. Гордона.	44.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ПѢСНИ ДНЯ. П. На старую тему. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.	3
II. СУББОТА. Разсказъ С. Я.	6
III. ДѢТИ РАНДАРА. Повѣсть Комперта. (Продолженіе). Пер. Петра Вейнберга	31
IV. ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА. А. Музыка евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова. (Продолженіе.) М. Т. Лабунской.	60
V. ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА. Эпизодъ изъ осады Іерусалима. Историческій романъ. (Продолженіе). Графини Маріи Ратацци.	76
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Проектъ раздѣленія евреевъ на разряды въ хозяйственномъ отношеніи.—Причины забравки этого проекта В. Н. Никитина.	103
VII. ЗЕМЛЯКАМЪ-УКРАИНЦАМЪ. Стихотвореніе. С Бердяева	116
VIII. ЕВРЕИ ВЪ АВСТРИИ СЪ 1848 до 1883 г. В. Гольдбаума.	118
IX. КОГДА ПРО ГОРЕ ВСПОМНИШЬ ТЫ.... Стихотвореніе. С. Варгафтига	136

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. НАШЕ ЕВРЕЙСКОЕ МІРОУДСТВО И ЕГО ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА. Бель-Ами	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Легенды и сказки палестинскихъ евреевъ. М. Л.	22
XII. БАЛТІЙСКІЕ ОЧЕРКИ. Р.	30
XIII. ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА. Я. Ромбро	47

Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

24-го іюля 1884 года.

Принимая во вниманіе, что издаваемая при журналѣ «Восходъ» «Недѣльная Хроника Восхода» весьма часто дозволяетъ себѣ дерзко порицать законы и правительственныя дѣйствія и лживо истолковывать ихъ смыслъ и цѣли; что посредствомъ подбора вымышленныхъ или извращенныхъ фактовъ раздражающаго свойства, она поддерживаетъ въ одной части населенія враждебныя чувства къ прочимъ гражданамъ; что сказанное вредное направленіе этой газеты съ особой несдержанностью проявилось въ послѣднее время, въ передовыхъ статьяхъ №№ 24-го, 27-го и 28-го, а также въ статьѣ «Темнога mutantur» и въ корреспонденціи изъ Витебска въ № 27-мъ, въ письмѣ изъ Сопотчина и въ статьѣ «Мимоходомъ» въ № 28-мъ—управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 приложенія къ ст. 4 устава цензурн., св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣляетъ*: объявить журналу «Восходъ» вмѣстѣ съ издаваемой при немъ въ видѣ приложенія «Недѣльной Хроникой Восхода» *первое* предостороженіе, въ лицѣ издателя-редактора, купческаго сына Адольфа Ландау.

П Ъ С Н И Д Н Я.

П *.

На старую тему.

... Тамъ лежалъ на отрешьяхъ своихъ Вѣчный Жидъ,
Ишли раны и дряхлыя кости,
А кругомъ копошился ученый синклитъ,
Все врачи, все знакомые гости.

Все знакомый народъ: жрецъ воды, гидропатъ,
Снова ванну больному назначилъ,
И авгуровъ наукъ тамъ гомеопатъ
Всѣхъ ничтожностью дозъ озадачилъ.

Вѣчной юности вынулъ цѣлебный бальзамъ
Нѣкто съ очень серьезной гримасой,
И сверкалъ и брэнчалъ полкъ хирургии тамъ
И ланцетовъ и скальпелей массой.

Тамъ торжественной грустью сіяли одни,
Брайне мило другіе шутили.

---

* См. „Восходъ“, кн. 7.

Всѣ старались блистать другъ предъ другомъ они,
Всѣ другъ друга съ улыбкой извили.

Этотъ голову щупаль, тотъ пульсъ наблюдаль,
Кто изнежь, кто и прочія части...

„Самъ Господь пациента жить вѣчно прокляль—
Да, все счастье въ этомъ несчастьи!—

„Мы же лишніе тутъ...“ Такъ мудро межъ собой
Порѣшили свѣтила науки—

И ушли... Лишь остался одинъ. Онъ съ тоской
Взялъ страдальца за чахлая руки.

„Агасферъ“—онъ сказалъ:—„вотъ и мой приговоръ—
За него не прошу я награды—

Слушалъ здѣсь я ученыхъ шутевъ разговоръ,
Покраснѣвъ отъ стыда и досады...

„Нѣтъ, тебѣ не поможетъ водой гидротать,
Полкъ хирурговъ изранилъ всѣ члены,
Брось бальзамъ этотъ жалкій, мой страдающій братъ,
Ужъ микстурамъ ты знаешь вѣдь цѣны!..

„Вѣчно жить...: Это въ шутку легко и сказать...
Вѣчный старецъ съ недугомъ опаснымъ,
Ты не жить безъ конца—безъ конца умирать
Обреченъ своимъ ровомъ ужаснымъ.

„Ахъ, болѣзни твои—безконечная сѣть,
Разорвать ее врядъ-ли есть силы...

О, когда-бы ты могъ, наконецъ, умереть
И какъ можно скорѣе, мой милый!“...

Тутъ больной поднялся. Засверкалъ его взоръ,
Лихорадочно щеки горѣли
И онъ страстно шепталъ: „Умереть!.. О, позоръ!..
Жить!.. Хотя-бы безъ счастья и цѣли...

„Жить хочу я и буду—уйди, лицемеръ!—
Хоть бы въ силу проклятія буду“...
И со сдержаномъ снова уцалъ Агасферъ
На отрѣзковъ сгнивающихъ груди...

М. Абрамовичъ.

(Продолженіе будетъ).

С У Б Б О Т А.

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Извергъ, злодѣй... Въ тебѣ сердца человѣческаго нѣтъ... Чтобы твоя душа вѣчно маялась въ аду, какъ я, съ тѣхъ поръ какъ узнала тебя... Чтобы нечистый...

Но Янкель былъ уже на улицѣ. Глубже надвинувъ на голову картузь и застегнувъ на единственную, еще уцѣлѣвшую пуговицу свой изодранный, неопредѣленнаго цвѣта и матеріи кафтанъ, онъ озабоченно сталъ оглядываться кругомъ, какъ бы размышляя, куда ему направить свои стопы. Изъ комнаты еще доносилась брань расходившейся Рухиль, но Янкель не обращалъ на нее вниманья. Его ухо слишкомъ привыкло къ такимъ изліяніямъ супружеской нѣжности... Къ тому же заботы болѣе высокаго сорта занимали его въ настоящую минуту. Суббота на носу, а въ домѣ ни гроша.

Если онъ и сегодня ничего не заработаетъ, то даже не начто будетъ свѣчей покупать на завтрашній вечеръ, и придется субботу встрѣчать въ потьмахъ... При этомъ даже дрожь пробѣжала по тощему тѣлу Янкеля. Онъ уже отошелъ порядочное разстояніе отъ своей квартиры, самъ не зная, куда онъ идетъ. Все утро онъ пробѣгалъ напрасно; надежда заработать нѣсколько грошей лопнула, и теперь на цѣлый день ничего не предвидѣлось... Хоть въ петлю полѣзай... Солнце стояло уже высоко; порядочные люди въ это время уже полдничали, а у бѣднаго Янкеля еще сегодня во рту ничего не было. Последній кусокъ черстваго хлѣба былъ сегодня утромъ раздѣленъ

между дѣтьми; ни ему, ни Рухель ничего не досталось отъ этого скуднаго завтрака. Но это бы еще ничего; къ чему другому, а къ пустотѣ его желудокъ достаточно привыкъ. Въ будни можно голодать—это совсѣмъ не грѣшно... Но суббота, суббота... И зачѣмъ эта суббота... Еще первый разъ въ жизни Янкелю пришла такая грѣховная мысль въ голову. Въ теченіи всей его, полной всевозможныхъ лишеній жизни, суббота, этотъ день физическаго и нравственнаго покоя, для него всегда являлась источникомъ самыхъ тяжелыхъ мученій. Прежде онъ былъ моложе и выносливѣе; когда на плечахъ у него было меньше голодныхъ ртовъ, онъ еще кое какъ справлялся съ существованіемъ. Но теперь борьба эта становилась для него непосильной задачею. Откуда доставать хлѣба для жены и дѣтей?.. Съ этимъ вопросомъ онъ вставалъ, съ этимъ вопросомъ ложился, не будучи въ состояніи разрѣшить его удовлетворительно. Но при всемъ томъ онъ никогда не ропталъ на свою судьбу, и если, какъ это часто случалось, ему удавалось достать нужные гроши на приготовленіе къ встрѣчѣ субботняго дня, онъ и его семья были совсѣмъ счастливы. Но доставать эти гроши становилось съ каждымъ разомъ все труднѣе, а въ послѣднее время и совсѣмъ невозможно... Не сдѣлаться же изъ-за этого богоотступникомъ...

Янкель рѣшился во что бы то ни стало заработать что нибудь на субботу... Надежда, никогда не оставлявшая его, придала ему нѣкоторую бодрость. Онъ свернулъ на большую улицу, которая обыкновенно служила сборнымъ пунктомъ коммерческаго люда. Въ этотъ часъ дня дѣльцы обыкновенно уже расходились или по домамъ, или, если день обѣщаль быть прибыльнымъ, въ низенькій домикъ стараго Лейзера, гдѣ готовились необыкновенно вкусныя закуски, состоявшіе изъ неимѣнной фаршированной рыбы, печенки, варенаго мяса, завернутаго въ листья капусты и т. д.

Пройдясь раза два по улицѣ и не встрѣтивъ никого, Янкель направился къ хорошо знакомому домику, который былъ ему столько же приятенъ, сколько и ненавистенъ, потому что онъ всегда ему напоминалъ о томъ, что желудокъ чело-вѣка созданъ для принятія пищи, а это напоминаніе, смотря

по обстоятельствамъ, могло быть пріятно и непріятно Янкелю. Въ настоящую минуту онъ не совсѣмъ охотно направился туда, предчувствуя пустую тревогу, которую онъ задастъ своему желудку.

Въ комнатѣ никого не было; старый Лейзеръ дремалъ за стойкой, на которой цѣлый рой жужжащихъ мухъ преспокойно наслаждался вкусными яствами.

Не желая потревожить сладко дремавшаго хозяина, Янкель тихо усѣлся на лавочкѣ, съ твердымъ намѣреніемъ не послѣдовать его примѣру. Но сильная усталость, усугубленная еще палящимъ зноемъ и пустымъ желудкомъ, царившая въ комнатѣ тишина, прерываемая лишь тихимъ жужжаніемъ довольныхъ мухъ, взяли, однако, свое, и бѣднякъ вскорѣ усердно заклевалъ носомъ.

Однако сонъ его не долго продолжался. Громкій говоръ, раздавшійся въ комнатѣ, разбудилъ его. Онъ открылъ глаза. У стойки стоялъ рыжій Эли Тейтельманъ и держалъ въ рукѣ большую рюмку, которую старый Лейзеръ предупредительно наполнялъ живительнымъ бальзамомъ; тутъ же стоялъ и Геци Фейгельманъ и наскоро закусывалъ жареной печенкой.

Янкель снова закрылъ глаза и притворился спящимъ. Эли Тейтельманъ и Геци Фейгельманъ были его заклятые враги и конкуренты. Они вѣроятно состряпали хорошее дѣло, что такъ расщедрились; пусть лучше подумаютъ, что онъ спитъ, а то его еще пожалуй угощать станутъ. У него на этотъ счетъ была своя амбіція, и не смотря на мучившую его жажду, онъ ни за что не проглотилъ бы ни одной капли, предложенной ему Тейтельманомъ или Фейгельманомъ. Чтобы еще больше ввести въ заблужденіе своихъ враговъ, онъ даже захрапѣлъ.

— Это Янкель такъ сладко спитъ... насмѣшливо проговорилъ Тейтельманъ.

— Видно, ничего не заработалъ сегодня, замѣтилъ Фейгельманъ.

— Я и не замѣтилъ его,—проговорилъ Лейзеръ... Бѣдный... А вы сегодня что нибудь сдѣлали?

— Кое-что... А вотъ теперь, можетъ быть, больше зарабо-

таемъ... Что же ты, однако, Геци, стоишь?—обратился Тейтельманъ къ Фейгельману;—время вѣдь не стоитъ...

— Я сейчасъ...

— Вы куда же торопитесь? спросилъ Лейзеръ не желая, видно разстаться съ своими собесѣдниками.

— Нужно... Такъ ты, Геци, пойдешь въ «Лондонъ», а я къ ребѣ Фалеку.

— Не пойти ли намъ вмѣстѣ... Это кажется будетъ лучше.

— Что, заемъ, видно? подлюбытствовалъ Лейзеръ.

— Да, послѣшно проговорилъ Тейтельманъ.

— Для кого?

Но ни Тейтельмана, ни Фейгельмана уже въ комнатѣ не было.

Лейзеръ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и затѣмъ тотчасъ снова заклевалъ носомъ; Янкель же, убѣдившись, что никого въ шинкѣ нѣтъ, быстро вскочилъ на ноги и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ прямо направился въ «Лондонъ», лавируя такимъ образомъ, чтобы какъ нибудь не попасться на глаза ни Тейтельману, ни Фейгельману, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь поспѣть туда раньше ихъ обоихъ. Зачѣмъ онъ бѣжалъ въ «Лондонъ» — онъ конечно самъ не зналъ; нужно было что нибудь дѣлать, не спать же въ самомъ дѣлѣ на лавкѣ у стараго Лейзера и видѣть, какъ другіе зарабатываютъ деньги на предстоящую субботу...

Когда онъ, никѣмъ не замѣченный, благополучно добрался до воротъ «Лондона» и очутился въ узкомъ полутемномъ корридорѣ гостинницы, онъ вздохнулъ свободнѣе, какъ будто удачно совершилъ самое опасное путешествіе.

Но тутъ онъ остановился. Что ему тутъ дѣлать? Зачѣмъ онъ такъ усердно бѣжалъ сюда? На минуту его ваядо радумье, не только на минуту, потому что думать было некогда, а нужно было дѣйствовать. Что нибудь же должно быть здѣсь, если Тейтельманъ и Фейгельманъ такъ спѣшили. Онъ быстро пробѣжалъ корридоръ и, залыхаясь, остановился у маленькой двери съ небольшимъ окошечкомъ, ведущей въ чуланъ привратника. Заглянувъ въ окошечко и не найдя тамъ никого, онъ повернулъ назадъ и направился въ контору гостинницы. Но прежде онъ взглянулъ на черную че-

тыреугольную доску, висѣвшую на стѣнѣ и служившую для записыванія фамилій новопривывшихъ. Хотя онъ читать по русски не умѣлъ, но за то зналъ наизусть количество гостей и занятыхъ въ гостинницѣ номеровъ. Еще вчера онъ просмотрѣлъ надписи, и тогда 3-й и 8-й номера были свободны, а теперь они заняты.

Отчего читать не умѣю! подумалъ онъ въ досадѣ, но въ это время мимо него пробѣжала номерная дѣвушка. Онъ погнался за нею и остановилъ ее.

— Кто остановился въ 3-мъ номерѣ? спросилъ онъ озадаченную дѣвушку.

— Кто? понятно—баринъ.

— А въ 8-мъ?

— Тоже баринъ.

— Тоже баринъ?—въ отчаяніи повторилъ Янкель;—у кого же были Тейтельманъ и Фейгельманъ?

— А мнѣ же почему знать? И дѣвушка смѣясь убѣжала.

Янкель остановился и не зналъ, что ему предпринять. И тутъ баринъ, и тамъ баринъ. У котораго же изъ нихъ можно будетъ что нибудь заработать на субботу. Онъ опять побѣжалъ къ привратнику, въ надеждѣ узнать у него что нибудь. На этотъ разъ заспанное лицо привратника высунулось въ окошечко и широко улыбнулось подбѣжавшему Янкелю.

— А, Янкель, это ты?—По тону, которымъ это было произнесено, не трудно было догадаться, что Янкель и привратникъ старые друзья.

Но вмѣсто утвердительнаго отвѣта, который конечно, при наличности его собственной особы, былъ неумѣстенъ, онъ तोпливо спросилъ:

— Въ которомъ номерѣ были сегодня Тейтельманъ съ Фейгельманомъ?

— Тейтельманъ съ Фейгельманомъ? Да ни въ которомъ.

— Какъ ни въ которомъ? А въ 3-мъ номерѣ кто же былъ?

— А, въ 3-мъ? глубокомысленно произнесъ привратникъ.

— А въ 8-мъ? Развѣ не тамъ были Тейтельманъ съ Фейгельманомъ?

— Побей меня Богъ, если я помню. Да тебѣ же на что?

— Какъ на что?—изумился Янкель.—Развѣ не помѣщикъ занялъ 3-й номеръ!

— Да, помѣщикъ Вигурскій...

— Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ городъ?

— Мнѣ же откуда знать зачѣмъ? Я думаю, Машка это лучше знаетъ...—И привратникъ улыбнулся во весь ротъ.—Знаешь, Янкель, что она мнѣ говорила...

Но Янкалю не до того было.—Послушай, Иванъ, произнесъ онъ, понизивъ голосъ;—я пойду къ нему, а если Тейтельманъ съ Фейгельманомъ придутъ сюда, скажи, что помѣщикъ уѣхалъ. Понимаешь: если я чтонибудь заработаю, я и тебя не забуду, вѣдь ты меня знаешь.

— Смотри же, только не обманывай, бестія, добродушно подмигнувъ Иванъ.

— Чтобъ я...—И онъ сталъ подниматься по узкой деревянной лѣстницѣ во 2-й этажъ, гдѣ помѣщались лучшіе номера гостиницы, но добѣжавъ до половины, вдругъ повернулъ опять внизъ и снова подбѣжалъ къ окошечку. Иванъ уже храпѣлъ на своей койкѣ.

— Иванъ, а Иванъ! поваль онъ шопотомъ.

— Что тебѣ еще, поганый? полусердито, полудобродушно проговорилъ Иванъ.

— А въ 8-мъ номерѣ кто же остановился?

— Кто же остановился?.. Какан-то барыня.

— Барыня?.. не баринъ.. Что же Машка говорила...

— Мало ли что тебѣ еще эта дѣвчонка наговорить... Да проваливай, я спать хочу...—Но Янкеля уже не было. Быстро взобравшись по лѣстницѣ, онъ, задыхаясь, остановился у дверей 2-го номера. Постоявъ нѣсколько секундъ, онъ снялъ свой картузъ, оправилъ, насколько было возможно свой далеко неизящный туалетъ и, взявшись за ручку двери, тихонько потянулъ ее къ себѣ.

Дверь издала легкій, но протяжный скрипъ. Въ первое мгновенье Янкель готовъ былъ отъ испуга отскочить назадъ, но видя, что никто не отзывается, осторожно просунулъ свою обнаженную голову въ полуоткрытую дверь. Но и теперь никто

не крикнулъ на него. Тогда онъ сдѣлался смѣлѣе и просунулъ свою шею, а спустя минуту—и всю свою тощую фигуру изъ корридора въ комнату и также осторожно потянулъ за собою дверь. Дверь снова взвизгнула, точно дѣвушка, которую пощекотали въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ.

Янкель весь съжился, причѣмъ лице его приняло такое выраженіе, что повернувшійся къ нему въ эту минуту господинъ тревожно спросилъ:—Ты себѣ палецъ, что ли ущемилъ?—Но въ то же время онъ расхохотался, потому что лицо Янкеля мгновенно преобразилось.

— На что бы я тогда годился пану? произнесъ онъ кланясь.

— А теперь ты же мнѣ на что? улыбувшись, спросилъ господинъ, подойдя ближе къ Янкелю.

— Можетъ быть, на чтонибудь пригодимся пану... Янкель Тейтельманъ всѣмъ панамъ прислуживаетъ, и всѣ его знаютъ.

— Какъ, развѣ и тебя зовутъ Тейтельманъ?—удивился господинъ.—У меня уже сегодня былъ одинъ Тейтельманъ.

По лицу Янкеля пробѣжала торжествующая улыбка. Онъ прямо посмотрѣлъ въ лицо незнакомому господину.

— Развѣ можетъ быть другой Тейтельманъ, кромѣ Янкеля? Это я Тейтельманъ, а тотъ Тейтельманъ, который былъ у васъ, не Тейтельманъ, а обманщикъ, и съ нимъ вы никакого дѣла не сдѣлаете. Всѣ паны знаютъ только Янкеля Тейтельмана, и если нужно продать кукурузу или пшеницу, или имъ нужны деньги они обращаются всегда къ Янкелю Тейтельману.

— Но какъ же тотъ мнѣ говорилъ, что его зовутъ Тейтельманъ, и обѣщаль мнѣ сегодня же достать денегъ у ростовщика...

— Онъ васъ обманулъ, сказалъ съ важностью Янкель.

— Такъ онъ мнѣ и денегъ не достанетъ?

— А вы думали, что достанетъ? иронически проговорилъ Янкель.

Бигурскій нахмурился:—Я ему всѣ пейсы выдерну, если онъ меня обманетъ, сказалъ онъ въ сердцахъ.

— Зачѣмъ же пану напрасно руки пачкать, изъ его пей-

совъ денегъ на добудете; а если вамъ очень нужны деньги, то поручите это дѣло мнѣ, потому что Тейтельманъ...

— Провалитесь вы всѣ Тейтельманы... Чертъ побари, если и ты мнѣ не доставишь денегъ, ей Богу, я тебя въ газеткахъ пропечатаю.

— Вей миръ! Почему же не достать, если у пана есть хорошее имѣнье и хорошій скотъ!—И онъ взглянулъ прямо въ глаза Вигурскому. Красивое лицо молодого помѣщика на мгновенье покрывлось легкой краской отъ пытливаго взгляда Янкеля.

— На этотъ счетъ будь спокоенъ, проговорилъ онъ черезъ минуту;—ты мнѣ только достань; мнѣ до варѣву нужны деньги.

— А сколько пану нужно денегъ?

— Мнѣ тысячь пять, шесть.

— На счетъ процентовъ панъ торговаться не будетъ?

— Очень большихъ не дамъ, предупреждаю.

— Кто же беретъ большіе проценты! это грѣшно. Я вамъ достану на хорошіе проценты, только вы уже никакого другаго не посылайте, а какъ тотъ Тейтельманъ придетъ, прогоните его, обманщика...

— Ладно, ладно, сказалъ смѣясь Вигурей:—кто мнѣ раньше доставитъ денегъ, тотъ у меня и будетъ настояцій Тейтельманъ, а пока поторопись, потому что я ждать долго не буду... Да постой еще, не знаешь ли кто остановился въ со-сѣдномъ номерѣ?

Янкель таинственно улыбнулся.

— Какъ не знать, знаю.

— Кто же?

— Барыня...

— Молодая?

Янкель закинулъ.

— Ну, ну, не ври; вижу, что ты не знаешь; такъ вотъ что? Когда ты вернешься съ деньгами, узнай, какъ зовутъ эту барыню, кто она такая, а главное, хорошеенькая ли, слышишь? а теперь бѣги...

Янкель выбѣжалъ изъ комнаты. Тутъ онъ слова остано-вился.

Счастье улыбнулось ему: Богъ Израилевъ не допуститъ ко-

нечно, чтобы онъ остался безъ заработка на субботу; Онъ самъ указываетъ ему пути... Да будетъ благословенно его имя... Но какъ и гдѣ достать такую большую сумму? Мойше Берншпрунгъ хотя и падохъ на большіе проценты, но онъ очень скупъ, и гораздо легче попасть въ рай, чѣмъ вырвать рубль изъ его кошны. Но вѣдь онъ будетъ имѣть дѣло съ помѣщикомъ и вѣроятно согласится дать взаймы, если только Тейтельманъ и Фейгельманъ не успѣли уже обдѣлать дѣло. Ну а если Берншпрунгъ не согласится, тогда онъ попытаетъ счастья у Ицика Вейнцвейга или у Берки Авербуха... Перебирая такимъ образомъ всѣхъ извѣстныхъ ему въ городѣ ростовщиковъ, онъ дошелъ до лѣстницы; но не успѣлъ ступить на вторую ступеньку, какъ его кто-то окрикнулъ.

— Янкель, Янкель?

Онъ оглянулся. У дверей одного изъ номеровъ стояла Машка и дѣлала ему знаки рукой.

— Пойди сюда, пойди сюда... Барыня фактора ищетъ; хорошо, что ты подвернулся, а то бы пришлось неслать когонибудь за Тейтельманомъ или Фейгельманомъ.

Янкель быстро вернулся и послѣдовалъ за горничной.

— Вотъ, барыня, факторъ, сказала Машка, указавъ на Янкеля.

Къ Янкелю приблизилась полная красивая женщина лѣтъ пятидесяти и привѣтливо кивнула ему головой.

— У меня тутъ есть знакомый факторъ, къ которому я постоянно обращаюсь, когда прѣзжаю въ городъ; но на бѣду онъ уѣхалъ; если ты окажешься честнымъ человѣкомъ, то я готова тебѣ поручить на этотъ разъ продажу...

— Развѣ Янкель Тейтельманъ можетъ быть не честнымъ человѣкомъ!— съ живостью заговорилъ Янкель; — меня всѣ помѣщики знаютъ; и ячмь и кукурузу, и пшеницу, и сѣмена продаю и всѣ мною довольны; меня и помѣщикъ Витурскій знаетъ...

При словѣ Витурскій, изъ сосѣдней комнаты выглянула хорошенькая, блондура головка молодой дѣвушки, большіе свѣтло-голубые глаза которой сфокусировались на мгновенное поспороземной фигурѣ бѣднаго фактора; потомъ взгляды ихъ быстро переключились на полную даму, и мать и дочь переключились между собою.

— А развѣ ты знаешь помѣщика Вигурскаго? спросила полная дама.

— Какъ же не знать! я всё его порученія исполняю; продаю, покупаю... Какой хорошей баринъ! Вотъ и теперь я только что отъ него.

Мать и дочь снова между собою переглянулись.

— Такъ ты возьмешься продать мою кукурузу? обратилась помѣщица къ Янкелю.

— Чтобы я не взялся?

— Ну, хорошо; найди мнѣ только хорошаго, честнаго покупателя; рыночныя цѣны я знаю сама...

— Пану Вигурскому тоже нужна кукуруза...

— Ему-то на что теперь кукуруза? удивилась помѣщица.

Янкель былъ самъ не радъ, что сболтнулъ, и въ досадѣ готовъ былъ проглотить свой непослушный языкъ; но разъ сорвалось, нужно было уже дальше поддерживать свою честь.

— А на что помѣщику кукуруза, какъ не для посѣвовъ? У него и своя есть, да еще хочетъ купить.

— Моя кукуруза самаго высокаго качества, а лучшей для посѣвовъ и не нужно. Если господинъ Вигурскій согласится купить, пусть онъ тебѣ скажетъ; тогда мы и о цѣнѣ поговоримъ.—И сказавъ нѣсколько словъ на непонятномъ для Янкеля языкѣ, причемъ красивое личико молодой дѣвушки покрылось легкимъ румянцемъ, она снова обратилась къ Янкелю.

— Тебѣ предстоитъ хорошей заработокъ, если ты хорошо продашь мнѣ кукурузу.

У Янкеля даже глаза заблестѣли. Онъ мысленно произнесъ молитву, прося Всевышняго не оставить его въ этомъ трудномъ для него дѣлѣ. Богъ Израилевъ! Всевышній Егова, не оставь раба своего, который чтитъ Твою субботу... шепнулъ онъ выходя отъ помѣщицы. А въ то время, какъ уста его шептали молитву, голова его работала, придумывая всевозможныя комбинаціи одна другой сложнѣе и запутаннѣе... И среди всѣхъ этихъ мыслей одна преобладала: что дѣлаетъ бѣдная Рухиль съ дѣтьми? достала ли она для нихъ хлѣба, или они досихъ поръ голодны... О томъ, что онъ самъ сегодня еще ничего не ѣлъ, онъ совсѣмъ забылъ.

II.

Еще нѣкоторое время Рухиль посылала проклятія по адресу убѣжавшаго мужа, наконецъ она притихла, усѣвшись на сломанномъ стулѣ о трехъ ножкахъ съ продавленнымъ соломеннымъ сидѣньемъ. Ей теперь стало жаль Единаго Янкеля; зачѣмъ она его ругала? развѣ онъ виноватъ въ томъ, что они бѣдны? развѣ онъ не хотѣлъ бы, также какъ и она, чтобы въ домѣ было довольство, чтобы дѣти были сыты, чтобы всѣ ихъ уважали? Изъ кухни раздался пискливый плачь маленькаго Баруха, онъ просилъ хлѣба. У бѣдной Рухиль слезы навернулись на глазахъ. Ну, гдѣ ей взять хлѣба? Единственная надежда была еще на Сарру, но и та лопнула. Бѣдная дѣвушка всю недѣлю просидѣла надъ работой, трудясь и днемъ и ночью, въ надеждѣ получить сегодня плату за свой трудъ, но капризной барышнѣ работа не понравилась и она возвратила ее для передѣлки, не заплативъ денегъ. Бѣдная Сарра съ гори убѣжала изъ дому. Рухиль собрала свои послѣднія силы и вошла въ кухню, чтобы утѣшить расхолодившагося мальчугана, ревѣвшаго теперь во все горло отъ голода; къ нему присоединились и двѣ маленькія его сестренки, занятія же сихъ норъ какой-то игрушкой; поднялось такое гнѣвъ, что у бѣдной Рухиль сердце надрывалось отъ боли. Она рѣшилась употребить еще послѣднее средство: сходить еще разъ въ мелочную лавочку къ длинноносому Авруму; можетъ быть, онъ на этотъ разъ будетъ сговорчивѣе. Она накинула на голову свой поддежный платокъ и, предоставивъ дѣтямъ доканчивать не совсемъ пріятный для уха концертъ, выбѣжала на улицу. Лавочка длинноносаго Аврума была черевъ дорогу; не расстояние смущало Рухиль, а то, что въ лавочкѣ тогда было нѣсколько покупателейницъ. Мысль, что грубый Аврумъ можетъ ей отказать въ кредитѣ при всѣхъ этихъ присутствующихъ, заставила ее выждать пока всѣ не ушли и Аврумъ остался одинъ; тогда, улучивъ минуту, она быстро вбѣжала въ лавочку и робко, едва слышно проговорила свою просьбу.

— Я не могу,—сказала сурово Аврумъ;—я тебѣ уже разъ говорилъ, что не могу; такъ вы съѣдите весь мой товаръ; при-

чемъ же я тогда останусь! И у меня слава Богу, есть жена и дѣти.

— Но это послѣдній разъ—умоляла Рухиль;—мой Янкель навѣрное что-нибудь заработаетъ сегодня, тогда тебѣ заплачу...

— Твой Янкель заработаетъ? съ усмѣшкой проговорилъ Аврумъ;—ужь кажется не первый разъ я слышу эту пѣсню... Но если онъ даже заработаетъ, то не забудь, что сегодня четвергъ и что пора подумать о субботѣ...

При словѣ суббота Рухиль вздрогнула. Солнце было уже на закатѣ, уже всѣ порядочныя хозяйки забирали въ лавкахъ бѣлую муку для субботняго хлѣба, а она...

Въ лавку вошла толстая Фрейда, жена сосѣдняго шинкаря, и велѣла себѣ отвѣсить пудъ самой лучшей муки. Рухиль стала въ сторонѣ, но Фрейда ее замѣтила.

— И вы за мукой пришли? — обратилась она къ Рухиль, совѣтую вамъ брать изъ того сорта, изъ котораго я беру; у меня въ прошлую субботу вышли такіе удачныя калачи, что я такихъ не запомню, съ тѣхъ поръ какъ стала самостоятельной хозяйкой... Совѣтую и вамъ, будете меня благодарить; не правда-ли, Аврумъ?

Аврумъ что-то проворчалъ, а бѣдная Рухиль до того сконфузилась, что даже слезы показались у нея на глазахъ. Вслѣдъ за Фрейдой пришла еще какая-то женщина, за тѣмъ еще одна. Аврумъ, занятый новыми покупателями, пересталъ обращать вниманіе на Рухиль. Ей стало не ловко.

Постоявъ еще немного, она незамѣтно выскользнула изъ лавочки и побѣжала къ себѣ домой. Маленькое трио продолжалось, хотя уже не такъ дружно, какъ прежде. Маленькая блѣдная Фейга, со вздутымъ отъ голода животомъ и тоненькими рахитическими ножками, сидѣла на земляномъ полу и горько рыдала; возлѣ стояла ея старшая сестра, шестилѣтняя Малка, и по дѣтски утѣшала ее, при чемъ отъ времени до времени сама всхлипывала, а девятилѣтній Ицекъ просто кричалъ во всю глотку и требовалъ хлѣба.

— Хочу кушать, хочу кушать! повторялъ онъ въ тактъ своей маленькой сестренкѣ, колотя объ стѣнку своими маленькими кулаченками.

— Мама принесла хлѣба; давай хлѣба...

Бѣдная Рухиль не выдержала и зарыдала. Дѣти присмирѣли и наконецъ совсѣмъ притихли, прижавшись къ матери. Прошло нѣкоторое время. Маленькая Фейга заснула у ногъ матери, а Малка и Ицекъ сидѣли, молча переглядываясь между собою. Въ комнатѣ господствовала мертвая тишина, послѣдній лучъ солнца озарилъ маленькія дѣтскія головки и затѣмъ исчезъ; день близился къ концу. Рухиль наконецъ встала. Завтра пятница, завтра канунъ субботы; неужели этимъ маленькимъ придется голодать въ субботу!.. Блестящая мысль вдругъ пришла ей въ голову. Она быстро подошла къ большой деревянной кровати, загроможденной засаленными перинами и подушками, вытащила оттуда самую большую подушку и, связавъ ее въ узелъ, взяла подъ мышку и незамѣтно вышла изъ комнаты. Минуть черезъ двадцать она, запыхавшись отъ быстрой ходьбы и довольно тяжелой ноши, остановилась у дверей небольшого дома, выкрашеннаго въ желтую краску. Оглянувшись назадъ, не видитъ ли кто нибудь, она проскользнула въ полурастворенную дверь и очутилась въ довольно большой комнатѣ, мебель которой не говорила о богатствѣ, даже с зажиточности ея хозяина. Опустивъ на столъ свою ношу, Рухиль робко стала выжидать появленія хозяина. Минуты черезъ двѣ въ комнату вошелъ небольшой человѣчекъ съ плутовскими глазами и хищнической физиономіей.

— А, Рухиль, что скажете хорошаго? проговорилъ онъ, бросая взгляды на лежавшій на столѣ узелъ.

— Я къ вамъ съ просьбою, сказала нерѣшительно Рухиль и безъ всякихъ объясненій стала развязывать узелъ.

— Вы вѣроятно закладываете хотите... но увѣряю васъ, что у меня теперь денегъ нѣтъ...—Говоря это, онъ, однако, взялъ въ руки подушку и съ видомъ знатока сталъ ее разсматривать со всѣхъ сторонъ.

— Это одна изъ лучшихъ моихъ подушекъ, въ ней до десяти фунтовъ чистаго пуха... говорила Рухиль.

— Вѣрю, вѣрю; но у меня все-таки нѣтъ денегъ.

— Я вамъ хорошіе проценты заплачу.

— Вѣрю... я бы вамъ и такъ далъ; но у меня нѣтъ.

— Какъ же можно, чтобы у васъ не было какихъ нибудь 5—6 рублей!

— 5—6!—воскликнулъ ростовщикъ;—если бы я за подобныя вещи сталъ давать по пяти рублей, повѣрьте я бы завтра обанкрутился; ваша подушка и двухъ не стоитъ.

— Какъ не стоитъ, тутъ десять фунтовъ пуха...

— Все же не стоитъ... Я болѣе двухъ рублей не могу вамъ дать.

— Но что я сдѣлаю съ двумя рублями,—сказала, чуть не зарыдавъ, Рухиль;—какъ я справлю субботу двумя рублями.

Ростовщикъ только покачалъ головою!

— Дайте хоть четыре! умоляла Рухиль.

— Больше не могу.

— Ну, хоть три.

Ростовщикъ снова взялъ въ руки подушку и тщательно сталъ ее разсматривать, ворочая во все стороны.

— Подушка больше не стоитъ: но такъ и быть; для васъ я сдѣлаю, и только для васъ, Рухиль. Помните что... можетъ быть Богъ дастъ, мы породнимся съ вами.

Рухиль вытаращила на него глаза.

— Я васъ не понимаю, сказала она.

— Тутъ и понимать нечего,—произнесъ онъ, лукаво подмигнувъ ей;—въ свое время узнаете. Впрочемъ, вѣдь вы знаете, что я вдовець... Но объ этомъ въ другое время. А пока покончимъ съ этимъ дѣломъ. Вамъ слѣдуетъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ.

— Но вы же согласились дать три.

— Такъ и выйдетъ... Сосчитайте...—И вручивъ ей деньги, онъ взялъ у нея изъ рукъ подушку.

— Никому другому я бы не далъ столько; но вамъ вѣдь... я вдовець и ищу хорошую невѣсту...

Но Рухиль больше не слушала. Очутившись на улицѣ и еще разъ ощутивъ свой карманъ, въ которомъ лежали деньги, она прямо побѣжала въ лавку къ Авруму и, закупивъ тамъ все нужное, къ великому удивленію длинноносаго лавочника, нагруженная разными вещами, побѣжала домой.

Прежнее печальное тріо замѣнилось радостнымъ ликованіемъ,

когда мать выложила на столъ съѣстные продукты. Прибѣжала на кухню и Сарра, которая въ отсутствіе матери успѣла возвратиться домой.

— Гдѣ ты все это достала? спросила она съ удивленіемъ.

— Не спрашивай, Богъ послалъ; неужели ты думала, что мы будемъ голодать въ субботу? — радостно проговорила Рухиль.— На, покорми прежде дѣтей! А отецъ еще не приходилъ?

— Нѣтъ.

Рухиль глубоко вздохнула. Она вспомнила, какъ она сегодня утромъ выпроводила бѣднаго Янкеля, и горестное чувство раскаянія снова охватило ее.

— Онъ бѣдный, сегодня ничего еще не ѣлъ! вырвалось у нея.

— Кто это? спросила Сарра.

Но Рухиль ничего не отвѣтила. Занятая разборомъ закупленныхъ на субботу съѣстныхъ продуктовъ, она думала о томъ, какъ это все на свѣтѣ устроено не такъ, какъ бы слѣдовало. У длинноносаго Аврума лавка полная всякаго добра; у безобразной Фрейды кабакъ — золотое дѣло; у рыженькаго Берншпрунга денегъ безъ счету, а у нихъ... При этомъ она вспомнила о непонятныхъ для нея намекахъ ростовщика. На что онъ намекалъ? подумала она, и при этомъ невольно взглянула на старшую дочь. Хорошенькая головка молодой дѣвушки, обремененная густой массой черныхъ волосъ, такъ шедшихъ къ ея молочному нѣжному цвѣту лица, склонилась надъ маленькой Фейгой, которая теперь съ такимъ аппетитомъ лизала кусокъ селедки, точно въ ея маленькихъ рученкахъ были самые лучшіе конфеты. Обѣ другъ другу улыбались, вполне довольныя своей судьбой.

Неужели онъ о ней думаетъ? мелькнула у нея мысль. И сердце бѣдной матери при этомъ сильно забилося. Отъ какаго чувства? она сама не могла опредѣлить. Мойше Берншпрунгъ? Развѣ возможно, чтобы... Что бы сказалъ Янкель, еслибы зналъ... И забывъ о мукѣ, которую она собиралась закусить, Рухиль всецѣло отдалась теченію своихъ смутныхъ мыслей и мечтаній... А Сарра, ничего не подозрѣвая, усердно потчивала свою меньшую братью, поддерживая своимъ звонкимъ пѣвучимъ голосомъ

веселый смѣхъ насытившихся дѣтей. Ей теперь было такъ хорошо на душѣ, на красивомъ лицѣ ея, играла такая счастливая улыбка, точно она была дочь перваго въ городѣ богача. Она подняла полные жизни глаза; послѣдній лучъ солнца скользилъ по тусклымъ стекламъ маленькаго окошечка и на мгновенье озарилъ своимъ золотистымъ свѣтомъ всю комнату.

Она зажмурила глаза и тоже задумалась, при чемъ счастливая улыбка не переставала играть на ея розовыхъ щекахъ.

III.

Уже всѣ спали, когда Янкель вернулся домой. Усталый, разбитый, онъ на цыпочкахъ и ощупью пробрался на кухню и, наскоро раздѣвшись, бросился на приготовленную для него постель. Но не смотря на свою усталость, онъ заснуть не могъ; онъ бѣжалъ его глазъ, какъ заработокъ изъ рукъ. И что онъ за несчастный такой уродился! Ужъ кажется, чего, чего онъ не сдѣлалъ... Онъ вспомнилъ нынѣшній день, со всѣми его подробностями, и невеселыя мысли охватили его. Отъ стараго Лейзера онъ бѣгалъ въ «Лондонъ»; оттуда ко всѣмъ ростовщикамъ, какіе только были въ городѣ. Но невиновать же онъ, что Тейтельманъ и Фейгельманъ предупредили его, что наконецъ къ нимъ ростовщики имѣютъ больше довѣрія, чѣмъ къ нему. Если онъ Вигурскаго надулъ, выдавъ себя за Эли Тейтельмана, то не могъ же онъ то же сдѣлать съ ростовщиками, которые очень хорошо знали Янкеля Тейтельмана...

Чѣмъ больше онъ думалъ о нынѣшнемъ днѣ, тѣмъ грустнѣе становилось ему; одно, впрочемъ, утѣшеніе было еще; если Тейтельманъ съ Фейгельманомъ успѣли заручиться обѣщаніями ростовщиковъ, то онъ, Янкель, имѣлъ на своей сторонѣ привратника Ивана и служанку Маньку. Если только они не измѣнятъ ему, его дѣла не совсѣмъ еще проиграно, потому что безъ согласія этихъ послѣднихъ Тейтельманъ также увидитъ Вигурскаго, какъ онъ, Янкель, завтра—жирный соусъ изъ баранины съ свѣжею булкою... При мысли объ этомъ лакомомъ блюдѣ, которое неизамѣнно въ теченіи столькихъ лѣтъ онъ ѣдалъ ко пятницамъ, у него даже слюнки потекли. Проклятыя Тейтель-

мань!.. Однако и онъ, Янкель, не промахъ... Пусть-ка его конкурентъ сунется къ Вигурскому... А если онъ и завтра не достанетъ для него денегъ, что тогда?.. Тейтельманъ получить барышъ, а его прогонять... Что тогда скажетъ Рухиль? При этомъ у него даже морозъ пробѣжалъ по тѣлу. Онъ пробовалъ заглушить свои невеселыя думы въ молитвѣ; но напрасно, вмѣсто молитвы въ головѣ его носился образъ Тейтельмана, насмѣшливо указывавшій на него пальцами помѣщику Вигурскому, а этотъ послѣдній вмѣстѣ съ красивой дамой выставляли ему языкъ и дергали за пейсы.. Потомъ явилась Рухиль и стала требовать заработанныя деньги... Онъ началъ шарить по карманамъ, выворачивалъ одинъ, другой, третій—нѣтъ денегъ.

— Гдѣ же заработокъ? кричить Рухиль.

— Гдѣ же заработокъ? кричить Сарра.

— Гдѣ же заработокъ? кричать и маленькій Аврумъ, малютка Фейга, и босоногая Брана...

— Вотъ уже суббота на носу; дай денегъ...

— Вотъ уже суббота на носу... тянуть за нею всё хоромъ...

— Нѣтъ денегъ...

— Нѣтъ денегъ?!..

Холодный потъ выступилъ на лбу у Янкеля. Въ ужасѣ онъ открылъ глаза. Кругомъ было тихо. На дворѣ уже занималось утро, и сквозь тусклое окопечко въ кухню едва прорывался слабый свѣтъ зари. Онъ быстро всталъ и началъ одѣваться. Ему хотѣлось оставить домъ прежде, чѣмъ ктонибудь изъ домочадцевъ проснется. И во снѣ требованіе Рухиль было ужасно; что же если она предъявитъ его на яву? За перегородкой послышался шорохъ, кто-то закашлялъ. Янкель схватилъ шапку и выбѣжалъ на улицу. Онъ прямо направился къ Мойшѣ Берншпрунгу. Послѣдній имѣлъ обыкновение вставать рано, и Янкель засталъ его уже за дѣломъ.

— Я вчера три раза былъ у васъ,—сказалъ онъ съ упрекомъ:—такое золотое дѣло представляется..—Берншпрунгъ посмотрѣлъ на него своими хитрыми глазками...

— Какое такое дѣло?

— Уже повѣрьте мнѣ... хорошіе проценты...

— Заемъ?

- Да.
- Много?
- Пять тысячъ.
- Кому?
- Помѣщику.
- Вигурскому?

Янкель вытаращилъ на него свои удивленные глаза.

— Вы же откуда знаете? спросилъ онъ, чувствуя, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ.

— Почему же мнѣ не знать, если вы знаете...—И Берншпрунгъ лукаво улыбнулся.

— Вамъ Тейтельманъ сказалъ?

— Хоть бы такъ...

— Что же, вы уже обѣщали?

— Не въ моихъ правилахъ такъ скоро рѣшать такія дѣла; пусть ктонибудь другой выложитъ пять тысячъ.

У Янкеля воскресла надежда.

— Помилуйте; ребѣ Мойше,—воскликнулъ онъ,—какъ же вы, такой умный человѣкъ, можете отказываться отъ такого золотого дѣла! Такой помѣщикъ, какъ Вигурскій, и даетъ такіе проценты...

— Такъ-то такъ... Но я бы лучше желалъ, чтобы деньги остались у меня, а проценты у Вигурскаго.

— Вы думаете, онъ не достанетъ денегъ?—въ сердцахъ проговорилъ Янкель,—любой ростовщикъ ему дастъ. Я обратился къ вамъ только по расположенію, мнѣ пріятнѣе имѣть дѣло съ вами, чѣмъ съ Авербахомъ или Гринцвейгомъ.

— Это мнѣ очень пріятно.. Я всегда расположенъ къ вамъ и вашему семейству... Я потому вчера Тейтельману отказалъ...

— Такъ вы согласны?

— Вы знаете, какіе проценты я беру...

— Знаю, знаю...

— Но вы знаете, что я никогда факторамъ не плачу... это не въ моихъ правилахъ...

— И за мой трудъ? заикнулся было Янкель.

— А за мой трудъ? возразилъ Берншпрунгъ.

— Но вѣдь вы получаете проценты...

— То получаютъ мои деньги...

— Ну хорошо, я буду довольствоваться вознагражденіемъ, которое мнѣ дастъ помѣщикъ.

— Вы со мной подѣлитесь...

— Вы шутите, ребъ Мойше...

— Ничуть... Зачѣмъ же мнѣ ходить, бѣгать, хлопотать, согласитесь сами, мой трудъ тоже что нибудъ да значить...

— Но что же мнѣ тогда останется, ребъ Мойше?—чуть-ли не со слезами воскликнулъ Янкель;—у меня вѣдь жена и дѣти...

— А я, вы думаете, на золотѣ ѣмъ?...—тѣмъ же тономъ произнесъ Берншпрунгъ.—Если бы не для васъ, я бы никогда не согласился на такое рискованное дѣло... А ваша жена ничего вамъ не говорила? вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего; я, по правдѣ сказать, и не видалъ ея.

— Какъ, развѣ вы не ночевали дома?

— Ночевать-то ночевалъ, но жены не видѣлъ: ничего на субботу не заработалъ еще...

— Ну, у васъ великолѣпная рыба будетъ въ эту субботу...

— На какія деньги? изумился Янкель.

— Я ей далъ...

— Вы?!..

— Я... Что же тутъ удивительнаго... вѣдь я же вамъ говорилъ, что я расположенъ къ вашему семейству... Впрочемъ, объ этомъ въ другой разъ, а теперь, если вы согласны на мои условія, поведите меня къ помѣщику.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ,—воскликнулъ Янкель, у котораго точно гора свалилась съ плечъ.—Неужели вы дали моей Рухиль денегъ на субботу!...

— Конечно, далъ... Но теперь пойдемъ... а то насъ еще предупредить... Вы вѣдь знаете Тейтельмана... Онъ мнѣ въ пику изъ земли выкопаетъ деньги.—Янкель и Берншпрунгъ вышли.

IV.

Точно на горячихъ угольяхъ сидѣлъ Вигурскій въ своемъ номерѣ и ждалъ Янкеля Тейтельмана. Онъ успѣлъ написать всѣ нужныя письма, успѣлъ составить смѣту предстоящимъ

расходамъ, а Янкеля съ деньгами все не было. А какъ нужны были ему эти деньги! Онъ только недавно выписалъ новыя машины, которыя по его расчету должны были почти вдвое поднять производительность его земли; нужно было платить по счетамъ, а наличныхъ денегъ у него какъ разъ не оказалось. Еще недавно вступивши въ управленіе своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, онъ теперь впервые только ощутилъ недостатокъ въ деньгахъ и необходимость прибѣгнуть къ займамъ. Какъ ни сильно было въ немъ отвращеніе къ займамъ и въ особенности къ ростовщикамъ, но желаніе поставить свое хозяйство внѣ той рутины, которой до сихъ поръ держались его сосѣди-помѣщики, было еще сильнѣе, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ займу и съ этой цѣлью поѣхалъ въ городъ. Еще одно обстоятельство тянуло его сюда. Среди своихъ хозяйственныхъ заботъ, онъ очень хорошо помнилъ, что въ сосѣднемъ имѣніи живетъ Нодичъ-Квицинская. Онъ ея лично не зналъ, но видѣлъ ея карточку у своего друга, тоже сосѣда, и рѣшился поѣхать къ Квицинскимъ съ визитомъ, тѣмъ болѣе, что старуха Квицинская была подруга его покойной матери.

Онъ высказалъ свое рѣшеніе своему пріятелю.

— Великолѣпно, и я съ тобою; только придется подождать.

— Почему такъ?

— Мать съ дочкой только сегодня уѣхали въ городъ.

Вигурскій ничего не сказалъ, но пріѣхавъ домой, велѣлъ заложить дорожный экипажъ, взялъ самое необходимое и укатилъ въ городъ, стараясь оправдать свою поспѣшность важными хозяйственными дѣлами, что на самомъ дѣлѣ было не неправда.

Онъ только сегодня утромъ пріѣхалъ и не успѣлъ еще узнать ничего, къ тому же ему деньги дѣйствительно нужны были, и чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ рѣшился сперва покончить съ денежными дѣлами, а затѣмъ искать Квицинскихъ.

Но Янкель не явился..

— Сто чертей этому жиду!.. Неужели онъ меня будетъ держать въ такомъ напряженіи... Хоть бы другой Тейтельманъ пришелъ...

Проклятое отродье!..

Но въ эту минуту въ дверь кто-то сильно постучалъ.

— Войдите.

— Мнѣ нельзя.. раздался пискливый голосокъ за дверью.

Вигурскій подскочилъ къ двери и отворилъ ее.

— На-те, баринъ, письмо, сказала Машка, протянувъ руку съ запечатаннымъ конвертомъ и пряча за дверью свою хорошенькую головку.

— Отъ кого?

— Отъ хорошенькой барышни.. да возьмите!

— Да ты что же прячешься, плутовка,—сказалъ Вигурскій, схвативъ ее за руку;—скажи отъ кого?

— Прочтите, узнаете; да меня отпустите...

— Да войди...

— Да пустите, а то барынѣ Квицинской расскажу...

При словѣ Квицинской, Вигурскій быстро схватилъ письмо и отступилъ назадъ.

— Ага, испугались... — И Машка со смѣхомъ захлопнула дверь.

Вигурскій остался одинъ съ письмомъ въ рукахъ. Нѣсколько мгновений онъ разсматривалъ запечатанный конвертъ, не рѣшаясь его распечатать. Въ ушахъ у него еще звенѣли слова Машки, и онъ терялся въ догадкахъ; наконецъ, онъ разорвалъ конвертъ и вынулъ письмо.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!

Факторъ Янкель Тейтельманъ мнѣ передалъ, что вы хотите купить кукурузу для будущаго посѣва. Такъ какъ я продаю такую именно кукурузу, то я и велѣла фактору сообщить вамъ объ этомъ; но въ виду того, что онъ не является, а другіе покупщики осаждаютъ меня своими просьбами, я и рѣшилась письменно спросить васъ: желаете ли вы купить кукурузу, такъ какъ мнѣ будетъ пріятнѣе продать ее вамъ, моему сосѣду, чѣмъ кому либо другому. Соболаговолите дать отвѣтъ и простите за навязчивость. Готовая къ услугамъ

А. Квицинская.

Р. S. Мы сосѣди не только по имѣніямъ, но и по номе-

рамъ, и я бы была очень рада получить вашъ отвѣтъ лично черезъ васъ же».

Вигурскій не вѣрилъ своимъ глазамъ; онъ еще разъ прочелъ письмо, недоумѣвая, о какой это кукурузѣ говорится въ немъ; насколько ему помнится, онъ съ Янкелемъ ни о какой кукурузѣ не говорилъ. Не ошибка ли это? Онъ снова посмотрѣлъ на конвертъ; адресъ былъ написанъ на его имя.

— Что же бы это значило? спросилъ онъ себя мысленно, но, не долго думая, сталъ приводить въ порядокъ свой туалетъ. Пусть хоть кукуруза, рѣшилъ онъ; куплю кукурузу.. И въ воображеніи его пронесся образъ молодой дѣвушки, которую онъ только и зналъ по карточкѣ, но которая тѣмъ не менѣе, по какому-то странному капризу, успѣла завладѣть всѣми его помыслами.

— Вотъ такъ Янкель Тейтельманъ!..—И будь Янкель тутъ, онъ бы, безъ сомнѣнія, его разцѣловалъ за его выдумку, которая сразу его подвинула къ цѣли. Онъ сильно позвонилъ.

Въ дверяхъ показалась Машка съ двусмысленной улыбкой на плутовскихъ губкахъ.

— Доложите пожалуйста госпожѣ Квицинской, что я желаю ее видѣть, сказалъ онъ какъ можно серьезнѣе.

Машка взглянула на расфранченнаго молодого человѣка и, надувъ губки, убѣждала, въ душѣ сожалѣя, отчего она такъ капризно отвергла раньше объятія такого красиваго барина. Черезъ минуту она явилась съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Въ пріемной была одна Квицинская. Она привѣтливо улыбнулась и протянула руку молодому помѣщику.

— Хотя наше знакомство имѣеть чисто дѣловой характеръ,—начала она,—но тѣмъ не менѣе я очень рада васъ видѣть у себя и надѣюсь, что эта встрѣча будетъ не послѣдней.

Вигурскій пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, извиняясь, что онъ до сихъ поръ не былъ у нихъ съ визитомъ.

— А я имѣю полное право на васъ сердиться,—сказала Квицинская:—мы съ вашею маманъ были такіе близкіе друзья, что я имѣла право рассчитывать и на расположеніе сына. Но впрочемъ, упреки въ сторону; вѣдь мы народъ дѣловой, и настоящій визитъ вашъ я даже въ расчетъ не принимаю; надѣ-

хось увидѣть васъ у себя въ деревнѣ, а теперь... Говорилъ вамъ мой факторъ... Одну минуту, Наденька; мы сейчасъ кончимъ, дѣловые разговоры не долго продолжаются... Впрочемъ, если тебѣ не скучно будетъ послушать, выйди... Нашъ сосѣдъ ничего противъ этого не будетъ имѣть, неправда-ли, м-г Вигурскій?

Вигурскій быстро вскочилъ въ ожиданіи появленія Надинъ.

Молодая дѣвушка не заставила себя долго ждать. Она согласна было лучше выслушать самый длинный разговоръ о какой-то кукурузѣ, чѣмъ сидѣть за стѣной и не имѣть возможности хоть взглянуть на того, который ее такъ интересовалъ.

Когда церемонія знакомства и обмѣнъ установленныхъ обычаемъ вѣжливостей кончилась, Квицинская снова вернулась къ кукурузѣ.

— Такъ мой факторъ говорилъ вамъ?...

— Я охотно куплю у васъ весь запасъ...

— Какъ весь запасъ?—удивилась Квицинская;—куда вы съ нимъ дѣнетесь? развѣ вы только одну кукурузу сѣете?...

Молодой помѣщикъ смутился и покраснѣлъ до корня волосъ. Въ сущности онъ также мало думалъ въ настоящую минуту о кукурузѣ, какъ о прошлогоднемъ солнечномъ затмѣніи. Отъ времени до времени онъ бросалъ взоры на молодую дѣвушку, сидѣвшую нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, и провѣрялъ свои впечатлѣнія. Оригиналъ оказался неизмѣримо лучше портрета, и онъ съ трудомъ скрывалъ охватившія его чувства. Надинъ инстинктивно поняла, что именно теперь занимаетъ Вигурскаго, и рѣшилась прійти ему на помощь.

— Чего вы, маманъ, удивляетесь! М-г Вигурскій хочетъ купить весь вашъ товаръ; ну, и отлично, и кончайте поскорѣй ваши скучные разговоры. Неправда-ли?—Последнія слова, обращенныя къ Вигурскому, дышали такой нѣжностью, что Вигурскій чуть не подпрыгнулъ отъ восторга.

— Совершенно согласенъ съ вами.

— Но какъ же можно... — стояла на своемъ Квицинская;—я вѣдь тоже что нибудь понимаю въ хозяйствѣ. А цѣну мою знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ же, развѣ Янкель вамъ не говорилъ?

— Нѣтъ.

— Что же онъ, безтолковый... А еще хвалился, что онъ лучше всѣхъ другихъ факторовъ.

— Они всѣ на одинъ ладъ.

— Ну, не говорите, вотъ мой...

— Нѣтъ, мама, уже не хвалите его пожалуйста, мнѣ Янкель больше нравится.

Вигурскій взглянулъ на молодую дѣвушку. И ему Янкель нравился теперь. Не будь его, онъ бы, можетъ быть, теперь не сидѣлъ здѣсь, любуясь чудными глазами прелестной сосѣдки...

Квидинская между тѣмъ продолжала излагать свои дѣловыя соображенія на счетъ продажи кукурузы, но видя недовольные взгляды дочери и не находя достаточно поддержки со стороны Вигурскаго, оставила на время этотъ разговоръ и перешла къ другому. Завязался общій разговоръ, который за чаемъ принялъ еще болѣе веселый и оживленный характеръ. Время проходило незамѣтно, но также незамѣтно установились почти дружескія отношенія между молодыми людьми, и глядя на нихъ, никто не сказалъ бы, что они сегодня только въ первый разъ познакомились.

Когда поздно ночью Вигурскій возвратился въ свой номеръ, онъ былъ болѣе, чѣмъ счастливъ. Покупка кукурузы, заемъ въ пять тысячъ, сельско-хозяйственныя машины,—все это разомъ улетучилось и уступило мѣсто безпредѣльному блаженству. Онъ долго еще не могъ заснуть и когда наконецъ заснулъ, то увидѣлъ во снѣ Янкеля Тейтельмана, лукаво подмигивавшаго ему правымъ глазомъ.

— Что тебѣ нужно?

— А кукурузу купите?

— Какую?

— Да, эту, что Надинъ продаетъ...

— Ахъ ты, жидъ паршивый, развѣ моя Надинъ продаетъ кукурузу... Вонъ, я тебя...

— Ай вей-миръ... за что вы, пане, бьете бѣднаго жида... Чѣмъ я провинился... Я только хотѣлъ заработать у васъ, чтобы купить хлѣба голоднымъ дѣтямъ...

— Такъ у тебя дѣти голодаютъ!... Вотъ тебѣ еще разъ...

— Вей миръ... Но я чѣмъ же виновать...

— Какъ чѣмъ виновать?... Жидъ ты проклятый... Вотъ тебѣ... Трахъ, трахъ...

Вигурскій вскочилъ съ постели и побѣжалъ прямо къ окну. Не пожаръ-ли, подумалъ онъ, прислушиваясь къ шуму на улицѣ. Нужно спасти Надинъ... И протеревъ глаза, онъ сталъ прислушиваться къ все увеличивавшемуся шуму.

С. Я.

(Продолженіе будетъ).

ДѢТИ РАНДАРА.

ПОВѢСТЬ КОМПЕРТА.

IV*.

Планы будущаго.

Грустно становилось на душѣ у рандарши, когда она внимательно вглядывалась въ тихій умственный ростъ своего Мошеле; не могла она разубѣдить себя, что ея ребенокъ — живая жертва. Въ этомъ случаѣ она всегда исходила изъ той мысли, что способности мальчика слишкомъ хороши для „деревни“.

— Развѣ Господь Богъ — часто думала она — далъ бы ему такую голову, еслибъ хотѣлъ, чтобъ онъ всю жизнь оставался между мужиками!

Ей было непонятно, что и для деревни нужны хорошія головы.

Гонза и не подозрѣвалъ, какъ часто служилъ онъ предметомъ размышленій рандарши. Въ ея глазахъ его образованность представлялась исполнинскимъ деревомъ, тогда какъ Мошеле являлся въ сравненіи съ нимъ крошечнымъ кустикомъ. Она не переставала сравнивать обоихъ юношей, и такимъ образомъ въ ней наконецъ установилась мысль, что счастье ея ребенка навѣки разрушено.

Сколько разнообразныхъ попытокъ дѣлала добрая женщина, чтобы сломить упорство своего мужа! Какіе странные эти мужчины! Она никогда не рѣшалась поговорить съ нимъ откровенно, потому что знала его

---

* См. „Восходъ“ кн. VI 1884 г.

предразсудки противъ „ученя“. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ они составляли одну душу, одно сердце, одно волю, а здѣсь, гдѣ дѣло шло о ея ребенкѣ, о цѣлой жизни—здѣсь раздѣляла ихъ такая пропасть!

Уже давно въ головѣ рандарши вертѣлась мысль, смѣлость которой устрашала ее самое. Она хотѣла, чтобы Мошеле учился! Ей было хорошо извѣстно, какія препятствія и труды предстояли ей при этомъ. Точно высокая крутая гора вздымалась передъ нею, но внутренній голосъ говорилъ ей, что она должна взойти наверхъ во что бы то ни стало—хотя бы на вершинѣ ожидала ее смерть!

— Чѣмъ Гонза лучше моего дитяти?—часто думала она въ безсонныя ночи.—Его отецъ величайшій пьяница во всей деревнѣ; были у него и поля, и сады, и луга, и все это пропилъ этотъ Вацлавъ. Бѣдной Вацлавши мнѣ всегда очень жалко, да развѣ можемъ мы не давать ему пить? Вѣдь этимъ же мы кормимся. И при всемъ томъ однако, Гонза побѣдетъ учиться; Вацлавша каждый кусокъ отнимаетъ у себя, чтобы отдать сыну. И коли это дѣлаетъ Вацлавша, то чего бы я не могла сдѣлать? Что даетъ своему ребенку первый пьяница въ деревнѣ, того не позволяетъ мнѣ дѣлать мой собственный мужъ! Нужно мнѣ, что ли, ходить въ синагогу въ шелковыхъ платьяхъ? Но я хорошо вижу—шелковое платье для него важнѣе ребенка.

Часто она пускала въ ходъ уловку—выказывать познанія Мошеле въ присутствіи отца. Между шноррерами, посѣщавшими ихъ домъ, всегда находился какой-нибудь знатокъ въ библіи. Поэтому каждую субботу происходилъ такой экзаменъ изъ пятикнижія, при чемъ Мошеле отвѣчалъ на всѣ вопросы ученаго ницаго. Обыкновенно мальчишекъ выдерживалъ испытаніе отлично, и первыя похвалы вылетали всегда изъ устъ рандарши. На эти экзамены она имѣла обыкновеніе приглашать весь дождь, чтобы дѣло происходило торжественнѣе и болѣе возбуждало честолюбіе ея мужа. Она хотѣла постепенно подготовить его къ мысли объ отдачѣ сына въ серьезное ученіе.

Самъ Мошеле не подозрѣвалъ, что замышляла мать на счетъ его. Она часто со слезами говорила, что съ нимъ поступали крайне неспра-

ведливо; но въ чемъ именно состояла это несправедливость — онъ не зналъ. Его не обижали ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ! О Гонзѣ говорила она почти каждый день, въ немъ она уже теперь видѣла знатнаго вельможу — владѣльца собственнаго дома въ пражскомъ „Градчинѣ“ и съ золотымъ крестомъ на груди! Благодаря этимъ рѣчамъ, Гонза и въ душѣ сына рандарши принялъ разбѣры необыкновеннаго существа. Разъ какъ-то въ ихъ деревню прѣѣхалъ епископъ изъ Лейтмерица для конфирмаціи дѣтей, и съ той поры Мошеле видѣлъ въ Гонзѣ только будущаго епископа, окружая его въ своемъ воображеніи такимъ же внѣшнимъ блескомъ...

Но дружба между этими дѣтьми не могла развиваться вполне — и виною тому была суббота. Въ этотъ день Мошеле и Ганнеле были совсѣмъ свободны отъ ученья, за то Гонза сидѣлъ у священника; въ воскресенье же, когда свободнымъ дѣлался Гонза, къ дѣтямъ рандара прѣѣзжалъ реббе изъ гетто. Поэтому дѣти сходились не такъ часто, какъ хотѣли. Хуже всѣхъ отъ этого приходилось Ганнеле; у брата ея со времени ухода Мендела Вильны былъ таинственный, невидимый товарищъ, съ которымъ онъ особенно любилъ водить компанію — и то былъ онъ самъ.

Но со временемъ и Ганнеле нашла себѣ выходъ. Въ субботу послѣ обѣда она шла со своимъ „сидерль“ (молитвенникомъ) къ церкви, на то мѣсто, гдѣ стоялъ большой деревянный крестъ съ изображеніемъ Іисуса, и тамъ повторяла урокъ для реббе. На самомъ дѣлѣ она ждала только наступленія четырехъ часовъ, потому что, какъ только пробьетъ четыре на колокольнѣ, появлялся Гонза, и садился около нея, и принимались они бесѣдовать. Начало разговора было всегда почти одно и то же:

— Принесла? прежде всего спрашивалъ Гонза.

Ганнеле съ улыбкой утвердительно кивала головой и вынимала изъ кармана передника бумагу, въ которой было завернуто нѣчто, вызвавшее у Гонзы жадные взгляды. То былъ кусокъ „бархеса“ или бѣлаго хлѣба, который Ганнеле отнимала всякій разъ у себя. Этотъ „бархесъ“

служилъ предметомъ сильной зависти; остальные мальчики, глядя, какъ Гонза унижалъ соблазнительное лакомство, говорили:

— Вотъ этотъ Гонза опять сидитъ со своею жидовкой!

Но Гонза былъ смѣтливѣе ихъ; онъ притворялся, что и не слышитъ насмѣшекъ. Но развѣ онъ и на самомъ дѣлѣ не заслуживалъ зависти? Остальнымъ такой бѣлый хлѣбъ доставался развѣ только на Рождество или Пасху, а Гонза получалъ его каждую субботу. Удивительно ли послѣ этого, что онъ имѣлъ право считать себя другомъ Ганнеле?

Поѣвъ, онъ обыкновенно говорилъ:

— Какой вкусный этотъ еврейскій хлѣбъ!

— Тебѣ понравился? спрашивала Ганнеле, дѣлая въ этомъ случаѣ совершенно лишній вопросъ.

Часто тема разговора было у нихъ такая, какой всего менѣе можно было ожидать — именно религіозная.

Однажды Ганнеле, послѣ того, какъ ея товарищъ справился со своимъ „бархесомъ“, сказала:

— Теперь, Гонза, „бенчъ!“

— Что это за слово! Можетъ быть, еврейское?

Ганнеле должна была конфузливо сознаться, что да; не знаю, отчего она такъ покраснѣла при этомъ.

— У насъ — объяснила она — послѣ ѣды надо всегда „беннень“ г. е. благодарить Бога. А ты это дѣлаешь, Гонза?

Одинъ эпизодъ вдругъ обратилъ это почитаніе Гонзы въ высокое дерево, которое принесло въ одно и тоже время цвѣты и плоды.

Разъ въ субботу, когда не оказалось ни одного шпоррера для производства экзамена, Мошеле празднично смотрѣлъ въ окно. Ганнеле снова сидѣла у креста передъ церковью, а Гонза рядомъ съ нею, и между ними шла повидимому самая оживленная бесѣда. Говорить съ Гонзою глазъ на глазъ Мошеле отваживался рѣдко, но въ присутствіи Ганнеле у него на это хватало духу.

И вотъ Мошеле пошелъ къ нимъ. Приближаясь, онъ замѣтилъ, что они, завидѣвъ его, вдругъ замолчали, Ганнеле даже покраснѣла, а у

Гонзы оказалась вздутою одна щека, потому что онъ за нею скрылъ кусокъ „бархеса“, который не успѣлъ проглотить. Какъ будто Мошеле не зналъ объ этихъ приношеніяхъ своей сестры!

Но на этотъ разъ мальчику захотѣлось посердить ихъ и остаться, какъ ни мало располагалъ къ тому оказанный ему приемъ. Ни Гонза, ни сестра не говорили съ нимъ ни слова, и тутъ Мошеле, чтобы окончателно отомстить и досадить имъ, сталъ прямо противъ нихъ: подѣ крестомъ. Но это продолжалось недолго, потому что другой предметъ приковалъ его вниманіе.

Передъ нимъ былъ распятый Спаситель. Мальчику, родившемуся въ деревнѣ, гдѣ вообще господствуетъ полная вѣротерпимость, были чужды многія изъ тѣхъ воззрѣній, которыя выработало нѣкогда, въ мрачное время, гетто. Распятый былъ нарисованъ довольно плохо. Это не мѣшало, однако, мальчику чувствовать нѣчто въ родѣ жалости къ его страданіямъ. Безжизненно опустившаяся голова и потухшіе глаза, гвозди въ рукахъ и ногахъ, съ струившеюся изъ нихъ кровью охватывали ребенка трепетомъ; особенно пристально смотрѣлъ онъ на четыре латинскія буквы надъ головою распятаго. Онъ казались ему такими таинственными, и самъ не понимая, что двигало имъ въ эту минуту, онъ въ полголоса произнесъ:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, что значать эти буквы J N R J, написанныя вотъ тутъ на жести?

— Я могу тебѣ объяснить! успѣшилъ сказать Гонза, какъ разъ въ эту минуту благополучно окончившій операцію съ „бархесомъ“.

Гантеле и Мошеле съ изумленіемъ глядѣли на него. Ни предъ какими богами и владыкою земнымъ не преклоняются души человѣческія съ такимъ смиреніемъ, съ какимъ склонились дѣти рандара предъ ученостью Гонзы.

— Это по латини, сказалъ Гонза.

— По латини? тихо повторилъ Мошеле.

— Если не вѣришь, спроси священника, когда онъ зайдетъ къ вамъ.

Добрый Гонза! Вѣдь дѣти сомнѣвались въ тебѣ также мало, какъ, быть можетъ, ты самъ — въ латыни твоего священника!

Затѣмъ онъ объяснилъ имъ сперва, что означала каждая буква въ отдѣльности, послѣ того раземъ произнесъ четыре латинскихъ слова и перевелъ ихъ на чешскій языкъ. Въ переводѣ они значили: Исусъ Назаретянинъ, царь Іудейскій.

Какъ земля принимаетъ въ свое лоно золотой дождь, такъ эти слова Гонзы запали въ сокровеннѣйшій тайникъ души Мошеле. Сѣмена должны были скоро дать ростки. Вечеромъ, за „габдакой“, въ которой суббота символически разстается съ недѣлей, Мошеле оставался безмолвнымъ и задумчивымъ. Обновешно въ это время онъ спорилъ съ Ганнеле, кто будетъ держать при этомъ зажженную восковую свѣчу, которую отецъ послѣ благословенія долженъ былъ потушить въ винѣ. На этотъ же разъ онъ добровольно уступилъ сестрѣ. Ребъ Шмуль началъ церемонію словами: „добрая недѣля, добрый годъ!“ послѣ чего произнесъ длинное благословеніе надъ виномъ и ящичкомъ съ пряностями — предметами, представляющими собою какъ бы ароматъ и прелесть отходящей субботы. Вслѣдъ затѣмъ онъ пролилъ на столъ нѣсколько капель вина и зажегилъ въ нихъ восковую свѣчу. Ящичекъ съ пряностями обшпелъ всѣхъ присутствующихъ по очереди, и каждый нѣсколько минутъ прерождалъ его у себя, чтобы насладиться его благоуханіемъ; когда же очередь дошла до Мошеле, онъ замѣтилъ это только въ ту минуту, когда Ганнеле нашла необходимымъ тинуть ему ящичекъ подъ самый носъ.

Отецъ отправился въ иннокъ, мать укладывала праздничное платье въ большой ящикъ; тутъ Мошеле тихо подошла къ ней и схватила ее за руку.

— Что тебѣ? спросила она.

— Скажи, Моше рабену (нашъ учитель Моисей) зналъ и по латыни?

— Какой глупенькій вопросъ! — сказала она; — развѣ было на свѣтѣ что нибудь, чего не зналъ онъ! Вѣдь твой учитель разсказалъ тебѣ,

что самъ Богъ училъ Моисея, а кто учится у Бога, можетъ развѣ не знать всего?

Послѣ этихъ дѣйствительно глубокомысленныхъ словъ матери Мошеле долго смотрѣлъ ей въ лицо и наконецъ сказалъ:

— Стало быть, и Гонзу учить Богъ?

— Отчего это тебѣ такая мысль пришла? съ улыбкою спросила мать.

— Оттого что и онъ знаетъ по латыни.

— Дурачокъ, это онъ у священника научился.

— А священникъ?

— Тотъ четырнадцать школъ прошель, вотъ и знаетъ.

— А можетъ — продолжалъ мальчикъ послѣ нѣкотораго молчанія — каждый человекъ сдѣлаться такимъ, какъ священникъ и Гонза?

— Они оба еще ничего не знаютъ, — отвѣтила умная мать, — даже священнику надо еще много и много учиться, пока онъ все узнаетъ.

— А мнѣ нельзя дойти до этого?

— Развѣ ты не можешь тоже учиться? крикнула рандарна отъ всей полноты души и, вся дрожа отъ радости, обѣими руками прижимала ребенка къ сердцу.

О, Господи, какъ она была счастлива! Какъ страстно цѣловала она свое дитя, стремившееся къ свѣту образованія, какъ смѣялась и плакала къ одно и то же время, говоря при этомъ слова, на выдуманная головою, но радостно вырвавшіяся изъ сердца! Неужели же здѣсь не было духовъ, которые подхватили бы на свои быстрыя крылья и разнесли бы по всему свѣту эту великую новость — что Мошеле хочетъ учиться?

А сама она тотчасъ же побѣжала въ шинюкъ, чтобы сообщить объ этомъ своему мужу. Но одинъ взглядъ, брошенный ею туда, убѣдилъ ее, что теперь не время. Рандаръ сидѣлъ посреди своихъ носелатъ и какъ разъ въ эту минуту произнесилъ пространную рѣчь по поводу ничтожнаго спора между двумя выпившими гостями. Рандаринъ вдругъ одѣлалось грустно. Горькое чувство относительно мужа зашевелилось въ

ея душѣ, но тотчасъ же смогло: радость не допускаетъ рядомъ съ собою горечи.

Она снова медленно вернулась и прошла мимо кухни, гдѣ старая Ханне готовила ужинъ на ярко пылавшей плитѣ. Рандарша остановилась прямо передъ пламенемъ, освѣтившимъ ея кроткое лице точно отраженіемъ неба. Въ глубокой задумчивости смотрѣла она на огонь, душа ея была вся съ сыномъ. Старая кухарка, поставившая на плиту горшокъ съ водою, заставила ее очнуться. Тутъ рандарша сказала:

— Говорила я уже тебѣ, Ханне, что нашъ Мошеле хочетъ учиться?

Кухарка всегда слышала только послѣднія слова, падавшія въ ея слухъ какъ дождевыя капли съ водосточной трубы—потому что она была глуха.

— Хочетъ учиться? повторила она.

— Онъ хочетъ выучиться по латыни—продолжала рандарша—и будетъ ходить въ разныя школы, сдѣлается умнымъ человѣкомъ.

— Умнымъ человѣкомъ, произнесло эхо.

— Хотѣлось бы мнѣ дожить только до того, чтобы увидѣть его докторомъ! Хотѣлось бы изъ-за нашихъ крестьянъ и чиновниковъ, которые думаютъ, что только ихъ дѣти могутъ учиться! Но это будетъ стоить много денегъ.

— Много денегъ! повторила глухая.

Тутъ только замѣтила рандарша, къ кому она обращалась съ выраженіемъ своей радости.

— Ты вѣдь не слышишь меня, Ханне,—сказала она, улыбаясь;— тебѣ говорить, все равно, что вонъ тому горшку на плитѣ.

Ночь, слѣдовавшая за этимъ вечеромъ, прошла у рандарши въ молитвѣ и надеждахъ...

На слѣдующій день рандарша встала съ твердою рѣшимостью немедленно переговорить съ мужемъ. Она только не знала, какъ приняться за дѣло. Ей было ясно, какую бурю вызоветъ это объясненіе, и въ предчувствіи ея бѣдная женщина терпѣла страшныя муки.

Незадолго до обѣда стояла она на улицѣ передъ воротами и обду-

нывала весь свой планъ. Горячо просила она Бога, чтобъ все удалось ей. Невдалекѣ проходила Вацлавша, мать Гонзы; она шла къ св. Іоанну Непомуку. „Теперь она будетъ молиться ему за своего Гонзу“, подумала рандарша, и душа ея соединилась съ душою крестьянки: вѣдь онѣ оба хотѣли одного и того же, стремились къ одному и тому же, думали объ одномъ и томъ же.

Вдругъ на дорогѣ повязался экипажъ; поднимавшая пыль еще скрывала его отъ взглядовъ рандарши. Когда онъ подѣхалъ ближе, рандарша увидѣла, что это былъ самъ графъ. Душу ея наполнило почти-тельное волненіе.

Нѣтъ, нѣтъ, не воображайте себѣ, что передъ вами воскресеніе давно умершей страсти! Все давно прошло: вѣдь они оба уже старики!

— Здравствуйте, мадамъ Рахиль! привѣтствовалъ ее графъ, выходя изъ экипажа.

— Ваше сіятельство!.. въ смущеніи проговорила она, и съ глубокимъ смиреніемъ подошла къ нему.

— Давно уже я не былъ у васъ, правда?— сказали сіятельный;— я пріѣхалъ посмотрѣть, что дѣлается въ винокурнѣ. Какъ здоровье господина Ротшильда? (Это онъ говорилъ о рандарѣ).

— Онъ здоровъ, ваше сіятельство.

— А вы какъ поживаете, мадамъ Рахиль?

— Я тоже здорова, благодарю сіятельнаго графа.

— Но я вижу, вы плакали, мадамъ Рахиль; можно узнать отчего? Рандарша не сразу отвѣчала.

— У меня много горя, сказала она черезъ нѣсколько минутъ.

— Почему же это, мадамъ Рахиль? Вѣдь вы живете съ мужемъ очень счастливо?

— Эти вещи не такъ легко объяснять, ваше сіятельство, сказала рандарша съ болѣзненной улыбкой.

— Отчего же?

— Дѣло домашнее...

— И мнѣ его нельзя знать? воскликнулъ графъ.

— Это изъ-за моихъ дѣтей...

— Они васъ такъ сильно огорчаютъ? Это конечно очень печально...

— Дѣти мои—славныя дѣти, и я благодарю Бога за нихъ,—живо перебила рандарша;—но моему Морицу... (ей было совѣстно назвать его настоящимъ именемъ) очень хотѣлось бы сдѣлаться докторомъ.

— Вашему маленькому сыну? спросилъ графъ, улыбаясь.

— Но мой мужъ и слышать объ этомъ не хочетъ; ему кажется, что если нашъ сынъ будетъ много учиться, онъ перестанетъ быть хорошимъ евреемъ. А я хочу, онъ долженъ учиться; только это будетъ стоить много денегъ, и мой мужъ не желаетъ...

— Изъ-за денегъ?

— О, нѣтъ, ваше сіятельство, изъ-за еврейства.

— Вздоръ!—замѣтилъ графъ;—нѣсколько латинскихъ фразъ не заставятъ же его тотчасъ же измѣнить вашему Богу. Я переговорю объ этомъ съ вашимъ мужемъ, положитесь на меня, мадамъ Рахиль.

Въ это время появился и рандаръ, послѣдовавшій съ низкими поклонами привѣтствовать сіятельнаго гостя. Графъ привѣтливо улыбнулся своему „Ротшильду“ и попросилъ его отворить винокурню, которую ему хотѣлось осмотрѣть. Они вошли туда, рандарша осталась передъ дверью... И такъ тамъ, среди запаховъ дьявольскаго напитка, должна была черезъ нѣсколько минутъ рѣшиться участь ея ребенка; изъ этого дома предстояло выйти этой участи... но въ какомъ видѣ: ангела съ лучезарными крыльями, или страшнаго чудовища? Какъ угадать?

Черезъ годъ—кто могъ бы этотъ промежутокъ времени назвать получасомъ?—графъ и рандаръ вышли изъ винокурни. Рахиль внимательно всматривалась въ лице его сіятельства, но на немъ не выражалось ничего. Надѣяться или отчаяться?

Экипажъ снова уѣхалъ. Сдержалъ-ли графъ свое слово?

Какъ ни странно это можетъ показаться, но рандаршѣ было пріятно, что ея мужъ весь этотъ день былъ въ дурномъ расположеніи духа. „Значить, графъ говорилъ ему“, думала она. И теперь, когда она знала, что ея планъ касательно образованія Мошеле не былъ уже тай-

ноу отъ мужа, у ней не хватало духу прямо говорить съ нимъ объ этомъ. Ей хотѣлось выждать, чтобы началъ онъ. „Онъ отецъ, — говорила она себѣ, — первый шагъ долженъ быть сдѣланъ имъ“.

Ночью, когда Мошеле лежалъ уже въ постели, ему не спалось. Въ комнатѣ былъ еще свѣтъ, и отецъ съ матерью еще не ложились. Они сидѣли молча за столомъ другъ противъ друга, рандаръ считалъ деньги и просматривалъ долговую книгу.

— Павлу Кратохвиду нельзя больше давать взаймы, — сказалъ онъ; — за нимъ ужъ слишкомъ много.

— Хорошо, тихо отвѣчала рандарша.

Послѣдовала новая длинная пауза. Счетъ денегъ былъ для рандара только ничтожнымъ предлогомъ, чтобы скрыть свое смущеніе. Онъ нѣсколько разъ сбивался и черезъ нѣсколько времени съ неудовольствіемъ смѣшалъ монеты въ одну кучу.

— Рахиль! беззвучно проговорилъ онъ наконецъ.

— Шмуль? полушопотомъ спросила она.

И они снова присидѣли нѣсколько минутъ, не говоря ни слова. Рандаръ первый прервалъ молчаніе:

— Пошли завтра въ Мюнхенгрець за портнымъ Яковомъ; пусть сниметъ мѣрку съ Мошеле.

— У Мошеле довольно платья, возразила рандарша съ женскою проникательностью. Но ей сердце волновалось какъ море.

— Оно годится для деревни, сказалъ рандаръ.

— А онъ куда же отправится? спросила Рахиль неподдающимся описанію тономъ.

— Въ Бунцлау, — отвѣчалъ ребъ Шмуль и всталъ, отворачиваясь отъ жены; — мы отдадимъ его въ ученье. Графъ сегодня убѣдилъ меня.

— Шмуль, Шмуль! — крикнула рандарша; — неужели это правда?

И послѣ этого до поздней ночи сидѣли мужъ и жена, и бесѣдовали о будущности ребенка. Теперь, когда у нихъ снова было одно и то же желаніе, души ихъ тармонировали, какъ хорошіе инструменты...

Утромъ Мошеле разбудилъ поцѣлуй матери.

— Вставай скорѣе, дитя мое! — сказала она: — одѣвайся и молись; скоро ты услышишь что-то очень хорошее.

Мошеле исполнилъ все; но въ то время, какъ онъ читалъ молитву, ему казалось, какъ будто онъ уже гдѣ-то слышалъ о томъ „очень хорошемъ“, которое обѣщала ему мать.

Послѣ молитвы пріѣхалъ изъ Мюнхенгрета портной Яковъ. Онъ снялъ съ мальчика мѣрку для сюртука, брюкъ и жилета. Рандаръ тотчасъ же вручилъ портному наличныя деньги, чтобы онъ могъ купить сукно и прикладъ.

Но и объ умственномъ новомъ платьѣ позаботился рандаръ. Съ первую же почтой онъ просилъ своего знакомаго агента въ Прагѣ выслать ему какъ можно скорѣе опытнаго учителя, предложивъ за лѣто двѣсти гульденовъ, столъ и квартиру. Черезъ недѣлю новый учитель уже явился. Мошеле началъ готовиться къ экзамену изъ нѣмецкихъ предметовъ. Уѣхать въ Бунцлау ему предстояло въ октябрѣ...

Новый міръ занялся на его горизонтѣ.

V.

Классныя аттестаціи.

Внося въ списокъ новаго ученика, отецъ ректоръ спросилъ рандаршу, подъ какимъ именемъ желаетъ она записать своего сына—Мозесомъ или Морицемъ, такъ какъ для школьнаго начальства и то и другое—все равно. Рандарша выбрала второе имя, какъ—не станешь срывать это—имѣе еврейское. Но отецъ ректоръ изобразилъ латинскими буквами Maugitius, и подъ этимъ именемъ или нѣмецкимъ переводомъ его будетъ являться впередъ въ этомъ рассказѣ нашъ Мошеле.

Такая перемѣна имени важнѣе, чѣмъ это кажется. По крайней мѣрѣ изъ нашего Морица она скоро сдѣлала новаго человѣка.

Въ Бунцлау его помѣстили у Салме Фло, имѣвшаго лавку съ старыми платьями. Мальчикъ уже теперь началъ стоять много денегъ.

О приключеніяхъ нашего ученика въ первый день пребыванія въ школѣ рассказъ недолго. Изъ-за его „нація“ ему пришлось вытерпѣть много непріятнаго, и слово „жидъ! жидъ!“ летѣло въ него со всѣхъ сторонъ. Чтобы избѣгать насмѣшекъ, онъ сѣлъ на послѣднюю скамью, гдѣ уже помѣщался больной мальчикъ съ блѣднымъ лицомъ, около котораго избѣгали садиться остальные ученики.

За молитвою, читавшеюся до и послѣ ученья, и во время которой всѣ стояли, Морицъ продолжалъ сидѣть, можетъ быть, по темному сознанию, что это положеніе—для него самое приличное. Но послѣ молитвы профессоръ объявилъ разъ навсегда, что евреи должны вставать точно также, какъ христіане; они могутъ, конечно не повторять словъ, потому что онъ не въ правѣ „принуждать“ ихъ къ тому, но сидѣть имъ запрещается; въ это время слѣдуетъ имъ предаваться такимъ мыслямъ и чувствамъ, которыя находятся въ соотношеніи съ ихъ собственнымъ Богомъ.

Морицъ нашелъ это замѣчаніе патера совершенно правильнымъ, каковымъ оно и было на самомъ дѣлѣ, и далъ себѣ слово буквально слѣдовать ему. Онъ только не зналъ, какая молитва изъ „сидерля“ здѣсь наиболее подходящая. Наконецъ онъ выбралъ: „Внемли, о Израиль, твой Богъ—единный Богъ!“

Послѣ обѣда, когда ученики шумно готовились къ уходу, профессоръ спросилъ: „Кто хочетъ завтра служить?“ Большинство рукъ поднялось вверхъ, и со всѣхъ сторонъ раздалось: „я! я!“ Морицъ, полагавшій, что это касается и его, какъ ученика, подалъ такой же знакъ. Патеръ случайно замѣтилъ это. „Маурициусъ хочетъ служить!—воскликнулъ онъ, смѣясь;—нѣтъ, это не для тебя! это ты можешь дѣлать въ своей синагогѣ!“ Страшный смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту остроуту профессора. Морицъ стоялъ ошеломленный испугомъ и стыдомъ.

— Такъ ты хочешь служить, жидъ? кричали ему на улицѣ. — Вѣдный юноша точно сквозь строй проходилъ; онъ вернулся домой со слезами.

Расскажемъ еще объ одномъ приключеніи, которое пришлось пере-

жить Морицу на четвертый день его школьной жизни. Хозяйка его квартиры заперла его сборами въ училище, и поэтому онъ пришелъ въ классъ уже черезъ пять минутъ послѣ профессора. За это нарушение всякаго порядка онъ долженъ былъ понести строжайшее наказаніе. Профессоръ приказалъ ему стать на колѣни передъ кафедрой.

Морицъ плакалъ и просилъ профессора на этотъ разъ простить его, но напрасно. Тогда онъ вскричалъ въ величайшемъ волненіи: „Мнѣ *не позволено* становиться на колѣни, ваше преподобіе!“ Но патеръ не обратилъ вниманія на эти слова и сказалъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ: „Ну, такъ тебя сегодня посадятъ въ карцеръ!“ Тогда Морицъ наконецъ сталъ на колѣни.

И онъ былъ правъ,—ему дѣйствительно религія не позволяла колѣнопреклоненія. Но развѣ мы не имѣемъ права требовать отъ всякаго учителя—будь онъ даже монахъ—чтобъ онъ зналъ душевное состояніе всѣхъ своихъ воспитанниковъ, какъ ботаникъ знаетъ пылинки своихъ цвѣтловъ? Несжигицы, имѣющія назначеніемъ срѣзать только негодные отростки, часто въ слѣпломъ бѣшанствѣ уничтожаютъ и цвѣтущую жизнь. И съ предразсудками дѣтей поступаютъ такъ, какъ будто эти дѣти негодная трава, а не свѣжій, полный силы сокъ жизни! Какъ много учителей—и особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ аскетизмъ сидитъ въ столькихъ видахъ на церковныхъ кафедрахъ—поступаютъ въ этомъ отношеніи нисколько не лучше вандаловъ! Въ тупомъ ослѣпленіи разбиваютъ они душевные и умственные сокровища своихъ питомцевъ, и много духовнаго аромата погибло уже подъ ихъ руками!

Къ счастью, въ нашемъ Морицѣ были слишкомъ здоровые задатки для того, чтобы ихъ могъ подавить подобный образъ дѣйствій... Уже въ слѣдующую пятницу увидѣли лучшее тому доказательство. Въ этотъ день раздавались ученикамъ „сочиненія“ или письменныя работы, представляемыя ими за недѣлю до того. Работа Морица оказалась лучшею, и съ самымъ меньшимъ количествомъ ошибокъ. Точно голосъ неба поразили его слова профессора: его назначили „первымъ надзирателемъ“.

Въ этомъ званіи онъ былъ здѣсь приблизительно тѣмъ же, чѣмъ

его отецъ—дома, именно—важнѣйшимъ лицомъ въ школѣ. Черезъ его руки проходили всѣ работы учениковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручалось наблюденіе за „нравственностью“ товарищей до начала ученія. По истинѣ трудная должность! О каждомъ проступкѣ, каждомъ нарушении правилъ обязанъ онъ былъ докладывать преподавателю, который послѣ этого хладнокровно постановлялъ наказаніе—нѣсколько разъ переписать одно и то же. Такимъ образомъ, Морицъ сдѣлался лицомъ съ неограниченною властью. Онъ могъ *вредить*, и скоро боязнь его надзирательства изгнала всѣ насмѣшки надъ „жидомъ“. Таковы и большіе и маленькіе люди! Товарищи начали ему льстить, и это часто ставило его въ странное положеніе относительно собственной совѣсти: долгие повелѣвали ему служить профессору вѣрнымъ сторожемъ его стада, а польщенное тщеславіе тутъ же совѣтовало закрывать глаза на многіе проступки!.. Но во всякомъ случаѣ онъ хотѣлъ оставаться „популярнымъ“—нѣчто, совсѣмъ сбившее съ толку многихъ, которые были совсѣмъ не школьные надзиратели, какъ нашъ Морицъ!..

Впрочемъ онъ имѣлъ очень опаснаго соперника въ своемъ землемѣ Гонзѣ. Гонза былъ вторымъ надзирателемъ, слѣдовательно стоялъ послѣ него ближе всѣхъ къ трону начальства. И иногда случалось, что онъ внезапно виспровергалъ господство Морица болѣе безукоризненнымъ сочиненіемъ, но тотъ скоро подымался и снова сидѣлъ на престолѣ въ прежнемъ могуществѣ и величіи...

Но смотря на это, Гонза въ сущности всегда оставался первымъ въ классѣ; онъ учился гораздо прилежнѣе и основательнѣе Морица, и гдѣ дѣло шло о буквальной передачѣ выученнаго, онъ постоянно былъ впереди всѣхъ. Но въ ариметикѣ и географіи Морицъ стоялъ выше его.

Давно уже Гонза пересталъ быть тѣмъ идоломъ, передъ которымъ нашъ студентъ, когда онъ еще звался Мошеле, преклонялся съ вѣнчимъ благоговѣніемъ... Тамъ всегда бываетъ, когда сидишь и учишь на одной и той-же скамьѣ amo—amare... Впрочемъ, оба земляка сохраняли между собою самыя пріятельскія отношенія.

Морицъ не получалъ изъ дому ни одного письма, въ которомъ не

упоминалось бы о Гонзѣ. Иногда ему посылались разныя лакомства— пирошки, овощи или гусиная печенька, и въ этихъ случаяхъ рандарна никогда не забывала прибавить въ своемъ письмѣ: „дай чтонибудь и сыну Вацлавиши“. Тутъ же постоянно были напараны нѣсколько строкъ Ганнеле, вѣчный пригвѣвъ которыхъ гласилъ: „поклонись отъ меня Гонзѣ“. Морицъ аккуратно исполнялъ и то, и другое порученіе, и намъ неизвѣстно, что именно возбуждало въ Гонзѣ неукротимую радость— достававшіяся на его долю лакомства, или поклонны Ганнеле.

Но иногда въ немъ возникало сомнѣніе — дѣйствительно ли въ письмахъ находились слова „поклонись отъ меня Гонзѣ“. Ему казалось, что Морицъ отъ себя прибавляетъ это, читая вслухъ письмо. Сынъ рандара клялся ему, что такъ оно въ самомъ дѣлѣ написано, но пріятель недовѣрчиво качалъ головой. Наконецъ Морицъ сердито сунулъ ему въ руки письмо и сказалъ: „Ну, прочитай самъ и убѣдись!“ Но для Гонзы это было совершенно невозможно, потому что письмо было написано по еврейски, и бросивъ на него взглядъ, онъ гнѣвно вскричалъ: „Ты думаешь, я могу разобрать эти дьявольскія писемена?“ Тутъ Морицъ увидѣлъ свою ошибку, и чтобы успокоить Гонзу, предложилъ ему выучить его еврейской грамотѣ. Гонза сначала отказывался изъ-за релігіозныхъ соображеній; но наконецъ желаніе самому читать поклонны Ганнеле превозмогло всавія колебанія—и онъ согласился. Тогда Морицъ съ большимъ трудомъ изготовилъ еврейскую азбуку, написалъ на ней соотвѣтствующія нѣмецкія буквы и вручилъ каллиграфическое произведеніе своему соотечественнику. Съ безконечнымъ терпѣніемъ упражнялся Гонза цѣлую недѣлю въ изученіи „дьявольскихъ“ караулъ, пока не одолѣлъ ихъ.

Въ слѣдующій четвергъ посланная изъ деревни женщина снова привезла лакомства и письмо. Гонза находился при этомъ. Морицъ по обыкновенію надѣлилъ его лакомствами и передалъ поклонъ.

— Покажи, сказалъ Гонза.

Морицъ далъ ему письмо. Яркій румянецъ покрылъ лицо Гонзы, когда онъ дѣйствительно прочелъ слова Ганнеле: „Поклонись отъ меня Гонзѣ!“ Теперь онъ вполне убѣдился!..

Прошелъ годъ; черезъ нѣсколько дней должна была происходить раздача аттестаций.

Съ великою радостью ждали они этой минуты, потому что первенство должно было остаться за Морицемъ или за Гонзой. Большинство голосовъ заранѣе высказывалось въ пользу Морица, но другіе утверждали, что „жду не стать впереди...“

За недѣлю до торжественнаго дня обонии кандидатами овладѣло безмолвное и благоговѣйное чувство ожиданія. Они уже не говорили между собою о предстоящемъ, и Морицъ думалъ объ израильянахъ передъ горою Синаемъ, когда они въ священной тишинѣ ожидали откровенія. И на его долю должно было выпасть оно...

Въ день акта, рано утромъ пріѣхали рандарша и Ганнеле; онѣ хотѣли быть участницами торжества „перваго ученика“, потому что Морицъ трубилъ объ ожидавшей его славы во всѣхъ своихъ письмахъ.

Въ сопровожденіи матери и сестры, къ которымъ присоединились еще хозяинъ и хозяйка Морица, отправился онъ въ монастырю, полный безмолвнаго упоенія. Они пришли какъ разъ въ ту минуту, когда колокола заблаговѣстили къ торжественному „Те Деумъ“. Со всѣхъ сторонъ стекались родственники и друзья учениковъ; толпа увеличивалась все больше и больше... Наконецъ богослуженіе окончилось, зала наполнилась учениками, и окружный начальникъ съ преподавателями заняли свои мѣста. Началась раздача аттестаций. Но передъ этимъ одинъ „риторъ“ произнесъ еще съ каеодры украшенную всевозможными метафорами и цвѣтами рѣчь—продолжавшуюся слишкомъ долго. Затѣмъ стали читать отгѣтки старшихъ классовъ, и каждый разъ, какъ выступалъ впередъ „первый ученикъ“, раздавались звуки трубъ и литавровъ; наконецъ дошла очередь и до младшаго класса—класса нашего Морица.

Снова зазвучали трубы и литавры; „первый ученикъ“ выступилъ впередъ—но то былъ не Морицъ, а другой намъ знакомый, именно Гонза. Морицъ обратился въ ничто, у него только значилось по всѣмъ предметамъ *eminens*.

По окончаніи торжественнаго акта Морицъ пошелъ отыскивать.

мать. Увидѣвъ ее, онъ громко заплакалъ: бѣдный юноша обмануль ее и самого себя. Рандарша утѣшала его сколько могла, но она сама нуждалась въ утѣшеніи.

— Хорошо и то, — говорила она, — что ты эминенсъ.

— Головой ручаюсь, — замѣтилъ Салме Флю, хозяинъ Морица, — что онъ въ тысячу разъ больше заслужилъ награду, чѣмъ Гонза. Но оттого, что онъ еврейское дитя и что мы живемъ въ голесѣ (угнетеніе), они не сдѣлали его первымъ. Вѣрите мнѣ, госпожа рандарша, у нихъ не хватаетъ духу выпустить еврейскаго мальчика при трубахъ и литаврахъ. Именно потому, что они знаютъ, что еврею это можетъ доставить радость, — не дѣлаютъ они этого. Это вѣдь и есть кантъ голесъ! И если сообразить какъ слѣдуетъ — они вѣдь правы! Сорокъ мальчиковъ въ классѣ Морица — а ему дать первую награду!.. Нѣтъ, это невозможно требовать; это было бы ужъ слишкомъ большимъ стыдомъ для класса!

Стоить только придать личному горю общее значеніе — и становится легче переносить его. Философскія утѣшенія Салме произвели надлежащее дѣйствіе. Морицъ и рандарша ободрились и повеселѣли: Можетъ быть, Морицъ чувствовалъ, что его страданіе началось не въ этотъ день и не здѣсь, а тамъ, гдѣ росли ивы вавилонскія..

Послѣ обѣда, когда рандарша расплатилась съ хозяевами Морица за его столъ и квартиру, собрались въ дорогу домой. Въ „Золотомъ Вѣицѣ“, гдѣ остановились прѣѣзжіе, Ганнеле выразила желаніе, чтобы послали за Гонзой; но мать сгнѣшила уѣхать; каждая лишняя минута напоминала ей, что ее сынъ не получилъ первую награду.

Въ дорогѣ Морицомъ снова овладѣло горестное воспоминаніе о неосуществившейся надеждѣ; онъ сталъ сильно плакать, и мать, которая сама глубоко страдала, не могла его утѣшить.

— Это все отъ нашего голеса, — только и повторяла она; — посмотри бы ты, что было бы, не будь ты еврейское дитя.

Они находились уже недалеко отъ Мюнхенгрца, когда Ганнеле вдругъ вскочила и крикнула: „Вонъ идетъ Гонза!“ Овеяши дальновзорными глазами она уемотрѣла на дорогѣ челоуѣка, опередившаго ихъ эки-

пажъ шаговъ на двѣсти. Это былъ дѣйствительно Гонза—но въ совершенномъ особенномъ костюмѣ. Именно, для того, чтобы ему было легче идти, онъ снялъ свои тяжелые сапоги и несъ ихъ на палкѣ, переброшенной черезъ плечо. Въ другой рукѣ онъ держалъ переплетенную въ красный сафьянъ книгу и очень внимательно читалъ ее; это онъ дѣлалъ не ради скуки: то была вѣдь его наградная книга!

Когда экипажъ пороваялся съ нимъ, онъ въ изумленіи и смущеніи остановился, узнавъ рандаршу. Ганнеле предложила ему сѣсть съ ними, такъ какъ мѣста еще было довольно. Гонза стоялъ въ нерѣшительности, пока приглашеніе не было повторено самою рандаршей. Какъ только Морицъ увидѣлъ въ рукахъ Гонзы красную книгу, онъ съ плачемъ бросился на грудь къ матери и оставался въ этомъ положеніи до самаго пріѣзда домой.

Въ дѣревню они вѣхали уже ночью. Гонза выскочилъ изъ экипажа передъ домою своего отца; онъ едва поблагодарилъ рандаршу съ дѣтьми и не пожелалъ имъ спокойной ночи.

Въ квартирѣ рандара горѣлъ еще огонь.

— Вацлавша порадуется!—думала про себя Рахиль;—отчего же нельзя порадоваться и еврейской женщинѣ? Неужели же вездѣ приходится страдать?

— Ну, что вышло изъ нашего Мошеле? спросилъ ребѣ Шмуль послѣ первыхъ привѣтствій.

— Ничего,—отвѣчала рандарша,—оттого что онъ сынъ еврея.

Морицъ далъ отцу печатную аттестацію.

— Что это за *ет* у тебя на каждой строчкѣ? спросилъ тотъ.

— Это значитъ *etinetz*, отлично, отвѣчалъ Морицъ.

— Ну, чего же тебѣ еще?—замѣтилъ совершенно удовлетворенный рандаръ;—для еврея очень достаточно.

Тутъ онъ увидѣлъ, что въ графѣ „закона Божія“ стояла черта.

— Отчего же здѣсь ничего не написано?

— Оттого что я не учился закону Божію.

— Это совсѣмъ не ладно, — сказавъ рандаръ, качая головой; — впрочемъ я посмотрю, осталась ли у тебя еще религія.

Скоро сѣли ужинать, и къ концу его ребъ Шмуль сказалъ Морицу:

— Ну, теперь покажи мнѣ, все ли ты еще еврей. Молись вслухъ, я увижу, забылъ ты или нѣтъ молитвы.

Морицъ исполнилъ желаніе отца — и къ полному его удовольствію. Когда послѣ этого онъ, очень утомленный, отправился спать и сталъ раздѣваться, рандаръ снова пришелъ къ нему и сказалъ:

— Еще не все, сынъ мой; покажи-ка мнѣ свой „арбе-канфесъ“.

Морицъ съ улыбкой снялъ съ себя арбе-канфесъ и подаль его отцу. Тотъ подошелъ къ свѣту и принялся тщательно изслѣдовать, въ порядкѣ-ли щипсець *. Онъ распустилъ каждую и затѣмъ, удостоверившись въ удовлетворительности ихъ состоянія, снова положилъ въ мѣшечки. Въ это время Морицъ уже легъ въ кровать.

— А теперь — сказалъ неутомимый ребъ Шмуль — скажи вслухъ вечернюю молитву; этимъ мы и покончимъ.

Напрасно рандарша просила оставить ребенка въ покоѣ на нынѣшній день, потому что онъ очень усталъ; ребъ Шмуль настаивалъ на своемъ. Морицъ началъ читать молитву, а рандаръ внимательно слушалъ — не ошибется ли онъ; но прежде чѣмъ юноша дошелъ до словъ: „съ правой стороны у меня стоитъ Михайль, съ лѣвой — Гавріиль, впереди меня — Рафаиль, сзади — Уріель, а въ изголовь моемъ — величье боже“ — глаза его сомкнулись, и черезъ минуту онъ крѣпко спалъ.

— Ученье совсѣмъ не повредило ему, — шепнулъ рандаръ Рахили; — онъ все тотъ же.

И заливало сердце матери! Лишь бы *онъ* былъ доволенъ!

---

* Арбе-канфесъ — нѣчто въ родѣ жилета, къ четыремъ концамъ котораго прикрѣпляютъ извѣстнымъ образомъ приготовленныя и сложенныя нити.

VI.

Двѣ природы.

„Тотъ же“ Мориць былъ однако уже не прежній Мошеле. У рандара не было тѣхъ глазъ, которые проникають въ сокровеннѣйшіе тайники души. Онъ могъ изслѣдовать, въ порядкѣ-ли „арбе-канфесъ“, или не забылъ-ли Мориць вечерней молитвы; но внутреннія измѣненія въ этой молодой душѣ были для него незамѣтны.

Странное дѣло! Мориць началъ только теперь истинно любить деревню. Рожденный и воспитанный между крестьянами, онъ однако, какъ мы видѣли, не допускался ни до какихъ сношеній съ ними. Намъ извѣстны также и причины, руководившія въ этомъ случаѣ его родителями. Теперь же, когда онъ дѣлался „образованнымъ“ человѣкомъ, ему предоставили полную свободу дѣйствій; рандарша думала, что „ученье“ навсегда застраховало его отъ мужицкой грубости.

Мориць какъ нельзя лучше пользовался этимъ позволеніемъ, чтобы безпрепятственно сближаться съ деревней. Выла пора жатвы, и Мориць выходилъ смотрѣть на работы; какъ это ни странно, а онъ до сихъ поръ не видѣлъ еще никогда, какъ убираютъ хлѣбъ. Тутъ же встрѣтился онъ и съ Гонзой. Кокетничанье дѣвушекъ и ревнивое подраживаніе парней, видъ полныхъ сноповъ и отъѣзжавшихъ, тяжело нагруженныхъ телѣгъ—приводили его въ такое веселое настроеніе, что ему казалось, будто онъ долженъ присоединиться къ этимъ людямъ, и тоже работать и пѣть, какъ они. Но онъ воздерживался отъ этого—старое воспитаніе дѣйствовало слишкомъ сильно.

Въ то же время Мориць видѣлъ здѣсь благословеніе и проклятіе, прибыль и разореніе, которыми земля надѣляетъ входящихъ въ ней за дарами. Възъ глубокаго состраданія не могъ онъ смотрѣть на крестьянина, подъ палящимъ зноемъ солнца исполнявшаго свои тяжелыя работы. Каждый разъ какъ бѣднякъ отиралъ потъ съ лица рукавомъ своей рубашки, нашему юношѣ самому становилось жарко и душно. Часто казалось ему, что онъ долженъ немедленно побѣжать къ себѣ домой,

въ погребъ, и оттуда принести на поле холоднаго пива. Все въ этомъ крестьянинъ наводило Морица на мысль о присутствіи въ немъ неутолимой жажды; вся натура его повидимому жаждала только одного—пить. Юноша смутно понималъ теперь, отчего эти люди потребляли столько питья!

— Моему отцу и моей матери хорошо говорить!—разсуждалъ онъ про себя въ одну изъ такихъ прогулокъ по полю.—Имъ не приходится мучиться такъ, какъ крестьянину. И какъ хорошо, что мой отецъ.—рандарь! Онъ можетъ пить крестьянъ... У этихъ людей должна быть вѣдь очень сильная жажда; послѣ этого меня не удивляетъ, что они послѣ работы сейчасъ идутъ къ намъ. Что стали бы они дѣлать, не будь моего отца? Крестьянинъ работаетъ, а мой отецъ даетъ ему пить; они оба, значить, очень нужны другъ другу. Жалко только, что ни то, ни другое не дѣлается даромъ; императору слѣдовало бы приказать это. Кто не работаетъ, у того нѣтъ жажды. Оттого-то мой отецъ никогда не выпиваетъ больше одной кружки пива. Говоритъ, что чуть выпьетъ больше, сейчасъ у него голова заболитъ. А поди-ка онъ, поработай на полѣ!

Морицъ при этомъ случаѣ вспомнилъ, что когда полямъ грозилъ градъ или что нибудь подобное, его отецъ далеко не безповоился такъ, какъ остальные жители деревни. Почему это? Кроме того еще удивляло его, что парни и дѣвушки, привозившіе къ нимъ въ домъ хлѣбъ съ поля, не пѣли здѣсь также громко и весело, какъ въ другихъ мѣстахъ. „Вѣдь у насъ—думалъ онъ—имъ лучше, чѣмъ у крестьянъ; у насъ имъ даютъ больше ѣсть и пить, а веселятся они все-таки меньше“. Причину онъ находилъ въ томъ, что поля его отца не составляли его собственности: „Онъ и самъ не можетъ радоваться такъ, какъ крестьянинъ, который своими руками пахалъ, сѣялъ и жалъ; за это онъ долженъ платить арендные деньги графу; а что ужъ остается сверхъ того—принадлежитъ ему. Я знаю, каково дурному ученику, который списываетъ работу у другаго. Онъ не можетъ радоваться такъ, какъ тотъ, кто самъ написалъ!“

Ганнеле съ тѣхъ поръ, какъ братъ ея пошелъ въ ученье, сдѣлалась корчмаркой. Уже давно учитель пересталъ ѣздить къ нимъ въ домъ; отецъ твердо настоялъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ Ганнеле—такъ какъ Морица онъ считалъ уже въ этомъ отношеніи потеряннымъ—посвятила себя „дѣлу“. Теперь она наливала пиво и водку, давала сдачу и исполняла должность кельнерши. Морицъ завидовалъ ей—вѣдь она давала крестьянамъ пить!

Но очень тяжело становилось у него на душѣ, когда онъ слышалъ разговоръ отца и матери о крестьянахъ, особенно когда они сводили счета, и рандаръ рѣшалъ, кому можно еще давать въ долгъ, кому нельзя. „Не имѣтъ возможности даже пить больше!“ думалъ онъ—и такой крестьянинъ казался ему достойнымъ большаго сожалѣнія.

Когда же мать послала однажды больному крестьянскому ребенку хорошаго мяснаго супу, Морицъ выразилъ при этомъ живѣйшую радость. Рандарша приписала это чувство его доброму сердцу; но оно имѣло болѣе глубокой, гораздо болѣе глубокой источникъ.

Велѣдствіе всего этого по возвращеніи въ Вунцлау гетто представилось ему мрачною могилою. Онъ долго не могъ свыкнуться съ нимъ: Среди этой суетливой поспѣшности, этихъ криковъ, бѣганья, торгашества, спокойствіе его родной деревни выливалось передъ нимъ какъ островъ блаженныхъ. Въ этомъ шумѣ гетто были дисгармоническіе звуки, страшно терзавшіе его слухъ. Даже самый дикій шумъ въ ивнѣхъ его отца не дѣйствовалъ на него такъ непріятно. „Эти люди—думалъ онъ—конечно не пьяны, а вѣдь видъ ихъ совсѣмъ такой!..“ И глубокое уныніе нападало на него.

Это настроеніе вызывало многія насмѣшки надъ нимъ со стороны его квартирныхъ хозяевъ; особенно сухой Салие дѣлалъ его мишенью своего издѣвательства.

— Опять онъ приунылъ!—сказалъ онъ однажды, увидѣвъ Морица еще болѣе печальнымъ, чѣмъ обыкновенно;—о своихъ мужикахъ небось вспомнилъ! Ему, конечно, пріятнѣе съ ними, чѣмъ съ евреями! Да оно и неудивительно: какъ аукнется, такъ и откликнется!

Эти насмѣшливыя слова не столько оскорбили, сколько разсердили нашего Морица.

— А почему-жъ бы нѣтъ?—спросилъ онъ, вспыхнувъ;—развѣ крестьянинъ не человѣкъ?

— Не человѣкъ?—возразилъ Салме, громко раскохотавшись;—кто же говорить это? Такой же человѣкъ, какъ и я, и ты, и всякій другой; у него двѣ руки, двѣ ноги, два глаза. Но развѣ для тебя *одна* еврейская душа не въ десять тысячъ милѣ цѣлой деревни крестьянъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Морицъ нерѣшительно.

— Не знаешь? Сомнѣваешься еще?—гнѣвно закричалъ Салме;— вотъ сейчасъ видѣнъ ученый! Познакомился немножко съ книжками, сталъ ходить въ всендзамъ—и ему ужъ кажется, что еврейская душа не дороже копѣечной булки! А я тебѣ говорю, господинъ студентъ, что коли въ латинскую школу ходятъ только для этого, такъ надо поскорѣе все ваши книги въ огонь швырнуть! Онѣ и выѣденнаго яйца не стоятъ!

Грубая, ничѣмъ не стѣсняющаяся натура Салме бессознательно коснулась здѣсь того мѣста, въ которомъ Морица можно было ранить. Приобрѣтенныя имъ познанія были еще слишкомъ незначительны и привитыя воспитаніемъ религіозныя воззрѣнія—слишкомъ сильны для того, чтобы онъ уже теперь могъ замѣтить теологическую штуку Салме, который перекинулъ совсѣмъ обыкновенный вопросъ на религіозную почву. И болѣе испуганный, чѣмъ изумленный, Морицъ опустилъ глаза.

Салме Фло, видя свое торжество, продолжалъ уже въ болѣе умѣренномъ тонѣ:

— Тебѣ совсѣмъ не зачѣмъ сердиться на то, что я сказалъ. Тебя это совсѣмъ не касается; ты набожное и честное дитя и ни разу не уходишь въ школу прежде чѣмъ помолишься. Стало быть, говорю, тебя это не касается. Но нашимъ ученимъ, какъ только у нихъ немного отроснутъ крылья, сейчасъ приходитъ охота дѣлать изъ нашего брата еврея все, что имъ взбредетъ въ голову. Бѣ несчастію, они съ каждымъ днемъ становятся у насъ сильнѣе и сильнѣе; имъ бы хотѣлось даже от-

нять у насъ ту крошечку торы, что мы еще успѣли уберечь. Простой человѣкъ, у котораго ничего больше и нѣтъ, какъ этой крошечки торы, имъ точно камень на дорогѣ; они бы рады стереть его съ лица земли. Говорю тебѣ—время настало тяжелое. Я, какъ и всякій другой „балбосъ“ (отецъ семейства), плачу деньги за то, чтобы мои дѣти могли выучиться въ школѣ чемунибудь порядочному, оттого что въ теперешнее время надо непременно умѣть читать, писать и считать. Но для ученыхъ этого мало, имъ подавай еще кое-что другое. Есть у насъ, на примѣръ, директоръ школы, господинъ Шлема Влуменфельдъ, который лѣтъ тридцать тому назадъ заглянулъ разочекъ въ двѣ, три книги; такъ тотъ, извольте видѣть, требуетъ, чтобы мы дѣлали изъ нашихъ дѣтей каменщиковъ и плотниковъ. Какъ тебѣ это нравится?

Морицъ не понималъ, почему Салме усматривалъ такую великую опасность въ вышеупомянутыхъ ремеслахъ. Ему топоръ и лопатка представлялись такими безвредными вещами! Поэтому онъ спросилъ совершенно наивно:

— Да развѣ это было бы такое большое несчастье?

Салме постотрѣлъ на мальчика съ большимъ изумленіемъ.

— Есть у васъ въ деревнѣ церковь? спросилъ онъ послѣ длинной паузы.

— Есть.

— А колокольня на ней есть?

— Большая, красивая, съ колоколами внутри.

— Прекрасно. Что же, на этой колокольнѣ случался когданибудь какой либо изъянтъ?

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, когда я былъ дома, крыли крышу гонтомъ.

— И между кровельщиками вѣрно не было ни одного еврея? да?

— Кажется, нѣтъ...

— Ну, вотъ, студенты!—вскаричалъ Салме, и голосъ его зазвучалъ торжественно, какъ труба іерихонская—развѣ я не говорилъ тебѣ, что еврей не можетъ быть каменщикомъ и плотникомъ? Неужели

ты серьезно думаешь, что еврей подбзетъ на козловальню? Что онъ станетъ такъ, ни за что, ни про что, рисковать жизнью? Хотѣлъ бы я посмотрѣть на такую еврейскую женщину, которая можетъ ѣсть хлѣбъ, заработанный ея мужемъ на такой работѣ, или которая способна стоять вилу и глядѣть, какъ ея мужъ десять разъ въ день готовъ сломать себѣ шею! Стыдъ и позоръ! И чтобы я сталъ учить мое дитя такому ремеслу!

Эти слова произвели на Морица неописанное впечатлѣнiе. Онъ чувствовалъ, что ребъ Салме и правъ, и не правъ. Можетъ быть, нравилась ему въ образѣ мыслей старика нѣжная сторона его. Какъ бы то ни было, онъ не нашелся что возразить.

Противъ ихъ дома помѣщалась бойня; случилось, что какъ разъ въ это время мясники стали убивать быка, предсмертный ревъ котораго зловѣще проникъ въ комнату. Точно молнiя освѣтила душу Морица.

— Хорошо, — сказалъ онъ послѣ длинной паузы; — но если еврей нельзя быть каменщикомъ и плотникомъ, отчего онъ дѣлается мясникомъ? Развѣ кровь не хуже дерева и известки?

Салме съ изумленiемъ посмотрѣлъ на мальчика; то былъ вопросъ, съ котораго ему нелегко было справиться.

— Однако, — вскричалъ онъ, — ловкiй ты малый! И если такіе вещи учать тебя у ксендзовъ — дѣло хорошее!.. Но что же тутъ подблаешь, Морицъ, — продолжалъ онъ, нешного подумавъ; — что тутъ подблаешь? Вѣдь человѣкъ не можетъ обойтись безъ мяса?

Нашему Морицу это возраженiе показалось недостаточно вразумительнымъ. Онъ сказалъ:

— Только потому? А если бы Богъ не создалъ быковъ?

— Ну, тогда бы и мясниковъ не надо! отвѣчалъ Салме съ громкимъ смѣхомъ; онъ обрадовался возможности облить мальчика холодной водой своей насмѣшкой.

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, — сердито возразилъ Морицъ. — Человѣкъ долженъ жить въ домѣ, точно также, какъ долженъ

ѣсть мясо; слѣдовательно, Богъ хочетъ, чтобы человѣкъ былъ камонъ-щивомъ и плотникомъ.

Теперь очередь удивляться пришла снова къ Салме. Замѣчаніе мальчика поразило его.

— Клянусь Богомъ, — воскликнулъ онъ, — ты правъ! Вотъ, однако, что можетъ прийти въ голову еврейскому ребенку, когда онъ чему нибудь учится! Я бы не подумалъ объ этомъ за цѣлый годъ. Но на этотъ счетъ скажу тебѣ кое-что, чего ты еще вѣрно не знаешь. Слышала я это однажды у одного очень знаменитаго раввина. Видишь ли, въ Талмудѣ написано — ужъ ты мнѣ повѣрь — что мясники и кожевники уже много вѣковъ тому назадъ были люди презрѣнные; имъ позволялось жить только за чертою общины, мясникамъ — изъ-за крови, кожевникамъ — изъ-за кожъ. Видишь такимъ образомъ, что наша священная тора обо всемъ подумала, все предусмотрѣла.

Среди взаимныхъ изумленій и недоумѣній закончилась бесѣда между Салме и ученикомъ, и можно сказать, что они разстались, проникнутые уваженіемъ другъ къ другу: Морицъ — вслѣдствіе талмудической учестости своего хозяина, которой онъ не предполагалъ въ немъ; Салме — по совнатию, что это малый лорскій, научившійся у своихъ ксендзовъ всякой премудрости.

Собственно трудно опредѣлить, какія слова въ нашемъ дѣтствѣ производятъ на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Значительнѣйшее безусловно распыливается, а ничтожное часто оставляетъ навѣки разрушительное дѣйствіе. Мендель Вильна былъ правъ, когда сравнилъ будущую жизнь ребенка съ тетрадью, которая современемъ испинется мюгами. И Салме Фле написалъ въ ней свои строки.

Только теперь нашъ Морицъ началъ чувствовать себя какъ дома.

Но обясный разладъ началъ уже стучаться въ двери этой молодой души.

У своихъ хозяевъ Морицъ имѣлъ неоднократно случай видѣть страданія и лишения, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя еще недавно вызывали его состраданіе въ деревнѣ. Тутъ онъ познакомился

со всѣми жалкими сторонами еврейскаго домашняго хозяйства. Глубоко болѣзненно становилось у него на душѣ, когда онъ видѣлъ, какъ тяжело было этимъ людямъ пробиваться въ жизни. Его хозяйка держала лавчонку подъ „кущами“; часто возвращалась она вечеромъ домой съ мрачнымъ, какъ трехдневный дождь, лицомъ: ей не удалось продать ни на копѣйку. Въ началѣ каждаго полугодія мужъ и жена испытывали великій страхъ вслѣдствіе неизвѣстности—не будетъ ли сдано помѣщеніе лавочки кому нибудь другому, и счастье ихъ не имѣло предѣловъ, когда хозяинъ набавлялъ имъ всего нѣсколько гульденовъ! Салме съ утра до вечера бѣгалъ по городу и окрестностямъ, торгуя старымъ платьемъ; а вечеромъ, измученный до смерти, возвращался домой съ громаднымъ мѣшкомъ, который ему приходилось таскать на спинѣ цѣлые десятки верстъ. Морицъ, привыкшій къ зажиточности своихъ родителей, не разъ приходилъ въ ужасъ, когда ему случалось присутствовать при распаковываніи этой ноши и видѣть заключавшіяся въ ней вещи. Почти негодное, дырявое платье, отвратительныя локотья! Собралъ кучу подобнаго отребья, Салме съ необычайною дѣятельностію принимался за сообщеніе ему нѣкотораго блеска. Геніальность его въ этомъ отношеніи была очень велика. Выкроить изъ старыхъ изодранныхъ брюкъ пару дѣтскихъ панталончиковъ, заштопать въ рукавѣ дыру такъ, что покушникъ не могъ замѣтить ее, или привести поношенную шляпу въ новый видъ—для него не представляло ни малѣйшаго затрудненія; пальцы работали сами собою. Часто случалось, что какіе нибудь строптивые брюки не хотѣли безусловно подчиниться его волѣ. Тогда онъ наморщивалъ лобъ, прикладывалъ палецъ къ сжатымъ губамъ и говорилъ: „Надо обдумать!“ При этихъ словахъ Морицъ оставлялъ свои книги, забывалъ Александра, Мильтіада и Пизагора, и самъ ломалъ себѣ голову, прищипывая средство справиться съ брюками. И какъ ликовалъ онъ, когда у Салме Фло послѣ долгаго „обдумыванія“ рождалась, наконецъ, творческая идея новыхъ брюкъ! Онъ радовался такъ, какъ будто ножницы, энергически принимавшіяся те-

перь работать въ старыхъ лохмотьяхъ, выкраивали его собственное счастье.

Такимъ образомъ и мизерное ремесло Салме приобрѣло въ глазахъ Морица глубокое значеніе. Часто спрашива онъль себя:

— Развѣ наши крестьяне мучатся и терпятъ больше? И если имъ дѣйствительно тяжело жить, то вѣдь какъ вознаграждаютъ они себя за это! А Салме за цѣлый годъ не выпьетъ и кружки пива; въ шабашъ, когда ему нельзя работать, онъ идетъ въ синагогу и остается тамъ полдня. Послѣ обѣда часокъ-другой спитъ или читаетъ библію. Вотъ и все его развлеченіе. А у насъ въ деревнѣ какъ проводятъ время по воскресеньямъ?

Глубоко религиозное настроеніе овладѣло имъ. Въ субботу онъ не писалъ, и поэтому на слѣдующій день ему приходилось выпрашивать у товарищей сдѣланную наканунѣ письменную работу. Но онъ исполнялъ это очень охотно. Точно также продолжалъ онъ—и теперь еще задушевнѣе, чѣмъ прежде—читать среди Ave Maria всего класса свое: „внимай, Израиль!“—конечно лучшее доказательство его тогдашняго душевнаго состоянія: среди звуковъ чужаго культа призывъ въ самому себѣ—не забывать Бога своего народа, единственнаго вѣчнаго Бога!

Когда онъ снова вернулся въ деревню и снова наступало время жатвы, когда стали валиться подъ серпами золотые колосья и зазвучали пѣсни, Морицъ уже не спрашивалъ себя, почему онъ не раздавался также весело въ домѣ его отца? Онъ видѣлъ трудовой потъ крестьянина—но видѣлъ и его воскресенье! Развѣ въ гетто не прозвѣдалъ Салме Фло? Развѣ тамъ не было гораздо больше горя и страданій?..

Перев. Истръ Вейнбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ времяъ до Рождества Христова.

(Продолженіе) *.

II.

О надписяхъ псалмовъ.

Весьма легко можетъ быть, что кромѣ упомянутыхъ инструментовъ, древніе евреи обладали еще разнаго вида музыкальными орудіями; но они исчезли безслѣдно, и мы не имѣемъ о нихъ никакихъ свѣдѣній. Даже тѣ инструменты, о которыхъ мы кое какъ составили себѣ общее понятіе, описаны крайне сбивчиво. Притомъ каждый писатель толкуетъ по своему известныя данныя и очень часто даетъ одному инструменту такое описаніе, которому прямо противоположно описаніе другаго ученаго. Болѣе всего являются неточности въ названіяхъ инструментовъ: писатели среднихъ вѣковъ произвольно мѣняли названія по своему вкусу. Кромѣ того, имена древнѣйшихъ инструментовъ переносились безъ перемѣнъ на болѣе новыя по времени происшедшія, родственныя первыимъ, но все-таки различныя съ ними инструменты. Какъ явное доказательство, на сколько безцеремонно обращались съ названіями еврейскихъ инструментовъ, можно представить слѣдующій выдающійся фактъ: при переводѣ библии, 70 толковниковъ ея переводятъ слово *кинноръ* четырьмя разными способами, именно: иногда *хитара* — китара, иногда *хитора* — кинора, иногда *бручанон* — органонъ, а иногда *фалстеркон* — псалтеріюмъ.

Описанія любого инструмента, за исключеніемъ, разумѣется, арфы — киннора, которая всегда пользовалась большою популярностью, также про-

* См. „Восходъ“, кн. 7.

блематичны, какъ и достовѣрность названій. Струнный инструментъ небель считался у многихъ духовныхъ только на основаніи того, что еврейское слово *небеля* означать бутылку; предположивъ, что бутылка должна тутъ играть нѣкоторую роль, составилось мнѣніе въ пользу того, что форма небеля соответствовала названію; въ вещь, какъ и въ бутылкѣ можно было различить двѣ опредѣленныя части—широкую нижнюю и узкую верхнюю; отсюда, если первой части дать роль резервуара для воздуха, а второй—трубки для вдуванія его туда, то легко можно допустить, что небель—инструментъ духовой.—Это же мнимое сходство небеля съ бутылкою другими учеными толкуется совершенно иначе; они себѣ его представляютъ въ видѣ сплюсненной бутылки и увѣряютъ, что это—лютеобразный струнный инструментъ, такъ какъ нижняя часть ея можетъ служить резонансовымъ ящикомъ, а узкая—грифонъ, гдѣ прикрепляются и натягиваются струны. Описанія небеля, который въ дѣйствительности, помимо вышеприведенныхъ объясненій, ничего общаго съ бутылкой не имѣетъ, а по формѣ представляетъ четырехугольникъ, приводимъ какъ примѣры самыхъ различныхъ мнѣній. То же самое и съ другими—всякій инструментъ представляетъ богатый матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ сужденій о его фасонѣ, качествахъ, объемѣ и др. признакахъ. Мы не говоримъ уже о магрэфѣ, о которой и до сихъ поръ не рѣшено, что это собственно за предметъ,—органъ, барабанъ или лопата, даже неизвѣстно навѣрно—музыкальный ли это инструментъ или просто хозяйственное храмовое орудіе.

Такимъ же безчисленнымъ измѣненіямъ и крайнимъ предположеніямъ подвергаются объясненія надписей псалмовъ. Нѣкоторые въ надписяхъ псалмовъ хотятъ видѣть названія музыкальных инструментовъ; такъ, напр., говорятъ, что надписи: псалма V (Нехилотъ), псалма VIII (Гиттитъ), псалма IX (Мутлабенъ), псалма XLV (Шотанинъ), псалма XLVI (Шигионотъ) и т. д. ничто иное, какъ названія инструментовъ, на которыхъ слѣдуетъ исполнять музыку къ этимъ псалмамъ. Впрочемъ тѣ, которые это утверждаютъ, не даютъ о нихъ никакихъ объясненій, такъ какъ сами, кромѣ именъ, не знаютъ рѣшительно ничего. Если бы надписи эти обозначали музыкальные инструменты, то, по всей вѣроятности, инструменты эти были бы названы здѣсь не впервые, а были бы упомянуты также и другими писателями. Книги Библии тоже совсѣмъ не скупы на названія инструментовъ, наконецъ и талмудисты часто о нихъ упоминаютъ и даже описываютъ ихъ. Можно ли предположить, что всѣ обходятъ мол-

чаніемъ именно тѣ инструменты, которые указаны надписями псалмовъ?— Фогель, въ своей диссертациі (*Inscriptiones Psalmorum serim demum additas videri*. Галле. 1767) доказалъ, что надписи псалмовъ были къ нимъ приписаны гораздо позднѣе; принимая это во вниманіе, можно заключить, что надписи на нѣкоторыхъ псалмахъ обозначаютъ нѣчто другое, чѣмъ инструменты, хотя неоспоримо, что онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе въ музыкѣ. Поэзія и музыка были въ тѣ времена такъ неразрывно связаны между собою, что нельзя себѣ представить музыки безъ пѣнія стиховъ и пѣнія стиховъ безъ сопровожденія музыки.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что у древнихъ евреевъ не ко всякому стиху была отдѣльная мелодія. Этотъ недостатокъ въ мелодіяхъ встрѣчается вообще у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ музыка достигла только средней степени развитія. Въ средніе вѣка было то же самое; тогда на однихъ немногихъ общезвѣстныхъ мотивахъ клали не только духовные тексты, но также и свѣтскія пѣсни. Обычай этотъ — пользоваться однимъ напѣвомъ для разныхъ текстовъ—сохранился и до настоящаго времени во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ единственную музыку составляетъ народная пѣсня, какъ, на примѣръ, въ Новой Зеландіи (Путешествіе Форстера), въ Сибири, у татаръ, у лифляндскихъ и курляндскихъ крестьянъ, у всѣхъ восточныхъ народовъ и т. д. — Всѣ названные народы имѣютъ нѣсколько національныхъ мелодій, которыя извѣстны массѣ и любимы ею; къ нимъ-то и подлаживаютъ новыя слова пѣсни, оставляя музыку неприкосновенною.— Гораций одну изъ своихъ одъ (къ Августу Цезарю) приспособилъ къ пѣнію на мотивъ одной общезвѣстной мелодіи, по всей вѣроятности—греческаго происхожденія; впоследствии ода эта пѣлась на мотивъ гимна св. Іоанна: «*Ut queant laxis, revocare fibris*» etc. Въ Германіи даже въ настоящее время дѣлается то же самое съ церковными пѣснями. Разсмотрѣвъ внимательно сборникъ нѣмецкихъ церковныхъ пѣсней, увидимъ, что множество пѣсней имѣютъ на примѣръ, слѣдующую надпись: «На мотивъ *Wer nur den lieben Gott lässt walten*».—Обычай этотъ, повидимому, ведется съ древнѣйшихъ временъ, и это весьма естественно. Невозможно предположить, чтобы въ храмахъ при богослуженіи собирались только тѣ, которые умѣли читать ноты, и поэтому, желая, чтобы всякій молящійся могъ прибавить свой голосъ въ общемъ хорѣ славящихъ и просящихъ Бога, необходимо было такъ устроить, чтобы напѣвъ молитвы всѣ присутствующіе знали наизусть. Изъ всего вышесказаннаго видно, что было настоящей необходимостью оставлять безъ перемѣны мелодіи, хорошо из-

вѣстныя народу и приноровлять къ нимъ новыя стихи; обыкновенно, такимъ образомъ возникшія новыя пѣсни надписывались словомъ, обозначающимъ мелодію, чаще всего первымъ словомъ прежняго текста, такъ что всѣ желающіе безъ малѣйшаго затрудненія могли ихъ различать между собою по этимъ надписямъ и единодушно пѣть въ открытыхъ собраніяхъ. — Возьмемъ для примѣра надпись псалма LVI: «Ионатъ Элемъ Ре-хокингъ»; переводчики и толкователи псалмовъ истолковывали эту надпись такимъ образомъ: о безмолвствующей голубицѣ между чужими. Но объ этой голубицѣ въ цѣломъ псалмѣ нѣтъ ни одного слова, слѣдовательно такой переводъ не имѣлъ бы смысла, если не предположить, что еще до сочиненія этого псалма у древнихъ евреевъ существовала пѣснь, начинавшаяся съ этихъ словъ и на мелодію которой долженъ былъ пѣться новый псаломъ. Совершенно такъ-же можно объяснить себѣ надписи и другихъ псалмовъ—надписи, которыя съ содержаніемъ псалма не имѣютъ ровно ничего общаго.

Кромѣ сказаннаго, надписи, хотя и не всѣ, могутъ считаться показателями мелодій еще вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства: послѣ мейстерзингеровъ осталось много рукописей, въ которыхъ записаны разныя стихи и пѣсни; многія изъ этихъ пѣсней надписаны разными словами и фразами, не имѣющими ничего общаго съ содержаніемъ пѣсни. Но такъ какъ времена мейстерзингеровъ не очень отдалены отъ насъ, т. е. не настолько, чтобы языкъ или выговоръ существенно измѣнился, то для насъ совершенно ясно, что эти надписи или заглавія—ничто иное, какъ начальныя строки или слова другихъ, иногда намъ уже незнакомыхъ пѣсней, мелодіи которыхъ заимствовались для вновь сочиненнаго текста. Такимъ образомъ надпись: «Zu singen auf Jungfernweis», можно сравнить съ древне-еврейскимъ «Аламотъ», а «Grundweis»—будетъ означать «Шеминить». — Аламотъ—это пѣніе хоромъ женскихъ голосовъ, Шеминить—мужскихъ. Обыкновенно оба хора пѣли одинъ и тотъ же напѣвъ, но въ октаву. Въ Греціи тоже существовала такая манера хорового пѣнія и называлась «Магадизаціей»; тамъ былъ даже особенный инструментъ «магадисъ», который употреблялся всегда для аккомпанимента хору.

Если допустить, что не всѣ заглавія псалмовъ можно считать показателями мелодій, то все-таки не слѣдуетъ предполагать, что они обозначаютъ музыкальные инструменты. Арабы и персіяне имѣли и имѣютъ теперь обыкновеніе—тѣ изъ своихъ пѣсней, которыя имъ особенно нравятся, обозначать какиминибудь отдѣльными словами, не всегда стоящими

въ связи съ содержаніемъ ея. Чаще всего для этой цѣли они берутъ первое слово первой строки пѣсни, но часто также выбираютъ такое слово, которое или выражало бы общій характеръ всей пѣсни, или бы стояло къ ней въ какомъ нибудь побочномъ отношеніи. — Въ сочиненіи Вильгельма Йонесса о поэзін азіатскихъ народовъ, говорится также о существованіи такого обычая. Всего вѣроятнѣе, что тѣ изъ надписей псалмовъ, которыя имѣютъ самое малое музыкальное значеніе, произошли такими-же образомъ, какъ арабскія и персидскія заглавія.

Въ заглавіяхъ псалмовъ XLV, LX, LXIX и LXXX встрѣчается слово «Шошаннишъ», которое объяснить очень трудно, вслѣдствіе недостаточности историческихъ извѣстій. Нѣкоторые производятъ это слово отъ еврейскаго *Шош* (шесть) и думаютъ, что это былъ шестигульный шести-струнный музыкальный инструментъ. Но гораздо вѣрнѣе и вѣроятнѣе производить это слово отъ слова *Шушанъ* (лилія)—не потому, чтобы подъ этимъ названіемъ можно бы было себѣ представить какой нибудь лиліеобразный инструментъ, въ родѣ лиры или люти, но потому, что еврейское Шушанъ происходитъ отъ персидскаго «Сузанъ», что означаетъ тоже лилію, но вмѣстѣ съ этимъ есть названіе города лежащаго въ землѣ Элянъ. Городъ этотъ получилъ свое названіе отъ богатыхъ лиліями полей, лежащихъ въ его окрестностяхъ. Вотъ здѣсь-то можно предположить происхожденіе этого слова; по всей вѣроятности, у жителей этого города Сузана была въ большомъ употребленіи какая нибудь замѣчательная національная мелодія. Мелодію эту евреи переняли, въ то время, когда побѣдили сосѣднюю съ Сузаномъ Месопотамію, и назвали ее, по происхожденію, Сузанской или Шушанской. Слѣдовательно, если въ надписи говорится: «начальнику хора пѣть на «Шошаннишъ», то это нужно понимать слѣдующимъ образомъ: Начальнику хора пѣть по Шушанской (персидской) мелодіи. Это объясненіе какъ нельзя лучше подходитъ ко всѣмъ сопоставленіямъ и конструкціи этого слова.

Другое слово, служащее уже не надписью, а подписью псалмовъ, и про которое всё безъ исключенія того имѣнія, что оно имѣетъ музыкальное значеніе, это «*Селазъ*». Новые евреи переводятъ его словомъ «хвала». — Михаэлисъ, въ своихъ пригвчачіяхъ къ переводамъ псалмовъ, (стр. 3, 1795 года), говоритъ, что это вовсе не еврейское слово; онъ полагаетъ, что евреи взяли, какъ сокращеніе трехъ намъ неизвѣстныхъ словъ, изъ три начальныя буквы: С, Л и Х. Эти буквы, говоритъ онъ дальше, евреи стали читать вмѣстѣ, что они дѣлали и при многихъ дру-

гихъ обстоятельствахъ, придали имъ гласныя и стали выговаривать «селахъ». О значеніи этого слова Мизаэлисъ ничего не говоритъ и замѣчаетъ только, что всѣ объясненія по этому поводу онъ считаетъ невѣрными.

Чтобы дать возможность имѣть собственное понятіе и сужденіе, приводимъ здѣсь нѣсколько самыхъ разнообразныхъ мнѣній изъ тѣхъ многихъ, которыя по этому предмету существуютъ. Одни сравниваютъ слово это съ латинскимъ «Еноуас», взятомъ изъ римской церкви. Слово это составилось изъ двухъ слѣдующихъ — *вЕсУЮгUm АмЕп*. Это же и мнѣніе Мизаэлиса, о которомъ мы говорили раньше. — Другіе говорятъ, что это — нотабене, которое обращаетъ вниманіе поющихъ на то, что въ этомъ мѣстѣ должна произойти какая либо перемиѣна. — Третьи видятъ въ немъ безсмысленное, ничего не значущее слово, служащее только для пополненія ритма. — Четвертые хотятъ, чтобы это была музыкальная пауза. — Пятые находятъ въ этомъ словѣ воззваніе къ большей религіозной сосредоточенности. — Шестые — одно только возвышеніе или усиленіе голоса. — Седьмые предполагаютъ, что это слово обозначаетъ перемиѣну вокальной музыки на инструментальную и обратно. — Восьмые говорятъ, что оно служитъ для указанія тѣхъ мѣстъ, которыя для усиленія экспрессіи должны повторяться. — Девятые думаютъ, что это *Da caro*. — Наконецъ еще цѣлая масса такихъ, которые того мнѣнія, что слово это не имѣетъ ровно никакого значенія, а если и имѣетъ, то весьма малое и, во всякомъ случаѣ, до смысла его доискаться невозможно.

Всѣ эти мнѣнія, повидимому, очень далеки отъ истины, такъ какъ слово «Селахъ», встрѣчается гораздо чаще въ такихъ мѣстахъ, куда ни одно изъ вышеприведенныхъ объясненій не подходитъ. На основаніи этого, съ немногими другими думаетъ и Гердеръ (*Von Geist der hebräischen Poesie*, S. 376), что слово это обозначало не паузу, не повтореніе или что нибудь въ этомъ родѣ, а должно было служить знакомъ для *перемѣны рода тона*, которая выражалась меньшою или большею силою звука или переходомъ въ другой ритмъ. Дальше Гердеръ говоритъ, что слово *селахъ* чаще всего встрѣчается въ псалмахъ аффектныхъ; естественно, что съ перемѣною аффекта должна перемиѣниться и мелодія, ихъ иллюстрирующая, а такъ какъ записывать эти мелодіи тогда не умѣли, то въ мѣстахъ, требующихъ такихъ перемиѣнъ, ставили слово *селахъ*, какъ условный знакъ. Если слово *селахъ* помѣщено при концѣ пѣнія, то это показываетъ, что къ тому псалму нужно присоединить еще и слѣдующій. Вообще, давно уже замѣчено и доказано, что евреи очень любили дѣлать разныя переплетенія

нѣм и соединенія нѣсколькихъ псалмовъ при пѣвѣ. Греки, которые гораздо моложе евреевъ, переводили слово „селахъ“ „δια φάσμα“ (діа псалма) посредствомъ μελωδίας ἐναλλαγῆς (мелодіасъ эналлаге)—*concentus mutatio* (перемѣна соввучія), потому что въ своей музыкѣ они имѣли уже нѣчто, соответствовавшее этому понятію, но греки сдѣлали то же самое, что дѣлають почти всѣ переводчики библейскихъ книгъ, т. е. привычки и обычаи своего народа нашли въ словахъ такого народа, который ить или вовсе не имѣлъ, или, если и имѣлъ, то совсѣмъ въ другомъ родѣ. Всего вѣроятнѣе, что греки ошибаются, думая о еврейской музыкѣ лучше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; весьма было бы странно, если бы евреи обладали въ своей музыкѣ *concentus mutatio*, такою настоящею модуляціей тоновъ. Такимъ образомъ позднѣйшее мнѣніе стоитъ за то, что *селахъ*—это перемѣна ритма и тембра звука, или, еще проще, повтореніе той же мелодіи, выше или ниже на нѣсколько тоновъ.

Въ сущности все-таки, сколько бы мы ни старались, ничего определеннаго и вполне уясненнаго мы здѣсь добиться не можемъ, потому что, какъ говоритъ Гердеръ, хотя мы и имѣемъ слова псалмовъ и понимаемъ выраженія ихъ, но все-таки живой духъ, заключающійся въ нихъ и зависящій отъ мѣстныхъ условій, какими можно считать произношеніе и тогдашній способъ пѣнія, далеко отъ насъ и мы его воскресить не можемъ.

Въ книгѣ „Essai sur la musique ancienne et moderne, томъ I, стр. 206“ авторъ ея составилъ себѣ такое интересное понятіе о „селахъ“ и такъ твердо убѣжденъ въ правотѣ своего взгляда, что слова его, относящіяся къ этому предмету, заслуживаютъ быть приведенными. Вотъ въ переводѣ его слова:

„Давидъ изобрѣлъ манеру выдерживать звуки; это то—что по еврейски называется *Селахъ*, по итальянски „*sporgando*“ (угасающе). Благоговѣніе евреевъ увеличивалось при приближеніи „Селахъ“, пѣвцы соединяли свои голоса, согласовали ихъ какъ только могли лучше, исполняя таковыя обрзоумъ, чтобы проникать въ сердца и очаровывать слухъ; они усиливали звуки и уменьшали ихъ потомъ постепенно. За этой выдержкой звука слѣдовала пауза. Пророкъ Аввакумъ, тронутый чудеснымъ дѣйствіемъ, которое производилъ „Селахъ“, захотѣлъ украсить имъ свои произведенія. „Селахъ“ находится много разъ употребленнымъ въ его пѣснопѣніяхъ“.

Само собою разумѣется, что это мнѣніе голословно и не имѣетъ ничего въ свою защиту, такъ какъ совершенно невозможно допустить, чтобы древ-

ніе евреи владѣли такою тонкою, артистическою импрессионной, которая бы могла производить сильное, захватывающее впечатлѣніе на слушающихъ.

Между надписями псалмовъ есть еще одно слово, по поводу котораго много говорили и писали. Слово это — „Ламнатцеахъ“ *למנצח*. Въ еврейскомъ подлинникѣ библии оно стоитъ почти надъ всѣми псалмами, въ переводахъ же его употребляютъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ переводахъ слово „Ламнатцеахъ“ замѣнено надписью „для конца“, въ другихъ „для хвалы“, въ третьихъ „тому, кто побѣждаетъ“, въ четвертыхъ „побѣдннй гимнъ“, въ вятыхъ „побѣдителю“ и т. д., и т. д. Въ нѣмецкихъ переводахъ это слово тщательно обходится и замѣняется такими выраженіями: zum Vorsingen (къ пѣнію) или zum Spielen (для игры). Всѣ эти переводы или, лучше сказать, произвольныя замѣны одного слова другимъ, ошибочны и не выдерживаютъ критики. Въ Сентуагитѣ, въ Вульгатѣ, у эфіоповъ, арабовъ и армянъ, это слово переведено „ad finem“ и, относительно, этотъ переводъ ближе всего къ истинѣ, хотя тоже не совсѣмъ вѣренъ; они берутъ для перевода слово *lanetzach*. *Lanetzach* — значитъ „для вѣчности“ или „на всегда“, но *lamnatzeach*, съ буквою *נ* означаетъ нѣчто совсѣмъ другое. Корень *natzach* *נצח*, откуда происходитъ слово *lamnatzeach*, означаетъ между прочимъ — имѣть надзоръ за работами, управлять работниками, вести группу пѣвцовъ или цѣницъ, инструменталистовъ или инструменталистокъ, быть корифеемъ, шефомъ, поддержкою хора музыки. Слѣдовательно, переводя буквально, ламнатцеахъ значитъ „начальнику хора“ (*praefecto musicis al maestro di capella*). Кальметъ, написавшій диссертацию по поводу происхожденія этого слова, точно такого же о немъ мнѣнія. Такъ какъ всѣ пѣвцы и инструменталисты раздѣлялись на извѣстныя отдѣленія, и каждое отдѣленіе имѣло своего начальника и должно было совершать свою службу подъ руководствомъ и присмотрѣмъ этого начальника, то ясно видно, что словомъ ламнатцеахъ обозначался всегда тотъ начальникъ, отдѣленіе котораго должно было исполнить вокально или инструментально данный псаломъ.

Пфейфферъ (О музыкѣ древнихъ евреевъ, стр. 8) говоритъ, что, по его мнѣнію, „ламнатцеахъ“ значитъ „осилить“, отсюда существительное „осилитель“, т. е. говоря современнымъ языкомъ „виртуозъ“. Вслѣдствіе этого, переводъ надписи, напримѣръ, псалма LXI, не будетъ уже: „псаломъ Давида, играть на струнномъ орудіи“, а вѣрнѣе слѣдуетъ читать такъ: „Псаломъ Давида, начальнику хора, первому виртуозу на негинотѣ“ (струнныхъ инструментахъ). Это обозначало бы, что псаломъ, о которомъ идетъ

рѣчь, передавался начальнику хора негнотистовъ, чтобы подъ его при-
смотромъ они могли его разучить*.

III.

**Браткiй историческiй обзоръ музыкальныхъ событiй. Отъ со-
творенiя мiра до эпохи судей.**

Родоначальникомъ еврейскаго народа скорѣе всего слѣдуетъ считать Авраама. Такъ какъ вѣрное лѣтосчисленiе евреевъ начинается именно съ его рожденiя, то, собственно говоря, слѣдовало-бы и всякiя историческiя описанiя этого народа начинать тоже отъ этого времени. Но Моисей, начавъ исторiю отъ сотворенiя мiра и Адама, такъ тѣсно соединилъ ее съ исторiей народа Господня, что всѣ мы привыкли искать начало развитiя еврейскаго искусства далеко раньше Авраамовой эпохи. Пфейферъ (О муз. евр., IV) говоритъ, что инструменты, введенные Иуваломъ еще до потопа, остались въ употребленiи и послѣ потопа, по крайней мѣрѣ имена ихъ до сихъ поръ извѣстны и упоминаются въ книгахъ позднѣйшаго времени. Шиллингъ тоже подаетъ свое мнѣнiе въ пользу того, что со всемирнымъ потопомъ музыка не исчезла. Въ I-й книгѣ Моисея, гл. XXXI, ст. 26 и 27, говорится слѣдующее: «И сказалъ Лаванъ Якову: что ты сдѣлалъ? Для чего ты обманулъ меня и увелъ дочерей моихъ, какъ плѣнныхъ оруженiе? Зачѣмъ ты убѣжалъ тайно и укрылся отъ меня и не сказалъ мнѣ? Я отпустилъ-бы тебя съ веселiемъ и пѣсями, съ тимпанами и гуслими».—Эти слова Лавана доказываютъ, что спустя 600 лѣтъ послѣ потопа существовали гусли и тимпаны, а это уже признакъ такого музыкальнаго развитiя, котораго невозможно-бы было достигнуть въ шестисот-лѣтнiй промежутокъ времени, если-бы послѣ потопа пришлось музыку изобрѣтать вновь. Теперь вопросъ—какимъ образомъ существовавшая уже музыка и разъ изобрѣтенные инструменты могли сохраниться во время потопа? Объ этомъ трактуются у нѣсколькихъ писателей чрезвычайно странно и различно. Флавiй Юсифъ (Ant. Jud. lib. I, cap. II, pag. 2)

* Sic intitulis Psalmorum concinna interpretatione vox accipitur pro Moderatore chori musici inter Levitas, qui reliquis prallerat, praecinebat, et εὐνο δὲ-φκτῆς erat, (Mich. Praetorii Syntagm. mus. Tom. I. pag. 103). Такъ до начала псалмовъ, между непрерывномъ въ пѣнiи, хоръ начиналъ отъ управляющаго музыкальнымъ хоромъ изъ левитовъ, который запѣвалъ остальнымъ и назывался запѣваломъ — канцельмейстеромъ.

разсказываетъ по этому поводу слѣдующее: Адамъ, пророчествуя, сказалъ, что надъ людьми произойдетъ судъ Божій и что все существующее на землѣ уничтожится или огнемъ или водою; вотъ вслѣдствіе этого-то пророчества были сдѣланы два столба, одинъ изъ мрамора, другой изъ жезныхъ камней (кирпичей), съ дѣлью написать на нихъ изображенія всѣхъ предметовъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ до потопа, чтобы такими способомъ сохранить ихъ отъ погибели. Мраморный столбъ люди намѣревались противоставить дѣйствію воды, кирпичный же долженъ былъ выдержать огонь истребленія. По свидѣтельству того же писателя, Флавія Іосифа, въ его время мраморный столбъ существовалъ еще и находился въ Сиріи *. Тѣ изъ историковъ, которые считаютъ всѣ инструменты изобрѣтенными Іуваломъ, выразили нѣвѣіе, что столбы эти были сооружены исключительно для сохраненія Іуваловыхъ изобрѣтеній **; къ числу такихъ писателей можно отнести Гервазіуса Тильберіензиса, жившаго въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, и Адама де Фульда, музыкальнаго ученаго XV столѣтія (Въ *Gerberti ecclesiast. de musica*, томъ III, стр. 840), которые это предположеніе считали положительно вѣрнымъ. Самъ Іосифъ Флавій не говоритъ ничего касательно музыкальнаго прирѣченія этихъ столбовъ; онъ

* *Otia imperialia in Leibnitz SS. rer Brunsvic. V. I, cap. XX, pag. 899, de inventione musicae et multorum artificiorum: „et nomen ejus fratris Jubal qui fuit pater cantantium in cithara et organo, non quod instrumenta ista invenit, quae longe post inventa fuerunt; sed inventor fuit Musicae, hoc est, consonantiarum, ut labor pastoralis quasi in delicias verteretur. Et quia audierat Adam prophetasse de duobus judiciis, neperiret ars inventa, scripsit eandem in duabus columnis, in qualibet totam: una marmorea, altera latericia et una non dilueretur diluvio, altera non periret incendia. Marmoream narrat Josephus adhuc esse in terra syrica“.*—Т. е., „Братъ его назывался Іуваломъ и былъ отцомъ всѣхъ играющихъ на китарѣ и органѣ; не потому, чтобы онъ изобрѣлъ эти инструменты, которые были изобрѣтены гораздо позже, но потому, что онъ былъ изобрѣтателемъ музыки, т. е., созвучій, такъ что пастушескій трудъ превратился какъ бы въ наслажденіе. А такъ какъ онъ узналъ, что Адамъ предсказалъ въ пророчествахъ о двухъ судьбинахъ, то, чтобы изобрѣтенное искусство не погбло, онъ написалъ его на двухъ колоннахъ, на каждой все искусство: одна колонна была мраморная, другая кирпичная, чтобы первая не была размыта потокомъ, а вторая чтобы не погбла отъ пожара. Іосифъ разсказываетъ, что мраморная доселѣ сохранилась въ Сирійской землѣ“.

** См. *Reimanni Histor. antediluv. Sect. I. c. XLIII, pag. 41.—Fuit nonnullorum persuasio celebratas illas antediluvianas columnas ad musicam pertinuisse.—Т. е., нѣкоторые были убѣждены, что эти праздничныя допотопныя колонны предназначались для музыки.*

говорить вообще объ изобрѣтеніяхъ древняго міра и прибавляетъ тутъ-же, что на столбахъ могли быть записаны астрономическія свидѣнія допотопныхъ праотцевъ. Весьма возможно, что это сообщеніе Іосифа было не вѣрно понято или просто само по себѣ было ошибкою, во дѣло въ томъ, что его нельзя иначе принять какъ за выдумку, приблизительно въ такомъ же родѣ какъ та, которую оставилъ одинъ писатель среднихъ вѣковъ, именно, что Авраамъ очень хорошо преподавалъ четыре искусства: арифметику, геометрію, музыку и астрономію *. Шаллингъ же совершенно отвергаетъ существованіе этихъ двухъ колоннъ и извѣстіе о нихъ относитъ къ области фантазіи и сказокъ.

Приведенныя раньше слова Лавана изъ I кн. Моисея, гл. XXXI, доказываютъ еще и то, что изъ трехъ существующихъ родовъ музыкальныхъ инструментовъ, т. е., струнныхъ, духовныхъ и ударныхъ, два рода были уже изобрѣтены **. Одно мѣсто изъ книги Іова упоминаетъ уже всѣ три рода инструментовъ, струнную—цитару, бубны—адуфу и духовую—свирѣль (гл. XXI, ст. 12). Эти немногія свидѣнія, взятыя вмѣстѣ, доказываютъ, что какъ въ Сиріи, гдѣ жилъ Лаванъ, такъ и въ Аравіи, мѣстѣ жительства Іова, т. е., въ странахъ населенныхъ по большей части израильтянами, всѣ роды музыкальныхъ инструментовъ въ этотъ ранній періодъ были болѣе или менѣе извѣстны и общепотребительны.

Авторы всеобщей исторіи (Allgemeine Welthistorie der älteren Zeit. Band III, §§ 236, S. 215) много говорятъ о совершенствѣ музыки этихъ раннихъ вѣковъ, но изъ Св. Пис. о такомъ совершенствѣ ничего нельзя заключить. О музыкѣ въ промежуткѣ времени между Іуваломъ и Моисеемъ они говорятъ: «нѣтъ ничего удивительнаго, что музыка могла достигнуть такого совершенства и что она должна была быть далеко трогательнѣе, чѣмъ все то, что мы теперь знаемъ». Одинъ изъ болѣе новыхъ писателей, Saverio Mattei, рьяный поклонникъ воображаемыхъ красотъ древне-еврейской музыки, дошелъ даже до того, что всѣхъ несогласныхъ съ его мнѣніемъ поголовно называетъ обманщиками. Но Пфейферъ (О муз. др. евр. стр., 4) говоритъ, что заключеніе этихъ господъ прямо противорѣчитъ всѣмъ свидѣтельствамъ, которыя мы можемъ

* Hist. Acad. Paris. pag. 110.

** Падре Мартини изъ этого мѣста заключаетъ уже о существованіи всѣхъ трехъ родовъ, и голосъ принимаетъ за духовой инструментъ: anzi penso che ciò possa servirci d'una nuova conferma dei tre generi d'instrumenti, da Fiato, da Cordo, e da Percussione qui sopra abbastanza indicati. Storia di Mus. I, p. 26.

привести изъ древности; мало того, оно противорѣчитъ исторіи умственнаго развитія израильскаго народа, а также идетъ въ разрѣзъ съ его тогдашними обстоятельствами, т. е. съ обстановкою народа и характеромъ мѣстности, въ которой онъ жилъ. Со времени же Моисея, который освободилъ израильянъ изъ египетскаго рабства, далъ имъ законы, гдѣль первый гимнъ единственному истинному Богу и установилъ богослуженіе въ сопровожденіи музыки, тоже нельзя предполагать ничего особеннаго ни о музыкѣ, ни о прочихъ познаніяхъ народа Господня. Моисей самъ былъ воспитанъ въ Египтѣ, слѣдовательно все, чему онъ могъ научиться, было египетскаго происхожденія. Если же предположить, что рядомъ съ другими науками и искусствами, Моисей изучалъ и египетскую музыку, какъ это утверждаетъ Филонъ*, то все-таки нельзя допустить, чтобы еврейская музыка развилась при немъ выше посредственности, потому что какъ положеніе Моисея, такъ и положеніе всего народа не благопріятствовало ей особенному культивированію, да наконецъ, и то обстоятельство, что египтяне никогда не отличались особенною музыкальностью, доказываетъ, что египетское вліяніе не могло способствовать прогрессирующему движенію музыки евреевъ. Пфейферъ даже того мнѣнія, что нельзя было и ожидать чего нибудь исключительнаго въ этомъ направленіи, такъ какъ вообще народъ израильскій въ дѣлѣ художествъ и познаній, особенно въ дѣлѣ изобрѣтеній, былъ поставленъ ниже своихъ сосѣдей, а вслѣдствіе своего послѣдующаго рабства, по всей вѣроятности, многое потерялъ изъ своего природнаго художественнаго чувства. Скитанія по пустынямъ Аравійскимъ въ продолженіи 40 лѣтъ по выходѣ изъ Египта тоже никакъ не могли благопріятствовать музыкѣ, значить всѣ утврѣненія въ совершенствѣ древнееврейской музыки остаются гипотетическими. Причиной же такого высокаго мнѣнія о ней можно считать только то, что между сосѣдними древними племенами еврей были наиболѣе музыкальными народомъ.

Начиная съ исторіи Иакова и Лавана вплоть до переселенія черезъ Черное море, то есть въ промежутокъ почти 248 лѣтъ, библія не

* Philo. Iudaicus de Mose, pag. 606. Edit. Th. Mangey. Fol. — Numerus igitur et geometriam, praeterea pedum, modorum versuum scientiam, totamque adeo musicam instrumentorum usu, et preceptione artium explicacione que locorum, Aegyptiorum eruditi tradiderunt.—Т. е.—И такъ числа, геометрію, затѣмъ науку о столахъ, мелодіяхъ, ритмахъ и стихахъ, и даже всю музыку черезъ употребленіе инструментовъ, чрезъ преподаваніе искусствъ и чрезъ объясненіе мѣстъ въ книгахъ къ сему относящихся,—передали египетскіе ученые.

упоминаеть ни объ одноъ музыкальномъ происшествіи. Далѣе — самъ Моисей даетъ назъ (кн. II, гл. XV,) свой благодарственный и хвалебный гимнъ, который онъ запѣлъ съ народомъ послѣ счастливой переправы черезъ море и совершеннаго освобожденія изъ египетской неволи. Миріамъ, сестра Моисея, взяла бубны и, по египетскому обычаю, воспѣла пѣснь свободы и хвалы Господу; всѣ женщины вышли за нею также съ бубнами и ликованіями. Этотъ древнѣйшій въ мірѣ гимнъ въ оригиналѣ далеко превосходитъ красоту его въ переводѣ и доказываетъ назъ слѣдующее. Во первыхъ, что женщины въ то время могли принимать участіе въ совершеніи публичныхъ религіозныхъ обрядовъ; во вторыхъ, что вокальная музыка сопровождалась инструментальною, а также пляскою. Первое изъ выведенныхъ слѣдствій привело многихъ въ сомнѣніе и дало поводъ думать, не было ли вообще все музыкальное дѣло сосредоточено въ рукахъ женщинъ. Набуръ въ своемъ «Путешествіи по Аравіи и прилежащимъ странамъ», томъ II, стр. 306, заявляетъ, что на востокѣ такой обычай ведетъ свое начало изъ глубокой древности и продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Въ подтвержденіе словъ Набура можно взять заимѣтку изъ жизнеописанія Эфраниа (IV столѣтія), который былъ родомъ сиріецъ и занималъ мѣсто діакона въ Эдессѣ, въ Месопотаміи; онъ говоритъ, что вмѣсто прежнихъ хоровъ онъ, Эфраниъ, ввелъ женскіе хоры изъ дѣвицъ, которыхъ онъ обучалъ пѣсанямъ и одамъ, содержавшимъ въ себѣ разныя притчи и духовную мудрость. Дѣвицы собирались всѣ вмѣстѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ подъ предсѣдательствомъ самого Эфраниа, который обходился съ ними какъ отецъ съ дѣтми и училъ ихъ мелодіямъ и измѣненіямъ напѣвовъ. Эти же хоры, которые онъ сформировалъ и обучилъ, помогли ему обратить городъ въ христіанство и ослабить партію недоброжелателей (S. Ephraem, orgea omnia, Romae. Fol. Tom VI). Эфраниъ имѣлъ сильнаго противника въ известномъ еретикѣ Вардезанѣ, или, по другимъ свѣдѣніямъ, въ снѣ его Гармоніѣ, который, благодаря своему искусству въ поэзи, а въ особенности въ музыкѣ, приобрѣлъ множество сторонниковъ; ему-то и противопоставилъ Эфраниъ свои женскіе хоры, чтобы скорѣе и легче добиться побѣды.

Что касается до втораго слѣдствія, т. е. употребленія инструментовъ для аккомпанимента при пѣніи, этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ, что евреи въ своихъ религіозныхъ обрядахъ переняли многое отъ египтянъ. Всѣ историки единогласно говорятъ, что привычка сопровождать свое пѣніе игрою на инструментахъ и пляскою египетскаго проис-

хожденія (Изъ этого же обыкновенія впоследствии времени въ Греціи образовались знаменитыя *дионирэмбы*, пѣсни съ плясками въ честь Вакха).— Мириамъ, сестра Моисея, родилась въ Египтѣ и въ то время только что ушла оттуда, слѣдовательно пляска, которою она сопровождала свою хвалебную и благодарственную пѣснь и которая была узювна евреями, какъ принадлежность религиозныхъ обрядовъ, была вынесена изъ Египта и составляла тамъ обыкновенное явленіе. — Израильтяне принудили Аарона, во время отсутствія его брата, сдѣлать ивъ золотого тельца, по образцу египетскаго Аписа, и когда Моисей сошелъ съ горы Синай, онъ нашелъ ихъ ноющими и пляшущими вокругъ тельца (II кн. Моисея, гл. XXII, ст. 18, 19). Такъ какъ идолопоклонство это было заимствовано, идоль сдѣланъ по образцу другаго народа, то нельзя сомнѣваться, что и способъ чествованія этого идола былъ заимствовано отсюда-же, изъ Египта.

Пѣніе при торжествахъ почти всегда сопровождалось пляскою, разучается если торжества были веселаго характера; но въ храмѣ, при служеніи истинному Богу и въ празднествахъ чисто религиозныхъ, пляска ни подъ какииъ видомъ не допускалась. Если дѣйствительно обычай сопровождать пѣніе пляскою привелъ грековъ къ ивъ дѣонирэмбамъ, то одинъ изъ новѣйшихъ писателей совершенно вѣрно говорить по этому поводу, что обычай этотъ ведется отъ первобытныхъ людей и народовъ, а греками былъ только принятъ, облагороженъ и приведенъ къ систематическому порядку и правильности *. О красотѣ такого пѣнія съ пляскою въ смыслѣ хорошей музыки можно судить уже потому, что движенія и скачки пляски совершенно не способствуютъ хорошему пѣнію, а напротивъ, только иѣшаютъ ему. Вѣроятноже всего, что это было не пѣніе, сколько нибудь ласкающее ухо, а просто дикое выкрикиваніе, въ томъ же родѣ какъ было египетское пѣніе или какъ теперешнее у всѣхъ восточныхъ и африканскихъ народовъ **.

* Марпургъ. Кратическое введеніе къ исторіи и правиламъ музыки древней и новой. 1763, стр. 48.

** (Нибургъ. Опис. путеш. по Аравіи).— Наши матросы знали нѣсколько эротическихъ пѣсней, въ которыхъ, воспѣвая своихъ возлюбленныхъ, сравнивали ихъ съ дамасскими огурцами, ихъ большіе черныя глаза съ глазами газели, и т. п. Мелодія всѣхъ пѣсней была перемѣшана, именно, одинъ запѣвалъ извѣстный стихъ, а прочіе повторяли эти же самыя слова на ту же мелодію, только 3-мя, 4-мя и даже 5-ю тонами ниже. Продолжая пѣть такимъ способомъ, они, за немѣнѣемъ подъ рукою бубновъ, чтобы выбивать тактъ, всѣ хлопали въ ладоши (точно также какъ это дѣлали древніе египтяне и израильтяне). Крики египетскихъ танцовщицъ едва-ли покажутся европейцу красивыми.

Принимая во вниманіе, что во время 150 лѣтняго пребыванія евреевъ въ Египтѣ они не были однимъ слоченнымъ народомъ и стали соединяться въ сильное самостоятельное царство только при Моисей, — мы не будемъ удивляться, что народъ тогда не дѣлалъ никакихъ усилій въ искусствахъ; онъ не имѣлъ для этого достаточно времени и благосостоянія. Уже давно извѣстно и подтверждено, что музыка новообразующагося народа служить ему только при богослуженіи и при войнѣ, мирное же наслажденіе музыкой, которое наиболее способствуетъ къ ея обработкѣ, ему еще не доступно. Люди должны сперва завоевать и укрѣпить себѣ истощительство, которое могло бы дать имъ безопасность и спокойствіе, и тогда только они могутъ съ относительными удобствами избрать себѣ занятіе сообразно своимъ вкусамъ и способностямъ. Раньше этого народъ употребляетъ музыку для воодушевленія при битвахъ, для регулярованія работъ при постройкахъ и для выраженія благодарности Богу за победы надъ врагами и за всѣ милости его. Выработывая себѣ независимое политическое положеніе, израильтяне находились въ такомъ состояніи именно при Моисей; вслѣдствіе чего у Моисея упоминаются только такіе инструменты, которые могутъ служить для той или другой изъ вышеприведенныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употребленіи у израильскаго народа въ періодъ правленія Моисея и Иисуса Навина, труба имѣла наиболѣе разнообразное приѣженіе. Значеніе ея въ музыкальныхъ отношеніи не имѣло особой важности, за то, какъ сигнальный инструментъ, она была чрезвычайно распространена и у евреевъ и у египтянъ. Въ III книгѣ Моисея, глава XXV, стихъ 9, упоминается труба, которая служить для созыванія всего народа на торжество; такъ же обозначены дни, когда именно и какъ слѣдуетъ «вострубить». Въ книгѣ Чиселъ, глава X, говорится: «сдѣлай себѣ двѣ серебряныя трубы, чеканныя сдѣлай ихъ, чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества и для снятія становъ. Когда затрубить въ нихъ, соберется къ тебѣ все общество ко входу скинии собранія. Когда въ одну трубу затрубить, соберутся къ тебѣ князья и тысяченачальники Израилевы». Далѣе, въ нѣсколькихъ слѣдующихъ стихахъ этой же главы, весьма точно описываются всѣ сигналы, даваемые обими трубами.

Достоверно извѣстно, что израильтяне различали два способа игры на этихъ трубахъ и называли одинъ изъ нихъ *хорошою* игрою, другой — *нехорошою*. Въ чемъ заключалась разница между этими двумя способами

исполненія—опредѣлить трудно, но, по всей вѣроятности, дѣло состояло въ слѣдующемъ: въ случаѣ худой игры, трубы исполняли службу нашихъ колоколовъ, изъ нихъ извлекали одиночные звуки, безъ всякой мелодіи и какого либо музыкальнаго смысла,—между тѣмъ какъ въ другомъ случаѣ, при хорошей игрѣ, соблюдалась извѣстная связь между тонами, игрались условныя мелодіи, которыя исполнялись всегда при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что выраженіе *играть по-рядочно* указываетъ на необходимое при этомъ присутствіе нѣкотораго мотива, хотя бы онъ былъ самымъ микроскопическимъ по продолжительности и по числу употребленныхъ тоновъ.

Моисей установилъ особый трубный праздникъ, въ которомъ звуки трубъ были необходимымъ условіемъ (IV кн. Моисея, глава XXIX. Сравни. Die allgemeine Welthistorie. Band II. Seite 30).

Существовалъ и другой родъ трубъ, но совершенно иного вида и достоинства. Дѣлались они изъ бараньяго рога и отличались очень рѣзкими и сильными звуками; эти трубы слѣдуетъ считать болѣе военнымъ инструментомъ, чѣмъ музыкальнымъ, потому что игрою на нихъ не старались доставить наслажденія слушающимъ, а, напротивъ, имѣли исключительною цѣлью—ужаснымъ шумомъ и грохотомъ этой трубы испугать на войнѣ непріятеля и отнять у него отвагу для продолженія битвы. Говорятъ, что при разрушеніи Іерихона, важную роль играли громовые звуки такихъ трубъ (книга Іисуса Навина, глава VI, ст. 4): По ивѣнію фанъ-Тилля *, эти трубы или, вѣрнѣе сказать, рога употреблялись и при богослуженіи, но не для музыки, а для созыванія народа.

М. Лабунская.

(Продолженіе будетъ).

---

* Dicht-, Sing- und Spielkunst der Alten und insbesondere der Hebräer. 1692, Seite 438.

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ИЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(Продолженіе).

ХІІ.

Голосъ изъ бездны.

Въ Иерусалимѣ только что распространился слухъ о томъ, что Титъ посылаетъ осажденнымъ предложенія мира. Волненіе было неописанное. Улицы и площади, переполненныя народомъ, походили на муравьиныя кучи. Женщины, дѣти, старики выползли изъ домовъ и изъ палатокъ, съ печатью нужды и лишеній на лицѣ, блѣдныя, изнуренныя, исхудалыя, завернутыя въ свои жалкіе плащи, точно въ саваны. При видѣ ихъ можно было бы подумать, что проходитъ цѣлая процессія призраковъ, вызванныхъ вдругъ какимъ-то волшебствомъ изъ своихъ могилъ.

Процессию эту по временамъ вдругъ перерѣзывали въ ея мрачномъ и торжественномъ шествіи отряды вооруженныхъ людей, отправлявшіеся на укрѣпленія. И на лицахъ этихъ людей ясно можно было прочесть слѣды тѣхъ бѣдствій и лишеній, которые имъ пришлось вынести.

Даже саддукеи и фарисеи, не смотря на свое богатство, скорѣе влчили ноги, чѣмъ шли. Только на лицахъ ихъ можно было замѣтить лучъ надежды: они утѣшали себя тѣмъ,

---

* См. „Восходъ“, кн. 7.

что безумію долженъ же когда нибудь наступить конецъ и что счастливые дни, дни роскошныхъ пировъ и крупныхъ приношеній, не замедлятъ возвратиться.

Имя Іосифа Флавія было на всѣхъ устахъ: одни приносили его съ любовью, другіе — съ ненавистью и ужасомъ. Извѣстно было, что именно онъ принесъ съ собою мирныя предложенія Тита.

На укрѣпленіяхъ, со стороны храма, образовались многочисленные группы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили оживленные споры. „Кенаимы“ и „Кострузимы“ обмѣнивались свирѣпыми взглядами. „Соберимы“ замѣтно приободрились и смѣло смотрѣли въ глаза „Кенаймамъ“, передъ которыми они дрожали еще наканунѣ.

Друзья первосвященника Ананія были особенно многочисленны и выступали особенно смѣло. Они не сомнѣвались въ успѣхѣ попытки Флавія, въ полной увѣренности, что толпа не устоитъ противъ его краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что она была уже поколеблена вынесенными страданіями и перспективой тѣхъ, которыя еще ожидали ее. Они рассчитывали также и на то, что могущественными союзниками оратора явятся плачь дѣтей, стоны женщинъ, колебанія умѣренной фракціи совѣта, давно уже отчаявшейся въ возможности сопротивленія, и которую малѣйшій толчокъ могъ заставить отдѣлиться отъ партіи „непримиримыхъ“.

— Ананія сегодня же вечеромъ будетъ выпущенъ изъ темницы, — говорили они; — умѣренные члены совѣта воспротивились приведенію въ исполненіе приговора, въ силу котораго онъ долженъ быть побитъ камнями, утверждая не безъ основанія, что нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ его виновности. День избавленія близокъ.

Они и не подозрѣвали того, что гибель ихъ друга явится именно результатомъ того, въ чемъ они видѣли спасеніе его.

Въ одной изъ самыхъ возбужденныхъ группъ, входившія въ составъ которой лица оставались, однако, неподвижными, растянувшись на ступенькахъ перваго крыльца храма, можно было замѣтить, между прочимъ, нѣсколькихъ лицъ, съ ко-

торыми мы имѣли уже случай познакомиться, между прочимъ сына Елизаветы, Катласа, того самаго, который, какъ мы уже видѣли, первый промѣсь въ разговоръ съ Силасомъ, въ день прибытія Бенъ-Адира въ Иерусалимъ, слово «измѣна» по отношенію къ Елеазару.

У ногъ его лежали жена и ребенокъ его, оба блѣдныя, исхудалыя, изнуренныя. Отъ времени до времени онъ бросалъ на нихъ взглядъ, въ одно и то же время нѣжный и мрачный. Другія женщины, лежавшія подобно женѣ Катласа на мраморныхъ ступенькахъ храма, представляли собою ту же мрачную картину. Но изъ устъ ихъ не раздавалось ни малѣйшей жалобы. Дѣти устремляли на матерей своихъ тупые, удивленные взоры, но не плакали. Матери отворачивались отъ нихъ, опасаясь, какъ бы ихъ, блестящія лихорадочнымъ блескомъ, глаза не выразили всей ихъ горести и какъ бы это проявленіе слабости не ослабило мужества отцовъ этихъ дѣтей. Все это было ужасно, и въ то же время прекрасно.

Эта группа узнала черезъ Катласа о важной новости, волновавшей городъ; тотъ, въ свою очередь, узналъ о ней отъ своей матери. Но среди этой группы новость эта произвела совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ среди фарисеевъ и садукеевъ. Слова «перебѣжчикъ», «измѣнникъ», «отступникъ» переходили здѣсь изъ устъ въ уста, какъ круговая чаша, въ которой каждый приглядывается губами. Даже женщины съ бѣшенствомъ пили изъ этой чаши. Дѣти повторяли слово «измѣнникъ», сами не понимая хорошенько значеніе его; но ихъ маленькія, посившія губы все же лепетали эти слова.

— Хорошаго же уполномоченнаго выбралъ себѣ Титъ, — сказала какая-то женщина, только что присоединившаяся къ группѣ. — Кто же это внушилъ ему такую прекрасную мысль? — прибавила она, обращаясь къ Катласу.

Катласъ, ничего не отвѣчая, взглянулъ на молодую женщину, облеченную въ траурную одежду.

— А гдѣ же твой мужъ? — спросилъ онъ ее.

— Мой мужъ? — отвѣтила она, взглянувъ на него уди-

вленнымъ взоромъ. — Развѣ ты не знаешь? Да вѣдь его со-
жгли четыре дня тому назадъ, вмѣстѣ съ Карторомъ.

— Столько народу умираетъ ежедневно, — спокойно отвѣ-
тилъ Катласъ, — что и не успѣваешь сосчитать. Но какимъ
же образомъ это случилось? Извѣстны-ли тебѣ какія-нибудь
подробности? Расскажи-ка: вѣдь все это — новая пища для
ностра нашей ненависти. Правда, впрочемъ, и то, что мы
и не особенно нуждаемся въ ней. Но вотъ къ намъ при-
ближается „стрѣлецъ“. Онъ намъ, безъ сомнѣнія, рас-
скажетъ все, что мы желаемъ знать.

Дѣйствительно къ группѣ приближался какой-то чело-
вѣкъ, котораго Катласъ назвалъ „стрѣльцомъ“. Онъ былъ
худъ, какъ какой-нибудь аскетъ, и блѣдность его щекъ
бросалась всѣмъ въ глаза. Можно было подумать, что ви-
дишь передъ собою неосязаемого духа, ваую-то тѣнь. Во
всей его фигурѣ живаго только и было, что пара большихъ,
сѣрыхъ глазъ, которые блестѣли необыкновеннымъ блескомъ;
въ нихъ сосредоточился весь жаръ его души, въ нихъ го-
рѣлъ яркій огонь патриотизма. Онъ сохранилъ даже извѣст-
ную долю веселости: не то, чтобы душа его не была глу-
боко опечалена, но онъ не желалъ проявлять своихъ стра-
даній; онъ зналъ, что въ этомъ заключается первая обязан-
ность предводителей. Только теперь веселость его, болѣе
чѣмъ когда-либо, приняла форму и выраженіе сарказма и
ироніи.

— А произошла презабавная исторія, — сказалъ онъ,
отвѣчая на вопросъ Катласа. — Титъ атаковалъ одну изъ
башенъ второй ограды, ту, которая выходитъ на сѣверъ.
Онъ началъ съ того, что велѣлъ направить на эту башню
стѣнобитное орудіе и приказалъ стрѣлкамъ и працникамъ
поддерживать эту атаку, такъ что намъ пришлось поки-
нуть башню. Въ ней остались только Карторъ и еще десять
человѣкъ. Карторъ — человѣкъ храбрый и искусный, — или,
увы! вѣрнѣе сказать, былъ человѣкъ храбрый и искусный,
ибо его уже нѣтъ въ живыхъ. Но не въ томъ дѣло! Кар-
торъ легъ съ своими товарищами на землю, прикрывшись
своими плащами, и въ такомъ положеніи они пролежали

нѣсколько минутъ, безмолвные и неподвижные. Затѣмъ, когда они почувствовали, что вся башня задрожала и затрепетала, подобно тому, какъ смертельно раненая стрѣлой птица нѣсколько времени бьется на воздухъ, прежде чѣмъ упасть на землю, Карторъ, преслѣдуя свою идею, протянулъ Титу руку, умоляя его жалобнымъ голосомъ простить его. Римлянинъ попался въ ловушку; онъ очень легковѣренъ, этотъ любовникъ Береники! Вѣдь принялъ же онъ ее за непорочную дѣвственницу, за какую-то дочь Еоя! И такъ, онъ вообразилъ себѣ, будто Карторъ взаправду хочетъ сдаться, и это уже просто допотопная наивность, — будто мы расквашиваемся и будто Карторъ является выразителемъ нашихъ чувствъ. И вотъ онъ приказываетъ перестать громить башню, и велитъ своимъ стрѣлкамъ прекратить стрѣльбу по Картору и по друзьямъ его. Наконецъ, онъ приказалъ спросить ихъ, чего имъ нужно. — „Мы желаемъ мира“, — произнесъ Карторъ, съ кротостью ягненка. — „Хорошо, — отвѣтилъ Титъ. — Я вижу, что ты — человѣкъ благоразумный. Ну, а что, другіе-то, одушевлены-ли они тѣми же чувствами?“

Пятеро изъ нихъ отвѣчаютъ «да», пятеро — «нѣтъ» (все это было условлено заранѣе). Начинаются длинныя разсужденія, во время которыхъ Карторъ успѣлъ подать Симону сигналъ, что онъ занимаетъ Тита и чтобы тотъ постарался извлечь изъ этого пользу. Между тѣмъ друзья наши продолжаютъ притворно спорить, горячатся, отъ словъ переходятъ къ дѣлу, вынимаютъ мечи, наносятъ другъ другу удары, — понятно, стараясь не причинить ими никакого вреда, — и наконецъ нѣкоторые изъ нихъ падаютъ на землю, какъ будто они были взаправду убиты и ранены.

Все это происходило въ башнѣ. Титъ, видѣвшій все это лишь снизу и издалека, былъ вполне введенъ въ заблужденіе этой хитростью. Одно случайное обстоятельство еще болѣе усилило въ немъ это заблужденіе. Картору попадаетъ въ лицо какая-то шальная стрѣла, пущенная изъ римскаго лагеря; онъ вытаскиваетъ ее изъ раны, показываетъ ее Титу, жалуясь на вѣроломство, недостойное его велико-

душія. Задѣтый за живое этимъ упрекомъ, который онъ признаетъ вполне справедливымъ, Титъ приглашаетъ Флавіа, стоявшаго возлѣ него, отправиться въ башню и подать Картору руку, въ знакъ вѣрности его своему слову. Иосифъ — продувной мошенникъ; но тотъ, кто вздумалъ бы сравнить его съ Валаамовой ослицей, жестоко ошибся бы. Онъ сразу пронюхалъ ловушку и отказался исполнить возлагаемое на него порученіе, и даже сталъ отговаривать другихъ исполнить его. Только Эней, одинъ изъ тѣхъ жалкихъ филистимлянъ, которые продались римлянамъ, готовъ рискнуть на это предпріятіе, такъ какъ онъ увидѣлъ въ рукахъ у Картора кошелекъ и слышалъ, какъ тотъ сулилъ ему большія деньги; это привлекаетъ его, но какъ только онъ приблизился на разстояніе выстрѣла, онъ получаетъ стрѣлу вмѣсто ожидаемаго имъ золота. Завѣса спала, наконецъ, съ глазъ Тита, который приходитъ въ негодованіе, захлебывается отъ злости и приказываетъ, чтобы снова было пущено въ ходъ стѣнобитное орудіе, и притомъ съ большею силой, чѣмъ прежде.

Башня угрожала ежеминутнымъ разрушеніемъ; приходилось выбирать изъ нея. Но Карторъ, прежде чѣмъ покинуть ее, поджегъ ее, и, вмѣстѣ съ своими товарищами, пробрался подъ своды нижняго этажа. Римляне вообразили, что они рѣшились сгорѣть живьемъ и ужасаются ихъ мужеству; но весь этотъ эпизодъ далъ Симону время приготовить важныя движенія. Въ этой-то сумятицѣ и былъ сожженъ Алія (такъ звали мужа молодой женщины). Увы! всѣ мы тамъ будемъ!

Тонъ, которымъ все это было рассказано, составлялъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ фактомъ, который онъ рассказывалъ, и съ видомъ ужасныхъ страданій, которыя его окружали. А между тѣмъ улыбка появилась на устахъ даже самихъ женщинъ; всѣ до того свѣлились съ мыслью о смерти, что образъ ея пугалъ жителей Иерусалима не болѣе, чѣмъ отраженіе птицы, пролетавшей черезъ Геисбаретское озеро; но улыбка эта, появляясь на устахъ живыхъ скелетовъ, представляла собою нѣчто ужасное.

Группа мало по малу увеличилась; стрѣлка забрасывали вопросами.

— Значить вѣрно, что Іосифъ Флавій долженъ прибыть къ намъ съ оливковою вѣтвью?—спрашивалъ одинъ.

— А имѣеть ли онъ при себѣ видъ на свободный проѣздъ?—замѣчалъ другой мрачнымъ тономъ, натягивая свой лукъ.

— Дѣйствительно-ли сегодня онъ намъ покажетъ свою отступническую рожу?—прибавлялъ третій.

Стрѣлокъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы съ свойственными ему любезностью и кротостью во взорѣ.

— Да, влянусь Юпитеромъ, — какъ говорить тѣ проклятые филистимляне, среди которыхъ онъ живетъ,—мы будемъ имѣть великое удовольствие видѣть размалеванную рожу и услышать медовый голосъ этого извѣстнаго торгаша словами, который воображаетъ себя вдохновеннымъ, какъ Іеремія, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ жретъ изъ яслей римлянъ, глаза его превратились въ два источника слезъ, болѣе неизскаемые, чѣмъ Силоамская бундель, столь обильная въ нынѣшнемъ году, и болѣе жалобныя, чѣмъ лѣса Оавора, колеблемыя шквалами, приносящимися съ Тирскаго моря.

— А извѣстно-ли, что отвѣтилъ Тить на его предложенія?—спросилъ какой-то раненый, влачившій свою искалѣченную ногу.

— Онъ просто потребовалъ, чтобы мы оказались героями,—отвѣтилъ стрѣлокъ.—Онъ вообразилъ себѣ, послѣ взятія второй ограды и новаго города, что мы тотчасъ же сдадимся ему безусловно. Когда мы показали ему, изгнавъ его изъ завоеванной уже имъ части новаго города, что онъ принялъ кипарисы Мертваго моря за іерихонскія розы, онъ рѣшилъ, что нужно попробовать одолѣть насъ инымъ, болѣе дешевымъ способомъ.

— А какимъ же образомъ удалось вытѣснить его изъ второй ограды и изъ новаго города?—спросилъ калѣка.

— Неужели ты этого не знаешь?

— Нѣтъ, я лежалъ въ это время въ палатѣ моей, такъ какъ не могъ пошевелиться вслѣдствіе моей раны.

— Ну, такъ я расскажу тебѣ это, но въ самыхъ краткихъ словахъ. Титъ, замѣтивъ, что, вслѣдствіе обрушенія подожженной башни, въ стѣнѣ образовалась довольно большая брешь, собралъ до двухъ тысячъ отборнаго войска и направилъ ихъ въ тѣсныя улицы новаго города, населенныя субонциями, торговцами желѣзомъ, мѣдниками и лоскутниками. Онъ не ожидалъ встрѣтить ни малѣйшаго сопротивленія и шутя говорилъ, что аршины—не мечи, котлы—не пращи, и тысячи другихъ подобныхъ глупостей. Мы же доказали ему, что наши ремесленники и торгаша стоятъ варварскихъ полчищъ Гога и Магога *. Двѣ тысячи чело-вѣкъ отборнаго войска его, съ ихъ мѣдными и желѣзными плечами и панцырями, на каждомъ шагѣ подвергались нападеніямъ, ихъ били изъ-за угловъ и изъ оконъ домовъ, и они принуждены были отступить,—такъ весьма деликатно выразился въ своемъ донесеніи сынъ божественнаго Веснасіана, вмѣсто того чтобы сказать, что они бѣжали со всѣхъ ногъ. Остальная часть его арміи, занимавшая завоеванное уже раньше пространство до второй ограды, увлечена была *почетнымъ* отступленіемъ передоваго отряда. Тщетно Титъ выходилъ изъ себя: волеи его дрожали, точно овцы, и въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ оставить вторую ограду въ нашихъ рукахъ. Конечно, все это не мѣшаетъ саддукеямъ и фарисеямъ утверждать, что мы уже недостойны называться потомками нашихъ предковъ.

— Пусть они говорятъ это за себя, а не за насъ,—перебилъ его калѣа.

— Ты правъ,—продолжалъ стрѣлокъ. — Махавей воссресли; они покинули свои гробницы, которыя видны отсюда, и сражаются вмѣстѣ съ нами, правда, молча и невидимками, но согрѣвая наши сердца дуновеніемъ своихъ великихъ душъ. Все это, безъ сомнѣнія, заставило Тита

---

* Такъ называются въ Апокалипсисѣ германцы и скифы.

призадуматься, и потому-то, вѣроятно, онъ и посылаетъ намъ своего Флавія.

Въ это время громкіе клики и звуки трубъ прервали рѣчь стрѣлка. Онъ послѣдно сошелъ со ступеней храма, а толпа послѣдовала за нимъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ слѣдовавшей за нимъ толпѣ:

— Это Титъ производитъ смотръ своей арміи. Онъ желаетъ напугать насъ, прежде чѣмъ соблазнить насъ; но того, чего не могли сдѣлать его стрѣлы, пращи, тараны и другіе снаряды, того уже, конечно, не сдѣлаетъ блескъ оружія и красивая сбруя его лошадей. Глаза наши окажутся столь же непоколебимыми, какъ и наши сердца. Неужели же любовникъ Береники принимаетъ насъ за какихъ-то непотребныхъ женщинъ!

Дѣйствительно, Титъ производилъ смотръ своей арміи. Въ то время, когда толпа приближалась въ той части второй ограды, которая выходитъ на сѣверъ, она увидѣла всѣ три легіона, составлявшіе осадную армію, стоявшими въ колоннахъ въ опустошенныхъ предмѣстьяхъ и на площади Офла, недалеко отъ дворца Ирода.

Дѣло происходило въ концѣ іюня. Погода стояла великолѣпная, небо было сине и безоблачно. Солнце ярко свѣтило, но съ расположенныхъ къ сѣверу отъ города горъ дулъ свѣжій и прохладный вѣтеръ, который умѣрялъ зной. Все благопріятствовало счастливому Титу и онъ надѣялся, что этотъ день не будетъ для него потерянъ.

Зрѣлище было, дѣйствительно, великолѣпное. Римская армія, не смотря на большія, понесенныя ею, потери, все еще представляла собою нѣчто достаточно величественное. Пѣхота выступила въ полномъ своемъ вооруженіи, которое ярко блестѣло на солнцѣ. Мѣдныя и желѣзныя каски и латы, обнаженные палаши всадниковъ, красивая сбруя лошадей и ихъ блестящія удила—все это блестѣло на солнцѣ, а пыль, которую они поднимали копытами, окутывала ихъ точно золотистымъ облакомъ. Когда всадники, проходя мимо Тита, пустили коней своихъ въ галопъ, и проскакали мимо толпы размахивая своими длинными, блестящими на солн-

цѣ, мечами, то' ихъ можно было принять за легионъ ангеловъ-истребителей, вышедшихъ изъ преисподней, на которыхъ еще отражается красноватый отблескъ вѣчной геены. Это было ужасное вступленіе, подготовленное Титомъ къ имѣвшей послѣдовать рѣчи своего посланца.

Жители Иерусалима отовсюду собрались, чтобы посмотрѣть на это зрѣлище; особенно много было въ числѣ зрителей сторонниковъ мира. Вся сѣверная стѣна занята была любопытными, а крыши ближайшихъ домовъ едва не ломились подъ тяжестью взобравшихся на нихъ людей. Но еще болѣе, чѣмъ желаніе посмотрѣть на блестящее зрѣлище, привлекло толпу желаніе послушать Иосифа Флавія, посланца Тита, котораго съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали какъ сторонники мира, такъ и сторонники войны.

Едва окончился смотръ, какъ раздался звукъ трубы римскаго герольда, и народъ увидѣлъ приближающимся къ оградѣ человѣка, несшаго гражданамъ въ одной рукѣ — миръ, въ другой — войну. Иосифъ Флавій былъ не такого рода человѣкъ, чтобы пренебрегать мелочами. Ему хорошо было извѣстно, что его силу и силу римлянъ составляли въ Иерусалимѣ знатныя левитскія семейства, „Бозтусимъ“ и фарисейская буржуазія, состоявшая изъ многочисленныхъ „соферимъ“ (писцовъ), которые снискивали себѣ пропитаніе благодаря своему знакомству съ преданіями, но которые отнюдь не были расположены умирать за нихъ. Поэтому Флавій счелъ нужнымъ представиться этимъ людямъ и ихъ приверженцамъ въ такомъ видѣ, который былъ бы способенъ наиболѣе польстить имъ. Онъ явился въ одеждѣ, соотвѣтствовавшей всѣмъ еврейскимъ традиціямъ. Но этимъ онъ вызвалъ ѣдкія насмѣшки со стороны его противниковъ. Особенно доставалось ему изъ группы, собравшейся около Катласа.

— Послушайте, друзья мои, — сказалъ Симонъ-бенъ-Гіора, который былъ тутъ же, въ числѣ другихъ членовъ совѣта, — дѣло не шуточное. У Иосифа Флавія, друга Веспасіана и Тита, здѣсь есть сторонники. Пусть каждый будетъ остороженъ и исполнитъ свой долгъ!

Слова эти, произнесенныя громкимъ голосомъ, были услышаны толпою. Раздались громкіе влики озлобленія и ненависти.

— Поворъ перебѣжчику!—кричали одни.

— Намъ не нужно отступника!—воскликнула какая-то женщина.

— Пусть онъ оставляетъ при себѣ свои почести и оставить намъ нашу честь!—сказалъ какой-то молодой человѣкъ, опираясь на лукъ, которой былъ больше его самого.

— Если-бъ онъ не продалъ римлянамъ города и цитадели Ютапата, до тѣхъ поръ неприступной,—говорили другіе,—если-бъ онъ не продалъ своей арміи, то римлянъ можно бы было остановить еще надолго подъ стѣнами Ютапата и они не стояли бы въ настоящее время надъ Іерусалимомъ, подобно грозовой тучѣ.

Симонъ, слышавшій всѣ эти восклицанія, счелъ нужнымъ еще разъ вмѣшаться.

— Все это совершенно справедливо, друзья мои, —сказалъ онъ; — но все же мы обязаны выслушать его, на то существуютъ важныя причины. Вы узнаете ихъ еще раньше, чѣмъ солнце, стоящее теперь вонъ тамъ, надъ Дамаскскими воротами, сврется за Гильонскими высотами.

Всѣ замолчали и взоры всѣхъ обратились къ Флавію. Последний обошелъ весь городъ, прежде чѣмъ подойти къ тому мѣсту, гдѣ ему предстояло остановиться. Ему хорошо извѣстна была та ненависть, которую къ нему питали, и онъ постарался отыскать себѣ безопасное мѣсто, вѣ въ встрѣла оружіемъ. Взойдя на развалины вѣншей ограды, вонъ гробницы Ирода, откуда можно было слышать его слова,—такъ какъ вѣтеръ дулъ съ сѣвера, — онъ поклонился священному городу и обратилъ свои взоры въ сторону храма.

Мы уже сказали, что Флавій былъ человѣкъ ловкій, и онъ еще разъ доказалъ это вступленіемъ къ своей рѣчи.

Многія сердца забились сильнѣе, на многихъ глазахъ выступили слезы.

Рѣчь Флавія, которую можно прочесть цѣликомъ въ его „Исторіи Іудейской войны“, представляла собою, въ сущности, ничто иное, какъ приторное прославленіе римскаго владычества, длинную и скучную проповѣдь о покорности и смиреніи, безстыдное поученіе, облеченное въ патріотическую форму, въ которомъ исторія еврейскаго народа изложена была въ формѣ наглыхъ софизмовъ и доказывалось, что самъ Господь Богъ являлся орудіемъ и по борникомъ рабскаго подчиненія.

— Пожалѣйте самихъ себя, — говорилъ ораторъ; — сопротивленіе ваше является просто безуміемъ. Вы вѣдь издавна уже привыкли къ чужеземному игу! Почему же именно теперь вы изъ силъ выбиваетесь, чтобъ освободиться отъ него! Прекрасно сражаться для защиты своей свободы; но разъ она утрачена, стремленіе къ приобрѣтенію ея вновь ведетъ къ неизбежной гибели. И развѣ позорно входить въ составъ державы, владычествующей надъ всѣмъ міромъ? Человѣкъ долженъ уступать тому, кто сильнѣе его. Это дѣлаютъ даже и звѣри; это всеобщій законъ природы. — Отъ кого исходитъ власть? Отъ Бога. Онъ даетъ ее тому, кто ему угоденъ. Повиноваться болѣе сильному значить, слѣдовательно, повиноваться Богу. — И такъ вы должны покориться римлянамъ, и притомъ сдѣлать это не медля. Въ настоящее время они готовы еще послушаться голоса милосердія, но если вы упустите этотъ удобный моментъ, если вы будете упорствовать въ сопротивленіи, они никого не пощадятъ.

Въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи ораторъ былъ прерванъ вликами негодованія. Негодованіе „кенаимовъ“ вырвалось наружу. Слова „измѣнникъ“, „перебѣжчикъ“, „отступникъ“ „мееитъ“ * вылетали изъ тысячи устъ и свистѣли вокругъ него, какъ мириада острыхъ стрѣлъ. Но, выпрямившись, какъ раненый левъ, онъ снова бросился на арену, рыча и

* Соблазнитель, старающійся посягнуть на религію.

задыхаясь отъ злости. Онъ сослался на исторію евреевъ и пытался доказать, что, въ теченіи многихъ вѣковъ, всё успѣхи ихъ были плодами ихъ благочестія, а всё ихъ неудачи—результатомъ ихъ собственныхъ ошибокъ.

— Откуда же происходятъ всё теперешнія ваши ошибки? — воскликнулъ онъ въ заключеніе.—Отъ вашихъ раздоровъ. Вы не умѣли пользоваться свободой вашей, и потому Господь васъ покинулъ.

Иосифъ Флавій, объ ораторскомъ искусствѣ котораго не слѣдуетъ судить по вышеприведенному сухому и краткому отрывку его рѣчи, былъ замѣчательный ораторъ. Рѣчь его, въ которой онъ такъ естативы вызвалъ у своихъ слушателей воспоминанія о прошломъ, въ подтвержденіе ошибокъ и заблужденій настоящаго времени, произвела сильное впечатлѣніе даже на сторонниковъ сопротивленія до послѣдней крайности. Многие поколебались въ своихъ мнѣніяхъ. Фарисеи приободрились и стали смотрѣть на „непримиримыхъ“ съ меньшою робостью. Многие стали дѣйствительно видѣть единственное спасеніе для себя и для священнаго города въ подчиненіи римлянамъ. Но неожиданное происшествіе вдругъ дало дѣлу совершенно иной оборотъ.

Какъ только Иосифъ Флавій удалился, среди толпы раздался громкій голосъ:

— Пророкъ идетъ! Пророкъ идетъ!

— Кто это? Зеведей, что-ли? — спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, какой Зеведей! Это лжепророкъ! — отвѣтилъ первый голосъ. — Настоящій пророкъ, Іохананъ-бенъ-Захарія, пришедшій сюда изъ пустыни.

Имя Іоханана было привѣтствуемо тысячью голосовъ, раскаты которыхъ повторились на Елеонской горѣ и въ Гильонскихъ горахъ, точно раскаты грома.

Этотъ Іохананъ,—котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другими Іохананомъ, апокалипсическимъ, считался однимъ изъ выдающихся вѣщателей того времени, столь обильнаго вѣщателями и пророками. Онъ былъ для „кенаимовъ“ тѣмъ же, чѣмъ былъ для евреевъ-христіанъ Іохананъ апокалип-

сическій: онъ такъ же вѣровалъ, какъ и послѣдній, въ предопредѣленіе, въ торжество правды надъ заблужденіями, справедливости надъ силою. Но мысль его охватывала болѣе обширное, болѣе далекое будущее, и онъ не отождествлялъ окончательнаго торжества добра надъ зломъ съ извѣстной личностью. По его ученію, царство добра должно было явиться результатомъ непрерывныхъ, направленныхъ въ одну сторону, неустанныхъ усилій всѣхъ людей, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, а не праздныхъ умозрѣній, смутныхъ стремленій, призрачныхъ мечтаній. Поэтому онъ и присталъ къ партіи „венаимовъ“, все ученіе которыхъ заключалось въ двухъ словахъ: „Богъ и свобода“, и, подобно имъ, питалъ смертельную ненависть къ римскому владычеству, къ этому гигантскому тирану, катившемуся по всему свѣту и давящему на своемъ пути все, что не преклонялось, не падало передъ нимъ ницъ.

Иохананъ игралъ не послѣднюю роль въ борьбѣ евреевъ за свою независимость, причемъ слово его, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, возбуждало и поддерживало мужество. Удалившись въ пустыню, онъ покидалъ ее въ извѣстные моменты и появлялся среди народа какъ вѣстникъ надежды и твердости. Появленіе его, при настоящихъ обстоятельствахъ, было принято народомъ за какое-то чудо.

— Какимъ образомъ сынъ грома, — такъ называли обыкновенно Иоханана, вѣроятно въ отличіе его отъ апокалипсическаго его одноименника — могъ проникнуть въ городъ? — спрашивали другъ у друга въ толпѣ.

— Говорятъ, будто онъ спустился съ неба. Его видѣли сидящимъ на облакѣ, надъ гробницей пророковъ.

— Моя мать, — сказала Катлась, слышавшій этотъ разговоръ, — видѣла его со второй стѣны, спускающимся къ водянымъ воротамъ. Онъ какъ будто бы вышелъ изъ колодца Неэміи.

Тысячи подобныхъ слуховъ ходили въ толпѣ. Въ сущности же все дѣло заключалось въ томъ, что Елисавета успѣла увѣдомить Иоханана о попыткѣ Іосифа Флавія склонить гражданъ къ сдачѣ, и что этой женщиной, къ которой

римляне, благодаря сношеніямъ ея съ Маріей Рама, относились безъ малѣйшаго подозрѣнія, не стоило большаго труда выгнать его въ Иерусалимъ.

Пророкъ Іохананъ, подобно большей части еврейскихъ пророковъ, проводилъ большую часть своего времени на рѣкѣ Хевронѣ, въ Аравійской пустынѣ. Онъ обыкновенно одѣвался въ шкуры шакала и подпоясывался ремнемъ, вырѣзаннымъ изъ верблюжьей кожи. Но для того, чтобы не возбудить подозрѣній, онъ на этотъ разъ облекся въ коричневый плащъ и въ бѣлую накидку, обшитую по краямъ красной бахромой, какъ то дѣлали въ тѣ времена всѣ истинновѣрующіе. Худоба его была поразительна и достаточно было одного взгляда на него, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ питался только аридами и дикимъ медомъ. Онъ опирался на большую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ родѣ пастушьего посоха. Елисавета провела его въ городъ подъ видомъ пастуха съ Галанскихъ горъ, который прибылъ въ Иерусалимъ для того, чтобы убѣдить своего сына, одного изъ самыхъ извѣстныхъ вождей непримиримыхъ, отказаться отъ сопротивленія.

Онъ шелъ, опустивъ взоръ въ землю, медленнымъ шагомъ, скрестивъ руки на груди. Его высокий, откѣтый лобъ сильно загорѣлъ отъ яркихъ солнечныхъ лучей пустыни. По временамъ онъ останавливался, устремлялъ на все, окружающее его, свой пристальный взглядъ, стучалъ о мостовую ногами, чтобы стряхнуть пыль съ своихъ сандалій, вытряхивалъ свой плащъ, и снова навидывалъ его на свои плечи, красиво драпируясь въ небѣ.

Какъ только толпа узнала его, она послѣдовала за нимъ въ почтительномъ молчаніи. Онъ направился, мрачный и молчаливый, въ сторону храма. Надъ входомъ въ первый храмъ тянулась обширная галерея, удивительной работы. Колонны изъ бѣлаго мрамора, высѣченныя изъ одного куска, по 25 футовъ вышины каждая, поддерживали навѣсъ ея. Крыша надъ галереей и выступы ея были сдѣланы изъ кедроваго дерева и до того красивы, такой искусной и изящной работы, „что они не нуждались“,—говорить Фла-

вій, „для того, чтобы восхитить глазъ, ни въ живописи, ни въ ваяніи“. Шириною обѣ галереи были въ тридцать футовъ, а длина ихъ простиралась до шести стадій*. Слѣдовательно, на нихъ могла помѣститься масса народу. Здѣсь-то остановился Іохананъ; отсюда-то онъ и пожелалъ обратиться къ народу Божію. Громадная толпа могла помѣститься въ галереѣ, чтобы быть поближе къ оратору, хотя слова его были слышны и извнѣ, за оградой храма.

Собраніе было чрезвычайно многочисленное. Странное зрѣлище представляло собою это громадное сборище, состоявшее изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ впалыми, мрачными и изнуренными лицами, еле державшихся на ногахъ, напоминавшихъ собою скорѣе привидѣнія и ходячіе скелеты, чѣмъ людей, полунагихъ или покрытыхъ разорванными мантиями, оступлыхъ, ужасныхъ на видѣ, у которыхъ только и осталось живаго, что глаза ихъ, блестящіе отъ лихорадки и отъ внутренняго жара, и которые, безмолвные какъ призраки, впились воспаленными глазами своими въ пришедшаго изъ пустыни челоуѣка и жадно прислушивались къ каждому его слову, надѣясь найти себѣ въ немъ неожиданную помощь.

И дѣйствительно Іохананъ не даромъ покинулъ пустыню. Онъ явился въ священный городъ съ весьма важнымъ порученіемъ, пришелъ къ защитникамъ его съ словомъ ободренія.

Іохананъ всталъ на „бему“ (камень, служившій ораторской трибуной). Онъ обвелъ собраніе медленнымъ взоромъ, затѣмъ опустилъ голову, и вдругъ, какъ бы подъ наитіемъ какого-то внутренняго вдохновенія, встряхнувъ своею мантиєю, подобно тому, какъ это имѣли обыкновеніе дѣлать стоявшіе на крѣпостныхъ стѣнахъ еврейскіе часовые, для того, чтобы заявить неприятелю о своемъ присутствіи, началъ говорить.

Недаромъ Іоханана прозвали сыномъ грома: слово его было похоже на продолжительный, громкій, рѣзкій, оглу-

---

* Шесть стадій равняются 510 сажнямъ, т. е. нѣсколько болѣе версты.

шительный раскатъ грома. Каждый разъ, какъ онъ возвышалъ его, толпа содрогалась и начинала волноваться.

— Я пришелъ изъ пустыни, — такъ началъ онъ, — чтобы возвѣстить вамъ слово Божіе. Я удалился въ пустыню съ самаго паденія Иотапаты, для того, чтобы поразмыслить о гнусной измѣнѣ того человѣка, котораго вы только что выслушали.

Вступленіе это было какъ нельзя болѣе умѣстно: напоминая своимъ слушателямъ объ измѣнѣ Іосифа Флавія, онъ сразу наносилъ вѣскій ударъ своему противнику. Собраніе прервало его восторженными кликами. Іохананъ продолжалъ:

— Какимъ образомъ я проникъ къ вамъ? Спросите у Моисея, какимъ образомъ онъ ушелъ отъ Фараона? Спросите у Юдиои, какимъ образомъ ей удалось благополучно пробраться черезъ лагерь Олоферна и приготовить освобожденіе Израиля? Я спалъ возлѣ самой палатки Тита, и его бдительные часовые не замѣтили меня. Я пилъ, рядомъ съ его лошадьми, воду изъ Кедронскаго ручья и его всадники не привоснулись даже къ краю моей мантии.

Здѣсь Іохананъ вдругъ остановился и провелъ правою рукою по глазамъ своимъ, какъ бы вытирая слезу, выступившую изъ рѣсницъ его. Все собраніе содрогнулось.

— Я леталъ, — продолжалъ онъ, — подобно птицѣ Божіей на крыльяхъ облака, подобно стаѣ вороновъ, которую я только что видѣлъ носившеюся надъ нашими укрѣпленіями и которыхъ созвалъ со всѣхъ концовъ свѣта ангель-истребитель. Что за зрѣлище, дѣти Іеговы! Начиная отъ Силоамской купели и до ступеней храма, не видишь ничего, кромѣ какихъ-то блѣдныхъ труповъ, какихъ-то призраковъ, вышедшихъ изъ гробницъ своихъ, женщинъ, у которыхъ уже изсыхли всѣ ихъ слезы, грудныхъ дѣтей, тщетно припадающихъ потрескавшимися губами своими къ иссохшимъ грудямъ матерей своихъ, — словомъ, всюду — одни только бѣдствія и отчаяніе. Сердце мое истекало кровью, пока я шелъ, ноги мои скользили по мостовой, обогрѣнной кровью нашихъ согражданъ. Но я вспомнилъ слово Божіе, и сердце мое

окрѣпло; я отогнала отъ себя чувство слабости, и ноги мои донесли меня до этого мѣста. Я пришелъ съ тѣмъ, чтобъ обличить обманщика, посланнаго къ вамъ Титомъ. Онъ осмѣлился сказать вамъ здѣсь, передъ самымъ храмомъ Иеговы, передъ нашей святыней, что Богъ желаетъ подчиненія вашего римлянамъ!...

— Никогда! — крикнулъ какой-то голосъ въ толпѣ. — Никогда! повторили тысячи голосовъ.

— И почему-бы звѣрю, вышедшему изъ преисподней*, властвовать надъ нами? Какія онъ имѣетъ на то права? Аббадонъ** носится надъ его знаменами. Онъ вложилъ въ руки его легионовъ истребительный мечъ, для того, чтобы тотъ носился надъ всѣмъ міромъ. Вотъ единственное его право на всемірное господство. Но для Израиля этого недостаточно.

„Что случилось съ міромъ подъ этимъ господствомъ, которое намъ изображаютъ орудіемъ Бога? Вы ее видѣли, эту большую проститутку, какъ называетъ ее братъ мой, Іохананъ-бенъ-Зеведей. Она разноситъ среди всѣхъ народовъ ядъ проституціи; изъ своего гнѣзда она заразила своимъ губительнымъ ядомъ всѣ народы земли. Одѣтая въ тонкія тѣлеса и въ пурпуръ, украшенная жемчугомъ и драгоценными каменьями, набѣленная и нарумяненная, она покидаетъ свое ложе кургизанки лишь для того, чтобы бросаться на людей святыхъ, терзать ихъ своими когтями и упиваться ихъ кровью.

„Обидывая взоромъ тѣ мѣста, по которымъ прошелся Аббадонъ съ своей косою, гдѣ господствуетъ то, что Римъ называетъ миромъ, что мы увидимъ: изъ хижинъ, разбѣянныхъ кое гдѣ по равнинамъ, по холмамъ, по долинамъ, выходятъ люди блѣдные, исхудалые, согнувшіеся подъ тяжестью своихъ земледѣльческихъ орудій; они ступаютъ медленными шагами, понуривъ головы, уставивъ глаза въ землю. А вокругъ нихъ деревья гнутса подъ тяжестью роскошнаго

* Римъ, языческая держава.

** Разрушитель, по-гречески—Апколіонъ.

цвѣта и какъ-бы говорятъ имъ: „Взгляните на эти цвѣты: они скоро превратятся въ плоды, и плоды эти созрѣютъ для васъ“. — Но деревья забываютъ, что плоды эти принадлежатъ вышедшему изъ преисподней звѣрю и его дѣтенышамъ.

„Они идутъ далѣе, и виноградникъ говоритъ имъ:— „Я втихомолку вырабатываю въ моихъ вѣтвяхъ живительный сокъ, который подкрѣпитъ васъ и согрѣетъ зимою ваши ожоченные члены“. — А луга говорятъ имъ въ свою очередь:— „Мы заготовили обильный кормъ для вашихъ овецъ, для вашихъ коровъ и телокъ. Приведите ихъ сюда и они съ лихвой возвратятъ вамъ то, что мы дали имъ“. А нивы говорятъ имъ:— „Заготовляйте побольше житницъ. Богъ повелѣлъ намъ наполнить ихъ на пользу вашу, вашихъ женъ и дѣтей“. — Но блѣдные люди печально покачиваютъ головами и отвѣчаютъ виноградникамъ, лугамъ и нивамъ:— „Вы забываете, что все это принадлежитъ звѣрю, вышедшему изъ преисподней, и его дѣтенышамъ!“

„Флавій увѣряетъ васъ, что на то воля Иеговы, что онъ далъ власть въ руки звѣря преисподней. Нѣтъ, Иегова позволилъ это только на короткое время. Мечъ уже дрожитъ въ рукѣ Аббадона, гнусная проститутка поражена уже на смерть. Перстъ Иеговы осудилъ ее.

„Иоханамъ-бенъ-Зеведей уже провозгласилъ въ Патмосѣ: „Она пала; она сдѣлалась обиталищемъ демона, убѣжищемъ злыхъ духовъ, гнѣздилищемъ хищныхъ птицъ. Грѣхи ея вопіютъ къ небу, и Богъ вспомнилъ о ея неправдахъ. Голодъ, моръ, разореніе обрушатся на нее и она погибнетъ отъ огня; и цари будутъ ударять себѣ въ грудь, видя дымъ ея пожара *.

„Развѣ вы не были свидѣтелями паденія великаго императора великаго города, человѣка богоподобнаго, какъ утверждали льстецы его, зачатого Юноной отъ Юпитера, добивавшагося рукоплесканій толпы публичнымъ исполненіемъ на театрахъ сладострастныхъ гимновъ, убившаго столько

---

* Апокалипсисъ.

людей, не считая своей родной матери, родившагося отъ проституціи и утопавшаго въ развратѣ? „Но это, только начало, нечестивый, распутный городъ! Передъ тобою зіяетъ могила, ты выпилъ ядъ, ты полонъ прелюбодѣній и противуестественныхъ пороковъ! Горе, горе тебѣ, нечестивый городъ латинской земли“ *.

„Слушайте меня, сыны Давидовы, послѣдніе отпрыски славныхъ родовъ, граждане священнаго города, которому суждено спасти и обновить міръ! Слушайте слово мое, еще не слыханное вами, и свѣтъ котораго проникнетъ когда-нибудь, подобно лучамъ солнца, до окраинъ міра!

„Обою половины апрѣля взоры мои блуждали по песку пустыни, и я увидалъ, лежавшимъ на пескѣ, трупъ великой проститутки, валявшійся въ собственной ея крови. Гогъ и Магогъ **, вылѣзшіе изъ находящихся на далекомъ сѣверѣ берлогъ своихъ, топтали ногами растерзанные члены ея. И я былъ счастливъ, и сердце мое прыгало отъ радости.

„Вдругъ,—я еще не успѣлъ надвинуться вѣчною справедливости,—изъ бездны показался еще одинъ звѣрь. Онъ покрылъ плащомъ своимъ весь міръ, призывалъ къ себѣ дѣтей Божіихъ, и, казалось, желалъ установить среди нихъ царство справедливости. Затѣмъ онъ принялся оживлять другого звѣря, охватилъ его своими объятіями, и, повернувшись спиною къ слабымъ и угнетеннымъ, которыхъ онъ сначала призывалъ къ себѣ, присоединился къ исконнымъ врагамъ его.

„Такимъ образомъ тотъ новый Іерусалимъ, который обѣщаль намъ братъ мой, Іоананъ-бенъ-Зеведей, тотъ Іерусалимъ, въ которомъ уже не будетъ храма, въ которомъ самый солнечный свѣтъ долженъ оказаться излишнимъ, въ которомъ самъ Господь Богъ будетъ и солнцемъ и храмомъ, терялся въ отдаленіи горизонта и исчезалъ изъ глазъ моихъ. И снова возгоралась отчаянная борьба между сынами Бо-

* Пророчество одной сибики, эпохи Траяна.

** Барвары.

жѣими и лжепророками, и снова, на всемъ пространствѣ земли, тысячи мучениковъ стали падать жертвами великой борьбы между истиной и заблужденіемъ, между правдой и неправдой.

„И я снова сдѣлался печальнымъ, и слезы лились изъ очей моихъ, при видѣ того, какъ еще далеко торжество правды, какъ вдругъ изъ области свѣта раздался голосъ, сказавшій мнѣ:—„О, маловѣрный человѣкъ! Кто-же тебѣ сказалъ, что въ этой великой и святой борьбѣ побѣдителемъ не будетъ тотъ, кто упадетъ, что умереть не значитъ воскреснуть? Борьба эта продолжается уже многіе годы; сильныя падаютъ,—а ты отчаиваешься! Да, они пали, но тѣмъ не менѣе они побѣдили, всѣ эти борцы за права Бога и людей! Постарайся оторваться отъ настоящаго, прислушайся къ отдаленному голосу поколѣній, которыя выйдутъ изъ вѣчнаго жизненнаго источника въ теченіи многихъ вѣковъ, и послушай, что тебѣ говорятъ славныя фаланги сильныхъ. Они говорятъ тебѣ:—„Мужайся, Іохананъ! Увѣнчанные лучезарнымъ сіяніемъ, мы перелетаемъ изъ одной сферы въ другую, распѣвая священные гимны. Мы поемъ, ибо мы увѣрены въ торжество. Все безсильно передъ великимъ судіей, избравшаго насъ своими орудіями для великаго дѣла справедливости“.—И когда они это говорили, сердце мое преисполнялось радости, и небо, и земля трепетали отъ восторга, и мнѣ казалось, будто цѣлыя міры, носившіяся въ эфирѣ, повторяли одинъ другому:—„Наступитъ царство правды. Зданіе справедливости покроетъ собою всю землю“. Они замолкли, и мнѣ показалось, будто надо мною пролетаетъ дуновение Божіе; и мнѣ еще слышался ихъ голосъ, какъ бы затерянный въ пространствѣ, повторявшій девизъ дѣтей Божіихъ «Іегова и свобода!»

„Вамъ въ руки, друзья мои, данъ мечъ Божій, вы ведете борьбу праведныхъ. Вы мужественны, и, что еще важнѣе, — вы разсадники будущихъ мужественныхъ поколѣній! Іосифъ Флавій говоритъ вамъ, что на сторонѣ римлянъ — могущество и сила. А я скажу вамъ, что на вашей сторонѣ — Богъ и свобода! Вы будете побѣждены, говорить

онъ, огнемъ и булатомъ. Ну, допустимъ, а дальше что? Если ураганъ вырветъ дерево съ корнемъ, то онъ же разнеситъ сѣмена его по всей поверхности земли.

„Неужели гласъ Божій вотще произнесъ эти слова? Нѣтъ, такое богохульство не могло бы сойти даже съ устъ Флавія! Вы страдаете, и сердце мое обливается кровью при мысли о вашихъ страданіяхъ. Но въ то же время сердце мое преисполняется гордостью, когда я гляжу на васъ; ибо, какъ только я брошу взоръ за эту ограду, что я вижу? Всѣ ползаютъ по землѣ, всѣ падаютъ ницъ передъ той гнусной проституткой, всѣ лобзуютъ своими нечестивыми устами ея грязныя сандалии! Вы одни — свободны, вы одни храните священный огонь! Неужели вы его выпустите изъ рукъ своихъ? Неужели вы его отдадите врагамъ вашимъ, для того, чтобъ онъ былъ брошенъ въ пучину морскую?“

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! — завопила толпа. Когда молчаніе снова водворилось, Іохананъ продолжалъ: „Вотъ, граждане Іерусалима, что повелѣлъ мнѣ сказать вамъ голосъ, раздавшійся мнѣ въ пустынѣ! Іегова зналъ, что этотъ отступникъ пуститъ въ ходъ все свое искусство, чтобы сбить васъ съ толку. Онъ не пожелалъ, чтобы слова его остались безъ возраженія, и вотъ я, на крыльяхъ вѣтра, прибылъ изъ пустыни. Ибо я желаю похоронить себя, если окажется нужнымъ, вмѣстѣ съ вами подъ развалинами вѣшной ограды храма, единственной, до которой можетъ достигнуть пламя земное. Но то мѣсто, въ которомъ обитаетъ Онъ — неприкосновенно. Онъ сказалъ это, и Его слово вѣрно“.

Когда пророкъ окончилъ свою рѣчь, толпою овладѣло неопишуемое воодушевленіе. Мужчины потрясали оружіемъ своимъ, женщины прижимали дѣтей своихъ къ своему сердцу и, казалось, сожалѣли о томъ, что младенцы эти не могутъ еще идти по стопамъ своихъ отцовъ. Отовсюду раздавались громкіе возгласы. Всѣ призывали гибель на головы римлянъ, всѣ проливали малодушныхъ и отступниковъ. Партія мира потерпѣла окончательное пораженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была судьба Ананіи и его сообщниковъ.

— Попалась лисица въ капканъ! — говорилъ Силасъ стрѣлку, намекая на Флавія.

— А когда же приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе?

— Сейчасъ; ждали только прибытія Іосифа. Толпа направляется къ Силоамской купели. Побіеніе камнями произведено будетъ на самой городской стѣнѣ. Флавій можетъ, если захочетъ, насладиться этимъ зрѣлищемъ.

И дѣйствительно толпа пошла по направленію, указанному Силасомъ.

Среди этой толпы можно было замѣтить двухъ, закрытыхъ покрывалами, женщинъ, все время молчавшихъ, но жадно прислушивавшихся и присматривавшихся ко всему, происходившему вокругъ нихъ. Обѣ онѣ были облечены въ траурныя одежды. За ними шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи человекъ, укутанный въ темный плащъ; зачесанные къ низу волосы его не позволяли разглядѣть его лица.

Обѣ эти женщины были — Ревекка и Елисавета; спутникъ ихъ былъ Бенъ-Адиръ.

Ревеккѣ удалось безъ малѣйшаго затрудненія проникнуть въ Іерусалимъ. Она имѣла одинаковую возможность сдѣлать это при помощи Береники, Флавія и Галла. Она предпочла сообщить послѣдному о своемъ проектѣ и просить его о содѣйствіи къ осуществленію его. Двѣ причины побуждали ее отдать въ этомъ отношеніи предпочтеніе Галлу: во-первыхъ, это представляло для нея удобный поводъ выказать свое довѣріе къ нему, а во-вторыхъ, это доставляло маленькое удовлетвореніе ея самолюбію: вѣдь говорилъ-же онъ, еще во время переѣзда ихъ на Артемидѣ, что ей не такъ-то легко удастся пробраться въ Іерусалимъ, и что, быть можетъ, именно ему, Максиму Галлу, суждено раскрыть передъ нею ворота священнаго города. Она не встрѣтила также затрудненій и со стороны еврейской стражи города: для этого ей достаточно было назвать свое имя и предупредить о своемъ прибытіи Елисавету.

Дѣло происходило, какъ мы уже говорили, въ концѣ іюня. Солнце только что взошло на безоблачномъ небѣ. Ре-

векка, покидая виллу Береники, приветствовала первые лучи его, заливавшие своимъ блескомъ вершины Аравійскихъ горъ. Какое-то пріятное и сладкое чувство зашевелилось въ ней при появленіи первыхъ лучей солнца, и это ощущение еще болѣе усилилось въ ней во время пути. Взоры Ревекки останавливались съ меланхолическимъ восторгомъ на всемъ, что ей встрѣчалось по дорогѣ. Было тепло и воздухъ былъ прозраченъ. Легкая, прозрачная сѣть поднимавшихся изъ земли и изъ воды паровъ покрывала пригорки, обсаженные виноградными лозами; нѣжное благоуханіе, точно дыханіе просыпающейся природы, носилось надъ полями. Птицы весело пѣли въ рощахъ банановъ и смоковницъ, и это пѣніе нѣсколько разъ заставляло ее вздрагивать: ей казалось, будто таинственные голоса, доносившіеся издалека, напѣвали ей на ухо сладкія, любовныя пѣсни.

Эти впечатлѣнія, составлявшія такой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что творилось въ душѣ ея, мало по малу стали изглаживаться, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ Іерусалиму. Печальная природа, желтая, каменистая почва, обнаженные скалы, раскаленные лучами солнца, ослѣплявшія глаза и обжигавшія подошвы, снова навели ее на мрачныя мысли. Тому же не мало содѣйствовали также видъ римскаго лагеря и доносившійся оттуда шумъ.

Когда глазамъ ея предсталъ священный городъ, залитыя солнечными лучами крыши его домовъ и куполь храма, выдѣлявшійся на этомъ свѣтломъ фонѣ, какъ яркая звѣзда, она почувствовала, что всѣмъ ея существомъ овладѣли два чувства, занимавшія одинаково видное мѣсто въ душѣ ея — патриотизмъ и религія, и еще такъ недавно обуревавшая ее жажда мести, казалось, была совершенно забыта и устранена.

Разнообразныя событія этого дня доставили обильную пищу ея наблюдательности. Симонъ присутствовалъ при всѣхъ, вышеописанныхъ нами, сценахъ, не подозрѣвая ея присутствія, такъ какъ она все время тщательно скрывалась въ толпѣ, внимательно присматриваясь ко всѣмъ его взглядамъ и движеніямъ и прислушиваясь къ каждому его слову. При первомъ взглядѣ на него, она почувствовала, какъ

кровь закипѣла въ ея жилахъ и она невольно схватилась рукою за кинжалъ. Одно время кровавое облако застлало ея взоры. Но она, однако, сдержалась, а видъ страданій Иерусалима далъ иное направленіе ея мыслямъ и заставилъ ее на время забыть собственные свои страданія. Слова пророка Іоханана, перспектива важнаго удѣла, который долженъ былъ выпасть въ будущемъ на долю избраннаго народа и въ которомъ герой Симонъ долженъ былъ играть видную роль, значительно ослабили чувство злобы, съ которымъ она еще такъ недавно относилась къ Симону. Но особенно сильное впечатлѣніе произвело на нее зрѣлище казни первосвященника Ананіи.

Симонъ долженъ былъ присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, вмѣстѣ со всѣми членами верховнаго совѣта. Онъ стоялъ все время неподвижный и безстрастный. Но затѣмъ, когда онъ отошелъ въ сторону, она увидѣла, что онъ полою своей мантии вытиралъ слезы, выступившія на глазахъ его. Дѣло въ томъ, что Симонъ долгое время былъ другомъ Ананіи.

Эти пролитыя втихомолку слезы, вызванныя воспоминаніями старинной дружбы, и ясно доказывавшія, чего стоило герою исполненіе своего долга, тронули Ревекку и поколебали ея рѣшимость. — Онъ нуженъ для Иерусалима, — сказала она сама себѣ. — Пусть онъ живетъ! Время мести наступитъ само собою, если храму суждено погибнуть.

Елисавета ушла отъ нея и она осталась одна съ Бенъ-Адиромъ.

— Теперь намъ можно идти и къ отцу моему, — сказала она. — Онъ будетъ доволенъ своею дочерью, когда узнаетъ, какое участіе мы приняли во всѣхъ сегодняшнихъ событіяхъ.

Бенъ-Адиръ ничего не отвѣтилъ; онъ, казалось, даже не разлышалъ этихъ словъ. Онъ чутьемъ отгадалъ все, что происходило въ сердцѣ Ревекки, съ тѣхъ поръ какъ они покинули виллу Береники; онъ проникъ своимъ пытливымъ взоромъ во всѣ извилины ея сердца; онъ видѣлъ приливъ и отливъ ея ощущеній и страстей, и его гнѣвъ противъ Си-

мона отъ этого только усиливался. Ибо Бенъ-Адиръ не былъ только слѣпымъ орудіемъ мщенія Ревекки, а, напротивъ, самъ былъ заинтересованъ въ немъ. Онъ возненавидѣлъ Симона съ перваго же дня, и съ тѣхъ поръ его ненависть съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалась. Сначала онъ ненавидѣлъ его за то, что Ревекка его любила, а потомъ за то, что онъ причинялъ страданія той, которая отдала ему всю свою жизнь. И это чувство ненависти разгоралось въ немъ, точно полмя пожара, находя себѣ постоянно новую пищу во всемъ, что онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. Онъ сталъ даже одно время побаиваться, какъ бы добыча его не ускользнула отъ него, и онъ спросилъ Ревекку:

— Когда же мы пойдемъ къ Симону?

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ спокойнымъ голосомъ, но глаза его при этомъ засверкали злобѣщимъ блескомъ.

— Мы еще увидимъ его, — отвѣтила Ревекка дрожащимъ голосомъ, до того испугалъ ее взглядъ Бенъ-Адира.

— Ты простила его, Ревекка? — сказалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ. — Это очень великодушно!

— Кто тебѣ сказалъ, что я простила его?

Бенъ-Адиръ метко попалъ въ самую цѣль. Гордость Ревекки пробудилась, кровь прилила ей въ голову, и ее точно укололи невидимымъ остріемъ.

Они достигли вершины Авры; передъ взоромъ ихъ разстилался на югѣ Виолеемъ. Недалеко отсюда жилъ отецъ Ревекки. Она остановилась и спросила у Бенъ-Адира:

— Видѣлъ ли ты когданибудь въ Виолеемскихъ лѣсахъ борьбу барса съ неприятелиа своими?

— Да, — отвѣтилъ Бенъ-Адиръ все такъ же спокойно, — я видѣлъ, какъ барсы борются съ дикобразами!

— Значить, тебѣ извѣстно, что такое значитъ терпѣніе?

— Да, — отвѣтилъ онъ. — Пока врагъ его, свернувшись въ клубокъ, представляетъ ему ничто иное, какъ шаръ, утыканный иглами и колючками, онъ терпѣливо ждетъ, неподвижно, съжившись, съ блестящими глазами, ждетъ въ теченіи многихъ часовъ, пока врагъ его развернется; и какъ

только дикобразъ высунеть изъ-за иглъ свою голову, барсъ однимъ прыжкомъ вцѣпляется въ нее зубами.

— Ну, значить, ты понялъ, и мнѣ нечего больше объяснять тебѣ.

Ревекка произнесла слова эти такимъ голосомъ, который напомнилъ Бенъ-Адиру шипѣніе змѣи.

Нѣсколько минутъ спустя, они входили въ домъ царя Исея.

Графиня Марія Ратацки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КО- ЛОНИИ *.

Проектъ раздѣленія евреевъ на разряды въ хозяйственномъ отношеніи. — При-
чины забравки этого проекта.

Согласно приведенной характерной резолюціи Киселева, до-
несеніе г. Иславица разсматривалось въ департаментахъ, а
потомъ внесено было на обсужденіе общаго присутствія, съ
выводами, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему.

Свободныхъ земель въ Екатеринославской и Херсонской гу-
берніяхъ для поселенія евреевъ было еще по 40 десятинъ на
семейство, всего на 1,550 семействъ, а въ Таврической губерніи
съ 1855 по 1857 г. назначено было до 31 т. десят.; поэтому
присутствіе полагало, что если поселеніе евреевъ, за сдѣлан-
ными для нихъ новыми облегченіями поступать въ земле-
дѣльцы, — пойдетъ впредь съ большимъ успѣхомъ, то земельъ для
нихъ хватитъ еще на нѣсколько лѣтъ. Съ принятыми колоніаль-
нымъ начальствомъ мѣрами къ исправленію въ селеніяхъ вет-
хихъ домовъ, ожидалось, что жилища евреевъ въ непродолжи-
тельномъ времени приведутся въ надлежащій видъ. Для устра-
ненія стѣсненія, какое сельскіе начальники терпѣли по платежу
повинностей обществу, къ которому прежде принадлежали, —
присутствіе находило нужнымъ поручить Комитету разсмотрѣть
этотъ предметъ и о результатѣ представить министерству. Пользы
приселенія къ евреямъ-земледѣльцамъ нѣмецкихъ ко-
лонистовъ не отвергалось; то зная, что число евреевъ, же-

* См. „Восходъ“ кн. VII.

лавшихъ сдѣлаться земледѣльцами,—простиралось до нѣсколькихъ тысячъ,—то присутствіе предпочитало остаться при существовавшемъ порядкѣ,—т. е. къ каждымъ 10-ти еврейскимъ семействамъ—приселять только по одному изъ нѣмецкихъ колонистовъ. Ближайшія соображенія, какъ раздѣлить евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственномъ отношеніи на разряды и какую слѣдовало выработать объ этомъ инструкцію, присутствіе предоставляло колониальному начальству. Беспорядки, замѣченные г. Иславинымъ по воздѣлыванію евреями земель, присутствіе относило къ слабому, со стороны мѣстнаго начальства, надзору за евреями. Хотя въ 1852 г. въ колоніяхъ было въ запасѣ хлѣба болѣе, противъ 1851 г. на 1.375 четв., но какъ въ 1851 г. въ колоніяхъ собрано было хлѣба только 16,868 четв., а въ 1852 г. 57,551 четв., то присутствіе упрекало мѣстное начальство въ недостаткѣ вниманія къ усилению запасовъ сообразно урожаю. Увеличеніе къ 1853 г. числа скота привело присутствіе къ заключенію, что евреи при болѣе строгомъ надъ ними надзорѣ убѣдились въ необходимости увеличить эту важную отрасль сельскаго хозяйства; небрежный же уходъ евреевъ за скотомъ присутствіе приписывало слабому надзору за хозяйствомъ поселенцевъ со стороны ихъ сельскихъ начальниковъ. Разведеніе картофеля въ Херсонскихъ поселеніяхъ показалось присутствію не сравненно слабѣе, нежели въ Екаторинославскихъ колоніяхъ, тогда какъ первыя были почти вдесятеро болѣе послѣднихъ. Въ видахъ улучшенія въ колоніяхъ хозяйства присутствіе признавало нужнымъ открыть во всѣхъ обществахъ сельскіе приказы, а отъ Комитета потребовать соображенія о томъ—удобно ли будетъ составить эти приказы изъ шульцевъ и одного только бейзицера, ибо уменьшеніе числа послѣднихъ казалось весьма желательнымъ какъ для сокращенія расходовъ, такъ и потому, что съ усиленіемъ поселенія евреевъ—доходъ отъ запасныхъ земель, на счетъ котораго производилось и жалованье сельскому начальству, ежегодно уменьшался. Раздѣляя мнѣніе г. Иславина, что общественное управленіе міромъ для еврейскихъ колоній было еще преждевременно,—присутствіе полагало предоставить сельскимъ начальникамъ болѣе исполнительной власти по хозяйственной части,

а по прочимъ дѣламъ, относившимся до интересовъ обществъ, оставить по прежнему на обсужденіи овода, лишивъ только на нихъ права голоса евреевъ, внесенныхъ въ послѣдній разрядъ; заботу же о правильности составляемыхъ приказами приговоровъ возложить на понечителей, а съ членовъ приказовъ за упуцненія взыскивать по всей строгости законовъ. Для упорядоченія канцелярскаго дѣлопроизводства полагалось командировать въ колоніи благонадежнаго чиновника, который бы подробно указалъ старшинамъ и писарямъ какъ вести дѣла и шнуровыя книги по однообразнымъ формамъ. Оборотъ вспомогательныхъ кассъ и доходы съ мірскихъ оброчныхъ статей, по справкамъ департамента, въ 1852 г. значительно увеличились противъ 1851 г. Зачислять 15-ти лѣтнихъ евреевъ въ число рабочихъ душъ присутствіе признавало неудобнымъ, такъ какъ по 83 ст. рекр. уст. возрастъ работника считался въ 18 лѣтъ; но, чтобы евреи съ раннихъ лѣтъ приучались къ сельскому хозяйству, рекомендовало мѣстному начальству дѣятельнѣе слѣдить за веденіемъ евреями ихъ хозяйствъ. Противъ предположенія о недозволеніи евреямъ-земледѣльцамъ переходить въ другія сословія до истеченія 50 лѣтъ,—присутствіе отозвалось, что если еврей-земледѣлецъ въ теченіи 25 лѣтъ привелъ свое хозяйство въ хорошее положеніе, то безъ сомнѣнія, самъ не захочетъ его оставить; когда же по истеченіи этого срока хозяйство поселенца будетъ въ столь дурномъ положеніи, что ему покажется выгоднѣе уйти въ другое состояніе, то лучше водворить на его мѣсто другаго благонадежнѣйшаго еврея. Въ учрежденіи хозяйственной фермы присутствіе не видѣло пользы, такъ какъ евреи были еще слишкомъ малосвѣдущи въ сельскомъ хозяйствѣ, но для занятія подростковъ обоаго пола и тѣхъ взрослыхъ, которые за проступки присуждались къ общественнымъ работамъ, присутствіе предпочитало учредить общественную запашку, изъ многочисленныхъ семействъ отдавать мальчиковъ для обученія ремесламъ, а сиротъ на существовавшія казенныя фермы.

Вообще общее присутствіе, состоявшее изъ вице-директора и 10 начальниковъ отдѣленій, нашло, что предположенія соотвѣтствовали существо замѣчаній г. Иславина, а потому пола-

гало привести ихъ въ исполненіе, а о распоряженіяхъ довести до свѣдѣнія совѣта министра. На журналѣ присутствія Ганъ, какъ директоръ департамента, написалъ, что «отчетъ г. Иславина ведетъ къ самому утѣшительному заключенію, что по управленію евреями сдѣлано весьма много, не смотря на чрезвычайную трудность»; вносить же заключенія присутствія въ совѣтъ министерства счелъ лишнимъ, потому что этимъ заключеніемъ ничего не создавалось, а только «указывалось на необходимость упорядочить дѣло, что принадлежало къ предметамъ вѣдомства самого департамента. Оттого Ганъ велѣлъ все исполнить.

Въ числѣ вопросовъ, возбужденныхъ г. Иславинымъ, былъ, какъ читатели помнятъ, вопросъ о раздѣленіи хозяевъ-евреевъ на 4 разряда въ хозяйственномъ отношеніи, примѣняясь къ 1458 ст. IX т. Св. Зак. о сост., по которой требовалась специальная инструкція. Вопросъ этотъ, выдѣленный изъ прочихъ, правда, надолго затянулся, но какъ онъ вытекалъ изъ ревизіи г. Иславина, а къ ней возвращаться намъ впоследствии не придется, то мы полагаемъ здѣсь же прослѣдить и означенный вопросъ до конца.

Первый департаментъ, находя, что мѣстному начальству еврейскихъ колоній необходимо дать въ руководство опредѣлительную инструкцію, предписалъ Комитету составить и представить министерству проектъ инструкціи о раздѣленіи хозяевъ-евреевъ на разряды, сообразивъ при томъ возможно ли учредить, согласно указанію Киселева, усиленную общественную запашку для евреевъ-земледѣльцевъ двухъ послѣднихъ разрядовъ.

Въ это время началась уже Крымская война, при чемъ весь югъ Россіи превратился въ сплошной ратный станъ; сельскія занятія всѣ прекратились, а мѣстныя гражданскія власти поступили въ полное распоряженіе военачальниковъ, поручавшихъ, напр., палатамъ государственныхъ имуществъ и Комитету размѣщать войска по квартирамъ, собирать для нихъ предметы продовольствія, фуража и проч. Комитету и немыслимо было, естественно, разрабатывать проектъ инструкціи. На полученное имъ изъ департамента первое напоминаніе—онъ про-

молчалъ, на второе—отозвался, что собираетъ свѣдѣнія, а послѣ третьяго просилъ и получилъ отсрочку именно по случаю войны; но и по ея окончаніи департаментъ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, счетомъ 9 разъ напоминалъ Комитету о проектѣ, который онъ наконецъ-таки представилъ къ 1860 г., когда по Россіи уже парилъ духъ обновленія устарѣвшихъ формъ правленія.

Тѣмъ не менѣе, Комитетъ продолжалъ еще держаться издавна господствовавшаго взгляда принуждать евреевъ работать подѣ страхомъ взысканія. Съ этою цѣлію онъ полагалъ, для возбужденія между евреями-земледѣльцами соревнованія въ устройствѣ хозяйствъ, раздѣлить ихъ на четыре разряда, по степени хозяйственнаго ихъ устройства и нравственности, при чемъ причислялъ:

Къ *первому разряду*—хозяевъ: а) имѣвшихъ не менѣе двухъ паръ рабочихъ воловъ или трехъ лошадей, полъ плуга, двѣ бороны, рало, двѣ воловыя повозки, или одну нѣмецкую, окованную желѣзомъ, располагавшихъ земледѣльческими орудіями въ надлежащей исправности, гулевыми скотомъ, коровами улучшенной породы и кормившихъ скотъ по методѣ нѣмецкихъ колонистовъ черезъ рѣшетчатые ясли, для сбереженія корма и чистоты; б) занимавшихся земледѣльствомъ безъ принужденія и засѣвавшихъ не менѣе $8\frac{1}{2}$ десятинъ разнаго рода хлѣбомъ и $1\frac{1}{2}$ десятины огородными овощами и картофелемъ; в) заготовлявшихъ для своего скота полуторагодовую пропорцію сѣна и соломы, такъ чтобы всегда оставалось на слѣдующій годъ по крайней мѣрѣ полугодовая пропорція, на случай неурожая; г) имѣвшихъ, для рабочаго скота и склада земледѣльческихъ орудій, конюшню и сарай и содержавшихъ эти строенія въ исправности и чистотѣ; д) содержавшихъ свои дома, надворныя строенія, палисадники при домахъ въ должномъ порядкѣ и наблюдавшихъ въ одеждѣ, жилыхъ комнатахъ, на дворахъ и на улицѣ предѣ домами чистоту и опрятность; е) имѣвшихъ въ палисадникахъ предѣ домами не менѣе 15 деревьевъ или крупныхъ кустовъ; ж) отличавшихся хорошимъ поведеніемъ, послушаніемъ и точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній начальства; з) постоянно жившихъ въ колоніи, отлучавшихся въ случаѣ нужды не иначе, какъ съ дозволенія начальства и возвращавшихся на мѣсто въ назначенный срокъ; и) вносившихъ въ свое время и безъ всякихъ наставиваній всѣ подати, сборы и безотложно исполнявшихъ натуральныя повинности по наряду.

Къ *второму разряду*—причислялъ хозяевъ: а) имѣвшихъ не менѣе одной пары воловъ или двухъ лошадей, $\frac{1}{4}$ плуга, борону, $\frac{1}{2}$ рала и одинъ возъ или нѣмецкую повозку, содержавшихъ все въ надлежащей исправности и старавшихся имѣть гулевыя скотъ, коровъ, и кормить ихъ также по нѣмецкой методѣ; б) занимавшихся хлѣбопашествомъ безъ принужденія, засѣвавшихъ не менѣе 6 десятинъ разнаго рода хлѣбомъ и 1

десятины картофелемъ и огородными овощами; в) изготовившихъ для скота сѣна и соломы по крайней мѣрѣ годовую пропорцію; г) имѣвшихъ для скота конюшню или навѣсъ, а для храненія земледѣльческихъ орудій сарай; д) содержавшихъ дома, надворныя строенія въ исправности, соблюдавшихъ въ жилыхъ, одеждѣ, во дворѣ и на улицахъ чистоту и опрятность; е) имѣвшихъ въ палисадникахъ не менѣе 10 деревьевъ; ж) отличавшихся хорошиимъ поведеніемъ и послушаніемъ начальству; з) отлучавшихся изъ колоній только по билетамъ на заработки, для усиленія сносовъ къ лучшему устройству хозяйства и возвращавшихся на мѣсто въ опредѣленный срокъ и и) вносившихъ подати и сборы сполна въ свое время и безъ поножденія мѣстнаго начальства.

Къ *третьему разряду* причислять хозяевъ: а) имѣвшихъ пару воловъ или одну лошадь, $\frac{1}{4}$ плуга, борону, возъ и содержавшихъ таковые въ надлежащей исправности; б) обработывавшихъ не менѣе четырехъ десятинъ земли для посѣва хлѣбомъ и отъ четверти до половины десятины засѣвавшихъ картофелемъ и огородными овощами; в) неимѣвшихъ для скота надлежащихъ конюшенъ и сараевъ; г) поддерживавшихъ дома и дворы свои, если имѣли ихъ, въ надлежащей исправности и чистотѣ; д) неимѣвшихъ при домахъ палисадниковъ; е) одобренныхъ въ поведеніи, незамѣченныхъ въ отлучкахъ изъ колоній безъ письменныхъ видовъ, законныхъ причинъ и вносившихъ подати и сборы безъ особыхъ побужденій мѣстнаго начальства.

Къ *четвертому разряду* причислять: а) неимѣвшихъ положеннаго для 3-го разряда количества рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, или хотя и имѣвшихъ, но не содержавшихъ ихъ въ исправности по нерадѣнію и лѣности; б) нерадивыхъ и незавимававшихся хлѣбонашествовъ; в) неимѣвшихъ домовъ, если это происходило по собственной ихъ винѣ, или хотя и имѣвшихъ дома, но не державшихъ таковые въ надлежащей исправности и не наблюдавшихъ въ домахъ и внѣ ихъ чистоты и опрятности; г) отлучавшихся изъ колоній безъ дозволенія начальства и письменныхъ видовъ, замѣченныхъ въ просрочкѣ паспортовъ, выдаваемыхъ для отлучки изъ колоній для заработковъ; д) людей грубыхъ, дерзкихъ и ослушныхъ противъ мѣстнаго начальства; е) не платившихъ исправно податей и сборовъ при всѣхъ мѣрахъ, принимавшихся къ тому начальствомъ. Къ этому же разряду причислялись не только тѣ, которые имѣли всѣ исчисленные пороки и недостатки, но и тѣ, которые замѣчались въ одномъ изъ этихъ недостатковъ, хотя-бы и соотвѣтствовали прочимъ условіямъ, требуемымъ для 3-го разряда, а равно въ видѣ исправительнаго наказанія, младшіе члены семействъ первыхъ двухъ разрядовъ, которые, впавъ въ пороки или нерадѣніе къ хозяйству, за сдѣланными имъ внушеніями, не исправлялись.

Права и обязанности земледѣльцевъ раздѣлялись проектомъ также по разрядамъ, при этомъ лица первыхъ двухъ разрядовъ, обязанныя во всежъ служить примѣромъ для двухъ нижнихъ разрядовъ, не только не должны

были защищать и укрывать отъ взысканія людей строптивыхъ, грубыхъ, непослушныхъ, нерадивыхъ въ хозяйству и ведущихъ бродячую жизнь, но, напротивъ—указывать таковымъ начальству и добрыми совѣтами и убѣжденіями вести ихъ къ исправленію, а людей, не подававшихъ надежды послѣ нѣсколькихъ принимавшихся къ нимъ исправленію мѣрь, стараться удалить изъ общества, дабы не давать поблажки къ нерадѣнію и своеволю другимъ хозяевамъ, а тѣмъ болѣе молодымъ людямъ. На хозяевъ первыхъ двухъ разрядовъ возлагалась обязанность входить въ разсмотрѣніе общественныхъ нуждъ колоній, просить о назначеніи мірскихъ сходовъ сельскій приказъ, который долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о приглашеніи на сходъ и хозяевъ третьяго разряда, имѣющихъ право голоса наравнѣ съ хозяевами 1-го и 2-го разрядовъ. Въ общественныя должности шулцевъ и бейцендеровъ проектировалось избирать только хозяевъ первыхъ двухъ разрядовъ. Хозяева же 3 разряда могли назначаться десятскими и счетчиками для повѣрки прихода и расхода общественныхъ суммъ и хлѣба и проч. Земледѣльцы 4-го разряда не только не могли быть избираемы ни въ какія общественныя должности, не имѣли даже права голоса и участія въ мірскихъ сходахъ, ибо «большая часть беспорядковъ въ колоніяхъ происходила отъ весьма вреднаго вѣшательства въ обсужденіе общественныхъ вопросовъ 4 разрядныхъ, многіе изъ коихъ принадлежали къ числу начитавшихся библейскихъ толкованій и потому пользовавшихся нѣкоторымъ уваженіемъ общества, подстрекательствомъ постоянно противо-дѣйствовали всѣмъ благимъ начинаніямъ хорошихъ хозяевъ и мѣстнаго начальства».

Для расширенія и улучшенія между земледѣльцами скотоводства, хозяевамъ 1-го разряда дозволялось бесплатно пасты на общественныхъ пастбищахъ рогатый скотъ и лошадей до 20 и овецъ до 60 штукъ; это право распространялось и на хозяевъ 2-го разряда лишь для 15 штукъ рогатаго скота и лошадей и для 45 овецъ. Хозяевамъ первыхъ двухъ разрядовъ, при обработкѣ значительнаго количества земли и при маломъ числѣ рабочихъ рукъ, а равно при обильномъ урожаѣ, дозволялось нанимать работниковъ изъ евреевъ же земледѣльцевъ; хозяева же 3-го и 4-го разрядовъ должны были непременно сами со всѣми своими работать въ полѣ. Вообще хозяева первыхъ 3-хъ разрядовъ обязывались вести себя такъ исправно и заниматься хозяйствомъ съ такимъ усердіемъ, чтобы, по истеченіи пяти лѣтъ со времени утвержденія проекта, хозяева 1-го разряда, кромѣ исполненія въ строгомъ смыслѣ всего того, что указано для ихъ разряда, имѣли бы каждый свой плугъ и всѣ прочія земледѣльческія орудія и не менѣе 4-хъ лошадей и 3-хъ паръ воловъ, рабочаго скота, а равно обрабатывали въ сложности подъ хлѣбопашество, огородничество и посѣвы льна не менѣе 15 десятинъ; второй разрядъ долженъ былъ имѣть тогда и исполнять все то, что полагалось для перваго, а третій—что полагалось для 2-го разряда. Каждый хозяинъ 1-го и 2-го разрядовъ, производившій высѣвы въ теченіи 5 лѣтъ хлѣба и огородныхъ растеній на

менѣ шести десятинъ, имѣвшій собственный плугъ съ волами или лошадьми, произведившій посѣвы конопли и льна, разведшій около дома болѣе 50 деревь, имѣвшій болѣе 20 штукъ скота и не менѣе 100 овецъ, устроившій домъ и другія строенія прочно и содержавшій оныя въ исправности, прибрѣтать право быть представленнымъ къ награжденію медалью.

Дабы родители съ малолѣтства приучали дѣтей мужескаго и женскаго пола къ земледѣлію и хозяйству, проектомъ «возбавлялось разрѣшать вступленіе въ бракъ молодымъ евреямъ и еврейкамъ, доколѣ они не будутъ достаточно свѣдущи въ полевыхъ работахъ и не докажутъ сего на дѣлѣ, а какъ молодые земледѣльцы могли вступить въ бракъ съ лицами въ другихъ колоніяхъ, или внѣ оныхъ, безъ вѣдома мѣстнаго начальства, то никакой бракъ не долженъ былъ быть заключенъ безъ письменныхъ дозвожительныхъ свидѣтельствъ мѣстнаго начальства тѣхъ селеній, къ которымъ желавшіе сочетаться бракомъ принадлежали». Главы семействъ первыхъ двухъ разрядовъ за неисполненіе по хозяйству, не смотря на напоминаніе начальства, какихъ либо условій, для нихъ предписанныхъ, подлежали переводу въ третій разрядъ; если же по истеченіи года не исправлялись, то въ наказаніе переводились въ 4 разрядъ. Хозяева же 3-го разряда за невыполненіе предписанныхъ имъ условій, а равно младшіе члены семействъ хозяевъ первыхъ двухъ разрядовъ, замѣченные въ лѣности и нерадѣніи къ хозяйству, если увѣщаніе и убѣжденіе на нихъ не дѣйствовало, переводились въ 4 разрядъ до совершеннаго исправленія. Ежели поименованныя въ предыдущемъ параграфѣ лица сверхъ нерадѣнія и лѣности оказывали ослушаніе и неуваженіе къ мѣстному начальству, то при переводѣ ихъ въ 4 разрядъ подвергались строгому аресту отъ одного до 3 дней, или тѣлесному наказанію отъ 10 до 20 ударовъ розгами, по опредѣленію сельскихъ начальствъ обще съ сельскимъ приказомъ. За грубости и буйства противу сельскихъ старшинъ и сельскаго начальника виновные подвергались, къ какому бы разряду ни принадлежали, за первый разъ—строгую аресту отъ 2 до 5 дней, за второй—тѣлесному наказанію отъ 20 до 30 ударовъ розгами и переводу въ 4 разрядъ. Хозяева 4-го разряда отдавались проектомъ въ ближайшее распоряженіе сельскихъ начальниковъ, которые причисляли ихъ къ рабочей упряжи, отъ которой освобождались только съ разрѣшенія попечительства, по удостовѣреніи сельскихъ начальниковъ о ихъ исправленіи, усѣхѣ и усердіи къ работамъ, но не прежде, какъ чрезъ годъ. Всѣ причисленные къ рабочей упряжи, безъ вѣдома сельскаго начальства, не могли никуда отлучаться, а за нерадѣніе и упорство—подвергались, по усмотрѣнію сельскаго начальника, назначенію въ общественныя работы, аресту отъ 1 до 3 дней, или даже тѣлесному наказанію отъ 5 до 20 ударовъ розгами. За бродяжество еврей, по возвращеніи въ колонію, подвергались суду сельской расправы и взысканію по закону, а по приведеніи наказанія въ исполненіе, причислялись къ рабочей упряжи. Оштрафованные за побѣгъ изъ колоніи въ 3-й разъ отдавались: годные—въ военную службу, а негодные—отправлялись

въ смыслу. Семейства или отдѣльныя лица, которыхъ бѣдность происходила по причинамъ, отъ нихъ независѣвшихъ, т. е., по сиротству, увѣчью, болѣзни, дряхлости, малочисленности семейства и несчастнымъ случаямъ, подчинялись проекту особому попеченію сельскихъ начальниковъ, сельскихъ приказовъ и выборныхъ изъ лучшихъ хозяевъ перваго разряда, обязанныхъ содѣйствовать имъ въ присканіи занятій и имѣть наблюденіе за тѣми, чтобы наемная цѣна была имъ уплачиваема всегда сполна и своевременно. Сироты, имѣвшія болѣе 14 лѣтъ и были крѣпкаго тѣлосложенія, отдавались проектомъ благонадежнымъ мастерамъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ для обученія разнымъ мастерствамъ: кузнечному, колесному, дѣланію плуговъ, фургоновъ и для изученія садоводства, а сироты малолетныя къ ремесламъ подлежали отдачѣ въ работники земледѣльцамъ первымъ двумъ разрядамъ и деньги, получаемыя по условіямъ, за отчисленіемъ на необходимыя для нихъ расходы и на уплату за нихъ податей и повинностей, обращались въ сберегательную кассу для приращенія процентами, а по достиженіи сиротами совершеннолѣтія, на собранныя деньги для нихъ устраивались хозяйства, а сами они включаются въ разряды по числу рабочаго скота и по устройству хозяйства вообще. Люди старые, дряхлые, одержимые хроническими болѣзнями, не имѣвшіе семействъ, которыя могли бы ихъ содержать, — оставались на попеченіи ихъ семействъ (?), а ежели отыскивали службу у городскихъ жителей, то снабжались безпренятственно билетами для заработковъ. Такіе же немощные и безсемейные оставлялись на попеченіе обществъ. Изъ семействъ нерадивыхъ, гдѣ было болѣе чѣмъ нужно для рабочей упряжи рукъ, сельскіе начальники, по своему усмотрѣнію, отдавали одного или болѣе членовъ въ наемъ, какъ работниковъ, къ состоятельнымъ хозяевамъ, съ тѣми, однако же, чтобы они въ рабочее время употреблялись въ земледѣльческія работы.

Распредѣленіе земледѣльцевъ по разрядамъ предоставлялось мѣстному начальству колоніи, по подробномъ разсмотрѣніи ихъ нравственныхъ качествъ и состоянія ихъ хозяйствъ, а вначалѣ каждого года сельскій начальникъ, при содѣйствіи комиссіи изъ 6-ти или по крайней мѣрѣ 4-хъ лучшихъ и благонадежнѣйшихъ хозяевъ 1-го разряда и мѣстнаго сельскаго приказа, составляли новое распредѣленіе по разрядамъ, сообразно степени успѣха ихъ въ земледѣліи и хозяйствѣ. О хозяевахъ, улучшавшихъ свои хозяйства и исправлявшихъ въ нравственномъ отношеніи, а равно о хозяевахъ, не выполнявшихъ условий, требовавшихся разрядамъ, въ коемъ состояли, сельскій начальникъ обязывался отмѣчать въ спискахъ и представлять ихъ въ Попечительство съ надлежащимъ объясненіемъ о причинахъ, побуждавшихъ къ повышенію или пониженію хозяевъ по разрядамъ. Попечитель, по разсмотрѣніи разрядныхъ списковъ, утверждалъ ихъ или отмѣнял, если находилъ препятствія.

Проектъ этотъ, сущность котораго мы изложили, переданъ былъ на заключеніе министерскаго ученаго комитета, а комитетъ поручилъ предварительно разсмотрѣть его одному изъ своихъ чле-

новъ, надворному совѣтнику С. П. Щепкину, который отовался, что хотя проектъ инструкціи о раздѣленіи евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственномъ отношеніи на разряды и составленъ въ примѣненіи къ существующимъ о евреяхъ-земледѣльцахъ законоположеніямъ, но они имѣли цѣлю *понуждать* евреевъ, разъ изъявившихъ желаніе заниматься земледѣліемъ, — не мѣнять своихъ занятій. Способы понужденія состояли по мнѣнію г. Щепкина: съ одной стороны—въ разнаго рода льготахъ, а съ другой—въ строгихъ взысканіяхъ. Между тѣмъ законоположенія эти, сколько было извѣстно г. Щепкину, почти не достигали цѣли, ибо евреи изъявляли желаніе заниматься земледѣліемъ ради льготъ и въ надеждѣ смягченія взысканій. Если эти постановленія, говорилъ г. Щепкинъ, будутъ сохранены, то и инструкція о раздѣленіи ихъ на разряды въ хозяйственномъ отношеніи могла быть одобрена; но рѣзкости, которыя существовали въ законахъ о евреяхъ земледѣльцахъ, въ инструкціи о раздѣленіи ихъ на разряды—становились, по словамъ г. Щепкина, гораздо сильнѣе: по закону, продолжалъ г. Щепкинъ, евреи, не доведшіе своего хозяйства до требуемой степени, —отдавались въ рекруты или исключались изъ сельскаго сословія; а въ инструкціи проектировалось, воспрещеніе вступленія въ бракъ молодымъ евреямъ и еврейкамъ, доколѣ они не будутъ достаточно свѣдуши въ полевыхъ работахъ и не докажутъ этого на дѣлѣ. Далѣе г. Щепкинъ замѣтилъ, что инструкція расходится съ законами: всякое еврейское семейство, поселенное на казенныхъ земляхъ, по закону на другой годъ своего поселенія обязывалось завести огородъ, обработать и засѣять не менѣе десятины въ полѣ; въ четвертый годъ имѣть огородъ и по двѣ десятины въ полѣ, а въ шестой годъ — имѣть огородъ, по три десятины въ полѣ обработанной земли и хозяйственныя принадлежности по инвентарю, по которому, между прочимъ, требовалось скота: три штуки рабочаго и двѣ дойныя коровы, а по инструкціи къ первому разряду относились тѣ ховяева, которые имѣли не менѣе двухъ паръ рабочихъ воловъ или трехъ лошадей, засѣвали не менѣе 8½ десят. хлѣбомъ, 1½ десят. огородными овощами и картофелемъ. Если правительство довольствовалось меньшими условіями, то г. Щепкинъ

не видѣлъ повода увеличивать ихъ въ инструкціи, тѣмъ болѣе, что со времени изданія закона (1847 г.) земледѣліе между евреями едва-ли. такъ развилось, чтобы нужно было увеличивать требованія и не причислять къ первому разряду тѣхъ хозяевъ, которые выполнили свои обязанности по закону. Ко второму разряду по инструкціи отнесены были хозяева, имѣющіе не менѣе пары воловъ или двухъ лошадей, засѣвающіе, при другихъ условіяхъ, безъ принужденія, не менѣе шести десятинъ разнаго рода хлѣбомъ, 1 десят. картофелемъ и огородными овощами, слѣдовательно къ этому разряду нельзя было, по словамъ г. Щепкина, относить семейство, которое, относительно правительства, на четвертый годъ по водвореніи, исполнило свои обязанности. Къ третьему разряду причислялись хозяева, имѣвшіе двѣ пары воловъ или одну лошадь и, при другихъ условіяхъ, обрабатывающіе не менѣе 4 десятинъ земли для посѣва хлѣба, отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ десятины засѣвающіе картофелемъ и огородными овощами, тогда какъ къ этому разряду подходили, по доводамъ г. Щепкина, только семейства, на 4 годъ своего поселенія исполнившія обязательство передъ правительствомъ, а такія семейства, по истеченіи 2 лѣтъ, не могли еще быть причислены къ третьему разряду по инструкціи, а только къ 4-му; къ которому же, спрашивалъ г. Щепкинъ, разряду относились люди, неимѣвшіе посѣвовъ? Разобравъ проектъ, С. П. Щепкинъ считалъ необходимымъ раздѣленіе евреевъ-земледѣльцевъ на разряды согласовать лишь съ требованіями закона, для чего и желалъ измѣнить инструкцію, если «потребность въ ней еще не прекратилась».

Ученый комитетъ согласился съ Щепкинымъ въ томъ, что законоположенія, послужившія основаніемъ для составленія инструкціи, не привели къ предположенной цѣли. Евреи, какъ показывали факты, переходили въ земледѣльцы единственно ради льготъ, имъ предоставлявшихся, а не изъ желанія дѣйствительно заняться хлѣбопашествомъ. Получивъ землю для обработки, они не заботились о развитіи своего хозяйства, а только старались различными способами избѣгать взысканій за неисполненіе обязанности. Такимъ образомъ, по мнѣнію Комитета, ни льготы, ни взысканія за нерадивость — не возбуждали въ

евреяхъ любви и охоты къ земледѣльческимъ занятіямъ, отчего и постановленія по этому предмету и впередъ не будутъ имѣть болѣе удовлетворительные результаты. Эти обстоятельства привели комитетъ къ вопросу о томъ, не полезнѣе ли было бы пересмотрѣть самыя законоположенія о евреяхъ-земледѣльцахъ? Комитетъ питалъ увѣренность, что лишь безпристрастное разсмотрѣніе положенія еврейскихъ колоній и причинъ, препятствовавшихъ успѣхамъ ихъ основанія, могли бы указать измѣненія, какія слѣдовало бы ввести въ законоположенія, дабы «цѣль образованія сословія евреевъ-земледѣльцевъ достигалась дѣйствительнымъ улучшеніемъ ихъ быта и развитіемъ у нихъ земледѣлія, а не однимъ только числомъ ихъ». Обсужденіе фактовъ, представляемыхъ еврейскими поселеніями, и сличеніе ихъ съ узаконеніями, уяснили бы, по увѣженію Комитета, «самую даже степень усилій, которыя правительство должно употреблять для водворенія евреевъ на земляхъ государственныхъ, а сообразно съ этимъ и мѣру, даруемыхъ имъ льготъ, коими слѣдовало добиваться сей цѣли». «Но, продолжалъ комитетъ, если пересмотръ положеній о евреяхъ-земледѣльцахъ, по административнымъ или другимъ причинамъ, будетъ признанъ преждевременнымъ, то отъ усиленія понудительныхъ мѣръ, принятыхъ законами, и отъ подраздѣленія наказаній на разные степени, какъ сдѣлано въ инструкціи,—для развитія хозяйства между евреями во всякомъ случаѣ нельзя ожидать большой пользы, ибо если предоставленныя имъ преимущества недостаточно побуждали ихъ къ усовершенствованію хозяйства, то принужденія еще менѣе будутъ содѣйствовать этому, а скорѣе остановятъ переходъ евреевъ въ земледѣльцы, чѣмъ окажутъ благотворное вліяніе на ихъ хозяйственный бытъ». Повтому комитетъ полагалъ, что «строгость взысканія съ евреевъ за нерадивость въ хозяйствѣ не должна, по крайней мѣрѣ, превышать мѣръ, уже установленныхъ съ этою цѣлью узаконеніями, отступленія отъ которыхъ указаны С. П. Щепкинымъ» *.

6 По документамъ отъ 10 декабря 1851 г.; 13 августа, 17 сентября и 21 декабря 1853 г.; 8 и 30 апрѣля и 20 мая 1854 г.; 21 іюля 1856 г.; 28 января и 31 декабря 1857 г.; 28 февраля, 14 августа и 16 декабря 1858 г.; 28 апрѣля, 15 іюля, 16 октября и 15 декабря 1859 г.; 18 января и 28 апрѣля 1860 г.

Къ тому времени, когда г. Щепкинъ и комитетъ возстали противъ инструкціи—уже проектировались освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и отмена тѣлеснаго наказанія; поэтому и суровая инструкція была отвергнута, какъ противорѣчившая благимъ начинаніямъ правительства.

В. НИКИТИНЪ.

(Продолженіе будетъ).

ЗЕМЛЯКАМЪ-УКРАИНЦАМЪ.

Братъ-украинецъ, вѣками,
За врага считалъ еврея,
Проявлялъ дурныя чувства
Часто, гнѣвомъ пламенѣя...

Но теперь, во дни прогресса,
Въ каждомъ ближнемъ *человѣка*
Свято чтить должны мы, дѣти
Девятнадцатаго вѣка!

Пусть, какъ тучи, налетали
Безобразныя порывы:
Все-же въ душахъ малорусскихъ
Божьи искры были живы!

Пусть на родинѣ „погромы“
Видѣлъ я, печали полный
(По родному югу бурно
Пронеслися эти волны!):

Все-жъ землякъ не пролилъ крови,—
Не покрылъ себя позоромъ,
Запятнавъ убійствомъ руки
Съ изступленно-дикимъ взоромъ!...

Разрушалъ дома народъ мой...
Но прѣстать, конечно, внуки
Въ день, когда взойдетъ надъ ними
„Солнце правды и науки!“

А-жъ—простилъ уже, узнавши,
Что другіе совершали:
Жертвъ невинныхъ вопли слыша
Изъ чужой, угрюмой дали...

С. Бердязевъ.

Кіевъ.
Іюль 1884 г.

ЕВРЕИ ВЪ АВСТРИИ СЪ 1848 ДО 1883 ГОДА *.

Прежде я не имѣлъ особенно высокаго понятія о моемъ „фрагментномъ я“. Но теперь я чувствую нѣсколько большее уваженіе къ самому себѣ, не потому, чтобы я полагалъ, будто я сдѣлался лучше, но потому, что мѣръ сдѣлался хуже.

Прозеръ Меркль.

Достаточно будетъ немногихъ штриховъ, чтобы обозначить тотъ путь, по которому шло политическое развитіе евреевъ въ Австріи и Венгріи съ 1848 года. Тѣмъ, что было добыто въ означенномъ году, воспользовались и они, хотя и прошло еще около двадцати лѣтъ прежде, чѣмъ, по превращеніи Австріи въ конституціонное государство, послѣдовало допущеніе и евреевъ къ неограниченному пользованію гражданскими правами.

* Извѣстная нѣмецкая книгопродавческая фирма Карла Прохацикаго приняла въ высшей степени полезное и интересное изданіе подъ названіемъ: „Народы Австро-Венгрии. Этнографическіе и культурно-историческіе очерки“. (Die Völker Oesterreich-Ungarns. Ethnographische und culturhistorische Schilderungen). Каждой народности посвященъ отдѣльный томъ, написанный изданнымъ специалистомъ и анатомомъ этой народности. Седьмой томъ этого изданія посвященъ евреямъ и написанъ профессоромъ г. Вольфомъ. Впослѣдствіи мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ этого въ высшей степени замѣчательнаго сочиненія. Пока же приводимъ заключительную статью, написанную извѣстнымъ нѣмецкимъ публицистомъ Вильгельмомъ Голодбаумомъ, такъ какъ она какъ разъ подходитъ къ нашему времени вообще, къ современному состоянію такъ называемаго еврейскаго вопроса.

Ред.

Реакція эпохи конкордата тяжелымъ гнетомъ лежала и на нихъ, но въ этомъ отношеніи они ничѣмъ не отличались отъ всѣхъ другихъ гражданъ. Послѣ непродолжительнаго разсвѣта снова наступила тьма, и притомъ для всѣхъ безъ исключенія, а не для однихъ только тѣхъ, обычный удѣлъ которыхъ составляетъ тьма. Евреи не могли жаловаться ни на что, на что не имѣли бы одинаковаго права жаловаться и другіе; а если имъ, какъ и прежде, приходилось терпѣть больше, чѣмъ другимъ, то происходило это оттого, что, по самой природѣ вещей, всякое реакціонное движеніе обрушивалось прежде всего на нихъ, какъ на относительно слабѣйшихъ членахъ государства, и что вслѣдствіе законорѣшительныхъ предразсудковъ имъ предоставлялось только право на терпимость, тамъ, гдѣ имъ принадлежало бы право на справедливость.

Сущность еврейскаго вопроса постоянно остается тождественною съ сущностью вопроса о свободѣ. Дѣло заключается въ томъ, можно ли признавать за евреями право предъявлять извѣстныя требованія къ государству, или же имъ, какъ части цѣлаго, слѣдуетъ отказать въ томъ существованіи, которое предоставлено другимъ, смотря по мѣрѣ прогрессивнаго развитія. Вопросъ не въ томъ, сколько имъ даютъ или сколько у нихъ отнимаютъ, а въ томъ, можно ли вообще давать и отнимать по произволу тамъ, гдѣ права принципиально опредѣлены и гарантированы конституціей?

Съ того самаго момента, какъ Австрія сдѣлалась государствомъ конституціоннымъ, какъ по сю, такъ и по ту стороны Лейты принципиально были устранены тѣ преграды, которыя воздвигло невѣжественное прошлое, въ заводательствѣ и на практикѣ, между извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ и пользованіемъ гражданскими правами. Эмансипація евреевъ сдѣлалась фактомъ совершившимся, отъ Пассау до Землина, и отъ Каттаро до Боденбаха. Но принципиально признанный фактъ—еще далеко не осуществившійся на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не проведена ясная и опредѣленная граница между властями законодательной и исполнительной. Даже всѣ наиболѣе вѣрныя конституціи министерства, начиная отъ Шмерлинга до Ауэршпер-

га, не свободны отъ упрека въ тожь, что онѣ оставили эту грань болѣе эластичною, чѣмъ то допускала объявленная въ законѣ равноправность сословій и исповѣданій; тѣмъ болѣе понятно, что другія министерства, болѣе реакціонныя по склонностямъ и взглядамъ, какъ, напр., министерства Вальбреди и Гогенварта, не сочли нужнымъ пополнить то, что было упущено первыми. Одинаковые для всѣхъ исповѣданій законы о свободѣ школы были, правда, фактомъ; но тѣмъ не менѣе они разрѣшали вопросъ только на половину до тѣхъ норъ, пока не былъ установленъ гражданскій бракъ; они имѣли немало слабыхъ сторонъ, которыми удобно могла воспользоваться будущая реакція, и только этими пробѣлами ихъ и можно объяснить то, что въ самое послѣднее время вновь поднялась буря противъ общихъ, безъ различія вѣроисповѣданій, школъ, и что вопросъ о вѣроисповѣданіи снова угрожаетъ сдѣлаться рѣшающимъ въ совѣстной жизни гражданъ одного и того же государства.

Не легко будетъ отстранить эту грозу, поднятую противъ цивилизаціи и справедливости, отъ высшихъ слоевъ до самыхъ низшихъ, частью вслѣдствіе довольно сомнительнаго свойства политическихъ соображеній, частью вслѣдствіе грубой и невѣжественной нетерпимости. Мотивы эти ясно обнаружались въ залѣ засѣданій Нѣйрегігазскаго суда, и они продолжаютъ дѣйствовать втихомолку. Они являются результатомъ того ложнаго предположенія, будто можно предотвратить опасности социальнаго движенія, направивъ его противъ зажиточныхъ евреевъ и дѣлая его, этимъ путемъ, неопаснымъ для господствующихъ классовъ. Вполнѣ признавая громадное и неожиданное развитіе могущества Германіи за послѣднія два десятилѣтія, нисколько не умаляя заслугъ главнаго виновника его, мы должны, однако, признать въ то же время, что движеніе, называющееся антисемитическимъ, прежде всего пустило корни среди „народа философовъ и поэтовъ“. Именно въ Германіи въ послѣднее время были вновь формулированы, согласно стариннымъ діалектическимъ преданіямъ, догматы племенной и религіозной ненависти. И при этомъ оттуда, гдѣ сосредоточивается высшая власть, не раздалось ни малѣйшаго слова неодобренія по поводу этихъ

безобразій. изъ чего не трудно было вывести заключеніе, что послѣднія подходятъ въ системѣ, направленной къ ожесточенной борьбѣ противъ либерализма. А между тѣмъ либерализмъ, хотя онъ и допускаетъ возможность существованія еврейскаго вопроса, далеко не придаетъ ему того значенія, которое придаетъ ему въ программѣ реакціонеровъ. Еврейскій вопросъ является оселкомъ, какъ для либераловъ, такъ и для противниковъ ихъ. Гейне въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій сравниваетъ евреевъ съ скороходомъ, котораго онъ видѣлъ въ то время, когда онъ былъ студентомъ въ Геттингенѣ. „Мои предки“, — говоритъ онъ. — „принадлежали не къ гонявшимъ, а скорѣе къ гонимымъ... Слава Богу, времена эти уже прошли! Если теперь охотнику вздумается снова погнаться за человѣкомъ, то ему слѣдуетъ заплатить за то, какъ, напримеръ, тому скороходу, котораго я два года тому назадъ видѣлъ въ Геттингенѣ. Бѣдняга уже порядочно-таки утомился, бѣгая по солнцу, какъ вдругъ нѣсколько ганноверскихъ дворянчиковъ, якобы слушавшихъ лекціи въ Геттингенѣ, предложили ему нѣсколько талеровъ за то, чтобъ онъ пробѣжалъ еще столько же; и онъ побѣжалъ, съ смертельною блѣдностью на лицѣ, въ своей красной курткѣ, а позади него скакали галопомъ улитанные, благородные юноши, и переднія копыта ихъ коней порою задѣвали по ногамъ бѣднаго скорохода, — а вѣдь это былъ человѣкъ!“ — Это было написано въ 1826 году, но, увы! времена эти не миновали и до сихъ поръ; съ тою только разницею, что теперь дворянчикъ, гоня еврея, нашелъ себѣ товарищей въ богословахъ, философахъ, политикахъ, и что за ними, крича и гогоча, бѣжить, какъ дикая стая, невѣжественная чернь. И эта бѣдная чернь сама не вѣдаетъ того, для кого она работаетъ. Для нея погромы евреевъ представляются цѣлью сами по себѣ; она совершаетъ ихъ съ тою же дикою безсознательностью, какъ и всякія другія насилія. Но для тѣхъ, въ рукахъ которыхъ эта чернь является лишь слѣпымъ орудіемъ, еврейскіе погромы являются только средствомъ для борьбы противъ политическихъ враговъ, не-евреевъ, и поэтому у нихъ вмѣсто дикой грубости является извѣстная утонченность. Они самымъ безсовѣстнымъ об-

разомъ подыскиваютъ въ оправданіе себя мотивы, хотя бы и мотивы самыя позорныя и никуда не годныя. Вѣдь не лѣзть же за мотивами въ карманъ!

Когда въ Германіи, съ церковной и съ профессорской кафедръ, впервые раздалися науськиванія противъ евреевъ, причемъ имѣлось въ виду поднять, для борьбы противъ либерализма, якобы популярный флагъ, когда приграфъ Игнатъевъ въ погромахъ евреевъ видѣли подъѣмъ народнаго духа, тогда въ Австро-Венгріи многіе съ гордостью указывали на то, что здѣсь подобный позоръ невымыслимъ. Въ Цислейтаніи какъ разъ въ то время занимались „примиреніемъ“, а въ Транслейтаніи евреи являются однимъ изъ элементовъ, на который опирается нынѣшнее венгерское правительство. Но это торжество было непродолжительное: въ Тисса-Эссларѣ ему нанесенъ былъ окончательный ударъ. Разумныя движенія можно направлять разумными средствами, но противъ дурныхъ инстинктовъ человѣкъ безсиленъ: они заразительны, какъ эпидемія, и противъ нихъ невозможны никакіе карантинныя мѣры. Двадцатилѣтняя политическая работа пошла прахомъ въ тотъ день, въ который исчезла Эсемъ Солимосси, и никогда не удастся Венгріи смыть съ себя тотъ позоръ, что въ 1883 году въ странѣ мадяровъ потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ судебного разбирательства, для того, чтобы опровергнуть нелѣпую басню о ритуальныхъ убійствахъ.

Разумный политикъ стоитъ растерянный возлѣ могилы самыхъ лучшихъ надеждъ своихъ. Онъ напоминаетъ въ этомъ отношеніи архитектора, который довелъ строеніе до самаго купола и вдругъ замѣчаетъ въ самомъ фундаментѣ расщелины и трещины, угрожающія паденіемъ всему, возведенному имъ, зданію. Къ чему послужили ему всѣ его старанія и усилія, вся его долготѣльная борьба, вся его преданность дѣлу своего народа, если вдругъ изъ какой-то темной бездны встантъ какія-то чудовища, которыя самымъ позорнымъ образомъ разрушаютъ все его созданіе? Они придумали для себя кличку: „антисемиты“, они проповѣдуютъ грубое ученіе о неравноправности племенъ, они возводятъ грубую силу въ роль фактора въ современномъ государствѣ. И еврейскъ сужде-

но сдѣлаться объектомъ для примѣненія этого новаго ученія. Но вопросъ тутъ не въ еврейскъ. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы поборотъ ихъ силою, то антисемитизмъ являлся бы только гнусною трусливостью, представлялъ бы собою возмутительную борьбу великана противъ карлика. Но тутъ вопросъ идетъ о другомъ. Дѣло въ томъ, что если у евреевъ можно отнять то, что гарантировано имъ конституціей, т. е. личную безопасность, одинаковыя съ другими гражданами права и обязанности относительно государства, то встаетъ можно отнять все это и у остальныхъ гражданъ, которымъ права эти равнымъ образомъ гарантированы конституціей. И отъ этого-то упаси Господи! Антисемиты составляютъ авангардъ реакціи. Все, что они толкуютъ о капитализмѣ, о націонализмѣ, о патриотизмѣ, — все это ложь, и одна только ложь! Капитализмъ не представляетъ собою ничего исключительно-еврейскаго, а тѣмъ паче ничего само по себѣ вреднаго; национализмъ, въ исключительности своей, является бѣдствіемъ для государства, которому его хотятъ навязать въ видѣ руководящаго принципа; патриотизмъ есть общее достояніе всѣхъ живущихъ въ извѣстной странѣ, и онъ не знаетъ ни племеннаго происхожденія, ни различія въроисповѣданій. А въ особенности не должно быть обо всемъ этомъ рѣчи въ Австріи, если только не желаютъ возвращенія того времени, когда Австрія считалась образцомъ политической реакціи.

Въ томъ самомъ году, въ которомъ въ Австріи введены были конституціонныя учрежденія, въ Россіи послѣдовала отиѣна крѣпостнаго состоянія. Этотъ фактъ представляется въ высшей степени поучительнымъ, если сопоставить его съ тѣмъ, что 22 года спустя и въ Австріи, и въ Россіи сдѣлались возможными еврейскіе погромы. Что же случилось и тамъ, и здѣсь въ теченіе этихъ двадцати двухъ лѣтъ? Въ Россіи началось глухое броженіе, принявшее самыя прискорбныя и безобразныя формы. Въ Австріи же царили спокойствіе, благосостояніе, политическая жизнь текла совершенно правильно. И все же одновременно начались еврейскіе погромы и на Тейсѣ и на Дибѣтсѣ. Неужели въ Вѣнѣ напрасно стояли у кормила правленія Шмерлингъ, Гасперъ, Герб-

сты и Глазеры? Неужели въ Пештѣ высшая государственная власть напрасно досталась въ руки Тиссы? Если Австрія, при новыхъ порядкахъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій не сдѣлала большихъ успѣховъ въ политическомъ развитіи, чѣмъ Россія за то же время при старыхъ, если послѣ манифеста 1861-го года объ освобожденіи крестьянъ оказались столь же возможными кievскія безобразія, какъ и судебный процессъ въ Нйреггазѣ послѣ февральской конституціи, то къ чему же послужили Австріи ея конституція, ея либерализмъ, отдѣленіе церкви отъ государства! Все это были, значить, однѣ только фразы, однѣ только клочки бумаги! Значить, и такъ называемый австрійскій либерализмъ былъ только кажущимся либерализмомъ, виляющимъ и идущимъ на сдѣлку; значить, имя ему не либерализмъ, а „оппортинизмъ“. И подобно тому, какъ онъ далъ отгѣснить себя въ Германіи шагъ за шагомъ, такъ онъ и въ Австріи не сумѣлъ воспользоваться эпохой господства своего, для того, чтобы сдѣлать позицію свою неприступною, только на половину улучшивъ брачныя законы, только отчасти преобразовавъ законы о печати, и не воздвигнувъ никакой прочной плотины на случай возможнаго возвышенія волнъ реакціи. Теперь же, послѣ того какъ его пригнули къ землѣ, вдругъ заходитъ рѣчь о „примиреніи“ съ нимъ.

И при такомъ-то неопредѣленномъ положеніи дѣлъ на сцену выступаетъ мрачный призракъ еврейскаго вопроса. Но какія права на существованіе имѣетъ онъ въ Австріи?

Въ такомъ національномъ государствѣ, какъ Германія, можно еще вводить въ заблужденіе глупцовъ такъ называемымъ „подъемомъ народнаго духа“; но Австрія уже отнюдь не національное государство, а государство весьма разноплеменное, и евреи, не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ поляки или словенцы, сербы или румыны, могутъ гордиться тѣмъ, что ими сдѣлано для Австро-Венгріи, — если только на нихъ смотрѣть, какъ на обособленную національность. Они никогда не стремились къ внѣ-государственной самостоятельности, они посвящали свои способности, свой трудъ, свои средства на служеніе государству. Если уже пускаться на довольно безплодныя сами по себѣ сравненія и взвѣшива-

ніа, то, быть можетъ, окажется довольно странная пропорція между тѣмъ, какія услуги оказали австрійскому государству, внутри и извнѣ, какой-нибудь Унгеръ или Глазеръ, или какой-нибудь Ригеръ или Смолка.

Повторяемъ, такъ называемый еврейскій вопросъ является лишь одною изъ излюбленныхъ формулъ реакціи, лишенной всякаго экономического, социальнаго или политическаго ядра. Онъ былъ выставленъ во время борьбы партій, какъ средство для дискредитированія либерализма, понятно, принявшаго евреевъ подъ свое покровительство. При такомъ положеніи дѣлъ является совершенно безразличнымъ, стануть-ли венгерскіе евреи мадьяризироваться, или перейдутъ-ли цислейтанскіе евреи по принужденію въ христіанскую вѣру. Вѣрно только то, что они всюду найдутъ спасеніе только въ высшемъ образованіи, и кроиъ того въ Венгріи въ союзѣ съ мадьярскими, а въ Австріи — въ союзѣ съ нѣмецкими либералами. Истинному образованію ничего не извѣстно о томъ, что различіе племеннаго происхожденія должно яко бы имѣть логическимъ результатомъ различіе въ политическихъ правахъ; для него символъ вѣры не является политическимъ критеріемъ. Кто-то выразился, и притомъ довольно неудачно, что всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ. Какимъ же это образомъ? Вѣдь и вѣнскій еврей, и еврей тарнопольскій и станиславовскій — еврей, а между тѣмъ между ихъ нравами и между ихъ степенью образованія — громадная разница; но и тотъ, и другой — еврей австрійскіе. Или же вообще предполагается, что въ государственномъ положеніи евреевъ, въ положеніи ихъ передъ закономъ, слѣдуетъ дѣлать принципиальное различіе между образованнымъ и необразованнымъ евреемъ? Нѣтъ, государство и законъ въ атомъ отношеніи не должны дѣлать никакого различія, и развѣ только общество можетъ позволить себѣ роскошь — быть въ этомъ отношеніи нѣсколько разборчивымъ; только оно можетъ, пожалуй, не посягая на политическую равноправность, предпочитать фразѣ длиннополному кафтану.

Но здѣсь политикъ долженъ уступить право слова историку, ибо

общество, съ его симпатіями и предрасудками, стоятъ вѣтъ той рамы, изъ которой не долженъ выходить тотъ, кто пишетъ исторію дня или сравнительно непродолжительной эпохи. Трудъ простаго историка—трудъ синтетическій, трудъ же историка культуры — трудъ аналитическій; тотъ старается изслѣдовать законы, этотъ — подѣлывать и объяснить явленія; и не подлежитъ сомнѣнію, что разнообразіе явленій, обиліе образовъ одѣлается по-истинѣ поразительнымъ, если, свернувъ съ дороги политики и исторіи, мы станемъ разсматривать евреевъ Австро-Венгріи въ культурно-историческомъ отношеніи.

Линія проходитъ отъ Гогенэкса до Садагуры. Западною конечною точкою своею она спускается въ швабское море, восточную конечную точку ея обвиваетъ вѣтеръ русскихъ стеней. Направо и налѣво, до подножія Рудныхъ горъ и до того пункта на Иллирійскомъ побережьи, съ котораго глазъ различаетъ очертанія Ионическихъ острововъ, среди различныхъ племенъ и національностей, среди нарѣчій самаго разнообразнаго происхожденія и среди самыхъ разнородныхъ обычаевъ, разсѣяны евреи, всего приблизительно до полутора милліона, а именно: 95,058 въ Нижней Австріи, 93,622 въ Богеміи, 44,175 въ Моравіи, 8,580 въ Силезіи, 687,592 въ Галиціи, 553 въ Триестской области, 182 въ Форарльбергѣ, 1,056 въ Верхней Австріи, 1,782 въ Штирії, 301 въ Герцъ и Градишкѣ, 115 въ Зальцбургѣ, 360 въ Тиролѣ, 283 въ Далмаціи, 114 въ Каринтіи, 81 въ Истріи, 96 въ Краинѣ *, 552,000 въ земляхъ короны Св. Стефана.

Но какъ ни разнообразна и многоразлична окружающая ихъ среда, какъ ни разнится между собою степень образованности населенія на всей этой линіи, начиная отъ бѣдныхъ, неграмотныхъ русиновъ и кончая сильнымъ форарльбергскимъ алеманомъ—разница между евреями Гогенэкса и его единовѣрцемъ въ Садагорѣ еще значительнѣе, и между ними только и есть общаго, что вѣроисповѣданіе. Впрочемъ даже и вѣ-

* Относительно Цислейтаніи цифры заимствованы изъ сочиненія Г. А. Шмидера: „Евреи въ Австріи по переписи 31-го декабря 1880-го года“.

роисповѣданіе это представляется въ иномъ видѣ въ старинной фюрарльбергской еврейской общинѣ и въ грязномъ хасидическомъ гнѣздѣ Буковины. Цивилизація, направляющаяся съ запада къ востоку, совершила свою освобождающую и смягчающую нравы задачу лишь до середины этой линіи, и если говорить, что Пресбургъ составляетъ границу между Европой и Азіей, то къ этому можно еще прибавить, — насколько вообще допустимы такіе парадоксы, — что тамъ же проходитъ и граница между европейскими и азіатскими евреями. Ибо еврей до того умѣетъ принаровиться къ обстановкѣ, до того отчетливо отражаются на немъ вліянія, которымъ онъ подвергается, что онъ отличается отъ той среды, въ которой живетъ, развѣ религіей и нравами, но никогда не достигнутой имъ степени образованія.

Этого факта отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду. Онъ служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ нелѣпныхъ разглагольствованій антисемитовъ о томъ, будто еврей всюду является чужеземцемъ, который высокомерно держится въ сторонѣ, лишень всякаго стремленія къ общественности, для котораго эксплуатированіе его согражданина-христіанина составляетъ будто бы нѣчто въ родѣ религіознаго догмата. Этимъ фактомъ опровергается также нелѣпное увѣреніе, будто евреи считаютъ себя особою націей и будто они поэтому, вольно или невольно, никогда не могутъ слиться или даже сблизиться съ народами, съ которыми они находятся въ политической связи. Евреи ни въ какомъ случаѣ не составляютъ націи, ибо они не связаны между собою никакими изъ тѣхъ узъ, которыя считаются признаками національнаго единства. Въ такомъ случаѣ съ гораздо болѣшимъ правомъ можно было бы считать чужеземцами германскихъ католиковъ, такъ какъ они, будучи несомнѣнно нѣмцами, въ борьбѣ между римской куріей и своимъ отечествомъ, стоятъ на сторонѣ первой, являющейся не только духовной, но и свѣтско-политической властью. Евреи не увлекаются, подобно полякамъ, фантазмагоріей имѣющаго быть возстановленнымъ обособленнаго государства ихъ, они не требуютъ автономіи, подобно чехамъ или словенцамъ. Ихъ сближаетъ между собою антипатія, съ кото-

рою къ нимъ относятся, недобвѣріе, которое они всюду встрѣчаютъ, загородки, которыя всюду возводятся передъ ними. „Ихъ связываетъ не любовь Мардохея, а ненависть Гаммана“. Пусть кто-нибудь попробуетъ найти что нибудь общее между вѣнскимъ финансистомъ-евреемъ и восточно-галиційскимъ хасидомъ, и онъ долженъ будетъ сознаться, что между ними обими лежитъ по крайней мѣрѣ такая же глубокая бездна, какъ напр., между протестантомъ-негоціантомъ и іезуитскимъ патеромъ.

Это различіе сказывается еще сильнѣе въ еврейской литературѣ, нашедшей, понятно, въ Австріи благодарную почву. Какая громадная разница между рисуемыми Леопольдомъ Компертомъ картинами божеско-еврейскаго быта и рисуемыми Эмилемъ Францозомъ картинами быта галиційски-еврейскаго! Компертъ, подобно изображаемымъ имъ героямъ, мягокъ, чуждъ всякаго фанатизма, съ цивилизованными наклонностями; онъ ходитъ „между развалинъ“ *, изъ которыхъ только духъ новаго времени можетъ пробудить новую жизнь, и жалуется на то, что евреямъ такъ затрудняютъ сліяніе съ другими гражданами; онъ сѣтуетъ, что австрійскія палаты упустили удобное время для достиженія полной эманципаціи евреевъ введеніемъ обязательнаго гражданскаго брака; онъ старается сблизить враждующихъ братьевъ и сердце его содрогается при видѣ того, что „моральная болѣзнь“ коснулась не только евреевъ, но и христіанъ. Эмилъ Францозъ, съ другой стороны, изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы представить галиційскаго еврея въ каррикатурномъ видѣ; онъ рѣзокъ и неутомимъ, какъ и изображаемыя имъ фигуры, онъ грубой рукой прикасается къ лежащему передъ нимъ сырому матеріалу, и желаетъ насильно навязать своимъ галиційскимъ соплеменникамъ германизирующія свои тенденціи, причемъ скорѣе казнить ихъ, чѣмъ объективно относится къ нимъ.

Это два совершенно различныхъ міра. Совершенно особнякомъ стоять, съ другой стороны, венгерскій еврей, а вѣнскій еврей, въ свою очередь, составляетъ рѣзкій контрастъ венгерскому еврею. Контрастъ этотъ

* Такъ называется одна изъ повѣстей Комперта, по нѣмецки—„Zwischen Ruinen“.

можно бы было назвать полнимъ, если бы нѣкоторымъ связующимъ звеномъ не являлась общность исповѣданій. Интересно было бы знать, чей острый глазъ въ состояніи былъ бы открытъ между вѣщи ними такую опасную для государства или для общества солидарность, которая не существовала бы между г. Виндгорстомъ и патеромъ Грейтеромъ? Патеръ, проповѣдующій въ Тироля о единствѣ вѣры, дѣлаетъ въ сущности то же самое, что дѣлаетъ и ортодоксальный раввинъ въ восточной Галиціи, т. е. онъ старается удержать общину свою при обычаяхъ и взглядахъ своего исповѣданія, съ тою лишь разницею, что патеръ желалъ бы распространить это единство вѣры на все государство, между тѣмъ какъ раввинъ довольствуется тѣмъ, что старается удержать въ немъ одну только общину свою. И тироольскій патеръ „тоже былъ въ Египтѣ“!

То, что отличаетъ еврея отъ еврея, — это степень образованія; то, что связываетъ ихъ между собою, — это исторія ихъ религіи, и эту исторію они въ теченіе послѣднихъ восемнадцати столѣтій не дѣлали, а претерпѣвали. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что они не чувствуютъ склонности къ земледѣлію и ремесламъ, а занимаютъ преимущественно торговлей, легко дающей барыши. Но вѣдь не прошло еще и тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ разрѣшено заниматься въ Австріи земледѣліемъ, а пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ еврейскій ремесленникъ могъ работать только на своихъ единовѣрцевъ, такъ какъ иновѣрецъ не далъ бы ему даже подбить подметки къ своимъ сапогамъ. Неужели же отъ еврея можно требовать, чтобы онъ совершилъ настоящее чудо, и въ теченіе тридцати лѣтъ достигъ того, на что другимъ потребовалось тысячелѣтіе! Да и то мы видимъ теперь евреевъ-земледѣльцевъ, винодѣловъ, техниковъ, инженеровъ и химиковъ, они несутъ въ Австріи и Венгріи на своихъ плечахъ немалую часть мануфактурной промышленности, а это что-нибудь да значитъ, въ особенности если принять въ соображеніе то, что еврей постоянно подвергается опасности — что во всемъ, за что онъ ни примется, увидать стремленіе къ наживѣ и къ эксплуатаціи. А много-ли можно найти такихъ евреевъ, которые съ такимъ ис-

куствомъ занимались бы ростовщичествомъ, хищеніемъ и присвоеніемъ чужой собственности, какъ пресловутая Адель Шницедеръ, которая была, однако, не еврейкой, а чистокровной иѣжкой и доброй католичкой?

Было бы странно прикрашивать то, что некрасиво, оправдывать то, что достойно осужденія. Садагорскій „цадикъ“, передъ которымъ фанатическая еврейская чернь благоговѣнно преклоняетъ колѣна, когда онъ общается ей, за небольшую изду, исцѣленіе отъ ея тѣлесныхъ недуговъ и просвѣтленіе отъ ея религіозной тьмы; галиційскій еврей-ростовщикъ, пускающій свои деньги въ оборотъ подъ высокіе проценты, а самъ сядящій сложа руки въ бетчамидрашѣ; венгерскій еврей-шинкаръ, обдѣлывающій сообща дѣлишки съ мадяромъ-конокрадомъ, — всѣ они представляютъ собою типы, достойные, конечно, полнѣйшаго осужденія. Но если склонность къ приобрѣтенію порою можетъ вступить на ложный путь и сдѣлаться порокомъ, то она же, будучи ограничена извѣстными предѣлами, представляетъ и хорошія стороны, и именно земледѣльческая часть Австріи имѣетъ полное основаніе спросить себя, не отстала ли бы она далеко на международномъ денежномъ рынкѣ и среди большихъ промышленныхъ государствъ Европы, еслибъ она не имѣла евреевъ, которое дали ей возможность конкурировать въ этомъ отношеніи. Очень нетрудно привязываться къ извѣстнымъ словамъ и въ патетическомъ самоопыаніи разглагольствовать о презрѣнныхъ деньгахъ, о вредѣ стяжанія и ростовщичества и дѣлать „еврейскихъ торгашей“ отвѣтственными за то, что германскій народъ и по достиженіи желаннаго политическаго единства не сдѣлался вполне доволенъ и счастливъ. Но мировая исторія смотритъ на дѣло совершенно иначе, чѣмъ антисемитизмъ. Она выяснила современному поколѣнію принципъ „борьбы за существованіе“ и борьбу эту ведутъ не племена, какъ таковыя, а отдѣльныя личности, ее ведутъ государства, и накопленныя богатства являются средствомъ къ сохраненію, безразлично отъ того, чьи руки накопили ихъ. Благосостояніе отдѣльной личности представляетъ собою ячейку всеобщаго благосостоянія. Ротшильды платятъ соотвѣт-

ствующія подати съ своихъ богатствъ, и если кричать по поводу богатствъ вѣнскихъ евреевъ-биржевиковъ, то при этомъ забываютъ, что они платятъ въ пользу государства не меньшій процентъ съ своихъ богатствъ, чѣмъ еслибы они были капиталисты-христиане. Достаточно будетъ указать на то, что баронъ Кенигсвартеръ состоитъ членомъ австрійской верхней палаты и что недавно умершій баронъ Винтерштейнъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ прекраснымъ докладчикомъ по бюджету въ той же палатѣ, — чтобы доказать, какъ мало основанія проводить рѣзкую грань между гражданиномъ и евреемъ.

При этомъ невольно вспоминается исторія о Фридрихѣ Великомъ и о мельникѣ въ Санъ-Суси. Мельникъ владѣетъ маленькимъ пространствомъ, которое могущественный король хочетъ приобрести для себя. Король обращается въ камеральный судъ, но послѣдній отставляетъ права мельника. Поэтому еще и сегодня говорятъ: „Есть еще судьи въ Берлинѣ!“ (Il y a de juges à Berlin!).

Но если капиталу не хотятъ уже простить того, что онъ имѣетъ известную слабость къ евреямъ-собственникамъ, если на еврея, развѣзжающаго въ собственномъ своемъ экипажѣ, смотрятъ, какъ на какаго-то узурпатора, то не слѣдовало бы упускать изъ виду и того, что еврей чувствуетъ влеченіе не къ одному только накопленію денегъ, но и къ образованію и къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи цифры говорятъ краснорѣчивѣе всего: * съ 1850-го года до 1880-го пропорціональное отношеніе еврейскихъ учениковъ въ австрійскихъ среднихъ школахъ увеличилось съ 5% до 14%, а въ университетахъ — съ 6% до 16%. При этомъ не слѣдуетъ еще упускать изъ виду того обстоятельства, что въ 1879|80 учебномъ году пропорціональное отношеніе евреевъ-гимназистовъ къ евреямъ-реалистамъ составляло 72% и 27%. Какимъ образомъ можно связать этотъ фактъ съ мнимой наклонностью евреевъ къ торговлѣ?

---

* Бертольдъ Виндгъ: «Еврей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи съ 1850-го года».

И снова является тутъ исторія съ мельникомъ въ Салъ-Суи и Фридрихомъ Великимъ.

Профессоръ Бильротъ недавно жаловался на то, что изъ Галиціи и Венгрии прибываютъ въ вѣнскій университетъ очень много студентовъ-евреевъ, мотивируя эту жалобу тѣмъ, что евреи поступаютъ въ университетъ безъ достаточной степени подготовки. Интересно бы знать, что желалъ этимъ доказать ученый профессоръ? То-ли, что слѣдуетъ затруднить доступъ въ университетъ евреямъ вообще, или же только евреямъ съ недостаточной подготовкой? Первое требованіе было бы явной насмѣшкой надъ словомъ „университетъ“ (Universitas), второе же является упрекомъ не столько противъ евреевъ, сколько противъ австрійскаго вѣдомства народнаго просвѣщенія вообще, ибо венгерскія и галиційскія гимназіи должны отвѣчать за каждаго ученика, которому онѣ выдаютъ аттестатъ безъ достиженія имъ извѣстной степени зрѣлости; наконецъ, не трудно было бы доказать съ помощью цифръ, что ученики-евреи—далеко не худшіе. Къ тому же послѣдніе являются въ университетъ хоть съ какимъ-нибудь знаніемъ нѣмецкаго языка, между тѣмъ какъ студенты-поляки, мадьяры, чехи слушаютъ профессора съ затаенной злобой по поводу того, что онъ говоритъ не на ихъ родномъ языкѣ, и вспоминаютъ о томъ, что у нихъ на родинѣ если и нѣтъ науки, то есть за то родной имъ языкъ. Евреи же умѣютъ цѣнить нѣмецкую науку, они говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ — хотя и на испорченномъ—во всѣхъ земляхъ австрійской короны—и въ Венгрии, и въ Галиціи, и въ Буковинѣ. Они, вмѣстѣ съ своей религіей, пронесли международное горе сквозь всю свою исторію, но это же горе дало имъ способность націонализироваться, отождествляться въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ, и если бы ихъ спросить, какимъ образомъ они могутъ быть нѣмцами, будучи пришлецами, то они имѣли бы полное право отвѣтить, что они въ этомъ отношеніи похожи на рѣку Рейнъ, истоки и устья которой находятся не на германской почвѣ, и которая тѣмъ не менѣе называется „нѣмецкою рѣкою“.

Самый завзятый антисемитъ не можетъ не остановиться передъ

тѣмъ фактомъ, что евреи ревностно и успѣшно занимаются наукой, что они принимаютъ самое дѣятельное участіе въ прессѣ. И если можно насчитать не одну дюжину выдающихся профессоровъ-евреевъ въ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если весьма значительная часть австрійскихъ журналистовъ, — и притомъ независимыхъ, а не оффиціозныхъ, — выходитъ изъ рядовъ евреевъ, то нельзя не прийти къ заключенію, что, еслибъ исполнились желанія антисемитовъ, государство, общество и наука лишились бы превосходнаго, весьма полезнаго для общихъ интересовъ, матеріала. Что касается печати, то, конечно, въ этомъ отношеніи враги евреевъ будутъ утверждать противное, такъ какъ печать вообще не любитъ тамъ, гдѣ не могутъ выносить свободы, гласности. Но какъ бы велики ни были предрѣшенія, въ которыхъ упрекаютъ печать, несомнѣнно, что несравненно значительнѣе приносимая ею польза, толчекъ, который она даетъ, контроль, который она производитъ; и въ особенности Вѣна можетъ похвалиться тѣмъ, что обладаетъ органами общественнаго мнѣнія, которые, не только по своей полнотѣ и дѣльности, но и по своей политической честности, могутъ служить примѣромъ всѣмъ другимъ нѣмецкимъ газетамъ. Быть можетъ, еврей особенно способенъ къ борьбѣ перомъ. Во всякомъ случаѣ полемическія способности являются несомнѣнно у всѣхъ угнетенныхъ, которымъ приходится бороться за свои права, а современнымъ евреямъ довелось видѣть два міра — одинъ, покрытый глубочайшимъ мракомъ, другой — освѣщенный яркимъ свѣтомъ новѣйшаго духа времени. Когда въ старинное гетто проникли лучи солнца, они освѣтили исконныя бѣдствія и явились предвозвѣстниками новаго счастья.

Въ Австріи врядъ-ли удастся воскресить старинныя гетто. Блеску, красотѣ, прелестямъ Вѣны подобныя попытки нанесли бы чувствительный ударъ, а, что бы ни говорили господа чешскіе и польскіе сепаратисты — Вѣна все же та же Австрія. Вѣнскій еврей — еврей особаго рода, подвижный, способный, впечатлительный, вѣнскія еврейки — красивы, граціозны, миловидны. Вѣнскій еврей среди австро-венгерскихъ евреевъ то же, что Вѣна среди австро-венгерскихъ городовъ. Нельзя

себѣ представить современную Вѣну безъ еврея, и горе Австріи, если бы можно было представить себѣ Австрію безъ Вѣны. Еслибъ антисемиты обладали большей долей политическаго разумѣнія, они не стали бы воображать, будто можно вышвырнуть изъ государства евреевъ, вѣстѣ съ приобрѣтенными ими правами, не нанося ему тяжелаго ущерба, а еслибъ австрійскіе народы имѣли понятіе объ урокахъ исторіи, то они остереглись бы колебать главенство Вѣны среди другихъ городовъ Габсбургской монархіи. Каждая мѣстность имѣетъ своего собственнаго генія. Начиная съ Марка Аврелія и до нашихъ дней геній Вѣны былъ добрымъ геніемъ, а это врядъ-ли когда-нибудь будутъ имѣть право сказать о себѣ Прага, Львовъ, Лайбахъ.

* * *

Читатель началъ читать разсужденіе, и въ концѣ наткнулся на апологію. И, читая эту апологію, онъ спрашиваетъ себя: „Развѣ было что-нибудь такое, что требовало бы защиты, оправданія, извиненія?“ — „Пусть онъ докажетъ, что солнце свѣтитъ, что огонь горитъ“, — говоритъ Бенъ-Акиба, съ удивленіемъ покачивая сѣдою головою. Исторія шла по извѣстному теченію, создавала и ниспровергала государства, и въ государствахъ этихъ народы или и впередъ, и назадъ, смотря по тому, какъ угодно было судьбѣ, и въ числѣ ихъ и евреи, также, какъ угодно было судьбѣ, ибо они не властны надъ исторіей. И вдругъ теперь оказывается необходимымъ просить за нихъ прощенія въ томъ, что они существуютъ, приводятъ въ пользу ихъ смягчающія обстоятельства, хотя за ними не числится никакихъ другихъ преступленій, кромѣ развѣ того, что они жили и старались поддерживать свое существованіе въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ это имъ дозволялось. Насколько бессмысленъ самый тотъ фактъ, что другъ противъ друга стоятъ и обвинители, и защитники, тамъ, гдѣ собственно не въ чемъ ни обвинять, ни оправдывать!

Въ море впадаетъ большая рѣка, и воды ея еще на довольно большое пространство текутъ среди морскихъ волнъ, причемъ ихъ весьма

легко отличить отъ послѣднихъ, пока наконецъ слѣдъ ихъ не теряется окончательно въ безконечной пучинѣ океана. Неужели это-нибудь позавидуетъ тому, что этой полоскѣ воды дозволено еще продолжать нѣкоторое время свое существованіе среди водъ безбрежнаго океана?

Всякій народъ, самый большой, какъ и самый маленькій, походитъ на эту рѣку: для него наступаетъ часъ, когда онъ существуетъ въ океанѣ исторіи лишь въ видѣ узкой полоски и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Еврейскій народъ давно уже представляетъ собою лишь такую полоску, между тѣмъ какъ другіе народы—широкія, полноводныя рѣки.

Такъ оставьте же этой полоскѣ ея скромное существованіе! Она нисколько не мѣшаетъ вашему теченію и волна океана относится къ нему безъ ревности. Вѣдь полоска эта—простой еврей!

Вильгельмъ Гольдбаумъ.

Нордерней, Августъ 1883 г.

* * *

Когда про горе вспомнишь ты,
Про тѣ страданія и муки,
Позора, рабства, нищеты,
Что наложили вражьи руки
На наше племя... о, мой другъ,
Молись ты теплою душою
Тому, чей бодрствуетъ духъ
Надъ многогрѣшною землею...

Молись, но не за тѣхъ людей,
Которыхъ губить раззоренье:
Они при помощи твоей
Найдутъ себѣ опять спасенье;
Молись за тѣхъ, въ которыхъ лучъ
Той свѣтлой вѣры угасаетъ,
Что гонять мракъ нависшихъ тучъ
И грезы сердца оживляетъ...

С. Варгасигъ.

НАШЕ ЕВРЕЙСКОЕ МИРОУДСТВО И ЕГО ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА.

ואיש בשר רעחו יאכלו
במציד ובמצק אשר יציקו להם איביהם
ומבקשי נפשם
ירמיח ישי"ט.

Отовсюду стали раздаваться стоны нашей массы, подвергающейся, помимо вандалскихъ драгоннадъ, претерпѣваемыхъ ею извнѣ, ужасной эксплуатаціи со стороны своихъ же, и недавно, въ 7-мъ № «Нед. Хр.» раздался, наконецъ, благородный голосъ въ защиту этой угнетенной еврейской массы. Безыскусственная, правдивая картина, нарисованная г. Ц. въ его небольшой статьѣ «Наши внутренніе враги», можетъ потрясти всякое сердце, которое еще не разучилось биться за поправленныхъ страдальцевъ. И дѣйствительно, есть отчего прійти въ содроганіе, когда видишь, какъ братъ съ жадностью шакала накидывается на изувѣченный трупъ брата, чтобы высосать оставшіеся еще въ немъ соки, допить и вылизать невысохшія еще на его ранахъ капли крови...

Г. Ц. считаетъ причиной всѣхъ бѣдствій нашей массы ея заправителей, гласныхъ, старость и т. д.

Съ этимъ однако нельзя вполне согласиться. Правда, всѣ эти хищники пользуются своей властью для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. Но должна же быть какая нибудь причина, почему народъ такъ терпѣливо переноситъ всѣхъ этихъ паразитовъ, съѣдающихъ его тѣло. Должна быть также причина тому, что всегда почти въ заправители попадаютъ именно эти отвратительные паразиты. Видѣть эти причины въ неразвитости самой массы, непонимающей будто своихъ интересовъ, какъ это дѣ-

лаеть г. Ц., рѣшительно нельзя. Я знаю захолустную жизнь, всегда сталкивался очень близко съ еврейскою массою, и всегда меня поражалъ тотъ фактъ, что наша еврейская масса даже слишкомъ ясно понимаетъ и сознаеть свое бѣдственное положеніе. Но знать свое бѣдственное положеніе — одно, а найти изъ него исходъ — другое. Больной, хорошо знающій свою болѣзнь, еще этимъ не спасенъ. Напротивъ того, это знаніе часто влечетъ за собою гораздо худшія послѣдствія, чѣмъ совершенное невѣдѣніе. Читатель сейчасъ увидить, что все это — не одно голословное утвержденіе.

Всѣ знаютъ, что евреи — по преимуществу торговый народъ, и никто, конечно, не станетъ это оспаривать. Извѣстно также, что торговый человѣкъ, даже при хорошемъ достаткѣ и при совершенной матеріальной независимости, находится почти всегда въ большой нравственной зависимости отъ той сферы, съ которой ему приходится имѣть дѣловыя сношенія. Отъ этой нравственной зависимости не освободились еще торговые люди въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ. Но если тамъ она значительно смягчена и ограничена взаимнымъ обменомъ визитовъ, обязательныхъ приглашеній на обѣды и другими разными любезностями и приличіями, у насъ эта зависимость часто становится невыносимымъ давленіемъ и даже гнетомъ. У евреевъ же, особенно захолустныхъ, гдѣ взаимный контроль болѣе легокъ, гдѣ есть свободный доступъ въ душу и горшокъ своего ближняго, зависимость торговаго люда должна была достигнуть, такъ сказать, своего кульминаціоннаго пункта. Близко знакомые съ еврейскою жизнью знаютъ очень хорошо, какую малую дозою свободы пользуется еврейскій купецъ даже въ своей внутренней жизни, какъ онъ долженъ быть либераломъ и даже атеистомъ, если его кліенты состоятъ таковыми, или же посылать на «пидьонъ» мѣстному обществу, если такое имѣется у его кліентовъ, отчаянно раскачивать свое тѣло во время молитвы, «стоять» цѣлые часы «шемонаэсре» и т. д., если все это выдѣлывается тѣми, съ которыми онъ имѣеть «дѣло».

Это все относится къ матеріально-независимому купцу, судьбу котораго мы однако не станемъ еще горько оплакивать, ибо вольно же ему продать себя въ рабство и коверкать себя на раз-

ные лады въ угоду всякому за извѣстное, правда, можетъ быть, очень жирное вознагражденіе.

Перейдемъ теперь къ голому люду, который силою тяжелыхъ обстоятельствъ поставленъ въ необходимость добывать кусокъ хлѣба посредствомъ торговли. Этого люда среди евреевъ, къ ихъ несчастію, много, слишкомъ много. Загляните въ захолустный еврейскій городокъ любой губерніи, и васъ поразитъ необычайное количество лавчонокъ и кабаковъ. Можно воскликнуть вмѣстѣ съ пророкомъ, перефразируя его слова: «Число домовъ твоихъ; Израиль, есть число твоихъ лавчонокъ».

Какъ бы ни была ничтожна стоимость товаровъ въ этихъ лавчонкахъ, часто не превосходящая суммы и тридцати—пятидесяти рублей, но вѣдь и эти деньги нужно имѣть, и можно положительно утверждать, что изъ ста обладателей этихъ лавчонокъ добрая половина не имѣетъ этой суммы. Какимъ же образомъ устраивается торговля? Очень просто. Деньги на торговлю берутся въ заемъ у мѣстныхъ гвировъ, которые на столько мягкосердечны, что въ рѣдкихъ случаяхъ отказываютъ, развѣ уже залогъ слишкомъ плохъ, или вообще гарантіи очень слабы. Большой частью дѣло происходитъ такъ. Повѣнчается новая парочка и начинаетъ думать о заработкѣ. Думать долго нечего, ибо выборъ не особенно богатый, или такого выбора вовсе не существуетъ. И остававляются новобрачные на мысли о торговлѣ. Денегъ, само собою, или вовсе нѣтъ, такъ какъ приданое *«объщано»* (а кто не знаетъ, чѣмъ кончаются всѣ общанія, общанія же приданого, въ особенности), такъ денегъ, говорю я, или вовсе нѣтъ, или же ихъ весьма недостаточно для открытія проектируемой торговли. И вотъ юная парочка или родители этой парочки начинаютъ обивать пороги, «переговаривать» съ мѣстными крэзами, чтобы добыть кредитъ. Кончается тѣмъ, что по большей части новобрачному, или новобрачной, или обоимъ вмѣстѣ приходится разстаться съ своими лучшими вѣнчальными украшениями, которыя переходятъ въ большіе сундуки благодѣтеля на долгіе годы, а очень часто—чтобы оттуда никогда не возвратиться. Вѣнчальный пиръ, съ его душу сжимающимъ веселіемъ, блестяція одѣянія, яркій свѣтъ, звуки музыки—все это мимолетнымъ своимъ промелькнуло мимо молодой пары, чтобы навѣки погрузить ихъ потомъ

въ самую тяжелую, горькую прозу. Недаромъ же въ самый моментъ, когда надо вести невѣсту къ вѣнцу, свадебный покой оглашается раздирающимъ плачемъ женщинъ, преимущественно же матерей молодыхъ.

Ихъ женское любящее сердце предчувствуетъ, какая судьба готовится ихъ дѣтямъ. Существуетъ у нашей массы поговорка въ видѣ діалога, которая въ шуточной формѣ характеризуетъ весь глубокий трагизмъ еврейской жизни:

— Почему при погребеніи употребляютъ два полѣна, а при вѣчаніи цѣлыхъ четыре?

— А потому, что въ первомъ случаѣ хоронятъ одного только человѣка, а въ послѣднемъ хоронятъ двухъ.

Мѣткость этой поговорки показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наша масса очень ясно видитъ и понимаетъ свое бѣдственное положеніе, на которое она словно махнула рукою. Сколько жизненной горечи надо испытать, чтобы дойти до такого мрачнаго, но потрясающаго взгляда на бракъ! Не надо забывать при этомъ глубокихъ семейныхъ чувствъ еврея, не видающаго никогда въ семьѣ того бремени, которое видитъ въ ней всякій другой, которому она мѣшаетъ идти въ кабакъ и оставить тамъ весь заработокъ, или стѣсняетъ въ другомъ какомъ либо отношеніи. Всего этого еврей не знаетъ; я конечно говорю о массовомъ еврей. И если это воплощеніе семейной любви и домашнего счастья могло дойти до того, чтобы самое свое идеальное будущее разсматривать, какъ вѣчную могилу, то это значитъ, что жизнь его уже слишкомъ горька и беспросвѣтна.

Описываемымъ ли выше путемъ, или всякимъ другимъ образомъ совершается заемъ, какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что огромное большинство нашей массы состоитъ должниками и почти вѣчными должниками своихъ гвировъ, къ которымъ горькая нужда заставляетъ ее прибѣгать каждый разъ. Въ любомъ еврейскомъ городкѣ большинство евреевъ «дѣлаютъ дѣла» исключительно деньгами богачей, и это—фактъ общеизвѣстный. И вотъ тутъ-то источникъ всей той страшной эксплуатаціи, предметомъ которой бываетъ рѣшительно вездѣ бѣдный еврейскій людъ, всѣ плоды труда котораго достаются нѣсколькимъ, лишеннымъ всякаго человѣческаго чувства, кровопійцамъ. Многіе изъ такъ называемой

интеллигенціи часто лютъ горькія слезы о кабалѣ, въ которой находится русскій мужичекъ, къ которому они лѣзутъ въ спасители, не смотря на то, что онъ отъ нихъ отплеивается съ отвращеніемъ. Какъ заговоришь съ этими народными плакальщицами о бѣдствіяхъ евреевъ, они тебѣ сейчасъ пустятъ жидкую слезинку о еще болѣе ужасныхъ бѣдствіяхъ всѣми обираемаго мужичка. Выходитъ будто бы, что еврей страдаютъ только отъ «нѣкоторыхъ стѣсненій» и что во всемъ прочемъ они живутъ припѣвалочи. Почти всѣ забываютъ, что еврей, именно какъ торговый человекъ, находится въ гораздо болѣе тяжелой зависимости отъ денежнаго люда, чѣмъ мужикъ. Никто не станетъ утверждать, что мужику хорошо или даже сносно живется. Но всякій, кто присматривается къ жизни нашей еврейской массы, легко убѣдится, что *помимо всякихъ праводыхъ стѣсненій, помимо своего положенія безправнаго и беззащитнаго передъ закономъ, помимо всякихъ драгоннадъ, устраиваемыхъ на нихъ въ послѣдніе годы, помимо этихъ хищническихъ разбойничьихъ набѣговъ, — помимо всего этого, еврейскій бѣдный людъ находится въ несравненно болѣе бѣдственномъ положеніи и гораздо больше страдаетъ отъ эксплуатаціи, чѣмъ всѣ оплакиваемые мужички?* Какъ бы ни была велика вообще нужда этихъ послѣднихъ, ихъ нужда непосредственно въ однѣхъ деньгахъ сводится къ очень малому: деньгамъ на его незатѣливую одежду, на покупку всякихъ необходимыхъ для хозяйства дополнительныхъ припасовъ, какъ соль, свѣчи и т. д. и очень рѣдко на посѣвъ, на покупку скота и т. д. Еврей же, какъ торговый человекъ *всю свою жизнь занимается исключительно отъ однихъ денегъ и непосредственно отъ нихъ.* Что бы онъ ни предпринялъ, за что бы ни взялся, для всего нужны деньги, безъ которыхъ шагу не сдѣлаешь. Но не одинъ только торговый классъ евреевъ нуждается въ деньгахъ. Въ нихъ нуждается и другой, многочисленный классъ ремесленниковъ. За исключеніемъ весьма небольшого числа ремеслъ, всѣ остальные требуютъ извѣстнаго обзаведенія, извѣстнаго матеріала, безъ котораго ничего нельзя начать. И вотъ весь этотъ многочисленный людъ, составляющій болѣе половины всего еврейскаго населенія, попадаетъ въ вѣчную, часто пожизненную кабалу къ своимъ единовѣрцамъ кулакамъ. Я право не знаю болѣе поработеннаго, бо-

лѣе несчастнаго положенія, чѣмъ положеніе этого бѣднаго еврейскаго люда, который буквально тѣломъ и душою зависитъ отъ нѣсколькихъ открытыхъ грабителей, противъ которыхъ законъ совершенно безсиленъ, если еще онъ имъ не благопріятствуетъ.

Надо знать, какіе огромные проценты платитъ весь этотъ людъ, чтобы содрогнуться отъ ужаса. Платитъ восемь рублей въ мѣсяцъ за сто—это самое обыкновенное явленіе. Но даже и этотъ страшный процентъ блѣднѣетъ передъ многими другими способами выжиманія жалкихъ соковъ у несчастнаго голая. Есть одна система отдаванія денегъ на проценты, на такъ называемые «вохеры» *—система, которая больше всего практикуется среди евреевъ въ виду ея заманчивости для бѣднаго люда, не выкающаго съ перваго раза во всю гнусность ея. Она состоитъ въ томъ, что платежъ совершается малыми суммами еженедѣльно, и этимъ именно она является заманчивою для бѣдняковъ. Я теперь не могу припомнить всѣ подробности этой системы. Знаю только, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я старался вычислить—какой именно процентъ платится по этой системѣ, но онъ не давался никакимъ формуламъ сложныхъ процентовъ. Приблизительно же я его вычислилъ *въ 200%*. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ, или приблизительно такъ: беретъ бѣднякъ, положимъ, 70 рублей, за которые обязуется уплатить сто рублей въ теченіе сорока недѣль, положимъ, платя по 2 р. 50 к. въ недѣлю.

Конечно, всѣ эти ужасающіе проценты платитъ уже самый горькій бѣднякъ, но не надо забывать, что горькихъ бѣдняковъ среди евреевъ всегда преобладающее количество. Какъ ни ужасна система «вохеровъ», но есть еще болѣе ужасная система, которая, правда, практикуется рѣже, преимущественно въ большихъ городахъ, какъ на примѣръ въ Одессѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ есть огромное количество разносчиковъ мелкихъ товаровъ и фруктовъ. Все это—пришлый людъ, являющійся туда на заработки, преимущественно изъ западныхъ и сѣверозападныхъ губерній, а также изъ губерній ближайшихъ, особенно подольской. Между

---

* Вѣроятно, отъ нѣмецкаго Wucher, Wucherei—проценты. Однако, подъ этимъ значеніемъ это слово еврейскъ почти неизвѣстно, и они его смѣшиваютъ со словомъ Woch (по нѣмецки Woche—недѣля).

ними есть не мало женщинъ. Очень многіе изъ этого люда берутся за самыя тяжелыя работы—нагрузчиковъ при пароходахъ и вокзалахъ, ломовыхъ извозчиковъ и такъ называемыхъ биндюжниковъ, носильщиковъ тяжестей, «сѣяльчиковъ» и мѣрщиковъ пшеницы, «лопатниковъ», т. е., перебрасывающихъ пшеницу въ магизинахъ, и т. д. Но, какъ я уже сказалъ, есть между ними не малое число разносчиковъ мелкихъ галантерейныхъ товаровъ, папирсной бумаги и спичекъ, фруктовъ, овощей и т. д. Но для этой разноски нужны деньги, а людъ этотъ является въ Одессу безъ мѣднаго гроша. И вотъ, находятся и тутъ добрые люди, которые выручаютъ. Это—по большей части мѣнялы и, рѣже, базарные торговцы, которые каждый день рано утромъ, или же наканунѣ вечеромъ, распредѣляютъ займы между этими разносчиками. Займы небольшие, отъ одного до трехъ рублей «на корзину», всего только на одинъ день. Вечеромъ же разносчики являются къ своимъ кредиторамъ для уплаты долга съ процентами. Проценты эти—страшно выговорить,—минимумъ пять копѣекъ въ день; но до этого минимума доходятъ позже, когда разносчикъ зарекомендовалъ себя своею честностью. Вначалѣ же онъ часто платитъ *десять копѣекъ* въ день, т. е., *три рубля въ мѣсяцъ за одинъ рубль!* И эта-то прямая зависимость, которая уже сама по себѣ достаточна, чтобы разорять бѣдняковъ и не давать имъ никогда подняться на ноги, влечетъ за собою и тысячи косвенныхъ, не менѣе ужасныхъ послѣдствій, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго характера.

Если, какъ мы видѣли выше, даже торговый человѣкъ, совершенно независимый матеріально, является часто рабомъ окружающей его среды, то можно себѣ представить, до какого нравственнаго порабощенія долженъ дойти бѣднякъ. И дѣйствительно, весь бѣдный людъ лишенъ рѣшительно своей воли, не имѣетъ права слѣдовать своимъ желаніямъ ни въ частной, ни особенно въ общественной жизни. Какъ ему поднять голосъ противъ богача, который однимъ движеніемъ руки можетъ раздавить его съ семьей? И это-то страшное сознаніе своей зависимости отъ богача, а не неразвитость и непониманіе своихъ интересовъ, заставляетъ бѣдный еврейскій людъ молча переносить всѣ подлѣйшія продѣлки общественныхъ представителей, которые суть въ то же время кредиторы бѣдняковъ. Лишить онъ кредита—и бѣднякъ долженъ

пасть среди улицы со всей своею семьею. И почти всегда, когда при видѣ какого нибудь возмутительнаго мошенничества представителя, вы обратитесь къ массѣ съ вопросомъ или упрекомъ: «чего же вы молчите?» вы неизмѣнно получите одинъ и тотъ же отвѣтъ: «кто же хочетъ зарѣзать свою жену и дѣтей!» И передъ этимъ страшнымъ доводомъ всѣ разсужденія и доказательства бессильны и ничтожны. Знаетъ превосходно наша масса, кто ея враги, знаетъ она отлично, кто до захлебыванія пьетъ ея кровь, и не иначе называетъ она своихъ представителей, какъ «койлерами» и «блиццаперами» (убійцами и кровопийцами); но знаетъ она также, слишкомъ даже ясно знаетъ, что она бессильна противъ нихъ, ибо она зависитъ отъ нихъ совершенно, а освободиться отъ этой зависимости нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, одна кабала влечетъ за собою другую, одна зависимость создаетъ цѣлую систему зависимости и порабощенія. Въ силу именно своей безвыходной нищеты народъ нашъ поставленъ въ необходимость быть предметомъ самой непримѣрной эксплуатаціи во всѣхъ сферахъ жизни частной и общественной.

Теперь, я полагаю, читателямъ станетъ ясно, что наша масса терпитъ именно вслѣдствіе слишкомъ яснаго сознанія своего бѣдственнаго положенія, изъ котораго она не можетъ найти исхода. Станетъ также теперь понятнымъ, почему въ представители попадаютъ именно самые безнравственные элементы, люди безъ сердца, безъ души, безъ совѣсти. Въ силу этихъ своихъ качествъ они стремятся завладѣть всѣмъ, сожрать все помощью частной и общественной «дѣятельности»; въ силу этихъ же ихъ хищническихъ стремленій народъ долженъ молча давать себя сосать и выносить на своемъ тощемъ тѣлѣ всѣхъ этихъ паразитовъ, ибо къ такимъ именно паразитамъ они и попадаютъ въ кабалу.

Спрашивается теперь, что тутъ можетъ сдѣлать еврейская печать, къ чему могутъ повести разныя изобличенія, указанія и т. д.? Разъяснять надо народу, говорить г. Ц., что онъ не обязанъ терпѣть отъ своихъ представителей. Но мы ясно видѣли, что онъ и самъ это хорошо понимаетъ, а еслибы и не понималъ, то и разъясненіе это ни къ чему не поведетъ. Отъ этого сознанія ему ничуть легче не станетъ, напротивъ, еще горше терпѣть при ясномъ сознаніи, что терпѣть *ты не обязанъ*, а между тѣмъ *дол-*

женъ терпѣть въ силу разныхъ обстоятельствъ. Къ несчастію, и это горькое сознаніе примѣшивается къ тяжелой долѣ еврейскаго массоваго человѣка.

Мы также видѣли, что не въ однихъ представителяхъ дѣло, что есть другое, коренное зло, пускающее столько гибельныхъ корней во всю жизнь еврейскаго бѣдняка, порождающее всю эту возмутительную систему эксплуатаціи.—И не надо однако же думать, что еврейская масса такъ уже совсѣмъ безропотно переноситъ все, что угодно надъ нею выдѣлывать разнымъ Деруновымъ. Въ каждомъ даже самомъ захолустномъ городкѣ всегда находится нѣсколько смѣльчаковъ, преимущественно среди ремесленниковъ, которые смѣло и безбоязненно выступаютъ противъ общественныхъ кровопійцъ, уличая ихъ публично, на площади, на базарѣ и въ си-нагогѣ, въ подлости и грабежѣ. Это такъ называемые «штутъ-шкупимъ» (дерзающіе за весь городъ), которые особенно бросаются въ глаза своею дѣятельною агитаціей передъ выборами и во время выборовъ. Наканунѣ большихъ праздниковъ ихъ можно видѣть шныряющими около рѣзняцъ, гдѣ бѣдныя женщины обливаются потомъ и кровью, пока добьются фунта костей на праздникъ. Они часто говорятъ пламенные рѣчи толпѣ, побуждая ее сбросить иго своихъ безсовѣстныхъ заправителей. Это люди, на которыхъ всѣ смотрятъ, какъ на отпѣтыхъ, ибо они совсѣмъ забываютъ свои личные интересы ради общественныхъ. И почти безъ исключенія эти смѣльчаки являются самыми горькими бѣдняками, которымъ за ихъ «дерзость» отказываютъ въ поддержкѣ.

Нерѣдко случается, что особенно женщины, выведенныя изъ терпѣнія дѣлѣмъ рядомъ грабежей, бросаются на дома представителей, выбиваютъ тамъ стекла, а иногда и самого представителя бьютъ.

Все это доказываетъ, что при всемъ горькомъ сознаніи безвыходности своего положенія, и масса часто выходитъ изъ терпѣнія, зная хорошо, что терпѣть она не обязана.

Но развѣ отъ всего этого можно ждать какихъ нибудь прочныхъ практическихъ результатовъ?

Большою также наивностью будетъ—думать, что оглашеніями и изобличеніями можно удержать и обуздать хищничество общественныхъ дѣателей. Еще какъ нибудь въ отдѣльныхъ случаяхъ

оно конечно можетъ оказать нравственнее давленіе, ибо еврей дѣйствительно очень чувствителенъ къ общественному мнѣнію, которымъ дорожить, хотя не всегда. Очень многіе изъ еврейскихъ Колупаевыхъ ужь на столько обрусѣли, что и имъ знакомо это широкое «наплевать», когда они чувствуютъ достаточную карманную силу, дающую у насъ всегда и законную силу.

Нѣтъ, одними обличеніями ничего или очень мало можно сдѣлать. Вѣдь еврейская жаргонная литература, самая полезная народу, ибо она для него самая доступная, этими изобличеніями занималась всегда довольно дѣлательно и энергично. Въ этой литературѣ есть очень много въ высшей степени талантливыхъ произведеній, посвященныхъ исключительно изобличенію общественныхъ золъ. Какъ на примѣръ, можно указать особенно на драматическія произведенія г. Аксенфельда и преимущественно на его прекрасную драму «урмурт», гдѣ онъ выставляетъ одного мученика общественныхъ интересовъ * и рельефно рисуетъ всѣ гнусности корбосодержателей и бѣдственныя ихъ послѣдствія для бѣднаго еврейскаго люда. Что же касается древне-еврейской литературы, то ее тоже нельзя обвинять въ пассивности къ этимъ вопросамъ. Можно особенно указать на превосходное произведеніе нашего лучшаго современнаго публициста и беллетриста, любимца еврей-

---

* Это, впрочемъ, не созданный, а дѣйствительно существовавшій герой, котораго публицистъ М. Г. Моргулисъ лично зналъ и о которомъ онъ говоритъ въ своей статьѣ о корбочномъ сборѣ въ VI книгѣ „Еврейской Библіотеки“.

Кромѣ драмъ г. Аксенфельда, можно еще указать на много жаргонныхъ произведеній, гдѣ съ большою силою бичуются разныя общественныя дѣтели и вообще жестокость къ бѣдному люду со стороны бессердечныхъ богачей. Я помню особенно замѣчательное „письмо съ того свѣта“, напечатаное въ издававшемся гг. Линецкимъ и Гольдфаденомъ „Исрулекѣ“. Письмо это принадлежало талантливому перу одного изъ редакторовъ и произвело такое потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, что о немъ говорили въ Одессѣ даже среди интеллигенціи, обыкновенно очень вадивно относящейся къ жаргонной литературѣ, которой она и знать не хочетъ. Послѣ этого письма „Исрулекъ“ исчезъ, какъ говорили тогда всѣ, по старанію нѣкоего туза, А. Б., котораго оно сильно задѣло, ибо въ купцѣ, доведшемъ своего приказчика до смерти (отъ этого послѣдняго и было письмо), онъ узналъ себя и свои дѣянія. Вообще рѣдко есть какая-нибудь жаргонная книжка, которая бы не трактовала о злодѣяствахъ содержателей корбочнаго сбора, непосредственно пьющихъ ведрами еврейскую кровь, а также и о другихъ общественныхъ представителяхъ.

ской публики, г. Лиленблума, именно на его сатиру *עובר לפר*, такъ что въ этомъ отношеніи особенно жаловаться нельзя.

Что касается русско-еврейской печати, то она дѣйствительно слишкомъ часто пренебрегала самыми важными вопросами внутренней еврейской жизни. Но она имѣетъ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что она была вызвана къ жизни именно для борьбы съ *внѣшнимъ* врагомъ, съ тупыми предрасудками противъ евреевъ, свирѣпствующими среди всѣхъ слоевъ русскаго общества. Этой борьбѣ и еще теперь наша русско-еврейская печать отводитъ слишкомъ много мѣста, хотя она замѣтно уже начинаетъ уступать новому давленію. И я думаю, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше она станетъ отдавать предпочтеніе разработкѣ вопросовъ внутренней еврейской жизни во всѣхъ ея сферахъ—духовной, матеріальной и экономической. Она должна убѣдиться наконецъ, что одного отраженія внѣшняго врага, если бы оно было даже вполне успѣшно, еще очень мало, если съ нимъ рядомъ не идетъ и внутреннее укрѣпленіе посредствомъ постепеннаго измѣненія многихъ тормозящихъ условій и освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ нашего національнаго бытія.

Мы перейдемъ теперь къ интеллигенціи, къ которой г. Ц. особенно взываетъ и отъ которой, по его мнѣнію, должно прійти все спасеніе для нашей массы. Нѣтъ ничего естественнѣе и законнѣе, какъ апеллировать къ развитой части общества при видѣ жестокихъ несправедливостей, которымъ подвергается цѣлый классъ людей.

Возмущающійся несправедливостью, самъ на столько справедливъ, на столько сочувствуетъ обиженному, что онъ противоположныя чувства и поступки другого считаетъ прямымъ слѣдствіемъ его невѣжества, влекущаго за собою, по его мнѣнію, всѣ пороки, и онъ увѣренъ, что всякій выдающій и понимающій также, какъ и онъ самъ, непременно также долженъ возмущаться даннымъ явленіемъ и бороться противъ него. Кто изъ насъ не переживалъ того періода, когда онъ считалъ окружающую его среду клоакой всѣхъ пороковъ и гнусностей и жилъ съ твердой, непоколебимой увѣренностью, что тамъ, дальше, за этой чертой ежедневныхъ уличныхъ молитвъ, разныхъ омовеній и другихъ обрядностей, тамъ, въ томъ волшебномъ мірѣ, гдѣ сидятъ безъ шапки, носятъ

платокъ въ субботу, не говорятъ длиннаго Вегу-Рахема и даже, можетъ быть, и короткаго, гдѣ стригутъ себѣ пейсы и спускаютъ панталоны сверхъ голенищъ и позволяютъ себѣ имѣть «щель позади» (т. е., разрѣзъ въ сюртукѣ)—что тамъ царствуютъ всѣ добродѣтели, а о порокахъ вовсе знать не знаютъ; что тамъ только можно встрѣтить равенство, братство, любовь; словомъ, что всѣ величайшіе идеалы человѣчества осуществились и ненарушимо торжествуютъ въ этой новой безпейсой Аркадіи. Эта твердая вѣра была такъ велика, что она даже сообщалась самымъ ярнымъ врагамъ этихъ добродѣтельныхъ безпейсныхъ пастушковъ, и сами ярые ортодоксы вѣрили въ честность людей со «щелью позади», въ прямодушіе «нѣмцевъ». Тѣ, которые вмѣстѣ со мною пережили этотъ періодъ, знаютъ хорошо, что я тутъ нисколько не преувеличиваю.

Это было, безспорно, чудное, прекрасное время, обаятельная, благоухающая весна просвѣщенія, первый медовый мѣсяцъ съ новой возлюбленной—знаніемъ; свѣтлое утро пробужденія отъ глубокаго, продолжительнаго сна, когда противавшему глаза виднѣлся вдали ясный лазуревый горизонтъ, откуда яркіе лучи поднимавшагося все выше солнца направлялись ему прямо въ лицо и ласкали своимъ теплымъ свѣтомъ.

Но послѣ этой прекрасной весны, поочередно наступили знойное, все сжигающее лѣто, ненастная, грязная осень и жестокая, суровая зима.

Новая же весна до сихъ поръ все не является.

Не смотря однако на всѣ эти пережитые суровые опыты, у многихъ до сихъ поръ еще сохранилась эта прежняя вѣра въ «нѣмца», теперь уже извѣстнаго подъ разными другими названіями, такъ какъ «щель» уже перестала быть его неотъемлемымъ признакомъ.

Разсмотримъ же поближе, насколько эта старая вѣра можетъ оправдаться, и чего именно должно ждать отъ «интеллигенціи». Я не безъ цѣли вызвалъ передъ читателемъ картину добраго стараго времени. Я этимъ хотѣлъ показать, какъ связь прежняго нѣмца съ теперешнимъ «интеллигентнымъ» евреемъ, такъ и то, что теперь еще, по старой доброй памяти, этого послѣдняго противопоставляютъ ортодоксу, т. е., человѣку съ бородою и пейсами, до сихъ поръ еще не утомившемуся читать свой безконечный «Вегу

Рахемъ», ибо онъ, какъ видно, еще нисколько не поколебался въ своей вѣрѣ, что Онъ — рахумъ (милосердѣ), такъ какъ другихъ рахумовъ онъ еще не встрѣтилъ нигдѣ.

Прежде всего подъ рубрику «интеллигентный» въ указанномъ смыслѣ подходятъ безспорно наши казенные раввины—люди, получившіе все-таки болѣе или менѣе систематическое образованіе въ раввинскихъ училищахъ. И какъ бы ни было недостаточно это образованіе, всякій согласится, что, рядомъ съ абсолютно-невѣжественнымъ въ свѣтскихъ наукахъ ортодоксомъ, окончившій раввинское училище можетъ считаться полнымъ представителемъ просвѣщенія. Но станетъ ли кто спорить, что эти раввины своимъ хищничествомъ превосходятъ всѣхъ невѣжественныхъ ортодоксовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Самъ г. Ц. первый въ этомъ согласенъ; такъ какъ съ благороднымъ негодованіемъ говорить объ этихъ грабителяхъ. Но я нахожу, что г. Ц. еще мало сказалъ о нихъ. Если уже говорить о язвахъ, то надо уже все говорить, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Да, дѣянія казенныхъ раввиновъ, за весьма рѣдкими исключеніями, далеко превосходятъ тѣ предѣлы, о которыхъ говоритъ г. Ц. Они не только являются безнравственными въ исполненіи своей должности, не только дерутъ, какъ должностныя лица, но весьма часто являются даже ростовщиками и эксплуататорами и въ частной сферѣ, гдѣ они однако сильнѣе другихъ—благодаря своей должности.

Пуская читатель не говорить о преувеличеніяхъ. Я лично знаю около десяти раввиновъ, въ числѣ которыхъ есть и очень парадный нѣмецкій раввинъ—и между ними я нашелъ всего одного честнаго человѣка. За то въ числѣ этихъ раввиновъ есть три ростовщика самаго мелкаго пошиба.

Неужели же я такъ несчастенъ, что мнѣ все приходится наталкиваться на негодяевъ и рѣдко на честнаго человѣка! Не думаю, чтобы это было простою случайностью.

Надо обратить вниманіе на то, что многіе изъ знакомыхъ мнѣ раввиновъ имѣли возможность практиковать свои добродѣтели въ самыхъ крупныхъ городахъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Одессѣ, а не гдѣ нибудь въ захолустѣ, гдѣ нѣтъ контроля. Тамъ же, въ этихъ послѣднихъ пунктахъ, они просто чудеса выдѣлываютъ и даже доносы пишутъ на свою милую паству. Одинъ, напримѣръ,

раввинъ просилъ у губернатора «полномочія», въ виду того, что онъ будто бы предвидитъ большое количество уклоненій отъ воинской повинности въ томъ году. Полномочія не получилось, а уклоненій не было, какъ ихъ никогда не бываетъ въ томъ городкѣ. «Полномочіемъ» же раввинъ думалъ «вязать и разрѣшать» за извѣстную сумму. Тотъ же раввинъ регулярно дѣлалъ и, вѣроятно, еще и понынѣ дѣлаетъ набѣги вмѣстѣ съ приставомъ на деревни въ мѣсяцъ зулуъ, такъ какъ евреи совершаютъ въ этотъ періодъ времени ужасныя беззаконія: молятся и плачутъ о своемъ безисходномъ горѣ безъ разрѣшенія квартального. Онъ старается попасть какъ разъ наканунѣ Рошъ-Гашаны или Йомъ-Кипура, когда уже деревенскому люду нѣтъ никакой возможности собраться въ городъ, и тогда деретъ, сколько ему вздумается, и дѣлится съ официальнымъ представителемъ русскаго закона.

Нѣкоторые раввины соглашаются «терпѣть» цадиковъ за извѣстное годовое вознагражденіе и, кромѣ того, еще устраиваютъ экстраординарные поборы съ нихъ, для чего совершаютъ частые набѣги. Словомъ, это самыя настоящіе басваки.

Одинъ раввинъ, занимавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и адвокатурой, устроилъ такую сдѣлку съ цадикомъ. Онъ отмѣняетъ свою угрозу донести на этого цадика, позволить ему безпрепятственно снимать оставшуюся послѣ его собственной стрижки шерсть съ своего стада, съ однимъ условіемъ: цадикъ долженъ, по возвращеніи въ свою резиденцію, разглашать славу а—скаго адвоката (дѣло происходило въ городкѣ А—вѣ) и рекомендовать его всѣмъ поклонникамъ *. Поставьте, любезный читатель, рядомъ съ этимъ «интеллигентнымъ» бандитомъ всѣхъ невѣжественныхъ духовныхъ нашихъ раввиновъ, которыхъ называютъ «хищными волками», поставьте рядомъ этого «свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ» вольнодумца и упорнаго, «закоренѣлаго въ своемъ фанатизмѣ» раввина-обскуранта—сравните и судите.

---

* Господа раввины, которые узнаютъ себя въ описаніяхъ, должны помнить, что:

Judex ergo quum sedebit
Quidquid latet, ad parebit
Nihil multum remanebit.

Нѣтъ, настоящіе хищные волки суть именно многопросвѣщенные равнины, и къ этимъ послѣднимъ вполне подходятъ пламенные слова пророка Іезекіиля: «О, горе пастухамъ Израиля! Не они овецъ пасли, а сами паслись овцами. Жиръ ихъ они сожрали, шерстью ихъ одѣлись, все, что было лучшаго, они зарѣзали. Овецъ же они не пасли, слабыхъ изъ нихъ не укрѣпили, больныхъ не лечили, раненныхъ не перевязывали, заблудшихъ не возвращали, потерявшихся не отыскивали и только жестоко надъ ними владичествовали и отягчали ихъ. И разсѣялись они повсюду и стали добычею всѣхъ хищныхъ звѣрей»...

Достоинъ особенно вниманія одинъ поразительный фактъ. Всѣмъ извѣстно, что просвѣтительное движеніе и борьба противъ него стараго направленія до сихъ поръ продолжаютъ почти вездѣ еще среди еврейства, исключая очень ограниченное число районовъ. И вотъ мы не знаемъ ни одного почти случая, чтобы казенный раввинъ сталъ во главѣ этого движенія и, вообще, служилъ центромъ, вокругъ котораго группировалось бы все, стремящееся къ новой жизни. А между тѣмъ, что было бы естественнѣе, какъ руководство передовымъ движеніемъ со стороны человѣка, являющагося очень часто самымъ образованнымъ, если не единственнымъ образованнымъ въ своей сферѣ. Эти господа «казенные» никогда не идутъ противъ теченія. О томъ же, чтобы они выступили въ защиту ограбленной массы, и рѣчи быть не можетъ. Даже лучшіе и честнѣйшіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи остаются пассивными, ибо боятся нажать себѣ враговъ среди сильныхъ. Но хотъ бы оставались они пассивными всегда—и за то имъ можно бы быть благодарными. Къ несчастію, они всегда активно помогаютъ и поддерживаютъ высасывателей народной крови, съ которыми всегда идутъ рука объ руку. Если же случается, что они когда нибудь заигрываютъ съ массой, то это показываетъ только, что они въ данномъ случаѣ чувствуютъ въ ней могущественную выборную силу. Впрочемъ, и это заигрываніе никогда не выражается какимъ нибудь крупнымъ актомъ отстаиванія ея интересовъ, а въ большинствѣ случаевъ сводится къ опанванію самыхъ бурныхъ элементовъ въ средѣ ремесленниковъ, которыхъ доводятъ изобильной выпивкой до неспособности различать между

Мордехаемъ и Гаманомъ, и которые потому поддерживаютъ и благословляютъ послѣдняго.

Но и помимо казенныхъ раввиновъ, среди евреевъ, особенно въ послѣднее время, даже въ глуши есть не мало образованныхъ людей, среди кучества, выписывающихъ либеральные журналы и газеты отрекшихся отъ всякихъ еврейскихъ обрядностей и живущихъ вполне «европейцами». Люди эти, къ тому, въ большинствѣ случаевъ, очень состоятельные, часто же это даже крупные богачи. И тутъ никто не станетъ спорить, что, какъ бы ни было недостаточно образование этихъ господъ, они все-таки, рядомъ съ незнакомымъ даже съ русской грамотой ортодоксомъ, являются людьми, сравнительно, очень развитыми и передовыми, нестѣсненными никакими предрассудками, ни религиозными, ни национальными. Этотъ классъ людей часто является дѣйствительно начитаннымъ, съ которымъ можете даже съ удовольствіемъ разсуждать о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Ужь, кажется, кого противоставить закоренѣлымъ фанатикамъ, какъ не этихъ европейцевъ! И кому, если не имъ, выступать въ защиту бѣднаго люда, тѣмъ болѣе, что, въ большинствѣ случаевъ, это—все отчаянные либералы! Если казенный раввинъ является человѣкомъ подневольнымъ, зависающимъ отъ денежныхъ людей, то эти господа въ этомъ отношеніи совершенно вольные и независимые люди. И эти «европейцы», дѣйствительно, не отказались бы выступить въ защиту угнетенныхъ и обираемыхъ. Только одно обстоятельство ихъ останавливаетъ,—то, что если всѣ эти «угнетенные братья» перестанутъ быть предметомъ обдиранія и выжимательства, то вѣдь тогда ихъ европеизму, прійдетъ конецъ. Что станетъ тогда съ богатыми салонами, фортепианами, либеральными журналами и прочими принадлежностями истиннаго просвѣщенія и прогресса! И вотъ, конечно, «послѣ долгой внутренней борьбы» (какъ же безъ этого у культурнаго человѣка), либеральные европейцы рѣшаютъ, что уже лучше миллиону-другому «еврейчиковъ» въ теченіе короткаго періода своего земнаго странствія отказываться отъ нѣкоторыхъ жизненныхъ удобствъ, въ родѣ мяса, хлѣба, теплой и сухой квартиры и тому подобныхъ суетныхъ вещей, чѣмъ давать гибнуть прогрессу. Шутка ли—прогрессъ! Вѣдь онъ обнимаетъ весь міръ. И что значить рядомъ съ нимъ, два-три милліона гибнущихъ

съ голоду евреевъ. Какое человѣческое движеніе обходится безъ жертвъ!

Потерните же малость, голые, дрежащія отъ голоду и холоду братья наши (о, вы—наши братья, мы отъ васъ не отречаемся), потерните же малость въ своихъ конурахъ безъ крышъ, съ на-свѣозъ промокшими стѣнами. Прогрессъ захватываетъ все больше и больше пространства, и еще три, четыре вѣка, и всѣ люди будутъ жить счастливо. Надо только упорно терпѣть и переносить всѣ лишенія во имя будущаго освобожденія... И наша жизнь не сладка, и мы часто льемъ горькія слезы надъ чтеніемъ «Нава»...

Да, что касается выжиманія бѣднаго еврейскаго люда, то наши любезнѣйшіе «европейцы» не только не уступаютъ пейсатымъ фашистамъ, но далеко ихъ превосходятъ въ этомъ отношеніи. Да оно и понятно. Сравните потребности противника прогресса съ потребностями его пламенныхъ адептовъ въ лицѣ нашихъ еврейскихъ культурныхъ Колупаевыхъ, и вы увидите, что они превосходятъ въ десятки и сотни разъ потребности перваго. Что же касается нравственной щекотливости, то она у послѣднихъ если не гораздо слабѣе, то уже далеко не сильнѣе, чѣмъ у перваго, т. е. у ортодокса.

Живодеръ-ортодоксъ все-таки, что называется, имѣетъ Бога въ сердцѣ, и если не всегда, то все-таки, сравнительно часто, его религиозное чувство и его *еврейское* сердце удерживаетъ его отъ уже слишкомъ крупныхъ несправедливостей. Онъ, кромѣ того, ближе къ положенію имъ избираемаго, стоитъ съ нимъ болѣе или менѣе въ условіяхъ равенства, ибо онъ все-таки знаетъ, что евреи всѣ равны, всѣ братья. Въ случаѣ, когда онъ это уже слишкомъ забываетъ, обиженный не побоялся это ему напомнить. При очень уже крупномъ грабѣжѣ ортодоксальнаго или «простаго» еврея, обиженный кинется къ обидчику въ домъ съ женою и дѣтьми и станетъ ему дѣлать указанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Ребъ Мойше, что вы со мною дѣлаете, хотите меня зарѣзать съ женою и дѣтьми! Или вы не еврей, и у васъ нѣтъ Бога въ сердцѣ? Не забудьте, что мы всѣ имѣемъ одного Бога, который судить справедливо, который все видитъ. Онъ и мои горькія слезы увидитъ, и всѣ ваши дѣянія будутъ вамъ засчитаны и припомнятся вамъ въ

день суда. Мы всё у Бога въ рукахъ, и кто знаетъ, кому принадлежить завтрашній день!»

И отъ этихъ словъ ребъ Мойше, какъ бы ни были велики его жадные инстинкты, ужаснется и остановится. Если же онъ самъ уже на столько жестокъ, что все это на него не подействуетъ, что почти невозможно допустить, то присутствующая при этомъ жена уже не дастъ ему покою ни днёмъ, ни ночью, пока онъ не уступитъ. Кроме того, некультурный еврей-кулакъ еще сохранитъ множество предубѣждений и предрассудковъ, не позволяющихъ ему перейти извѣстныхъ границы. Онъ, напр., остановится съ ужасомъ передъ мыслию о томъ, чтобы «отнять у еврея кусокъ хлѣба», «оторвать еврея отъ парнуса». Советить другое дѣло прогрессистъ-европеецъ, который, какъ человекъ передовой и просвѣщенный, смѣется надъ всѣми этими глупыми предрассудками. Его не устраситъ судомъ Господнимъ и карами небесными. Да съ нимъ и не дойдешь до какихъ бы то ни было объясненій. Онъ слишкомъ высоко стоитъ надъ всей этой невѣжественной массою рабовъ, чтобы позволить всякому голодному оборвышу препираться съ нимъ. И если ограбленный бѣднякъ уже слишкомъ забудется, то дальше передней его протестъ не пойдетъ, да и тамъ уймуть его подзатыльники кучера или дворника. И въ то время, какъ обѣдъ или сонъ ребъ Мойше или ребъ Нухима могутъ быть совершенно разстроены ворвавшимся вдругъ безъ всякихъ церемоній голякомъ, потерявшимъ наконецъ всякую силу терпѣть—Абрамы Мироновичи и Мирони Абрамовичи преспокойно пожираютъ и перевариваютъ чужую кровь за чтеніемъ либеральныхъ газетъ и журналовъ и за еще болѣе либеральной бесѣдой о великомъ шествіи прогресса. И такъ какъ это шествіе прогресса чегонибудь да стоитъ, то тамъ, гдѣ разные ребъ Мойше сдерутъ рубль, Абрамы Мироновичи ихъ сдерутъ цѣлую сотню и даже тысячу, и тамъ, гдѣ ребъ Нухимы выпьютъ нѣсколько капель крови своего ближняго, Мирони Абрамовичи его сожрутъ съ костями. Да и какъ тутъ быть иначе, когда гардины надъ каждымъ окномъ стоятъ Мирону Абрамовичу по двѣсти рублей, а меблировка салона въ десять тысячъ обходится, между тѣмъ какъ у ребъ Нухима вся-то мебель состоитъ изъ ларя, деревяннаго некрашеннаго стола и такихъ же стульевъ. Ребъ Нухимъ возьметъ для своей до-

черя въ мушья вѣложинскаго ошиботника, которому много, много дасть пятьсотъ—тысячу рублей, Миронъ же Абрамовичъ возьметъ для той же цѣли доктора или юриста, которому дѣна—отъ десяти до тридцати тысячъ.

Вотъ къ чему сводится вся разница между кровопийцей—ортодоксомъ и кровопийцей—прогрессистомъ.

Нельзя однако, разъ заговоривъ объ этомъ крайне уродливомъ явленіи, обойти его безъ нѣкотораго хоть разъясненія.

Я здѣсь не могу касаться общихъ причинъ, почему рядомъ съ развитіемъ у насъ нѣкоторой культуры стали развиваться въ несравненно большей степени самыя грубые шкурныя инстинкты. Это — явленіе слишкомъ обширное и слишкомъ коренится въ общемъ ходѣ европейской цивилизаціи, въ общемъ строѣ государственной и общественной жизни, чтобы здѣсь о немъ говорить. Я только хочу указать на то обстоятельство, почему *наши* «европейцы» не сдѣлали никакихъ приобрѣтеній въ области нравственности. Я нахожу причину этого печальнаго явленія въ самомъ ходѣ нашего еврейскаго просвѣщенія, которое въ самомъ началѣ своего зарожденія является только *антирелигіознымъ*, *антиобрядовымъ*, между тѣмъ какъ всѣ другія стороны жизни были совершенно оставлены безъ вниманія. Всѣ громы нашихъ первыхъ просвѣтителей направлялись только противъ религіозныхъ предрассудковъ, противъ внѣшностей въ родѣ ношенія ермошки, длиннаго капота, пейсовъ и т. д. Идеаломъ же являлось все противоположное этимъ внѣшнимъ формамъ. Отказаться же отъ внѣшности не особенно трудно или дѣйствительно развитому человѣку, или людямъ легкомысленнымъ, поверхностнымъ, для которыхъ эта внѣшность ни съ тѣмъ внутреннимъ не связана и не является никакимъ выраженіемъ болѣе глубокихъ духовныхъ сторонъ ихъ жизни, вовсе имъ не знакомыхъ. Отказаться же отъ того, чѣмъ нисколько не дорожишь, да еще къ тому попасть въ прогрессиста и даже въ борца и героя — это уже совсѣмъ заманчиво, и можетъ вскружить голову хоть кому. И вотъ среди очень небольшого числа съ истинно просвѣщенными взглядами и искренними стремленіями къ образованію, очутилась огромная масса самыхъ скверныхъ элементовъ, которые однако считаютъ себя куда выше всей еврейской массы, на которую смотрѣли не только свысока и

съ презрѣніемъ, но и крайне враждебно. Остригши деиен в бороду, укоротивъ скротуку, они уже *eo ipso* стали причисляться къ «нѣмцамъ» и «москалямъ» (просвѣщеннымъ); между тѣмъ какъ въ сущности оставались грубѣйшими невѣждами и во всѣхъ отношеніяхъ стояли куда ниже самаго фанатичнаго ортодокса. Обросивъ яго религіи и общественнаго мнѣнія и не пріобрѣвши ничего взамѣнъ всего этого, эти безпечные прогрессисты не знали больше никакихъ границъ для своихъ животныхъ инстинктовъ, которымъ и дали полную волю, такъ какъ по ихъ понятіямъ прогрессъ и просвѣщеніе сводились къ слѣдующему простѣйшему выраженію: нѣтъ ничего запрещеннаго, все можно. Да и какъ имъ было понять иначе этотъ прогрессъ, когда они видѣли, что представители этого послѣдняго объявили непримиримую войну этому страшному «нельзя»!

«Его—все можно» заключили новые адепты просвѣщенія. И вотъ, съ одной стороны, волчій аппетитъ, все болѣе и болѣе разгорающийся по мѣрѣ вкушенія сладости «прогресса», и не ограждаемый никакой совѣстью, никакой ни нравственностью, ни религією; съ другой—«фанатическая» масса еврейская, презираемая новоиспеченнымъ «нѣмцемъ» за ея предразсудки, за ея страсть къ соблюденію религіозныхъ предписаній. Какже не сосать этихъ враговъ просвѣщенія, какъ не заставлятъ ихъ отдавать всѣ свои крохи жрецамъ свѣта, апостоламъ истины! Вѣдь это—просто святое дѣло. Легко понять, какіе страшные результаты все это должно было дать. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ несчастная масса дѣлается все больше и больше жертвою этихъ ненасытныхъ кровопійцъ, которые къ тому и во многихъ другихъ отношеніяхъ пакостятъ и вредятъ ей всевозможными способами. Цинизмъ этихъ пошляковъ часто доходилъ до того, что самымъ лучшимъ наслажденіемъ многихъ изъ нихъ было—какъ можно больше оскорблять религіозное чувство евреевъ. Одинъ явится въ Іомъ-Кинуръ передъ синагогой верхомъ и съ сигарой во рту; другой во время еврейской Пасхи откроетъ всѣ свои окна и двери, чтобы показать, что у него за столомъ хлѣбъ и свинина. Одинъ даже накормилъ цѣлый уѣздъ свиннымъ саломъ, которое всѣмъ продавалъ, какъ гусиное сало. Я уже не говорю о томъ, какъ они чернили евреевъ передъ всякими «панами», передъ которыми сгибались въ

семь погибелей, заискивая ихъ милости и дружбы, клеветца въ угоду имъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти на еврейскую массу.

Вотъ этотъ-то типъ прогрессистовъ и выродился въ современныхъ намъ европейцевъ. Онъ же оставилъ и много другихъ неизгладимыхъ слѣдовъ въ нашей еврейской жизни. Но больше всего ихъ просвѣтительная дѣятельность обнаружилась въ окончательномъ разореніи нашей несчастной массы, которой кровь они продолжаютъ пить цѣлыми ведрами. Такова въ общихъ чертахъ исторія происхожденія нашихъ Деруновыхъ, на разорительную дѣятельность которыхъ не мало вліяли примѣры настоящихъ Деруновыхъ. Кто не знаетъ, что при возникновеніи нашего просвѣщенія образцомъ и идеаломъ всѣхъ стремленій былъ Иванъ? Кто не помнитъ этой стереотипной фразы нашихъ первыхъ просвѣтителей: вотъ посмотрите, какъ у Ивана: вѣдь у него просто тануть (наслажденіе). Такъ какъ еврейскій Иванъ былъ извѣстенъ своими первобытными нравами, то этотъ Ивановскій тануть большинствомъ былъ понять, какъ свобода отъ всякихъ обязанностей, прежде всего религіозныхъ, а потомъ уже нравственныхъ. И вотъ, величайшимъ честолюбіемъ для многихъ стало—достигнуть того совершенства, какаго достигъ и Иванъ, это идеальное воплощеніе всевозможныхъ свободъ.

Здѣсь не мѣсто больше распространяться объ этомъ крайне интересномъ явленіи, которое стоитъ того, чтобы стать предметомъ спеціальнаго изученія, какъ одна изъ самыхъ выдающихся чертъ нашего просвѣтительнаго движенія, давшая этому послѣднему своеобразную окраску и направленіе *.

БЕНЬ-АМИ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* Намъ, кажется однако, что авторъ уже чрезъ чуръ обобщаетъ тѣ единичныя явленія, которыя онъ наблюдалъ въ той средѣ, которую онъ называетъ интеллигенціей. На сколько общеизвѣстныя факты свидѣлствуютъ, слѣдуетъ, напротивъ, думать, что по отношенію къ выжиманію бѣднаго класса еврейскаго населенія, наши ортодоксы, вѣрныя наши фанатики и ханжи, куда какъ далеко оставляютъ за собою не только дѣйствительно образованныхъ, но даже и полуобразованныхъ. Гораздо дѣльнѣе предложенія автора, которыя появляются въ слѣдующей книжкѣ.

Ред.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ЕвРЕЕВЪ.

Наше время не только разрабатываетъ и усовершенствуетъ тѣ науки, которыми занимались въ древнее время и средніе вѣка, но создало нѣсколько и совершенно новыхъ наукъ, такихъ, о какихъ ученымъ прежней поры и не снилось. Самыя молодыя изъ этихъ наукъ статистика и изслѣдованіе сказокъ и легендъ—двѣ, столь противоположныя, даже повидимому враждебныя другъ другу области знанія. Съ одной стороны сухія, неумолимыя цифры, съ другой—яркія, воздушныя созданія фантазіи. Тамъ все считаютъ, мѣряютъ и взвѣшиваютъ, здѣсь все расплывается въ неосязаемыхъ и неизмѣряемыхъ фантастическихъ образахъ. Медленно, почти не отрываясь отъ земли, подвигается впередъ осторожная статистика; смѣло паритъ вверхъ, проносится по разнымъ странамъ и вѣкамъ, на волшебномъ конѣ воображенія, изслѣдованіе сказочнаго міра...

Одна изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ задачъ такого изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы прослѣдить путь сказки отъ народа къ народу, отъ столѣтія въ столѣтіе. Но рѣдко удается ему опредѣлить такой путь съ точностью и вѣрностью, потому что сказка любитъ путешествовать инкогнито, какъ важный господинъ, и принимаетъ языкъ, одежду и нравы туземцевъ той страны, гдѣ ей заблагоравсудится остановиться.

Поэтому изслѣдователю часто приходится ограничиваться констатированіемъ существованія одной и той же сказки въ различныхъ мѣстахъ, или, при устраненіи всего наноснаго, установленіемъ тождества двухъ, мало похожихъ одна на другую, сказокъ,

не имѣя при этомъ однако возможности сказать, какая изъ нихъ первобытнѣе и какимъ путемъ она перешла изъ Азіи въ Европу или изъ Европы въ Азію.

Такия трудности представляетъ въ особенно значительной степени недавно попавшее мнѣ въ руки собраніе еврейскихъ сказокъ изъ Палестины. Это—крайне любопытная маленькая книжка на еврейскомъ языкѣ, нѣчто въ родѣ «Бедекера» для еврейскихъ путешественниковъ въ Палестину, десятую главу которой и составляютъ эти сказки, подъ заглавіемъ: «Преданія страны» *.

Въ средніе вѣка евреи, какъ извѣстно, очень много способствовали распространенію сказокъ, басенъ и притчъ. Благодаря евреямъ, познакомилась Европа съ двумя индійскими сборниками рассказовъ «Калида» и «Димно» и сочиненіемъ «Семь Мудрецовъ»; Петръ Альфонсъ, крещенный арагонскій еврей, перевелъ арабскіе рассказы на латинскій языкъ, а въ еврейскихъ комментаріяхъ на библію, относящихся къ ранней порѣ среднихъ вѣковъ, находимъ мы повѣствованія, напоминающія исторію Гризельды и легенду о вейнсбергскихъ женщинахъ. Одинъ изъ современныхъ писателей прямо говоритъ, что евреи, наряду съ арабами, были главными распространителями этой области литературы въ Европѣ **. Но евреи не только переводили на еврейскій и латинскій языкъ арабскія оригинальныя произведенія и арабскіе же переводы, но и кромѣ того, странствуя всюду сами, какъ странствуетъ сказка, распространили многое передачею устною. При этомъ они въ свою очередь заимствовали для себя не мало у европейскихъ народовъ, и большая часть сказочной сокровищницы нѣмцевъ существуетъ до сихъ поръ у польскихъ евреевъ на ихъ туземномъ діалектѣ. Поэтому, встрѣчаясь теперь съ этимъ собраніемъ палестинскихъ сказокъ и легендъ, мы тотчасъ же задаемъ себѣ вопросъ: «Что тутъ истинно восточнаго или специально еврейскаго, и что занесено евреями изъ Польши и Россіи, Испаніи и Португаліи

* Schaare Jernschelaim соч. М. Рейшера.

** «Le peuple cosmopolite par excellence et le seul qui le fut au moyen-âge; orientaux eux-mêmes d'esprit et de tradition, qui seuls savaient l'arabe et qui seuls pouvaient le traduire en latin. (Montaignon, Recueil général et complet des fables. Paris. 1872).

или другихъ странъ, и принаровлено къ мѣстнымъ нравамъ и традиціямъ?»

Къ сожалѣнію, г. Рейшеръ передаетъ намъ сказки на своемъ ново-еврейскомъ нарѣчій, въ которомъ кромѣ того встрѣчается много галлицизмовъ. Передай онъ намъ эти рассказы въ томъ видѣ, какъ слышалъ ихъ изъ устъ народа—на польско-нѣмецко-еврейскомъ діалектѣ или на lingua franca потомковъ изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ, которые, по свидѣтельству историка испанской литературы, до сихъ поръ еще говорятъ на языкѣ Альфонса Мудраго *—мы получили бы тогда точку опоры для опредѣленія источника этихъ произведеній.

Но такъ какъ г. Рейшеръ этого не сдѣлалъ, то осторожный и добросовѣстный изслѣдователь поколеблется дать положительный отвѣтъ на вышеприведенные вопросы. Онъ долженъ ограничиться указаніемъ на то, что есть въ этихъ рассказахъ схожаго съ европейскими, т. е. христіанскими, легендами и сказками, и только касательно нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣшиться высказать догадку о ихъ происхожденіи.

Но сказки эти такъ интересны и пересказаны такъ прекрасно, что я считаю нужнымъ привести здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ нихъ, будучи убѣжденъ, что доставлю этимъ удовольствіе даже не специалистамъ-читателямъ; при этомъ, надѣюсь, не будутъ сочтены лишними и мои краткія замѣчанія.

Въ четвертой сказкѣ повѣствуется о богатомъ молодомъ купцѣ изъ Іерусалима, который, странствуя по свѣту, заѣхалъ между прочимъ и въ Константинополь. Тамъ на площади увидѣлъ онъ повѣшенный желѣзный сундукъ, который охранялся часовымъ. На вопросъ его, подкрѣпленный взяткою, ему сообщили, что тутъ находится трупъ придворнаго казначея, еврея, который былъ обвиненъ своими врагами въ утайкѣ казенныхъ суммъ. Такъ какъ онъ, не смотря на то, что былъ человекъ честный, не могъ предста-

---

* На счетъ этого языка, до сихъ поръ употребляемаго евреями въ Турціи и кое-гдѣ такъ называемыми турецкими евреями въ Вѣнѣ, Паскаль де Гапангосъ, въ добавленіяхъ къ своему переводу Тихоновой „Исторіи испанской литературы“, говоритъ: «Въ Константинополѣ выходитъ въ настоящее время журналъ: «Aog Ivaël» на испанскомъ языкѣ, печатающійся еврейскимъ шрифтомъ, который по своему стилю могъ бы издаваться во времена Альфонса Мудраго.

вить отчетъ въ своемъ двадцатилѣтнемъ управленіи дѣлами, то султанъ приказалъ его казнить, и выставивъ всенародно въ сундукѣ, держать тутъ до тѣхъ поръ, пока евреи не выплатятъ ту громадную сумму, въ израсходованіи которой отчетъ не былъ имъ представленъ. Молодой путешественникъ счелъ за самое лучшее удовлетворить этому требованію турецкаго казначейства и вслѣдъ затѣмъ устроилъ для освобожденнаго трупа торжественныя похороны, на которыя, по приказанію султана, явились всѣ жители Константинополя. Спустя много времени, молодой человекъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и былъ выброшенъ волнами на голый скалистый берегъ. Ему уже представлялась неизбѣжною смерть отъ голода, когда появился колоссальный бѣлый орелъ, посадившій его на себя и въ нѣсколько минутъ перенесшій его въ Иерусалимъ. Въ слѣдующую затѣмъ ночь явился къ нему духъ нѣкогда освобожденнаго и погребеннаго имъ придворнаго казначея, объявившій, что это онъ былъ тотъ бѣлый орелъ, который перенесъ его черезъ море, и пообѣщавшій своему избавителю, что на томъ свѣтѣ онъ получитъ еще болѣе блистательную награду.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма распространенною сказкою «о благодарномъ мертвецѣ», которую изслѣдуетъ К. Зимрокъ въ своемъ сочиненіи: «Добрый Герардъ и благодарные мертвецы» (Боннъ, 1856 г.). Древнее суевѣріе представляло себѣ непогребенныхъ покойниковъ блуждающими на чужбинѣ существами, которыя могли только въ могилѣ найти себѣ спокойную родину. Погребеніе мертвыхъ и освобожденіе заключенныхъ въ тюрьмѣ принадлежали къ тѣмъ добрымъ дѣламъ, награда за которыя начинала получаться отчасти уже въ земной жизни. Въ еврейскомъ молитвенникѣ перечисляются различныя добрыя дѣянія, проценты съ которыхъ получаютъ уже въ этомъ мірѣ, капиталъ же будетъ выплаченъ только на томъ свѣтѣ; въ немъ принадлежатъ между прочимъ—гостепримство, ухаживаніе за больными и участіе въ похоронахъ. Поэтому вышеприведенная сказка, очень похожая на нѣмецкую «благодарность мертвеца» не можетъ быть признаваема за оригинально-еврейскую. Нѣтъ въ Европѣ народа, у котораго не встрѣчались бы одинъ или нѣсколько вариантовъ ея; кажется, она была извѣстна даже въ древности, судя по тому, что въ одной греческой эпиграммѣ говорится:

«Того мертвеца, котораго Симонидъ Косскій нашелъ здѣсь убитымъ и непогребеннымъ, положили онъ въ гробъ. За это благочестивое дѣло мертвецъ оказалъ благодарность ему, живому, предостерегши его во снѣ отъ печальной участи, грозившей кораблю, на которомъ онъ намѣревался пуститься въ путь».

Въ формѣ историческаго анекдота встрѣчается эта сказка въ Польшѣ. По разсказу Эдуарда Рачинскаго въ его примѣчаніяхъ къ письмамъ короля Яна Собѣскаго, великій маршалъ королевства Польскаго, князь Станиславъ Любомирскій, началъ было писать сочиненіе противъ безсмертія души. Но однажды онъ встрѣилъ непогребенный трупъ одной женщины и похоронилъ его на свой счетъ. Въ слѣдующую ночь благодарный духъ атой женщины явился къ нему и неопровержимо доказалъ безсмертіе души, вслѣдствіе чего маршалъ оставилъ начатое сочиненіе неоконченнымъ. Сказка сопрягается здѣсь съ обширнымъ цикломъ легендъ о сообщеніяхъ и предостереженіяхъ, получаемыхъ изъ загробнаго міра—легендъ, любопытный образецъ которыхъ представляеть вамъ девятнадцатая сказка въ сборникѣ Рейшера.

Къ неменѣ широкому циклу—сказаній о чудесныхъ поѣздкахъ—принадлежитъ сказка десятая:

Сто двадцать лѣтъ назадъ іерусалимскіе евреи отправили одного набожнаго раввина въ Европу для сбора пожертвованій. Такъ какъ ему приходилось совершать путь по пустынѣ дѣльныхъ двѣнадцать дней, а въ субботу онъ ѣздить не хотѣлъ, то онъ заключилъ съ начальникомъ каравана условіе, что въ субботу они будутъ отдыхать. Начальникъ потребовалъ за это и получалъ впередъ дополнительную плату; когда же наступилъ вечеръ пятницы, онъ не захотѣлъ сдержать данное слово и объявилъ, что долженъ ѣхать дальше. Тутъ нашъ бѣдный раввинъ очутился въ большомъ затрудненіи: нарушить ли ему святость субботы ѣздомъ, или остаться одному въ пустынѣ? Послѣ нѣкотораго размышленія сообразилъ онъ, что оставаясь одинъ въ степи, онъ рискуеть только быть пожраннымъ дикими звѣрьми и лишиться земной жизни, тогда какъ оскверненіе субботы повлечетъ за собой несомнѣнно погибель его душевнаго спасенія. Поэтому онъ рѣшился остаться, слѣзъ съ мула, взялъ свой узелокъ и предоставилъ каравану двинуться въ дорогу.

Из спутниковъ его одни смѣлились надъ нимъ, другіе жалѣли о немъ, всѣ были убѣждены, что онъ человекъ погибшій.

Но успѣлъ раввинъ окончить свою вечернюю молитву и свой скромный ужинъ, какъ передъ нимъ явился страшный левъ. Набожный старикъ сперва испугался, но скоро успокоился, увидѣвъ, какъ вѣжливо и дружелюбно левъ обошелся съ нимъ. Весь субботній день провелъ онъ въ сообществѣ царя пустыни, и когда наступила ночь, левъ сталъ приглашать его къ себѣ на спину такими пріятными и выразительными движеніями, что раввинъ рѣшился, взобрался на него и крѣпко ухватился за гриву. Добродушный левъ нагрузилъ себя и багажомъ своего пріятели и затѣмъ пустился въ путь. Галлономъ понесся онъ по пустынѣ, сопровождаемый двумя гонимъ и другихъ звѣрей; но они не осмѣливались приблизиться къ своему повелителю—и въ воскресенье на рассвѣтѣ левъ и его всадникъ нагнали караванъ. Левъ опустился на землю, для того, чтобы раввинъ могъ удобно сойти съ него, послѣ того испустилъ радостное рычаніе, ударилъ хвостомъ по степному песку и помчался обратно, не ожидая благодарности раввина, у котораго испуганный начальникъ каравана сталъ униженно просить прощенія. Съ тѣхъ поръ набожнаго старика прозвали Ариелемъ (левъ божій), и его потомки, до сихъ поръ сохранившіе это названіе, составляютъ одно изъ почетнѣйшихъ семействъ въ Іерусалимѣ.

Цезарь Гейстербахъ, монахъ 13-го столѣтія, рассказываетъ въ своемъ *Dialogus Miraculorum* объ одномъ *христіанскомъ* пилигримѣ, который не хотѣлъ пуститься въ дорогу изъ Іерусалима къ себѣ на родину въ первый день Пасхи, чтобы не пропустить богослуженія. Когда же на слѣдующій день онъ отправился одинъ, то передъ нимъ появился незнакомецъ почтенной наружности, который посадилъ его къ себѣ на лошадь и въ одинъ день доставилъ его изъ Іерусалима домой—въ окрестности Люттиха. Такимъ образомъ путешествіе совершилось еще быстрѣе, чѣмъ на львѣ, и можно почти подумать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ іерусалимскою мѣстною легендой.

Но мнѣ кажется, что эта сказка—еврейскаго происхожденія, такъ какъ ѣздить въ субботу или праздники считается большимъ грѣхомъ только у евреевъ. Притомъ же уже въ талмудѣ расска-

зывается подобный случай. Тутъ передъ нами цѣлый сонмъ раввиновъ, которыхъ демонъ, конечно по приказанію свыше, уноситъ по воздуху, къ величайшему негодованію императора Діоклетиана, желавшаго казнить ихъ за неповиновеніе ему *.

Четырнадцатая сказка напоминаетъ циклъ Кифгейзерскихъ легендъ. Тутъ на спелѣ еврей, ведущій навьюченнаго мѣшками съ мукою осла и котораго девять старцевъ приглашаютъ въ пещеру рабби Симеона-бенъ-Иохан въ качествѣ «десятаго» при ихъ вечерней молитвѣ, такъ какъ для полноты молитвы или богослуженія необходимо присутствіе десяти евреевъ. Въ награду за это старцы дѣлаютъ мучной мѣшокъ «десятаго» неистощимымъ, и такимъ образомъ онъ становится богатымъ человѣкомъ. Когда же по настоянію своихъ друзей онъ выдаетъ тайну своего посѣщенія пещеры, его немедленно постигаетъ смерть. Рейшеръ подробно рассказываетъ намъ, какъ онъ самъ былъ въ этой пещерѣ, тамъ совершилъ молитву и цѣловалъ стѣну. На обратномъ пути одна старая арабтянка рассказала ему вышеприведенную легенду. Въ pendant къ ней служитъ осьмая сказка: Евреи въ Хевровѣ были однажды, наканунѣ суднаго дня, въ большомъ затрудненіи, такъ какъ ихъ собралось всего девять человѣкъ. Вдругъ неожиданно появился бѣдный странникъ, который назвалъ себя Авраамомъ и, какъ десятый, помогъ имъ совершить богослуженіе. Но оказалось, что это былъ ни больше, не меньше, какъ праотецъ Авраамъ, ради ихъ оставившій свою могилу!

Въ высшей степени странно представляется среди этихъ легендъ и сказокъ пятнадцатая глава, заключающая въ себѣ подробное изложеніе событій въ Ливанѣ въ 1860 г. Кто не интересуется сказками, быть можетъ, прослушаетъ съ удовольствіемъ рассказъ еврея о борьбѣ между друзьями и моронитами. Онъ называетъ моронитовъ просто христіанами и вообще не дѣлаетъ, по видимому, никакого различія между разными христіанскими вѣроисповѣданіями.

---

* Сказку о поѣздкѣ на лѣвъ слышалъ въ Палестинѣ и Л. А. Франкль, пересказавшій ее въ Европѣ уже задолго до Рейшера подъ заглавіемъ: «Легенда Пустыни» (Jahrbuch für Israeliten. Wien. 1858).

Но за то онъ проводитъ рѣзкое отличіе между турками, друзьями (которыхъ на своемъ еврейскомъ языкѣ называетъ филистимлянами) и бедунами. Что о различныхъ еврейскихъ общинахъ онъ распространяется очень подробно — это понятно само собою.

М. Л.

БАЛТИЙСКІЕ ОЧЕРКИ *.

VI.

Извѣстный нѣмецкій писатель А. фонъ-Штерибергъ рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о пребываніи въ балтійскомъ краѣ“ (Erinnerungsbblätter) слѣдующій романтическій эпизодъ: „По прибытіи въ Гапсаль, мой братъ и я стали изслѣдовать развалины древняго мѣстнаго замка, бывшей резиденціи воинственныхъ средневѣковыхъ епископовъ и рыцарей, причемъ намъ удалось сдѣлать весьма странное и замѣчательное открытіе. Мы нашли въ одной стѣнѣ замурованную дверь и разбили ее. Войдя въ маленькую овальную комнату, мы увидѣли сидящій у дубоваго стола человѣческой скелетъ, на костяхъ котораго еще видны были остатки желѣзнаго панциря. По всей вѣроятности, этотъ несчастный за какое нибудь преступленіе былъ приговоренъ быть заживо замурованнымъ. Такіе случаи были нерѣдки въ тѣ варварскія времена. Я сѣлъ къ столу, прямо напротивъ этого молчаливаго обитателя келіи, который сидѣлъ здѣсь и мечталъ въ то время, какъ буря вѣковъ пролетѣла надъ его головою, какъ ураганъ времени сломалъ самыя крѣпкія стѣны“.

Это мѣсто изъ весьма интереснаго сочиненія знаменитаго нѣмецкаго писателя приходитъ мнѣ въ память, когда я вижу все еще существующіе здѣсь средневѣковые порядки. Окаменѣлые древніе обычаи и установленія напоминаютъ несчастнаго узника въ развалинахъ гапсальскаго замка. Отжившія свой вѣкъ привиллегіи, утратившія всякое значеніе прерогативы, находящіяся въ рѣзкомъ противорѣчій съ духомъ времени и его требованіями преимущества, вредящія жизненнымъ интересамъ льготы, подтачивающія народное благосостояніе феодальныя права—всѣ эти обломки от-

* Первые пять очерковъ были помѣщены въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода“ въ №№ 24—27.

даже инаго прошлаго, которые съ негодованіемъ давно бросили самые консервативные народы, не исключая кѣицевъ, сохранились еще въ нашихъ балтійскихъ окраинахъ и защищаются съ доходящею до самоотверженія энергіею, достойною гораздо лучшаго дѣла.

Съ этимъ скелетомъ, сохранившимъ остатки желѣзнаго панцыря на костяхъ, мнѣ приходится встрѣчаться здѣсь на каждомъ шагѣ, и нерѣдко я садился противъ этого грознаго призрака и спрашивалъ его: несчастный, что ты дѣлаешь на землѣ? Зачѣмъ ты продолжаешь свое пребываніе въ средѣ живыхъ людей, отравляешь ихъ радостное настоящее постояннымъ напоминаніемъ грустнаго прошлаго? Ты жилъ въ то блаженное время, когда благочестивые христіанскіе рыцари во имя Бога любви еще жарили несчастныхъ евреевъ, придумывали различные новые способы болѣе адскаго мученія: заставляли ихъ носить остроночныя высокія желтыя шляпы и желтый знакъ на спинѣ; дозволяли всѣмъ плевать евреямъ въ лицо; разрѣшали мальчишкамъ подставлять палку еврею и повелительно кричать ему: Spring, Jude, her! ограничивали кругъ дѣятельности этихъ несчастныхъ, грабили и убивали ихъ. Ты былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ ужасовъ отвратительнаго варварскаго, мрачнаго прошлаго и дерзавъ осквернять своимъ присутствіемъ болѣе свѣтлое культурное настоящее! Долой призракъ!

Но молчаливый скелетъ древнихъ привилегій и феодальныхъ льготъ только скалитъ зубы и не обращаетъ вниманія на заклинанія. Мертвый продолжаетъ жить въ средѣ живыхъ, не въ замурованной келіи, а на открытомъ воздухѣ, и на каждомъ шагѣ сталкиваешься съ этимъ отвратительнымъ привидѣніемъ.

Понятно, что этотъ призракъ отдаленнаго прошлаго не могъ не дѣйствовать также на положеніе евреевъ въ остзейскомъ краѣ. Пока устарѣвшія привилегіи, отжившія свой вѣкъ прерогативы пользовались здѣсь неограниченною властью, балтійскихъ евреевъ жилось ужасно плохо. Съ одной стороны, гордые бароны, съ другой—заносчивые бюргеры, да еще жадное купечество и невѣжественная чернь—словомъ, доставалось несчастнымъ евреямъ порядкомъ. Ихъ тѣснили и гнали, лишали всяческихъ правъ и такъ систематически держали въ черномъ тѣлѣ, что нельзя не удивляться, что вообще въ настоящее время здѣсь существуютъ еще потомки этихъ злосчастныхъ жертвъ, что племя Израиля здѣсь не совсѣмъ вымерло. Это по истинѣ грандіозное, достойное удивленія зрѣлище и жизнениость иудаизма обнаруживается тутъ въ полномъ блескѣ. Народъ, продолжающій

жить при такихъ условіяхъ, и не только жить, но и развиваться, призванъ къ чему нибудь лучшему.

Не касаясь здѣсь подробно исторіи балтійскихъ евреевъ (о чемъ я поговорю спеціально другой разъ), а могу только сказать, что съ подчиненіемъ балтійскихъ провинцій русскому владычеству участь евреевъ мало улучшилась, если вообще объ улучшеніи могла быть рѣчь. Въ капитуляціяхъ рыцарство выговорило себѣ не только сохраненіе старыхъ привилегій, но и присоединеніе новыхъ, да евреи и вообще не могли возложить большихъ надеждъ на замѣну шведскаго режима русскимъ. Петръ I былъ такъ восхищенъ пріобрѣтеніемъ Ревеля и Риги, благодаря которымъ онъ подвинулъ Россію къ морю и началъ задуманную имъ великую задачу прорубить окно въ Европу, что не много торговался со своими новыми подданными и даровалъ имъ даже такія льготы, которыя шли даже прямо въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами. Преемникамъ великаго царя многія изъ этихъ льготъ показались страшнымъ бременемъ (чѣмъ они были въ дѣйствительности), но отбѣнить ихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ, и борьба эта ведется уже около полутора ста лѣтъ и до сихъ поръ еще не окончена, хотя нельзя отрицать, что много сдѣлано за этотъ періодъ времени. Но съ другой стороны безспорно, что остается еще много дѣлать.

Завязалась борьба между русскимъ правительствомъ и балтійскимъ рыцарствомъ (преимущественно лифляндскимъ), которое ссылалось на дарованія имъ особыя права капитуляціи, какъ Шейлокъ ссылается на росписку, дающую ему право вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла своего кредитора. Напрасно говорятъ Шейлоку, что это невозможно: онъ стоитъ на своемъ. Тщетно убѣждаютъ рыцарей, что дарованныя имъ когда-то привилегіи не мирятся съ духомъ времени, съ культурою, даже съ гуманными ученіями христіанства; они слышатъ и знаютъ ничего не хотятъ. *A pound of flesh!*—твердитъ шекспировскій Шейлокъ. *Unsere Privilegien!*—твердятъ лифляндскіе рыцари...

Въ добавокъ, лица, явившіяся въ балтійскій край въ качествѣ пионеровъ новыхъ порядковъ, не всегда соответствовали высокой роли, которую они взялись разыгрывать, не сдѣлали эти порядки особенно симпатичными. Издающійся въ Ригѣ на русскомъ языкѣ органъ гласности также, повидимому, не понялъ своей задачи. Это единственная во всемъ краѣ русская газета оказалась зараженною юдофобіей, и нѣмцы злобно посмѣялись надъ

тѣмъ евреямъ, которые возложили столь большія надежды на торжество русской государственной идеи въ балтійской окраинѣ.

Но время шло. Положеніе евреевъ въ прошлое царствованіе нѣсколько улучшилось и тяготѣвшее надъ ними такъ долго феодальное иго было сброшено. Нѣмцы вынуждены были отступить отъ многихъ своихъ древнихъ привилегій и въ томъ числѣ отъ привилегіи считать еврея собакою. Еще задолго до знаменитаго отѣмнѣ изреченія г. нижегородскаго губернатора, признано было, что жидъ не собака, хотя „Рязскій Вѣстникъ“ и теперь еще нерѣдко забываетъ это основное правило.

Къ крайнему моему прискорбію, я долженъ здѣсь констатировать, что въ то время, какъ нѣмецкая печать балтійскихъ провинцій стала относиться къ евреямъ, если не съ особенно нѣжною любовью, то, по крайней мѣрѣ, прилично, единственная русская газета тамъ заражалась постепенно антисемитизмомъ, и въ то время, какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ остзейскихъ губерній не дѣлали почти никакого различія между христіанскими и еврейскими воспитанниками, въ русскихъ училищахъ, которыя начали тамъ учреждаться, духъ нетерпимости проявился, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро и въ довольно безобразной формѣ. И поэтому неудивительно, если нѣмцы злорадостно говорятъ евреямъ: „Вотъ порядки, отъ которыхъ вы ожидали столь многого, вотъ люди, на которыхъ вы возлагали такія радужныя надежды! Вы жаловались на насъ, были недовольны нашими порядками—вотъ теперь лучше!“

Надо сознаться, что въ этихъ словахъ нѣмцевъ заключается извѣстная, и даже очень большая, доля истины. Нельзя сказать, чтобы всѣ представители русской интеллигенціи въ балтійскомъ краѣ отличались тѣми качествами, которыхъ въ правѣ были бы, кажется, ожидать отъ нихъ. Рядомъ съ весьма просвѣщенными и гуманными людьми, встрѣчаются какія-то темныя личности, не дѣлающія чести русскому имени и попирающія національное знамя, которое они призваны высоко держать. Антисемитизмъ ихъ проявляется иногда въ очень рѣзкой формѣ, и именно тамъ, гдѣ это злосчастное, выдуманное нѣмцами, слово должно было бы, кажется, быть совершенно незнакомо, т. е. въ школахъ. Казалось бы, что племенная рознь и религіозная нетерпимость не должны были проникнуть въ эти расадники просвѣщенія и что сердца отроковъ должны быть тщательно предохраняемы отъ расовыхъ предубѣжденій. Но оказывается, что иногда Менторы не только не предохраняютъ вѣрнѣйшихъ ихъ поповенію Телемаковъ отъ этой заразы, лежащейся темными пятномъ на куль-

туру второй половины девятнадцатаго вѣка, но, напротивъ, сами усердно прививаютъ юныиъ уманъ заразные эпидемии...

Знаменитый французскій ученый Пастеръ открылъ средство прививать водобоязнь съ цѣлью предохраненія людей отъ ужасныхъ послѣдствій укушенія бѣшеною собакою. Нѣкоторые русскіе менторы дѣйствуютъ въ совершенно противоположномъ этой филантропической цѣли смыслѣ. Они прививаютъ своимъ питомцамъ бактеріи антисемитизма не съ цѣлью предохранить ихъ отъ заразы, но съ тѣмъ именно, чтобы вызвать эту болѣзнь въ организмѣ. Если-бы французскій ученый, заботящійся объ исцѣленіи физическихъ недуговъ человѣчества, достигъ своимъ новымъ открытіемъ такихъ же блестящихъ результатовъ, какихъ добились нѣкоторые русскіе педагога въ дѣлѣ отравленія умовъ юношества, то онъ могъ бы быть совершенно доволенъ.

Племенная рознь обнаруживаются въ средѣ учащагося юношества въ такой рѣзкой формѣ, что внушаетъ серьезныя опасенія за ближайшее будущее. Какowymi окажутся эти юноши, воспитанные въ такомъ духѣ, когда они вступятъ въ жизнь—легко догадаться. Какъ примѣнить зрѣлый мужъ всасываемыя имъ въ школѣ теоріи? — не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. И если этотъ мужъ займетъ выдающееся положеніе въ государственной іерархіи, если онъ будетъ пользоваться вліяніемъ, если отъ его взглядовъ на еврейскій вопросъ будетъ зависѣть рѣшеніе этого роковаго, проклятаго вопроса—тогда горе намъ! Рокковыя теоріи, проповѣдуемыя съ учительской кафедрой въ школахъ, будутъ уже считаться зрѣлыми плодомъ собственнаго опыта, и вопросъ нерѣдко будетъ рѣшенъ на основаніи этихъ пагубныхъ ученій, выслушанныхъ еще на школьной скамьѣ и принятыхъ съ дѣтскою наивностью за догматы вѣры.

Въ нѣмецкихъ школахъ балтійскаго края антисемитизмъ почти отсутствуетъ, проявляется лишь върѣдка, но и тогда въ облагороженной формѣ. Но за то юдофобія свирѣпствуетъ въ нѣкоторыхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учителя нерѣдко позволяютъ себѣ самыя возмутительныя выходки въ отношеніи къ своимъ еврейскимъ ученикамъ. Есть, конечно, русскіе учителя, отличающіеся гуманностью и терпимостью, но, къ несчастью, они въ меньшинствѣ.

Недавно происходилъ въ одномъ изъ русскихъ казенныхъ заведеній слѣдующій случай, надѣлавшій не мало шума. Въ числѣ окончившихъ курсъ учениковъ было и нѣсколько евреевъ, перетерпѣвшихъ много отъ одного изъ власть имущихъ въ школѣ, отличававшагося антисемитизмомъ и

не пропускавшаго случая, чтобы не уколоть еврейскихъ воспитанниковъ ихъ происхожденіемъ и вообще относившагося къ нимъ очень враждебно. Когда прочитанъ былъ списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ, то оказалось, что большинство ихъ не явилось, а присутствовали лишь нѣкоторые. Къ одному изъ нихъ, еврею, подошло вышеупомянутое лицо и, протянувъ ему руку, поздравило его съ окончаніемъ курса. Тотъ, болѣзненный юноша, нервный до нельзя, изнуренный продолжительнымъ экзаменомъ, а можетъ быть, и лишеніями (жизненный путь еврейскаго учащагося юношества рѣдко посыпанъ розами), счелъ это поздравленіе со стороны лица, всегда относившагося враждебно ко всему еврейству, за насмѣшку и отвернулся, не принявъ протянутой ему начальствомъ руки. Изъ-за этого инцидента заварилась каша, расхлебать которую пришлось несчастному еврейскому юношѣ.

Я готовъ допустить, что такое пренебреженіе къ начальству ни въ какомъ случаѣ одобрять нельзя, хотя въ данномъ случаѣ это можно извинить вышеприведенными причинами. Ученикъ былъ виноватъ, и оскорбленное имъ лицо имѣло право требовать его наказанія. Правда, черезъ полчаса несчастный юноша, постигшій значеніе своего поступка, а быть можетъ, и испугавшись послѣдствій, извинился предъ оскорбленнымъ имъ лицомъ, объясняя свое обращеніе сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ, и въ доказательство представилъ рецепты, прописанные ему врачомъ. Но „лицо“ не удовлетворилось этимъ извиненіемъ, и дѣлу данъ былъ надлежащій ходъ.

На происшедшемъ по поводу вышеупомянутаго прискорбнаго инцидента педагогическомъ совѣтѣ, „лицо“ прочитало нѣчто въ родѣ profession de foi, произнесъ антисемитскую аллюкцію въ духѣ Штеккера-и Оноди. Обобщая отдѣльный фактъ, лицо категорически заявило, что всѣ евреи унижаются и рабоблѣвствуютъ, пока чувствуютъ власть надъ собою, но становятся нахалами, какъ только сознаютъ, что не подчиняются болѣе этой власти, и пр. Словомъ, поступокъ одного еврейскаго мальчика послужилъ „лицу“ поводомъ къ крестовому походу противъ всѣхъ евреевъ.

Я не коснусь дальнѣйшаго хода этого въ высшей степени прискорбнаго дѣла. „Лицо“ пожелало мстить, жестоко мстить нарушившему школьную дисциплину воспитаннику, хотя нѣкоторые изъ членовъ совѣта, не одобряя поступка, полагали однако, что можно ограничиться легкимъ наказаніемъ; одинъ даже нашель, что тутъ никакого вообще проступка нѣтъ, такъ какъ молодой человѣкъ, наканунѣ кончившій курсъ, въ моментъ нанесенія оскорбленія не былъ уже болѣе воспитанникомъ заведенія и, слѣдовательно,

совѣтъ не въ правѣ судить его. Но я не буду говорить о томъ, что за дѣтскую шалость оскорбленный начальникъ хотѣлъ пресѣчь несчастному юношѣ всѣ пути къ дальнѣйшему развитію; что за моментъ нервнаго возбужденія желали заставить виновника поплатиться цѣлою жизнью лишеній. Не въ томъ дѣло. Оскорбленный былъ съ своей точки зрѣнія правъ, и очень можетъ быть, что школьная дисциплина требуетъ террора; не даромъ же нѣкоторые члены педагогическаго совѣта предлагали лишить провинившагося совсѣмъ аттестата, т. е. лишить его плода восьмилѣтняго труда, результата, добытаго необыкновенными усиліями и страшными лишеніями.

Но я возмущенъ тѣмъ, что оскорбленный воспользовался отдѣльнымъ случаемъ, чтобы втоптать въ грязь всѣхъ евреевъ, возвести на все еврейское юношество тяжкое обвиненіе. Чѣмъ же виновато все еврейство, все учащееся юношество, что одинъ изъ его среды провинился!.. И брошенное обвиненіе падеть, несомнѣнно, на благодарную почву и дастъ обильный урожай ненависти, гоненій и преслѣдованія. Это фактъ, достойный сожалѣнія.

Впрочемъ, не мѣшаетъ сообщить читателямъ и финалъ инцидента. Лицо потребовало, чтобы провинившемуся предъ нимъ воспитаннику поставили „тройку“ за поведеніе, чѣмъ закрывается доступъ въ высшія учебныя заведенія, гдѣ не принимаютъ съ такимъ „волчьимъ паспортомъ“, набрасывающимъ тѣнь на всю прошлую жизнь воспитанника. (Въ данномъ случаѣ означенный воспитанникъ во все время своего пребыванія въ школѣ имѣлъ пять за поведеніе, и одинъ необдуманнй поступокъ долженъ былъ какъ бы вычеркнуть всю его восьмилѣтнюю порядочность). Но высшая власть, на разсмотрѣніе которой поступило это дѣло, убѣдясь изъ протокола засѣданія педагогическаго совѣта, что не всѣ члены его смотрѣли такъ безжалостно строго на мальчишескую выходку, постановила: въ интересахъ школьной дисциплины оставить поступокъ совершенно безнаказаннымъ нельзя; но отрѣзать юношѣ всѣ пути къ дальнѣйшему образованію было бы непожѣрно строгимъ наказаніемъ, и поэтому ограничиться тѣмъ, чтобы замѣнить въ аттестатѣ пятерку за поведеніе—четверкою, вмѣсто «отлично» поставить «хорошо». Нельзя не сочувствовать такому справедливому приговору,

VII.

Civis romanum sum! Я римскій гражданинъ! говорилъ нѣкогда съ понятною гордостью римлянинъ, и такъ какъ Римъ господствовалъ тогда

чуть не надъ всѣмъ древнимъ міромъ, то званіе римскаго гражданина считалось дѣйствительно весьма почетнымъ и обладало такимъ магическимъ значеніемъ, такою волшебною силою, что счастливый владѣлецъ этого титула могъ, безъ всякихъ опасеній для своей жизни и имущества, такъ какъ онъ повсюду находился подъ могучимъ покровительствомъ римскаго орла, совершать поѣздки въ варварскія тогда Германію и Галлію, въ Африку и Азію.

Ich bin ein rigascher Bürger! Я рижскій гражданинъ! говорилъ съ не меньшею, если не большею гордостью рижанинъ феодальныхъ временъ, и дѣйствительно, права, которыя предоставили сами себѣ граждане города Риги, были до того обширны, до того выгодны и прибыльны, что они имѣли полное право гордиться ими. Въ рукахъ рижскихъ гражданъ была прежде сосредоточена вся внутренняя и внѣшняя торговля этого порта, пользовавшагося уже извѣстностью въ XIII столѣтіи, когда германскіе купцы, случайно забредшіе изъ Висби (въ Готландіи) къ устьямъ Двины, вступили въ торговныя сношенія съ ливонцами.

Чтобы сдѣлаться рижскимъ гражданиномъ требовалось представить доказательства, что кандидатъ на это высокое званіе — «свободнаго и честнаго происхожденія», что онъ изучилъ торговлю или какое нибудь ремесло, что онъ во все время своего пребыванія въ ученіи велъ себя безупречно честно, что онъ обладаетъ капиталомъ въ 500 талеровъ или, по крайней мѣрѣ, пользуется кредитомъ на такую же сумму.

Понятно, что евреи не могли выполнить ни одного изъ этихъ условій, такъ какъ на нихъ смотрѣли, какъ на существа низшей породы, на илотовъ, не могущихъ хвастаться «свободнымъ и честнымъ происхожденіемъ». Лишь въ 1842 году они добились этого права и то не вполне. Нѣмецкіе, рижане называются «Bürger und Brüder», чтобы этимъ званіемъ доказать, что всѣ они братья. Когда, уступая повелительнымъ требованіямъ времени и давленію свыше, рижане вынуждены были допустить въ свою гражданскую среду не только русскихъ и латышей, но, увы! даже евреевъ, то за этими, вновь поступающими членами, было признано только названіе «гражданина» (Bürger), но «братомъ» (Bruder) его не признали.

Положимъ, евреи не много потеряли отъ того, что ихъ такимъ образомъ лишили «брудершафта», точно такъ, какъ они только выиграли отъ того, что на основаніи устарѣлой, но, слава Богу, до сихъ поръ еще не отмѣненной привиллегіи, евреямъ запрещено содержать въ Ригѣ шинки, кабаки и портерныя. Я говорю «слава Богу», потому что, какъ извѣстно,

«щипокъ» служить исходною точкою постигавшихъ еврея въ юго-западномъ краѣ бѣдствій, и кабакъ былъ началомъ погрома. Еврейскій кабачникъ считается эксплуататоромъ, пьянкою и развратителемъ сельскаго населенія.

Жалательно было бы, конечно, чтобы еврей вовсе не промышлял ни водкою, ни проституціею. Пользованія дурными страстями чело-вѣчества для того, чтобы набить себѣ карманъ — ни въ какомъ случаѣ одобрить нельзя. Но что дѣлать, когда еврей, доведенные ограничительными законами до отчаянія, видя врёдь собой закрытыми почти всё пути къ честному добыванію себѣ куска хлѣба, бросились на такія занятія, которыми они, быть можетъ, сами сначала брезгали и которыми имъ теперь колоть глаза!

Слава Богу, что рижскіе еврей вынуждены были избрать себѣ болѣе приличныя занятія. Правда, имъ приходилось часто весьма жутко, но за то они были избавлены отъ развращающаго дѣйствія инварства, и ихъ по крайней мѣрѣ въ этомъ упрекать нельзя. Благодаря этому обстоятельству, въ Ригѣ и нѣтъ рѣчи объ еврейской эксплуатаціи; хотя нѣмцы очень не любятъ еврея, но тѣмъ не менѣе охотно съ нимъ имѣють дѣла. Еврей трезвъ, скромнѣе, утѣренѣе, воздержанѣе въ образѣ жизни, такъ что притязанія, предъявляемыя имъ къ жизни, гораздо меньше претензій нѣмца. Нѣмецъ любитъ пожить хорошо, поѣсть сладко, попить здорово, покурить много и поспать мягко. Еврей ограничивается малымъ и поэтому довольствуется гораздо меньшимъ барышомъ. Эта конкуренція еврея бѣситъ ремесленника и торговца, но буржуа очень доволенъ. Онъ дружескиотносится къ еврею, но готовъ возненавидѣть его, какъ только еврей стремится къ образованію. Все, что угодно, только не образованіе! — вотъ девизъ нѣмца въ отношеніи къ еврею.

Еврей въ длиннополомъ балахонѣ, съ роскошными пейсами и замасленною ермолкою, приходится по вкусу балтійскому нѣмцу, охотно вступающему съ нимъ въ близкія дѣловыя сношенія, имѣющія даже нѣсколько дружескій оттѣнокъ, точно также какъ хозяинъ ласково обходится со своею услужливою собакою, или плантаторъ южныхъ штатовъ Америки — съ негромъ, сумѣвшимъ заслужить его расположеніе, при чемъ однако никогда не забывается пропасть, отдѣляющая гордаго хозяина отъ низкаго раба, человѣка отъ собаки.

Съ евреемъ стараго закала нѣмецъ близко сходится; онъ смѣется надъ его отвратительнымъ жаргономъ, и при видѣ этого самоуниженія, этого жалкаго, сгорбленнаго въ почтительномъ молчаніи парія, браминъ чувству-

еть свое превесходство, захлебывается отъ восторга по поводу своей собственной культуры и даже благодаренъ еврею, доставившему ему случай сдѣлать такое выгодное для себя сравненіе.

Но горе образованному еврею, говорящему правильно на какомъ либо языкѣ, одѣтому по европейски; горе еврею, получившему высшее образованіе, если онъ будетъ нуждаться въ нѣмцѣхъ. Съ ними нѣмецъ будетъ суровъ, неприступенъ и заносчивъ, такъ какъ его не покидаетъ болѣзненное подозрѣніе, что дерзкій образованный еврей осмѣливается воображать, что онъ равный патрицію, что при случаѣ онъ даже предъявить права на это равенство, дерзнетъ сѣсть въ присутствіи барона и даже — о tempoга, о погес! — закурить при немъ сигару. Одна мысль о такой возможности, такой профанціи приводитъ нѣмца въ ярость, и вотъ почему онъ тщательно избѣгаетъ общества образованнаго еврея, а если этого уже избѣжать нельзя, то онъ обходится съ нимъ заносчиво, смотритъ на него съ высоты своей дворянской грамоты или кунеческаго сознанія и старается уничтожить въ зародышѣ всякую фамильярность.

А балтійскіе евреи нисколько не обижаются этимъ и льнутъ къ третьимъ лицамъ и ея *salaille* нѣмцамъ, лѣзутъ на нихъ балы, гдѣ еврейскіе дѣвицы и данъ, какъ бы красивы, изящны онѣ ни были, никто изъ христіанскихъ кавалеровъ танцовать не приглашаетъ, въ то время какъ христіанская дама или дѣвица уничтожаетъ своимъ взглядомъ еврейскаго кавалера, дерзающаго ее пригласить на кадрили.

На гуляньѣ въ паркѣ дуббельскаго акціонгауза, еврейскія дамы и дѣвицы нерѣдко становятся предметомъ насмѣшекъ со стороны публики. Въ особенности нѣмцы негодуютъ, если еврейскія женщины говорятъ по русски, французски или по англійски. Это ихъ коробитъ. «Отчего вы не говорите на вашемъ жаргонѣ?» слышится нерѣдко возгласы. Бывали даже случаи такого оскорбленія, что дѣло доходило до судебного разбирательства.

Надо однако сознаться, что балтійскіе евреи нерѣдко сами подаютъ поводъ къ презрительнымъ насмѣшкамъ. Дамы уже черезчуръ щеголяютъ своими роскошными туалетами, уже слишкомъ усердно выставляютъ на показъ свои драгоценности. Мужчины-евреи также не всегда ведутъ себя безупречно, что вообще непроситительно. Евреи находятся въ осадномъ положеніи и поэтому должны быть на-сторожѣ; они должны строго контролировать свои слова и дѣйствія и избѣгать всякаго повода къ столкновеніямъ. Самоуниженіе столь же предосудительно, какъ и самохвальство, но дерзость

вреднѣе покорности. И въ этомъ отношеніи здѣшніе евреи далеко не безупречны, и нѣмцы справедливо дѣлаютъ ихъ предметомъ насмѣшекъ.

Вотъ инцидентъ, случившійся при мнѣ. Недавно губернская власть сдѣлала распоряженіе взымать съ прибѣгающихъ на морскія кущанья гостей по 50 к. съ persons на содержаніе полиціи и еще на кое-какіе расходы. И вотъ одинъ состоятельный еврей пользуясь тѣмъ, что прислуга не подлежитъ оплатѣ сбора, выдалъ всѣхъ членовъ своего семейства — жену, сыновей и дочерей, племянниковъ и племянницъ, старуху тещу и старика отца, всего 17 человекъ — за ялицъ, состоящихъ у него въ услуженіи. Понятно, что въ полиціи раскусили этотъ гадкій фортель и побудили экономнаго еврея разжаловать большую часть своей мнимой прислуги. Нѣмцы не замедлили воспользоваться этимъ отдѣльнымъ фактомъ, чтобы поднять шумъ о еврейской скупости и жадности, о свойственномъ всѣмъ евреямъ корытолюбіи; «*Rigasche Zeitung*» подвигала эту исторію, и на сцену выступилъ «*das goldene Kalb*», вокругъ котораго предки дуббельскаго еврея танцовали въ пустынѣ и пр. и пр.

Быть можетъ и христіане продѣлывали подобную штуку, чтобы избѣжать уплаты лишняго полтинника (нѣмцы поклоняются золотому тельцу не хуже евреевъ въ аравійской пустынѣ и въ дуббельскомъ паркѣ), но никто объ этомъ не заговорилъ, а если заговорили бы, то посмѣялись бы, какъ надъ ловкимъ маневромъ, въ особенности если бы онъ удался. Но какъ только рѣчь зашла о евреѣ, то на сцену подсудимыхъ притянули чуть не весь еврейскій народъ и исчислили еврейскіе грѣхи чуть не со втораго дня сотворенія міра. Къ нашему несчастью это уже такъ принято, и споконъ вѣку уже установился какой-то фантастическій и фаталистическій наиудейскій брудершфатъ, такъ что всѣ евреи отвѣчаютъ за каждаго изъ нихъ. Поэтому евреи, въ виду такого исключительнаго, создавнаго поминаншей воли положенія, должны относиться очень строго къ себѣ и ни когда не упускать изъ виду, что за дѣйствія отдѣльнаго лица приходится нерѣдко отвѣчать всему народу.

Истина это въ особенности бросалась мнѣ въ глаза при посѣщеніи Риги, куда я часто отправлялся въ поискахъ за данными для составленія исторіи рижскихъ евреевъ со времени ихъ перваго появленія въ средѣ воинственныхъ ливонцевъ. Поиски мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ и я собралъ весьма цѣнный матеріалъ, съ которымъ, послѣ обработки, вскорѣ ознакомлю читателей «Восхода». Мнѣ стоило не мало труда добыть эти матеріалы, такъ какъ приходилось рыться въ старыхъ архивахъ и въ

масѣ стараго хлама отыскивать историческія жемчужины. Но за то трудъ будетъ очень интересенъ, такъ какъ онъ основывается на документальныхъ данныхъ, нивому неизвѣстныхъ и тѣмънѣхъ въ пыли архива.

Проходя мимо площади близъ Domkirche, я замѣтилъ весьма значительную толпу евреевъ, разбившуюся на многочисленныя группы, члены которыхъ галдѣли и жестикулировали со свойственными семитскому племени энергіею и экспрессіею. То были большею частью ортодоксальные евреи въ традиціоннои костюмѣ (какъ извѣстно, вовсе не національномъ, а позанистованномъ у поляковъ) и говорящіе на чистѣйшемъ бердичево-шкловскомъ нарѣчій. Собраніе это было очень шумное и многолюдное, и я узналъ, что это ни болѣе ни менѣе какъ «жидовская биржа», выходящаяся не на далекомъ разстояніи отъ монументальнаго зданія настоящей биржи.

На этой «жидовской биржѣ» собираются ежедневно въ извѣстныя часы—отъ 11 до 1 часа по полудни—еврейскіе торговцы и промышленники и, какъ мнѣ говорили, обдѣлываютъ иногда громадныя дѣла. Такъ какъ на общей биржѣ они не пользуются такою неограниченною свободою слова и дѣйствій, то и избрали себѣ это мѣсто, какъ наиболѣе центральное. Но жители окрестныхъ домовъ вовсе не были восхищены такою близостью еврейской биржи, благодаря которой утромъ на площади стоялъ настоящій содомъ, и они обратились къ полиціи съ просьбою очистить мѣсто отъ непрошенныхъ гостей. Но исполненіе этой задачи оказалось далеко не легкимъ. Полиція просила евреевъ разойтись, тѣ расходились и опять сходились. Изъ стали гнать—ничего не помогло. Искоренить еврейскую биржу оказалось невозможнымъ. Прекрасный Іосифъ, подружившись съ полицейскимъ фараономъ, иѣшалъ всякимъ дѣйствительнымъ энергическимъ иѣропріятіямъ. Но прекрасный Іосифъ умеръ или уѣхалъ въ Питеръ, воцарился новый поляцейскій фараонъ, никогда не слыхавшій о Іосифѣ и его услугахъ, оказанныхъ Египту, и онъ сразу положилъ конецъ многолѣтней упорной войнѣ между домовладѣльцами площади и еврейскою биржею. Городовымъ велѣно было брать за шиворотъ всякаго еврея на означенной площади. Для этихъ ниснихъ агентовъ святой Германдады началась тогда золотая эра, или скорѣе эра двугривенниковъ. Городовые брали за шиворотъ не только толпившихся на жидовской биржѣ евреевъ, не только жирно и безъ всякаго злого умысла проходившихъ по этой площади сыновъ Израиля, но даже хватали и таскали въ полицію семитовъ на другихъ улицахъ, лишь бы заработать лишніе двугривенные за освобожденіе плѣнныхъ. Евреи стонали и охали подъ этимъ терроромъ городовыхъ и ино-

жество двугривенниковъ было принесено въ жертву. Наконецъ терпѣнныя евреиъ лопнуло, и видъ веселыхъ и разжирѣвшихъ городскихъ, ослаблявшихся при видѣ еврея, промѣнялся на нѣкое впечатлѣніе, что они рѣшили положить конецъ этой эксплуатаціи и собраться въ закрытомъ помещении. Но такъ какъ добиться разрѣшенія на открытіе такой отдѣльной биржи не было никакой надежды, то стали собираться въ какомъ-то кабинетѣ для чтенія. Но и это не длилось долго. Ихъ опять прогнали. Тогда поручили бывшему служителю биржи (христіанину) открыть Bieghalle (портярную) специально для семитскихъ биржевиновъ. И тамъ они собираются ежедневно. Но такъ какъ долго пребывать въ закрытомъ заведеніи для подвижныхъ еврейскихъ торговцевъ невозможно, и такъ какъ для нихъ необходимо соприкосновеніе съ живыми улицъ, то они и выснаютъ на площадь, и полиція смотритъ на это снисходительно, сквозь пальцы. Вообще прежнія суровыя времена миновали. Теперь пребываніе евреевъ, права которыхъ—жить и умереть въѣ черты осѣдлости, подлежатъ еще сильному сомнѣнію, если они вообще существуютъ, не встрѣчаетъ болѣе затрудненій. Полиція сдѣлалась уступчивѣе и снисходительнѣе, и даже падкіе на двугривенные городовые какъ-то ласково всматриваютъ на евреевъ, которые стали теперь сидю. Однихъ осѣдлыхъ евреевъ считается въ Ригѣ 22,000, временно пребывающихъ столько же; при населеніи въ 180,000—это довольно значительный процентъ.

Рига, въ особенности московскій форштадтъ, имѣетъ дѣйствительно еврейскій характеръ. Вотъ нѣсколько наглядныхъ цифръ, убѣдительно говорящихъ о приростѣ населенія. Въ 1828 г., коробочный сборъ далъ 358 р. 65 к., въ 1829—1,765 р. 50 к.; нынѣ же откупщикъ коробочнаго сбора платитъ въ годъ 54,000 руб. Въ 1840 году считалось въ Ригѣ 583 евреевъ осѣдлыхъ (280 мужчинъ и 303 женщины); нынѣ ихъ болѣе 22,000.

Въ 1870 году рижскіе евреи выстроили синагогу, стоящую 72,000 руб. Это прекрасное зданіе въ стилѣ Renaissance, служащее дѣйствительнымъ украшеніемъ города. Три прекрасныхъ подъѣзда (изъ коихъ двое-боковыхъ, предназначенныхъ для женщинъ) ведутъ изъ окаяннаго роскошною зеленою двора во внутренность храма, поражающаго своею грандіозностью и величіемъ. Рядъ бѣлыхъ колоннъ поддерживаютъ предназначенные для женщинъ хоры. Кіотъ изъ рѣзнаго съ богатою поволотою дерева. Два громадныхъ серебряныхъ канделябра и изящный осьмирожковый подсвѣчникъ для зажиганія свѣчей въ Ханука. Сидѣніе и пиюитры

для молящихся изъ стараго дуба. Прекрасно разрисованныя стекла оконъ пропускаютъ въ обширную залу фантастическій свѣтъ и придаютъ синагогѣ характеръ чего-то таинственнаго, смѣшаннаго съ величественнымъ. По обѣимъ сторонамъ кіота въ стѣнѣ вдѣланы въ богатой золотой рамѣ памятные доски съ соответствующими изъ священнаго писанія цитатами. Это въ память скончавшагося въ Каирѣ доктора медицины Жана Шейносона, рижанина по происхожденію.

Я зналъ этого молодаго многообѣщавшаго ученаго. Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ и очень заинтересовался имъ. То былъ идеалистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и онъ никакъ не могъ ужиться въ прозаической средѣ Вѣлокаменной. Его тянуло въ германскіе университеты. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ онъ уже прежде слушалъ лекціи. По окончаніи курса онъ посвятилъ себя своей специальности со свойственною всѣмъ его дѣйствіямъ горячностью и любовью. Страданія легкаго вынудили его бросить родину и переселиться въ Египетъ. Климатъ Каира иногда чудотворно дѣйствуетъ на чахоточныхъ. Но увы! для молодаго ученаго было уже поздно.

Недалеко отъ описанной мною здѣсь синагоги находится другое, еще неоконченное зданіе, предназначенное служить модельею для проживающихъ или временно пребывающихъ въ Ригѣ бѣлорусскихъ евреевъ (geusische Juden, какъ ихъ съ пренебреженіемъ называютъ балтійскіе евреи, почему-то считающіе ихъ низшею расою), принадлежащихъ къ сектѣ хасидовъ. До сихъ поръ хасиды имѣли только свой «миньонъ», помѣщеніе до нельзя тѣсное и грязное и вовсе не соответствующее даже самымъ скромнымъ понятіямъ о храмѣ. Послѣ переговоровъ, длившихся много лѣтъ, пришли къ рѣшенію выстроить для хасидовъ приличную синагогу, и такъ какъ бѣлорусскіе евреи въ Ригѣ участвуютъ во многихъ расходахъ и налогахъ еврейской общины, то рижскій кагалъ нашелъ справедливымъ отпустить на постройку синагоги для хасидовъ, въ видѣ единовременнаго пособія—15,000 рублей. Остальная потребовавшаяся для сооруженія зданія сумма (около 25,000 р.) собрана была добровольною подпискою между самими хасидами.

Мошеляня эта очень красивое зданіе, нѣтъ нововведеніе, котораго не было въ прежнихъ хасидскихъ мошеляняхъ; а именно: отведено помѣщеніе для женщинъ на устроенныхъ для этой цѣли хорахъ. Хасиды, какъ первоклассные пуристы, не терпятъ присутствія женщинъ въ храмѣ. Я не знаю, вездѣ ли это такъ, но по крайней мѣрѣ въ Ригѣ въ мошелянѣ хасид-

довъ не было поощренія для женщинъ, такъ что прекрасный полъ секты хасидовъ вынужденъ былъ посѣщать синагогу миснагдовъ, чѣмъ многія хасидскія дамы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя достигли извѣстнаго возраста (т. е. перешедшія роковую грань, определенную Вальзакомъ въ своемъ знаменитомъ романѣ *La femme de quarante ans*), остались крайне недовольны, такъ какъ молиться въ обществѣ „еретическихъ“ супруговъ рижскихъ миснагдовъ казалось имъ профанаціею. Молодыя же женщины были отъ этого въ восторгѣ, такъ какъ посѣщеніе синагоги давало юнымъ кокетливымъ дочерямъ Бвы возможность блистать туалетомъ и учиться вкусу у своихъ, болѣе цивилизованныхъ балтійскихъ сестеръ. Будутъ ли онѣ рады устройству женскихъ хоровъ въ новой хасидистской модельнѣ—судить я не берусь.

Между рижскими миснагами и бѣлорусскими хасидами обнаруживается рознь, доходящая нерѣдко до открытой вражды. Рознь эта вызвана не религиозными догматами, ни нѣкоторымъ отличіемъ въ обрядности и молитвахъ, а другими мелкими причинами, не дѣлающими чести рижскимъ евреямъ. Балтійскіе евреи болѣею частью отличаются весьма трогательнымъ невѣжествомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся религиозной и бытовой стороны юдаизма. За весьма немногими исключеніями, они не знакомы ни съ еврейскою литературою, ни съ древне-еврейскимъ языкомъ и набожность ихъ выражается лишь въ соблюденіи чисто вѣшнихъ обрядовъ и правилъ кошерной кухни. Такое почти поголовное невѣжество объясняется отчасти бѣдностью большинства рижскихъ евреевъ, по крайней мѣрѣ въ прошломъ (хотя и настоящее въ этомъ отношеніи не представляется въ особенно отрадномъ видѣ), отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что рижскіе евреи были, такъ сказать, отрѣзаннымъ ломтемъ русскаго еврейства, съ которыми они не имѣли почти никакого соприкосновенія. Совершенно изолированные въ средѣ христіанско-германско-латышскаго населенія, они онѣмечились и мало заботились о сохраненіи связи съ традиціями великаго прошлаго. Тѣмъ не менѣе (или, быть можетъ, именно потому) они относятся съ высокоумнымъ пренебреженіемъ къ пріѣзжимъ бѣлорусскимъ евреямъ, сохранившимъ традиціонный костюмъ, носящимъ пейсы и говорящимъ на отвратительномъ жаргонѣ. Балтійскій еврей гордится тѣмъ, что онъ уже давно носитъ нѣмецкій сюртукъ, давно брѣветъ бороду, срѣззалъ пейсы и говоритъ на правильномъ нѣмецкомъ языкѣ, хотя эта правильность и вообще методъ произношенія оставляетъ желать еще очень многого.

Балтійскій еврей находить возможным смотрѣть свысока на бѣлорусскаго своего соплеменника, хотя тотъ несомнѣнно гораздо смысленнѣе и развитѣе. Если первый гордится привитою столѣтнею германскою культурою и то не Богъ вѣсть какой высокой пробы, то послѣдній въ правѣ былъ гораздо болѣе гордиться тысячелѣтнею еврейскою культурою, которая не чета ни нѣмецко-еврейской культурѣ, ни германско-латышской цивилизаціи Остзейскаго края. Бѣлорусскій еврей, изучившій талмудъ, во всякомъ случаѣ выше стоитъ въ культурномъ отношеніи балтійскаго еврея, читавшаго Шиллера. Какъ бы прекрасны и благозвучны ни были стихи великаго германскаго поэта, но несомнѣнно, что тезисъ нишны гораздо болѣе способенъ развить умъ, расширить кругозоръ, вызвать способность самостоятельнаго мышленія и самопознанія.

Положимъ, что балтійскій еврей приобрѣлъ нѣкоторый лоскъ паркетной цивилизаціи (и то не ахти какой), что онъ даже курить сигару въ субботу и иногда въ своемъ просвѣщеніи доходитъ до такого совершенства, что не сморщившись и безъ всякихъ угрызений совѣсти уплетаетъ котлетку изъ телянка, въ предсмертной своей агоніи не познакомившагося съ кошпирнымъ ножомъ привилегированнаго шохета. Положимъ, что балтійскій еврей посѣщаетъ театры и концерты и танцуетъ французскую кадрили и Polka tremblante съ прекрасною дѣвицею и что бѣлорусскій еврей, хасидъ, на все это неспособенъ, такъ какъ танцовать съ женщиною, будь она сама распрекрасная Елена или кипрская Елена въ натурѣ, ему кажется такою же профанаціею собственнаго достоинства, какъ курить въ субботу, или какъ скушать трэфную котлетку онъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ. Но все-таки балтійскій еврей не имѣетъ никакого основательнаго повода чваниться предъ евреемъ бѣлорусскимъ, хотя бы послѣдній и носилъ засаленную ермолку, тщательно завитые пейсы, длиннополый балахонъ, не всѣмъ расчесанную длинную бороду, туфли и бѣлье сомнительнаго достоинства, хотя бы онъ говорилъ на отвратительномъ жаргонѣ и не умѣлъ кокетничать съ кисейными барышнями. Въ бѣлорусскомъ еврейѣ кроется душевная сила, которою еврей балтійскій хвастаться не можетъ. Лучшіе изъ людей еврейства вышли изъ этой среды, а балтійскіе евреи пока, на сколько мнѣ извѣстно, не дали намъ ни одного выдающагося дѣятеля (за исключеніемъ нѣкоторыхъ медиковъ и юристовъ, впрочемъ, ничѣмъ особеннымъ не заявившихъ себя) ни въ общеевропейской, ни въ специально еврейской сферѣ наукъ.

Я допускаю, что виноваты въ томъ не люди, а обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ этотъ фактъ не оправдываетъ высокаго инѣнія, которое балтійскіе евреи имѣютъ о себѣ, а еще менѣе—того высокомѣрнаго пренебреженія, съ которымъ онъ взираетъ на своего бѣлорускаго соплеменника только потому, что тотъ не успѣлъ еще освоиться съ лоскомъ паркетной культуры.

P.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА.

АНГЛІЙСКІЕ МИССИОНЕРЫ.

I.

Еслибы возможно было найти какое нибудь примиреніе между іуданствомъ и христіанствомъ, то, по всей вѣроятности, англичане первые стали бы его проповѣдниками. И въ настоящее время, право, трудно съ положительностью сказать, что они больше читаютъ, что на нихъ сильнѣе и глубже вліяетъ—Ветхій или Новый Завѣтъ. Мало того, вѣроятно еще до сихъ поръ извѣстная ихъ часть полагаетъ, что англійскій народъ чисто израильскаго происхожденія, прямой потомокъ колѣна Еффраимова! По крайней мѣрѣ, въ 1844—45 гг. ежемѣсячный журналъ, издаваемый однимъ пасторомъ, Mr. John Wilson of Meltenham, и цѣлая литература защищали это на основаніи какихъ-то пророчествъ, и еще въ 1866 г. этотъ же г. Вильсонъ издавалъ подобный же журналъ «The Watchman of Ephraim» *.

* Мнѣ, можетъ быть, еще придется говорить объ этой курьезной претензіи англичанъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же я считаю излишнимъ и небезынтереснымъ просто привести заглавія нѣкоторыхъ относящихся сюда изданій. Самый журналъ носилъ такое длинное названіе: „The Time of the End, or prophetic witness recognizing the Israelitish origin of the English nation and advocating the premillennial coming of our Lord and resurrection of the saints, and their blessed reign over all nations“. Главное сочиненіе Вильсона — это: „The Book of inheritance; and witness of the Prophets respecting Ephraim, and the raising of Israel (London, 1846, 8°)“; затѣмъ остается указать на его другое сочиненіе: „Our Israelitich origin“ и на отвѣтъ Mr. Bickersteth: „Objections to, Our Israelitish origin“. Какъ видно, дѣло не обошлось безъ полемики. Вообще же этотъ въ высшей степени курьезный вопросъ объ израильскомъ происхожденіи англійскаго народа имѣетъ свою литературу и можетъ служить одной изъ лучшихъ характеристикъ извѣстной оригинальности англичанъ. Во всякомъ случаѣ, евреи не могутъ жаловаться на такое неожиданное и непрошенное родство.

Къ тому еще, если бы какой нибудь изъ нашихъ добрыхъ хасидовъ волею судьбы очутился въ церкви Salvation-Army, то онъ несомнѣнно нашелъ бы себѣ не мало товарищей по части усерднѣйшаго воздыманія глазъ къ самому небу, подирыгиванія и прочихъ столь же богоугодныхъ священнодѣйствій и—о, ужасъ!—можетъ быть, призналъ бы самого генерала Booth своимъ падикомъ.

Спасъ-ли бы онъ при такой перемѣнѣ свою скачущую душу или нѣтъ—на это, не имѣя рѣшительно никакихъ связей съ земнымъ міромъ, не могу даже приблизительно отвѣтить; во всякомъ случаѣ, произошло бы простое перемѣщеніе сумасброда, отъ чего англичане ничего бы не выиграли, такъ какъ они имѣютъ и своихъ въ достаточномъ числѣ.

Не слѣдуетъ однако обманываться этой внѣшностью, особенно еврею. При всемъ своемъ увлеченіи библіей, англичанинъ все-таки считаетъ, что евреи глубоко заблуждаются и грѣшатъ, не признавая Новаго Завѣта и пр. Его библейность только дѣлаетъ то, что ему въ высшей степени жаль, что народъ, избранный Богомъ для оповѣщенія міру духовной истины и игравшій такую великую и святую роль въ прошедшемъ, отказывается теперь отъ этой истины и, стало быть, коснѣетъ въ грѣхахъ. Англичанину поэтому очень сильно хочется обратить заблудшуюся божью коровку на путь истинный, и въ этомъ-то кроется главная причина той ревности, которую онъ проявляетъ, когда дѣло идетъ объ обращеніи евреевъ въ христіанство.

Затѣмъ онъ очень религиозенъ и обладаетъ довольно сильнымъ духомъ прозелитизма, хотя все это нисколько не мѣшаетъ ему быть замѣчательно практичнымъ. Какъ это въ немъ совмѣщается, какимъ образомъ тотъ же англичанинъ, который въ воскресенье поетъ псалмы и витаетъ, можно сказать, въ небесныхъ странствахъ, въ понедѣльникъ кричитъ и поетъ уже: «время — деньги; я—номеръ первый, все остальное—номеръ второй» — это другой вопросъ, и, признаюсь, не совсѣмъ объяснимый для меня. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, важно только то, что по отношенію къ прозелитизму и, собственно говоря, миссіонерству, практическій духъ англичанъ какъ нельзя болѣе вѣстенъ. Въ силу этой практичности и умѣнія пользоваться обстоятельствами, ан-

гліійскіе миссіонеры наиболѣе и наилучше успѣвають въ распространеніи христіанства.

Крѣпкій и упорный Джонъ Буль при томъ еще ужасно любитъ образовывать разнаго рода общества и ассоціаціи. Это даже его страсть, и она ведетъ его, съ одной стороны, къ удивительному сектанству и, съ другой — къ составленію обществъ всевозможныхъ названій и цѣлей. Онъ одинаково обязательно причисляетъ себя къ клубу, какъ къ какой нибудь изъ безсчетнаго числа маленькихъ чеплсъ (капеллы). Если онъ не пьетъ спиртныхъ напитковъ, то почти неизбѣжно состоитъ членомъ обширнаго здѣсь общества титотлеровъ; если онъ носитъ на себѣ или, правильнѣе, въ себѣ внушительное число фунтовъ жиру, то его уже не трудно будетъ найти въ обществѣ толстяковъ; если онъ любитель пѣнія, музыки, пгръ, спорта и пр., то онъ обязательно обрѣтается въ соотвѣтствующемъ обществѣ. Всѣ стороны человѣческой жизни, всякое общественное явленіе способны почти во всякое время вынуждать образованіе обществъ. Трудно сказать, сколько въ одномъ Лондонѣ имѣется такихъ обществъ разнообразнѣйшихъ наименованій—одно перечисленіе ихъ заняло бы, пожалуй, книгу; но еще труднѣе иностранцу представить себѣ, съ какою легкостью и по какимъ нерѣдко пустымъ и смѣшнымъ поводамъ англичане ихъ составляютъ (между прочимъ, здѣсь существуетъ такъ называемое «Зететическое общество», отрицающее вращеніе земли вокругъ солнца и пр.), и безъ преувеличенія можно утверждать, что, еслибы, на примѣръ, кому нибудь пришло въ голову проповѣдывать англичанамъ, чтобы они сидѣли непремѣнно на вѣнскихъ стульяхъ, то, того и гляди, черезъ нѣкоторое время появилось бы и подходящее общество.

Особенно же эта ревность англичанъ къ составленію клубовъ и обществъ проявляется въ религіозной сферѣ. Этотъ родъ обществъ обыкновенно очень богатъ и силенъ. Каждое изъ нихъ издаетъ брошюры на свой счетъ, содержитъ ораторовъ, созываетъ митинги и пр. (теперь наиболѣе дѣятельны сектанты Арміи Спасенія; въ одномъ Лондонѣ, кажется, ихъ до 60,000; въ короткое время они удивительно успѣли и теперь располагаютъ огромной движимой и недвижимой собственностью), словомъ, располагаетъ значительными денежными фондами. Но наиболѣе богаты и наибольш

шее число членовъ имѣютъ тѣ религіозныя общества, которыя преслѣдуютъ миссіонерскія цѣли. Это, впрочемъ, само по себѣ слѣдуетъ изъ всего только что сказаннаго.

Неудивительно поэтому, что знаменитое «Лондонское библейское общество» (British and Foreign Bible Society), основанное нѣсколькими лицами въ 1804 г., теперь распоряжается громаднымъ бюджетомъ и имѣетъ развѣтвленія и отдѣленія по всему земному шару *. Это, безспорно, одно изъ наиболѣе сильныхъ, если не самое сильное изъ частныхъ политическихъ или религіозныхъ обществъ міра. Оно теперь имѣетъ цѣлую армію миссіонеровъ и полумиссіонеровъ и, располагая огромными средствами, оказываетъ значительное вліяніе на нехристіанскій міръ. Но, помимо его, здѣсь существуетъ еще множество чисто миссіонерскихъ обществъ всякаго рода, которыя также очень богаты и усердно поддерживаются англичанами.

Полное и подробное изслѣдованіе всѣхъ этихъ миссіонерскихъ обществъ было бы очень интересно и поучительно, но оно, конечно, не можетъ найти мѣста въ еврейскомъ журналѣ. Въ своихъ письмахъ я только буду говорить о тѣхъ изъ англійскихъ миссіонерскихъ обществахъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ евреямъ. Это именно: «London Society for promoting Christianity among the Jews», «Mission to foreigners in London» и

---

* По послѣднему отчету, который я имѣлъ въ рукахъ (отчетъ 1854 г.), бюджетъ общества былъ такой: обыкновенный доходъ—125,666 ф. стерлинговъ, подписка въ пользу юбилейнаго фонда—60,507 ф. ст., на печатаніе милліона библій на китайскомъ языкѣ—30,485 ф. ст.; расходы были—119,257 ф. ст. Пожертвованія, кромѣ указанныхъ на юбилейный фондъ и китайскія библіи, дошли до 4,067 ф. ст.; наслѣдства—до 15,781 ф. ст. За одинъ этотъ годъ общество распространило 1.367,528 библій; общій же ихъ расходъ со времени основанія общества простирался до 27.938,681. Отдѣленій оно имѣло въ одной только Англій 3,815; митинговъ же въ Англій оно устроило за этотъ годъ 2,402. Въ настоящее время его средства, по всей вѣроятности, удвоились, если не утроились; но, во всякомъ случаѣ, какъ ничтоженъ кажется въ сравненіи съ этимъ «Всемирный еврейскій союзъ», о силѣ и значеніи котораго жидовы такъ много кричатъ! А вѣдъ этотъ союзъ имѣетъ гораздо болѣе обширное поле дѣятельности и самна широкія и разнообразныя цѣли. Гдѣ же эти столь хваленныя сплоченность и единодушіе евреевъ, гдѣ же ихъ пресловутыя богатства? По моему, все это находится у англичанъ.

затѣмъ вообще missionaries, по скольку они входятъ въ соприво-
сновеніе съ евреями, временно или постоянно.

Въ настоящемъ письмѣ, однако, я считаю нужнымъ погово-
рить объ одномъ лондонскомъ обществѣ, которое, повидимому,
не имѣло ничего общаго съ миссіонерствомъ и образовалось съ
чисто филантропической цѣлью. Это — «Ассоціація для заселенія
Сиріи (Syrian Colonisation Association)». Теперь, можетъ быть,
она уже не существуетъ, о чемъ нечего сожалѣть, но ея жертвы,
къ крайнему сожалѣнію, до сихъ поръ бѣдствуютъ на нездоровомъ
островѣ Кипрѣ и находятся въ безвыходномъ положеніи. Во всякомъ
случаѣ, какъ ея образованіе, такъ и ея образъ дѣй-
ствія за все время ея существованія представляютъ очень много
интереснаго для евреевъ и могутъ служить хорошей иллюстраціей
миссіонерскихъ хитростей и происковъ.

Она основана была въ 1882 г., во время достопамятныхъ ми-
тинговъ въ Меншенъ-Гаузѣ. Первые російскіе погромы произве-
ли, какъ извѣстно, очень сильное впечатлѣніе на спокойныхъ ан-
гличанъ, — уже слишкомъ рѣзко поражали они чувства цивилизо-
ванныхъ людей. Англичане поэтому очень желали помогать, по
мѣрѣ возможности, несчастнымъ и гонимымъ русскимъ евреямъ.
Послѣднихъ же къ этому времени было очень много въ Лондонѣ,
и они сильно бѣдствовали. Въ числѣ ихъ былъ нѣкій Фр., сынъ
одного раввина. Этотъ Фр. находился въ очень плачевномъ по-
ложеніи и сталъ ходить къ миссіонерамъ. Отъ нихъ онъ получилъ
рекомендацію къ миссіонеркѣ, г-жѣ Финнъ (по происхожденію,
она русская еврейка; ея мужъ былъ миссіонеромъ), которая и
предложила ему разузнать, согласны ли русскіе эмигранты по-
ѣхать въ Палестину на счетъ одного христіанскаго общества.

Никто изъ эмигрантовъ не зналъ, что Фр. вступилъ въ до-
вольно близкія сношенія съ миссіонерами, и ему тѣмъ болѣе до-
вѣряли, что онъ сынъ раввина и велъ себя очень набожно. Мно-
гіе поэтому записались въ число желающихъ ѣхать въ Палестину
и получали въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ по 3 шиллинга въ недѣлю.
Никакихъ особенныхъ обязательствъ имъ не ставили, миссі-
онеры и не являлись къ нимъ, такъ что они были очень
спокойны и довѣрчиво относились ко всему этому дѣлу, хотя
не знали, кто, собственно, заботится о нихъ и помогаетъ имъ.

За это время г-жа Финнъ усердно старалась образовать новое общество, что ей и удалось. Нѣсколько богатыхъ и въ религии ревностныхъ англичанъ стали его членами, и извѣстный лордъ Шефтсбери, общій президентъ миссіонерскихъ обществъ, сдѣлался его президентомъ *. Сама г-жа Финнъ исполняла должность секретари, а Фр. сдѣлался руководителемъ эмигрантовъ, и оба до сихъ поръ получаютъ свое опредѣленное жалованье, чѣмъ, собственно, теперь выражается вся дѣятельность общества.

Въ августѣ 1882 г. оно послало 40 еврейскихъ семействъ въ Сирію, именно въ мѣстечко Латакію, недалеко отъ Бейрута. Тамъ ихъ около года совершенно напрасно продержали. Землю можно было очень легко и дешево купить, но, повидимому, оно объ этомъ и не думало. Вся его дѣятельность ограничивалась выдачей пособій эмигрантамъ (сначала выдавали по 4 пенса въ день на душу, но потомъ, когда это оказалось слишкомъ недостаточнымъ, стали выдавать по 6 пенсовъ); но оно нисколько даже не пыталось пристроить и обезпечить беспомощныхъ эмигрантовъ.

Дѣло, однако, такъ не могло долго продолжаться, и вотъ ихъ переправляютъ на островъ Кипръ, гдѣ покровительство англійской королевы нисколько не спасаетъ ихъ отъ увеличенія болѣзней и смертности подъ вліяніемъ весьма нездоровыхъ климатическихъ условій. Здѣсь опять-таки можно было бы купить удобную и хорошую землю очень дешево, но общество предпочло обратиться къ помощи англійскаго правительства, хотя извѣстно было, что послѣднее не имѣетъ въ своемъ распоряженіи удобной для обработки земли. Правительство, дѣйствительно, и дало холмистую мѣстность въ 4,000 акровъ, изъ которыхъ около 50 акровъ были годны для обработки (это вполне было признано агентомъ общества, Mr. Londhorne). Къ тому еще недостаточно было воды. Три мѣсяца, однако, эмигранты работали, очищали землю отъ кустарниковъ и камней, искали воды, но это былъ напрасный

---

* Этотъ богатый лордъ извѣстенъ своею религіозною ревностію. Хотя онъ могъ бы быть паромъ, но отказался отъ политики, чтобы окончателно прятаться своимъ религіозно-филантропическимъ дѣламъ. Онъ всегда возвышалъ свой голосъ противъ преслѣдованій евреевъ и принималъ очень горячее участіе въ памятныхъ меншенъ-гаузскихъ митингахъ. Онъ и любитъ особенно обращать евреевъ въ христіанство.

трудъ: невозможно было устроить колонію на такой землѣ. Съ первыхъ же дней своего пребыванія на островѣ они не переставали жаловаться на негодность отведенной имъ земли для земледѣлія и скоро, когда неудачныя попытки еще болѣе убѣдили ихъ въ этомъ, они обратились съ просьбой къ лорду Шефтсбери—либо дать имъ новой земли, либо переправить ихъ на родину. Имъ даже не отвѣтили, и они въ началѣ настоящаго года еще болѣе рѣшительно повторили свою просьбу. На этотъ разъ имъ вмѣсто отвѣта поднесли жестокой ультиматумъ: или обрабатывать quand même данныя имъ горы, или убраться, куда имъ заблагоразсудится. Общество отказывалось признать справедливыя заявленія эмигрантовъ и требовало одного *подчиненія*, обѣщая за это чуть ли не безсрочно поддерживать ихъ. Когда же они, желая выйти изъ своей тягостной зависимости и не видя никакой цѣли въ вѣчныхъ подачкахъ, отказались отъ обработки данной имъ земли, то хладнокровные англичане прехладнокровнѣйшимъ манеромъ бросили ихъ на произволь судьбы, прекративъ выдачу пособій и отказавшись даже дать имъ возможность выѣхать изъ острова, гдѣ имъ нечего было дѣлать.

Несчастные эмигранты сразу оказались въ такомъ безвыходномъ и тягостномъ положеніи, что даже само правительство острова сочло нужнымъ явиться имъ на помощь; но оно выдавало имъ только по маленькому хлѣбцу въ день. Въ это-то время они обратились съ воззваніемъ къ евреямъ, умоляя своихъ единовѣрцевъ помочь имъ возвратиться на родину. Это воззваніе было напечатано въ «Jewish Chronicle», гдѣ еще раньше велась полемика между двумя возвратившимися въ Лондонъ кипрскими эмигрантами и г-жею Финнъ, и побудило лондонскихъ евреевъ вмѣшаться въ это крайне запутанное и темное дѣло. Представители здѣшной общины собрались, чтобы обсудить, чтѣ имъ остается тутъ дѣлать, но изъ нежеланія открыто выступить противъ миссіонеровъ и лорда Шефтсбери, рѣшенія ихъ не были преданы гласности. Надобно, однако, полагать, что они рѣшили вывезти на свои средства эмигрантовъ изъ Кипра. Дѣйствительно, многіе изъ послѣднихъ уже разѣхались, кто куда могъ и хотѣлъ (большинство уѣхало въ Россію), но еще до сихъ поръ на островѣ остается слишкомъ 100 душъ, которыя тѣмъ болѣе мучатся, что имъ просто

некуда дѣться. Г-нъ же Фр. все-таки тамъ еще остается и уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ жаловаться на скудость общества и миссіонеровъ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія этого своеобразнаго колонизаціоннаго общества и почти трехлѣтнихъ страданій и странствій несчастныхъ эмигрантовъ. По общему мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ ней, это общество было только хитрой затѣей миссіонеровъ. Иначе, впрочемъ, нельзя себѣ объяснить, какимъ образомъ богатые, практичные и привычные къ устройству колоній англичане безъ толку три года водили за носъ множество бѣдныхъ людей и позорно отступились отъ дѣла, за которое взялись. Что касается до лорда Шефтсбери и прочихъ благочестивыхъ филантроповъ, то они, конечно, желали помочь гонимымъ евреямъ, но, можетъ быть, не взялись-бы за трудное дѣло колонизаціи на Востокѣ, еслибы не надѣялись такимъ путемъ лучше удовлетворить своей религіозной ревности. Во всякомъ случаѣ, безспорно то, что тутъ и инициатива принадлежала миссіонерамъ, и все дѣло, собственно, велось ими, а для нихъ, очевидно, устройство колоній было только предлогомъ. Разъ они увидѣли, что ихъ планы обращенія не могутъ осуществиться, они должны были только стараться, какъ бы скорѣе и удобнѣе отвязаться отъ эмигрантовъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы они нашли удачную и ловкую развязку и благородно покончили со своей тонкой затѣей.

Но ихъ это очень мало можетъ трогать; они теперь, по всей вѣроятности, выдумываютъ кое-что другое, чтобы держать въ своихъ рукахъ нѣсколько несчастныхъ евреевъ, заманивая ихъ своей якобы безкорыстной благотворительностью. По крайней мѣрѣ, г-жа Финнъ, по инициативѣ которой и составилось «Общество для колонизаціи Сиріи», очень изобрѣтательна. Недавно она выкинула такую штуку. Въ Whitechapel стало извѣстно, что образовалось общество или имѣются спеціальныя фонды для вспомоществованія старымъ еврейкамъ. Въ Лондонѣ достаточно бѣдныхъ евреевъ и евреекъ, такъ что охотницъ нашлось немало, хотя извѣстно было, что раздаватели пособій—миссіонеры. Сначала все шло спокойно и хорошо. Первые недѣли однѣ старыя еврейки получали пособія, но мало по малу стали приходиться и молодыя, и вообще всѣхъ возрастовъ. Миссіонеры почти никому не отказы-

вали, не заикались о христіанствѣ и, словомъ, выжидали. Имъ прежде всего нужно было приучить толпу женщинъ довѣрчиво относиться къ нимъ и регулярно посѣщать ихъ миссіонерскій домъ. Черезъ нѣсколько недѣль, однако, еврейкамъ предложили оставаться въ домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ предъ выдачей пособій и что-нибудь шить, шить такъ себѣ, для развлеченія или для того, чтобы пособія не казались прямой милостыней. На слѣдующей недѣлѣ шитье стало уже почти обязательно, затѣмъ ненарокомъ появились миссіонеры и миссіонерки, начинались собесѣдованія, перешедшія скоро въ хитроумныя проповѣди, и, въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что евреекъ хотѣли было заставить падать на колѣни... Разумѣется, онѣ тогда подняли гвалтъ и разбѣжались; но, точно также разумѣется, миссіонеры нисколько не унываютъ: не въ первый разъ они напрасно тратятъ свой, невысокаго качества порохъ, а гордые сыны Альбіона достаточно оригинальны, чтобы дорого расплачиваться за всѣ свои благомерзости. Г-жѣ Финнъ, такъ тонко руководившей всею этою трагикомедіей, остается только сказать: гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, но этотъ случай, который я здѣсь только мимоходомъ привелъ, ясно показываетъ, до чего доходятъ гг. миссіонеры для достиженія своихъ божественныхъ цѣлей, и рельефно рисуетъ ихъ тактику. Она начинается и кончается возбужденіемъ личныхъ интересовъ, эгоизма бѣдныхъ и полуголодныхъ людей, и потому особенно опасна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи живутъ въ сильной нуждѣ, неустойчиво и разрознено. Если она вообще разлагаетъ людей и приводитъ какъ разъ къ результатамъ, совершенно обратнымъ чистой христіанской морали, то по отношенію къ миссіонерамъ для евреевъ, т. е. къ крещенымъ евреямъ, должно сказать, что она доводится ими до безобразія. Но объ этомъ мнѣ еще придется говорить въ слѣдующихъ письмахъ.

Теперь-же, обращаясь къ «Обществу для колонизаціи Сиріи», приходится только сказать, что миссіонеры тутъ такъ ловко работали свое дѣло и такъ мастерски скрыли концы, что обыкновенными средствами ихъ и найти трудно. Какія спеціальныя цѣли тутъ имѣлись въ виду, трудно опредѣлить, но присутствіе миссіонеровъ тутъ несомнѣнно, да оно и неизбѣжно во всѣхъ

дѣйствіяхъ англійскихъ благотворительныхъ обществъ въ пользу евреевъ. Особенно же это вѣрно относительно тѣхъ изъ этихъ обществъ, которыя имѣютъ какія нибудь цѣли и стремленія въ Палестинѣ, или вообще когда дѣло идетъ о Святой землѣ. Holy Land очень сильно занимаетъ и интересуется англичанина. Помимо общерелигіозныхъ причинъ, вопросъ тутъ имѣетъ свои собственныя, и очень свѣтскія. Это именно географическое положеніе Палестины между Средиземнымъ моремъ и Индіей. Англичанинъ сознаетъ, что при извѣстныхъ и весьма возможныхъ обстоятельствахъ протекторатъ надъ Палестиной, подобный тому, какой Англія имѣетъ надъ островомъ Кипромъ, можетъ оказаться ему въ высшей степени необходимымъ и полезнымъ для защиты Индіи, и потому онъ старается разными подходящими путями тамъ утвердиться и получать вліяніе *.

Считая самыми главными и существенными изъ этихъ путей миссіонерство и филантропію въ Палестинѣ, англичане образуютъ разныя общества, мужскія и женскія, и тратятъ огромныя деньги на миссіонерскія предпріятія. Успѣваютъ ли они тутъ или нѣтъ—это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ, спасители-миссіонеры только то и дѣлаютъ, что ищутъ евреевъ для «обращенія» и для полученія круглыхъ фунтовъ въ благодарность. Въ этомъ отношеніи заграничній хроникеръ «Восхода» совершенно правъ, указывая (см. № 19) на опасность со стороны миссіонеровъ для евреевъ, живущихъ въ Палестинѣ, и для колонизаціи въ частности. Опасность эта выражается не въ томъ, что они могутъ оврестить двухъ-трехъ бѣдняковъ въ теченіи года, а въ томъ, что они могутъ страшно *мшатъ* правильному развитію еврейскаго элемента въ Палестинѣ. Обладая обширными матеріальными средствами и

* Это сознаніе проявляется во всѣхъ книгахъ англичанъ, трактующихъ о современномъ состояніи Палестины. Авторъ прекраснаго сочиненія: «*Tent. Work in Palestine*», Mr. C. R. Conder, доказывая, что все зло современнаго положенія Святой земли происходитъ вслѣдствіе запустѣнія и главнымъ образомъ вслѣдствіе невозможнаго правительства, прямо и говоритъ, что только европейцы могутъ тутъ помочь бѣдѣ и что именно англичане должны быть этими благодѣтелями. Не лишне еще замѣтить, что г. Кондеръ былъ начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія Палестины, посланной обществомъ «*Palestine Exploration Fund*» въ 1869 г., и что его книга—только сокращенное изложеніе общаго отчета экспедиціи.

чувствуя себя очень прочно и независимо подъ защитой англійскаго правительства, они имѣютъ тѣмъ болѣе легкую возможность поддерживать раздоры евреевъ и вносить разстройство въ еврейскую среду, что они сами изъ евреевъ и вообще знакомы съ условіями палестинской жизни. И очевидно, они не могутъ иначе дѣйствовать, такъ какъ ихъ прямая задача — какъ можно болѣе держать евреевъ въ изолированномъ и экономически зависящемъ положеніи. Они, впрочемъ, такъ и поступаютъ на самомъ дѣлѣ, гдѣ только представляется благоприятный случай.

Не думаю однако, чтобы они могли сильно вредить дѣлу колонизаціи Палестины, разумѣется, если послѣднее будетъ вестись сколько-нибудь правильно, по болѣе или менѣе опредѣленному плану. Но къ крайнему сожалѣнію, подобной правильности до сихъ поръ не было, да и наврядъ-ли она возможна въ будущемъ при чрезвычайной трудности самой такой колонизаціи и особенно при враждебныхъ отношеніяхъ къ ней большинства еврейскаго народа. Впрочемъ, никакой еврейской колонизаціи Палестины еще и не было, если не считать трехъ-четыреухъ колоній, существующихъ благодаря доброму желанію Ротшильда.

Во всякомъ случаѣ, еслибы всѣ трудности колонизаціи ограничивались однимъ противодѣйствіемъ миссіонеровъ, то намъ, преслѣдуемымъ и гонимымъ евреямъ, оставалось-бы только прыгать отъ радости и хлопать въ ладоши.

Къ глубокому несчастью, самая главная и рѣшительная тутъ трудность — это напрасное сопротивленіе самихъ евреевъ, сопротивленіе въ силу ли религиозныхъ вѣрованій, простой инерціи или уже слишкомъ мудрыхъ и тонкихъ политическихъ расчетовъ. Еслибы они проявляли хоть какую-нибудь рѣшимость и желаніе устраивать земледѣльческія колоніи въ Палестинѣ, то, не смотря на противодѣйствіе Турціи и пр. и что бы тамъ ни говорили, они бы навѣрно имѣли такія-же колоніи, какъ и вюртембергскіе піэтисты *: Палестина, въ самомъ дѣлѣ, не клиномъ сошлась. По

---

* Исторія нѣмецкихъ колоній въ Палестинѣ доказываетъ заразы, какъ трудно и тяжело ихъ тамъ устраивать и какъ опредѣленная воля можетъ все это въ два-три года пересилить. Изъ книги: «*Palestina als Ziel und Boden germanischer Auswanderung und Kolonisation*», гдѣ добродушный нѣмецъ признаетъ Палестину весьма лакомымъ кусочкомъ для фатерланда, мы узнаемъ, что пер-

общему признанію ученыхъ и серьезныхъ ея изслѣдователей, ея климатическія и вообще физическія условія не измѣнились съ того времени, когда она была обѣтованной землей Израиля:—она бы теперь была страной меда и млека, еслибы несчастное стеченіе историческихъ условій не превратило ее чуть-ли не въ пустыню. Побольше людей при сносомъ правительствѣ—и все это скоро станетъ такимъ же воспоминаніемъ, какъ и счастливая библейская Палестина.

Евреи же сами по себѣ могутъ оказаться такими-же хорошими колонистами въ Палестинѣ, какъ и въ Америкѣ, гдѣ, по общему признанію, они хорошо работаютъ и недурно устроились. Я думаю даже, что еслибы палестинскимъ колонистамъ и поселенцамъ оказывали такую же поддержку, какъ американскимъ, то результаты въ обоихъ случаяхъ получились бы одинаковыя. Но здѣсь, собственно, не мѣсто вдаваться въ разсужденія объ этомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ. Единственно, что я хочу выставить на видъ и что само по себѣ ясно—хотя это, къ сожалѣнію, обыкновенно забываютъ, — это то, что организованная и правильная колонизація Палестины — вопросъ совершенно самостоятельный, мирный, очень важный и благотворный по своимъ послѣдствіямъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ быть поддержанъ людьми безъ различія партій, даже такими, которые руками и ногами отрещиваются отъ политическаго палестинофильства.

Что-же касается до сирійско-випрскихъ эмигрантовъ, то ихъ полную неудачу ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать ни дѣйствительной трудности колонизировать востокъ, ни возваніямъ ни въ чемъ не повинныхъ тутъ горячихъ палестинцевъ. При тѣхъ усло-

---

вне поселенцы, посланные цѣлителями общества «Temple», умерли отъ болѣзней или возвратились обратно и что первая устроенная тѣмъ же обществомъ колонія скоро успѣла потому, что она раньше нѣсколько лѣтъ *приготовлялась и существовала недалеко отъ Штуттгарта* на подаренной ей принцемъ землѣ. Очевидно, что и евреи могли бы не хуже успѣть, еслибы они нигдѣ предварительно модель-колонію гдѣ нибудь въ Россіи или Германіи и отправлялись въ Палестину не поодиночкѣ, а группами. Но и этого не нужно, разъ уже существуетъ нѣсколько колоній въ самой Палестинѣ; единственно, что нужно теперь — это правильная поддержка толковыхъ и порядочныхъ колонистовъ. Много подробностей о нѣмецко-палестинскихъ колоніяхъ можно найти въ уже указанной превосходной книгѣ г. Кондера: «Tent Work in Palestine».

віяхъ, въ какія, какъ мы это видѣли, милостью миссіонеровъ были поставлены сорокъ несчастныхъ русско-еврейскихъ семействъ, искавшихъ спасенія и успокоенія въ Лондонѣ, навѣрно можно сказать, что никакіе нѣмцы и наилучшіе колонисты не могли бы тутъ успѣть. Пусть лучше евреи широко и правильно поддерживаютъ другъ друга, пусть они дѣйствительно такъ крѣпко сплотятся и единодушно дѣйствуютъ, какъ это имъ теперь приписываютъ новомодные и стародикіе жидоѣды,—тогда и Палестину возможно будетъ колонизировать, и они побѣдятъ всѣ настоящія и будущія трудности и препятствія, какъ немало побѣждали ихъ въ своемъ ужасномъ прошломъ, за весь безконечный періодъ своихъ двухтысячелѣтнихъ страданій и бѣдствій.... *

Лондонъ,
18-го іюля 1884 года.

Я. Ромбро.

---

* Становясь даже на точку зрѣнія нашего почтеннаго корреспондента, мы все таки не видимъ надобности тратить бесполезно силы и средства на колонизацію Палестины, въ то время, когда съ гораздо меньшими усиліями и гораздо меньшими средствами — которыхъ у русскихъ евреевъ вообще очень мало — и къ тому же, при свободномъ, а не деспотическомъ правительствѣ и не подвергаясь кознямъ, интригамъ и препятствіямъ миссіонеровъ, можно колонизировать Америку.

Ред.

Stanford University Libraries

3 6105 012 115 080

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 15 2000

APR 15 2000

